С. Н. ЮЖАКОВЪ.

СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

Изданіе пересмотрѣнное и дополненное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича Вас. Остр., 5 лин., 28.

1891.



1773

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая вниманію читателей книга эта составляетъ исправленное и дополненное изданіе „Соціологическихъ Этюдовъ“, появившихся въ журналѣ „Знаніе“ въ 1872—73 гг. Тогда они составляли четыре отдѣльныхъ essays, изъ которыхъ одинъ и нынѣ мною выдѣленъ и отнесенъ въ *Приложеніе* (какъ менѣе связанный съ другими по содержанію), а остальные три (Знаніе, 1872, № 12; 1873 г. №№ 1, 3 и 5) объединены въ одно цѣльное сочиненіе (сообразно первоначальному плану работы) и дополнены двумя новыми главами съ цѣлью многостороннѣе обозрѣть предметъ книги. Говорить о содержаніи своей книги, о цѣли и задачахъ работы я не стану. Она лежитъ передъ читателемъ и пусть сама за себя говоритъ. Съ цѣлью облегчить читателя, приложенъ алфавитный указатель (index содержанія и собственныхъ именъ). Въ концѣ книги указаны важнѣйшія замѣченныя опечатки, которыя полезно предварительно исправить (особенно на стр. 173).

С. Ю.

С.-Петербургъ,
29 Ноября, 1890 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе 1

Соціологическіе Этюды. Органическій прогрессъ въ его отношеніяхъ къ историческому прогрессу.

Глава I. Задачи соціологіи 1
Глава II. Строеніе общества и его отправленія 6
Глава III. Общественное развитіе и прогрессъ 18
Глава IV. Опредѣленіе общества 32
Глава V. Половой подборъ въ органическомъ прогрессѣ . . . 37
Глава VI. Дифференцованіе половъ въ органическомъ прогрессѣ. 46
Глава VII. Половой подборъ въ бракѣ 64
Глава VIII. Половой подборъ внѣ брака 82
Глава IX. Историческій подборъ и первобытныя общества . . 97
Глава X. Органическая наслѣдственность орудій борьбы . . 111
Глава XI. Борьба за существованіе и нравственность . . . 140
Глава XII. Борьба за существованіе и Мальтусовы прогрессіи.
1. Прогрессія снабженія 155
Глава XIII. Продолженіе: 2. Прогрессія потребностей 180
Глава XIV. Наслѣдственность и измѣнчивость въ историческомъ прогрессѣ 201
Глава XV. Роль физической среды въ исторіи 216

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Субъективный методъ въ соціологіи.

Глава I. Неповторяемость историческихъ явленій и относительность знанія 233
Глава II. Предвзятое мнѣніе и телеологія 248

Алфавитный указатель.

(Index).

1. Указатель содержанія 271
2. Указатель именъ собственныхъ личныхъ 275
3. Указатель именъ собственныхъ географическихъ 277
Важнѣйшія опечатки.

ГЛАВА I.

Задачи соціологіи.

> Si d'un côté, toute theorie positive doit nécessairement être fondée sur les observations, il est également sensible, d'un autre coté, que pour se livrer à l'observation, notre ésprit a besoin d'une théorie quelconque. Si en contemplant les phénomènes, nous ne les ratachions point immediatement à quelques principes, non seulement il nous serait impossible de combiner ces observations isolées, et par consequant d'en tirer aucun fruit, mais nous serions même entièrement incapables de les retenir, et le plus souvent les faits resteraient inaperçus sous nos yeux.
>
> *Auguste Comte* (C. de Phil. Pos.).

Первый вопросъ, который необходимо представляется соціологу, есть вопросъ опредѣленія предмета науки: Что такое общество? Каковы его строеніе и отправленія? Что имѣютъ это строеніе и эти отправленія общаго съ строеніями и процессами, проявляемыми другими формами сознаваемаго нами міра, или, говоря общепринятымъ языкомъ, другими предметами, существующими въ природѣ? Наконецъ, въ чемъ заключается его специфическое отличіе, характеризующее его, какъ особый родъ явленій и заставляющее насъ дѣлать его предметомъ особой науки? Точные, положительные отвѣты возможны только въ концѣ изслѣдованія, какъ результатъ согласованія общихъ принциповъ съ многоразличными наблюденіями и эмпирическими обобщеніями; но для возможности наблюденій и обобщеній,

для самой элементарной группировки фактовъ необходимы общіе принципы, необходима теорія, которая вначалѣ неизбѣжно должна явиться въ видѣ предварительной гипотезы. Дѣло дальнѣйшаго изслѣдованія подтвердить и доказать гипотезу, возвести ее на степень научной теоріи, или отвергнуть, усмотрѣвъ противорѣчіе съ фактами, и предложить новую. Задача предварительной гипотезы вовсе не въ томъ, чтобы дать объясненіе всему разнообразію явленій, къ которымъ она относится, а лишь въ томъ, чтобы, связавъ наивозможно большее число явленій, служить руководителемъ при дальнѣйшей ихъ группировкѣ; отрицательное условіе гипотезы — не находиться въ явномъ противорѣчіи ни съ однимъ научно-достовѣрнымъ фактомъ или частнымъ обобщеніемъ.

Только съ весьма недавняго времени общественная философія стала задавать себѣ рядъ выше формулированныхъ вопросовъ о мѣстѣ общества въ ряду другихъ явленій міра, объ опредѣленіи его сходства и отличія относительно другихъ изучаемыхъ нами формъ. Прежде обыкновенно составлялось опредѣленіе общества, будто ничего, кромѣ него, не существуетъ въ мірѣ, и оно витаетъ въ какой-то абстрактной пустотѣ, или, по крайней мѣрѣ, будто общество въ своемъ генезисѣ, въ послѣдующемъ развитіи и самомъ существованіи вполнѣ независимо, ни съ чѣмъ не связано. Конечно, это не утверждалось прямо мыслителями, трудившимися надъ обработкою соціальныхъ наукъ, часто даже наоборотъ, *à priori*, зависимость и соподчиненность признавались, но при изложеніи предмета вовсе не брались въ расчетъ, совершенно игнорировались. Иногда, въ томъ или другомъ частномъ случаѣ грозное и фатальное проявленіе этой соподчиненности заставляло обращаться къ ней соціологовъ, но изысканія ограничивались этими частными случаями. Такъ было обращено вниманіе на значеніе размноженія, дѣятеля біологическаго, и ограниченность средствъ жизни, условія физическаго; такъ было указано значеніе ограниченности нѣкоторыхъ полезныхъ силъ природы для возникновенія и развитія собственности.

Было изслѣдовано вліяніе климата, почвы; было даже обращено вниманіе на нѣкоторыя менѣе могучія и неотвратимыя проявленія подчиненности явленій общественныхъ законамъ другихъ порядковъ, напр., на послѣдствія кровосмѣшенія и мн. др. Вообще можно сказать, что настоятельность объясненія тѣхъ или другихъ общественныхъ явленій часто заставляла соціологовъ обращаться къ изслѣдованію тѣхъ или другихъ зависимостей явленій общественныхъ отъ явленій другихъ порядковъ, но, при этомъ, страннымъ образомъ игнорировался вопросъ о зависимости всей совокупности общественныхъ явленій отъ законовъ, управляющихъ явленіями несоціальными, объ отношеніи общества къ другимъ формамъ бытія. *Въ частности*, многія наиболѣе важныя соотношенія были прослѣжены, но *общее ихъ истолкованіе* не занимало соціологовъ; *въ частности* вліяніе того или другого условія, физическаго или органическаго дѣятели на общественное развитіе было указано и опредѣлено, но *общая связь* міра явленій соціальныхъ съ міромъ явленій органическихъ и физическихъ оставалась почти даже не затронутою, по крайней мѣрѣ, общепризнанною наукою. Появлялись иногда теоріи, стремившіяся восполнить этотъ недостатокъ, но онѣ оставались безъ вліянія на общій ходъ науки и совершенно пренебрегались учеными. Таковы отчасти были обобщенія Сен-Симона; важны они для исторіи науки особенно потому, что были непосредственными предшественниками Конта, но безотносительно гораздо болѣе замѣчательны были попытки Фурье. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ слишкомъ много обращали вниманія на его выводы изъ своей теоріи, игнорируя самую теорію, и все по причинѣ его предсказаній на ея основаніи лимонадныхъ морей, couronne boréale и пр.; не хотѣли замѣтить, что предположеніе новыхъ спеціальныхъ твореній въ будущемъ было ничѣмъ не ниже, по своей научности, и даже послѣдовательнѣе, чѣмъ предположеніе ихъ лишь въ прошедшемъ, какъ у Кювье, что мечты о *couronne boréale* были логическимъ выводомъ изъ господствовавшей тогда теоріи цѣлесообразности явленій природы

и, читая Фурье, вы не можете не признать, что разъ эта теорія признана, появленіе couronne borćale внѣ сомнѣній. Всѣ странности и нелѣпости философскаго міросозерцанія Фурье были странностями и нелѣпостями естественныхъ наукъ его времени, но за этимъ не хотѣли замѣтить неоспоримыхъ заслугъ Фурье. Онъ, между прочимъ, первый сдѣлалъ попытку подвести всѣ явленія міра подъ одну точку зрѣнія формулированіемъ закона, общаго всѣмъ явленіямъ и раскрытіемъ спеціальнаго развитія этого закона въ различнаго рода явленіяхъ. Нѣкоторая неудача объясняется печальнымъ состояніемъ физическихъ и особенно біологическихъ наукъ, но затѣмъ все же для соціолога остается много поучительнаго въ трудахъ Фурье. Кромѣ него, были и другія, не столь грандіозныя попытки, но всѣ онѣ игнорировались наукою и на развитіе знанія имѣли мало вліянія. Поэтому то все же съ Конта должны мы начинать новое направленіе обществознанія.

Включивъ соціологію въ свою схему позитивныхъ наукъ, помѣстивъ ее въ отдѣлѣ органической жизни и признавъ, что явленія каждаго болѣе частнаго отдѣла подчиняются законамъ болѣе общихъ отдѣловъ, Ог. Контъ показалъ, *во-первыхъ*, что все истинное относительно явленій, какъ неорганическихъ, такъ и органическихъ, истинно и относительно явленій соціальныхъ; *во-вторыхъ*, что общіе законы жизни, сопровождающіе жизнь повсюду, гдѣ она проявляется, вѣрны и въ приложеніи къ жизни общественной, и *въ третьихъ*, что законы физическіе и органическіе подвергаются, при своемъ проявленіи въ обществѣ, вліянію новаго ряда условій и дѣятелей, и потому эффекты ихъ имѣютъ особый специфическій характеръ. За провозглашеніе и установленіе этихъ истинъ, соціологія всегда останется благодарна своему великому основателю и, какъ бы ни измѣнились потомъ воззрѣнія на другіе соціологическіе выводы Конта, это научное включеніе общества въ великій міръ природы, изъ котораго до Конта оно было изъято, это установленіе общихъ принциповъ, по которымъ должны быть опредѣляемы сходства и различія общественнаго про-

цесса съ другими процессами природы, навсегда останется славою Конта, заслугою, дающею ему право на имя творца научной соціологіи. Степень развитія, на которой стояла біологія во времена Конта, не позволила ему самому сдѣлать достаточно широкихъ приложеній своихъ принциповъ; иначе, вѣроятно, мы не были бы свидѣтелями многихъ печальныхъ для науки заблужденій, которыя нерѣдко встрѣчаемъ у мыслителей, продолжавшихъ его дѣло.

Полное игнорированіе наукою до Конта соотношенія между обществомъ и другими явленіями, полное изолированіе общества, какъ предмета изученія, вызвало натурально реакцію, увлеченіе въ противоположную сторону, началось отождествленіе общественнаго процесса съ другими процессами природы, именно съ процессами жизни. Иногда отождествляютъ его съ той формой жизненнаго процесса, въ которой онъ проявляется въ индивидуальномъ развитіи, иногда же съ формой развитія коллективнаго. Въ первомъ случаѣ является уподобленіе общества организму и объясненіе законами физіологіи общественныхъ явленій; во второмъ случаѣ, не различается историческій прогрессъ отъ органическаго и условія, эффекты, процессы послѣдняго признаются, безъ всякой критики, вѣрными и необходимыми и относительно перваго. Оба рода заблужденій имѣютъ общій источникъ ошибки въ забвеніи истины, указанной Контомъ, что законы болѣе общихъ отдѣловъ въ своемъ проявленіи обусловлены въ обществѣ новымъ рядомъ вліяній, а потому, натурально, процессъ долженъ претерпѣть преобразованіе и отличаться отъ жизненнаго процесса, какъ по характеру, такъ и по эффектамъ. Кажется, ничто не указываетъ съ такою очевидностью громадной логической силы генія Конта, какъ установленіе этой истины, ограничивающей имъ же провозглашенную болѣе общую истину; такое сведеніе къ сравнительно небольшимъ предѣламъ компетентности закона, впервые открытаго самимъ мыслителемъ и притомъ въ то время, какъ все предыдущее развитіе науки фактически отрицало этотъ законъ, такое ограниченіе значенія плода собственнаго

творческаго генія является самымъ могучимъ свидѣтельствомъ необыкновенной логической послѣдовательности и рѣдкой ясности мышленія. Если послѣ Конта, такіе умы, какъ Дарвинъ, Спенсеръ, были увлечены общею реакціею противъ прежняго изолированія общественнаго процесса и болѣе или менѣе впали въ противуположную ошибку, то какъ высоко должны мы цѣнить мыслителя, который положилъ начало устраненію изолированія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отдалъ ясный отчетъ въ причинахъ этого явленія и указалъ значеніе обоихъ противуположныхъ, повидимому, но въ сущности лишь взаимно дополняющихъ принциповъ,— принципа компетентности біологическихъ законовъ въ предѣлахъ общественной жизни и принципа своеобразности общественнаго процесса. Будемъ же помнить оба эти принципа, рѣшая вопросъ: каковы общіе и отличительные признаки строенія и отправленія общественнаго цѣлаго? Каковъ специфическій характеръ общественнаго процесса?

ГЛАВА II.

Строеніе общества и его отправленія.

Основной, общій всему сущему признакъ — аггрегатное строеніе. Каждое тѣло есть аггрегатъ молекулъ; органическія тѣла представляютъ аггрегаціи клѣточекъ, а клѣточки суть аггрегаты еще болѣе мелкихъ единицъ (физіологическихъ единицъ по Спенсеру, зачатковъ по Дарвину, сложныхъ молекулъ у другихъ біологовъ), такъ что организмы являются аггрегатами аггрегатовъ; сами они служатъ единицами для новыхъ аггрегацій, или въ видѣ сложныхъ организмовъ, или въ видѣ колоній и обществъ, или въ видѣ племени, расы. Принципъ аггрегатнаго строенія проходитъ черезъ всѣ формы, нами сознаваемыя, и общество является только однимъ изъ звеньевъ въ длинной цѣпи аггрегацій, гдѣ всѣ аггрегаціи служатъ единицами

для болѣе и болѣе сложныхъ аггрегацій. Простыхъ, гипотетически недѣлимыхъ атомовъ мы не можемъ познать; мы только предполагаемъ ихъ существованіе для объясненія нѣкоторыхъ особенностей молекулярнаго развитія, но уже молекулы мы представляемъ, какъ аггрегаты.

Такимъ образомъ, эти единицы, столь дробныя, что мы и познать ихъ не въ состояніи, мы принуждены представлять себѣ не иначе, какъ аггрегатами; различныя комбинаціи атомовъ въ этихъ аггрегатахъ опредѣляютъ химическія отличія тѣлъ, а сила взаимной связи молекулъ — физическое состояніе. Молекулы, аггрегируясь, или употребляя выраженіе, принятое для этого процесса Спенсеромъ,—интегрируясь, образуютъ тѣла, нами познаваемыя, но это интегрированіе бываетъ двоякое. Иногда оно непосредственно, тогда различія тѣлъ обусловливаются только различіями по силѣ и способу интеграціи атомовъ—въ молекулы и молекулъ—въ тѣла; иногда же интегрированіе происходитъ, такъ сказать, въ два пріема, чрезъ посредство особыхъ молекулярныхъ аггрегацій (физіологическихъ единицъ, зачатковъ, и т. д. смотря по теоріи), и тогда отличія обусловливаются еще особыми свойствами этихъ посредствующсхъ аггрегацій. Втораго рода тѣла, аггрегированныя не прямо изъ молекулъ, суть тѣла органическія; но появленіемъ этихъ простыхъ организмовъ не останавливается процессъ аггрегированія. Простѣйшіе одноклѣточные организмы аггрегируются въ болѣе сложные, эти въ въ свою очередь, и такъ далѣе; при невозможности полной интеграціи въ болѣе сложный организмъ, происходитъ интеграція неполная—въ общество; при невозможности и этой сравнительно слабой интеграціи, отдѣльные организмы все же представляютъ единицы неопредѣленнаго аггрегата—вида, племени, расы. Продолжая далѣе, мы видимъ, что органическія и неорганическія тѣла аггрегированы въ небесныя тѣла, эти послѣднія—въ системы; далѣе наше изслѣдованіе не идетъ, но логика заставляетъ насъ представлять вселенную, какъ стройную аггрегацію системъ. Такимъ образомъ, оба конца цѣпи аггрегацій внѣ нашего

сознанія, но все, что заключается въ его предѣлахъ и даже все, что имъ необходимо предполагается—молекулы и вселенная — все представляется намъ аггрегаціями. Въ этомъ отношеніи, *общество* вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ теоріи: *оно есть тоже аггрегатъ*.

Изъ признанія этой общей истины слѣдуетъ, что будучи, подобно всѣмъ другимъ формамъ, находимымъ нами въ природѣ, аггрегатомъ, общество должно обладать всѣми тѣми признаками и свойствами, которыя неразрывно связаны съ аггрегатностью строенія; существованіе силы, связующей отдѣльныя единицы аггрегаціи въ одно цѣлое, является необходимымъ условіемъ всякаго аггрегатнаго строенія. Въ природѣ эта сила осуществляется въ формѣ той или другой комбинаціи элементарныхъ силъ природы, обобщенныхъ въ послѣднее время закономъ преобразованія силъ. Если, такимъ образомъ, та или другая комбинація элементарныхъ силъ обусловливаетъ ту или другую форму, способъ и степень аггрегаціи, обусловливаетъ, чрезъ это, всѣ различія, измѣненія и преобразованія, замѣчаемыя нами въ природѣ, то для опредѣленія общества должно было бы свести всѣ дѣятели, создающіе общественный процессъ, къ элементарнымъ силамъ природы (т.-е, различнымъ проявленіямъ физической энергіи) и указать, въ чемъ заключается особенность той комбинаціи этихъ силъ, которую мы называемъ обществомъ. Но такое опредѣленіе почти невозможно въ настоящее время уже потому, что простыя явленія жизни органической наука не успѣла еще окончательно свести къ элементарнымъ силамъ, не говоря уже о процессахъ психическихъ. Соціологія, поневолѣ, должна ограничиться сведеніемъ соціальнаго процесса къ дѣятелямъ настолько простымъ, что проще ихъ общественная жизнь не представляетъ, но и въ этихъ предѣлахъ она не вправѣ игнорировать общихъ законовъ, опредѣляющихъ силу взаимной связи единицъ всякаго аггрегата. Общіе законы интегрированія или дисинтегрированія, проявляющіеся во всѣхъ аггрегатахъ, должны быть общественнаго истинны и относительно аггрегата, потому что

они, какъ показалъ Спенсеръ, зависятъ просто отъ расходованія или накопленія энергіи, а не отъ или иной ея комбинаціи. Поэтому, хотя мы и не знаемъ той особой формы комбинаціи. въ которую слагаются элементарныя силы, образуя общество, но мы все же знаемъ, что именно онѣ его образуютъ, что сложные дѣятели, которые мы знаемъ и которые должны быть ихъ сочетаніемъ, расходуютъ и накопляютъ свою силу, сообразно чему должны расходоваться и накопляться и элементарныя силы, и что слѣдовательно, эти процессы должны имѣть тѣ же послѣдствія, т.-е. интеграцію, либо дисинтеграцію. Задача соціологіи опредѣлить, въ чемъ выражается эта интеграція или дисинтеграція общества? [1]) Итакъ, общество есть аггрегатъ, оно приводится и сохраняется въ состояніи аггрегатности особою комбинаціею элементарныхъ силъ природы; оно накопляетъ и тратитъ энергію и, сообразно этому, дисинтегрируется или интегрируется, — вотъ тѣ общіе законы, которыхъ компетентность мы должны распространить и на общество, потому что эти законы суть законы общеміровые, космическіе. Это — черты сходства со всѣми другими предметами, нами сознаваемыми; черты отличія начинаются уже признаніемъ общественныхъ явленій явленіями жизни.

Эти первыя черты отличія являются вмѣстѣ съ тѣмъ чертами сходства общества со всѣми аггрегатами живыми, органическими. Тотъ особый видъ аггрегаціи, который мы отличаемъ подъ именемъ органическихъ тѣлъ, какъ мы видѣли, ведетъ счетъ своимъ особенностямъ уже съ молекулярнаго строенія. Прежде чѣмъ интегрироваться въ тѣло, молекулы вступаютъ въ посредствующія аггрегаціи—физіологическія единицы по Спенсеру, зачатки по Дарвину; эти частицы заключаютъ въ себѣ такую комбинацію силъ, что, вступая въ соприкосновеніе съ извѣстнымъ неорганическимъ матеріаломъ, формуютъ его въ аггрегаціи по соб-

[1]) Въ позднѣйшихъ работахъ своихъ я попытался дать это истолкованіе. См. мой этюдъ „Нравственное начало въ общественной борьбѣ“ (*Сѣв. Вѣст.* 1888 г №№ 9 и 11). *Прим. 2-го изд.*

ственному типу. Эту особую комбинацію силъ, производящую такія свойства въ частицахъ, Спенсеръ называетъ органическою полярностью, потому что предполагаетъ, кромѣ того, за своими физіологическими единицами, смотря по строенію ихъ, стремленіе располагаться относительно другъ друга въ извѣстной формѣ и порядкѣ, сближая, такимъ образомъ, органическую полярность съ полярностью кристалловъ. Дарвинъ не идетъ такъ далеко въ своей гипотезѣ пангенезиса, но ему, задавшемуся объяснить только одну сторону жизненныхъ явленій, и не было надобности вводить въ свою теорію предположеній, необходимыхъ для объясненія жизни въ ея цѣломъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, несомнѣнно, что, благодаря особой, еще наукою не разложенной комбинаціи элементарныхъ силъ, живое тѣло обладаетъ способностью переработывать посторонній матеріалъ въ живую матерію: то производя новые живые аггрегаты, то увеличивая ростъ уже существующихъ, то замѣщая имъ трату частей. Эта постоянная трата частей составляетъ вторую отличительную черту живаго аггрегата; пока аггрегатъ живъ, онъ постоянно тратитъ матерію, возвращая ее неорганической природѣ, и постоянно возстановляетъ потерю, переработывая неорганическую матерію по своему образу и типу. Это постоянное возобновленіе состава живаго тѣла является причиною другаго, не менѣе общаго свойства, измѣняемости, способности приспособленія. Тратя постоянно интегрированное вещество и скомбинированную въ тѣлѣ энергію (въ видѣ теплоты, движенія и т. д.) и замѣняя ихъ веществомъ и энергіей, поглощаемыми извнѣ, живое тѣло находится въ полной зависимости отъ существованія вокругъ него, въ его средѣ, потребнаго вещества и силы и, естественно, измѣняется сообразно измѣненіямъ среды. Это свойство послужило Спенсеру для опредѣленія жизни, какъ постояннаго приспособленія внутреннихъ отношеній къ отношеніямъ внѣшнимъ; если помнить, что это свойство тѣсно связано съ процессомъ непрерывнаго обмѣна вещества и силы, то,

повидимому, опредѣленіе Спенсера будетъ самымъ удовлетворительнымъ изъ до сихъ поръ предложенныхъ [1]).

Основной процессъ жизни—постоянное уподобленіе, ассимиляція вещества и силы, постояное ихъ преобразованіе по образу и типу ассимилирующей формы. Этотъ процессъ выражается въ ростѣ, питаніи и размноженіи организмовъ, въ приспособленіи ихъ къ условіямъ внѣшнимъ, въ по-

---

[1]) Касательно специфическихъ отличій жизненнаго процесса, см. особенно у Спенсера „Основ. Біологіи“, т. I, часть I: „Данныя Біологіи“. Спенсеръ приводитъ тамъ много другихъ различій по строенію, но я пишу не біологическое изслѣдованіе и потому опускаю ихъ. Строеніемъ живыхъ тѣлъ Спенсеръ весьма удовлетворительно объясняетъ всѣ особенности жизненнаго процесса, но такъ какъ онъ самъ признаетъ отправленіе первичнымъ, а строеніе производнымъ, то остается вопросъ, чѣмъ обусловлено то основное отправленіе, которое, создавъ строеніе, вызвало всѣ остальные процессы? Тутъ-то является на помощь Спенсеру гипотеза физіологическихъ единицъ и ихъ полярность. Но что такое полярность? вѣдь это не новая же элементарная сила? На это теорія Спенсера отвѣта не даетъ; ясно, что жизненный процессъ не можетъ считаться объясненнымъ, пока эта полярность не разложена на элементарныя силы и не указана причина такой ихъ комбинаціи. Вотъ почему выше я сказалъ, что жизнь еще не сведена къ простымъ силамъ. Другія теоріи еще менѣе объясняютъ причину жизни; ни Дарвинъ въ своемъ пангенезисѣ, ни Гэккель не даютъ требуемаго объясненія. Гипотеза пангенезиса Дарвина („Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія“; т. II, гл. XXI) лучше спенсеровой объясняетъ многія частности процесса, но основнаго вопроса вовсе не касается. Зачатки для Дарвина суть даже просто мелкіе организмы. „Каждое живое существо, говоритъ онъ, слѣдуетъ разсматривать, какъ микрокосмъ, маленькій міръ, *образованный легіонами саморазмножающихся организмовъ, безконечно малыхъ и безчисленныхъ, какъ звѣзды небесныя*“. См. Ibidem, II, 435. Гэккель прекрасно развиваетъ идею постепенности перехода неорганическаго міра въ органическій и удачно группируетъ основныя отличія обоихъ міровъ, но истолкованія этихъ отличій не даетъ, такъ что гипотеза Спенсера является самою глубокою, но что и она не даетъ окончательнаго сведенія явленій жизни къ данной комбинаціи элементарныхъ силъ—это мы только что видѣли. *Прим. 1-го изд.*

Въ упомянутой уже статьѣ моей „Нравств. Начало“ я подробнѣе останавливаюсь на этомъ вопросѣ о сведеніи жизненной энергіи къ законамъ міровой энергіи, куда и отсылаю интересующихся вопросомъ. (*Прим. 2-го изд.*).

стоянномъ возобновленіи состава тѣла; въ этомъ же должны заключаться и отличительные признаки общества, какъ живаго тѣла. Общества постоянно поглощаютъ, ассимилируютъ особей и меньшія общества, которыя встрѣчаютъ; чрезъ посредство размноженія, онѣ ассимилируютъ неорганическое вещество и элементарныя силы природы; онѣ этого достигаютъ непосредственно, прямо ассимилируя неорганическое вещество и силы въ видѣ средствъ и орудій; *онѣ*, такимъ образомъ, *возобновляются*, *растутъ*, *приспособляются*. Общественный процессъ, слѣдовательно, является не только процессомъ интеграціи, или дисинтеграціи, подобно всѣмъ процессамъ природы, но также процессомъ постояннаго обмѣна вещества и силы и постояннаго приспособленія внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, подобно всѣмъ жизненнымъ процессамъ. Относительно строенія, должно сказать, что общество есть не только аггрегатъ, подобно всѣмъ формамъ бытія, но и притомъ аггрегатъ сложный, подобно всѣмъ живымъ аггрегатамъ, подразумѣвая подъ большею сложностію не прямое сложеніе изъ молекулъ. Относительно общества это положеніе еще безспорнѣе, чѣмъ относительно индивидуальныхъ организмовъ, по крайней мѣрѣ простѣйшихъ одноклѣточныхъ, вродѣ нѣкоторыхъ *Protozoa* и *Protophyta*.

Такихъ простыхъ организмовъ, слагающихся непосредственно изъ физіологическихъ единицъ (или зачатковъ, по Дарвину)—немного. Большинство организмовъ сложно и есть результатъ интеграціи болѣе простыхъ организмовъ. Процессъ этой интеграціи, въ общихъ чертахъ, слѣдующій: вслѣдствіе размноженія организмовъ появляется группа ихъ, имѣющая нѣкоторую постоянную связь, сначала большею частью только механическую, по причинѣ общаго тѣснаго мѣстопребыванія; затѣмъ, вслѣдствіе различія во вліяніи внѣшнихъ силъ на различныя части этого общества организмовъ, одни изъ нихъ развиваютъ преимущественно одни отправленія, другіе—иныя. Рядомъ съ этимъ процессомъ дифференцованія подвигается процессъ интегрированія, начинается сростаніе гомологичныхъ частей, получается

физическая связь; это облегчаетъ дальнѣйшее дифференцованіе, различные члены группы спеціализируютъ различныя отправленія, пока двойной процессъ интеграціи и дифференцованія не превратитъ организмы въ органы, а общество—въ особь. Этимъ путемъ интегрированія низшихъ организмовъ, при дифференцованіи ихъ отправленій, и произошли всѣ высшіе организмы. Общественность, какъ неполная интеграція, есть повсюду начало процесса, индивидуальность—его результатъ. Покамѣсть аггрегатъ представляетъ только общественную интеграцію, всѣ главныя физіологическія функціи отправляются всѣми его составными единицами, онѣ непосредственно питаются, возобновляются, растутъ, размножаются, приспособляются и т. д.; спеціализація дѣятельности не распространяется на эти основные жизненные процессы. Переходъ отъ общественной формы аггрегаціи къ индивидуальной происходитъ постепенно; его можно прослѣдить даже на существующихъ органическихъ формахъ; завершается же онъ окончательною потерею отдѣльными частями общихъ органическихъ отправленій и спеціализаціей каждою частью особой функціи. Но если переходъ отъ общественной аггрегаціи къ индивидуальной и весьма мало замѣтенъ, то на своихъ крайнихъ концахъ, отличія обѣихъ формъ весьма рѣзки. Въ организмѣ его составныя части, его органы, единицы аггрегата—лишены всей совокупности жизненныхъ отправленій, дифференцованы физіологически и интегрированы въ одно механически неразрывное цѣлое; разрушеніе этой связи прекращаетъ жизненный процессъ. Въ обществѣ, его слагаемыя, единицы аггрегата обладаютъ всею полнотою жизненныхъ отправленій, физіологически однородны и не связаны механически, распаденіе аггрегата не влечетъ прекращенія жизненнаго процесса въ его единицахъ. Дифференцованію въ обществѣ могутъ подвергнуться только процессы служебные, отправленія, служащія для жизни, но не сами жизненные процессы. Въ этомъ заключается разница между обществомъ и организмомъ: оба принадлежатъ къ категоріи живыхъ аггрегатовъ и,

какъ таковые, имѣютъ много общаго, отличающаго ихъ отъ аггрегатовъ неорганическихъ, но въ предѣлахъ явленій жизни они представляютъ скорѣе двѣ противуположности: въ одномъ—отправленія строго дифференцованныхъ частей служатъ развитію цѣлаго, отъ такого соподчиненія зависитъ возрастаніе и умноженіе жизни; въ другомъ, напротивъ, отправленія цѣлаго, распредѣленныя между его единицами, служатъ для развитія этихъ единицъ, составляютъ подготовительную ступень къ отправленіямъ, общимъ всѣмъ единицамъ, и, чѣмъ всесторонпѣе развивается общее всѣмъ частямъ, тѣмъ благопріятнѣе это для умноженія жизни. Общество и организмъ — это два полюса въ цѣпи живыхъ формъ. Переходъ отъ одной формы къ другой происходитъ незамѣтно тамъ, гдѣ оба типа не получили рѣзкой опредѣленности и достаточной сложности строенія и отправленій. Такъ, онъ у растеній совершается легче, чѣмъ у животныхъ, и процессъ поглощенія организмовъ все болѣе и болѣе сложными, кажется, не имѣетъ предѣла [1]). У низшихъ животныхъ Гербертъ Спенсеръ прослѣдилъ интеграцію до четвертой степени, хотя на этой степени она уже не бываетъ полною; у суставчатыхъ она прослѣжена имъ только до третьей и, наконецъ, у позвоночныхъ лишь до второй степени, такъ что эти наиболѣе сложные организмы слагаются непосредственно изъ клѣточекъ, которыя однѣ только являются посредниками между организмомъ и физіологическими единицами, никогда неимѣвшими индивидуальнаго бытія [2]). Такимъ образомъ, чѣмъ

[1]) *Гербертъ Спенсеръ „Основанія Біологіи“*, т. II, гл. 2-я и 3-я („Морфологическое сложеніе растеній“), §§ 180—189. Истолкованія явленій растительной жизни, изложенныя въ этихъ §§ представляютъ, быть можетъ, лучшее свидѣтельство въ пользу біологической теоріи Спенсера.

[2]) Ibidem, II, §§ 199—211. Аггрегаціи четвертой степени находитъ Спенсеръ только у *Molluscoida* (§ 203), третьей степени у *Coelenterata* (§ 202), *Molluscoida* (§ 204), *Annelolda* (§ 205); *Articulata* (§ 208). Наконецъ у позвоночныхъ и моллюсковъ онъ признаетъ только аггрегацію второй степени; о моллюскахъ, см. § 209, а о позвоночныхъ—§ 210 и особо гл. XV, той же части: „О формѣ позвоночныхъ скелетовъ“.

выше, сложнѣе и опредѣленнѣе органическій аггрегатъ, тѣмъ менѣе шансовъ имѣетъ общество этихъ аггрегатовъ развиться въ организмъ, пока наконецъ на высшихъ ступеняхъ жизни это не становится невозможностью, *non-sens*. Если оставимъ въ сторонѣ низшія формы и остановимся только на высшихъ, напр. человѣческомъ обществѣ и человѣческомъ организмѣ, то увидимъ бездну между этими двумя формами жизни и должны ихъ признать противуположными по самому направленію жизненнаго процесса, при нормальномъ развитіи аггрегатовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, припоминая переходныя формы и процессъ, которому обязаны высшіе организмы своимъ возникновеніемъ, мы признаемъ у названныхъ двухъ аггрегацій,—у общества и у сложнаго организма, — одинаковое происхожденіе. Всякій организмъ, за исключеніемъ немногихъ простѣйшихъ, былъ сначала обществомъ и только потомъ сталъ организмомъ. Такимъ образомъ наши аггрегаты—генетически однородны, функціонально — противуположны; оба принадлежатъ къ типу живыхъ аггрегатовъ. Изъ этого слѣдуетъ, *вопервыхъ*, что обѣимъ формамъ общи тѣ законы, которые сопровождаютъ жизнь вездѣ, гдѣ она ни проявляется, эти законы можно смѣло переносить изъ области біологической въ область соціологическую; *вовторыхъ*, что, такъ какъ генезисъ сложнаго организма и происхожденіе общества вначалѣ одинаковы, то исторія этого генезиса можетъ быть поучительна, указывая процессъ, которымъ общество, отклоняясь отъ свойственнаго ему типа аггрегаціи, преобразуются по другому типу. *Наконецъ*, такъ какъ функціонально типы противуположны, то дальнѣйшія аналогіи, какъ бы онѣ ни были заманчивы, не могутъ имѣть научнаго значенія [1]).

---

[1]) Весьма близки къ мыслямъ, изложеннымъ на послѣднихъ страницахъ, идеи, высказанныя Н. К. Михайловскимъ въ его статьѣ: „Что такое прогрессъ?“ (*Отеч. Зап. 1869 г.*) Особенно достойно вниманія то, что авторъ этой статьи весьма рѣзко выставляетъ противуположность значенія дифференцованія для процесса индивидуальной жизни и общественной; на этой противуположности, г. Михайловскій осно-

Этимъ мы отчасти уже опредѣлили отличія общественнаго аггрегата отъ цѣлаго разряда другихъ живыхъ аггрегатовъ, съ которыми въ послѣднее время многіе начали смѣшивать общество. Теоріи, отожествляющія организмъ и общество, процессъ общественной жизни и процессъ индивидуальнаго развитія, стали слишкомъ распространенны, чтобы ихъ можно было игнорировать. Но мы уже знаемъ, что оба процесса лишь настолько сходны, насколько оба проявляютъ основныя явленія жизни. Такимъ центральнымъ явленіемъ представляется возобновленіе живымъ тѣломъ вещества и силы; въ индивидуальной жизни оно выражается процессами питанія и выдѣленія, а въ случаѣ перевѣса перваго—ростомъ; въ коллективной жизни—явленіями рожденія и смерти, при перевѣсѣ перваго—размноженіемъ. Уже въ этихъ основныхъ жизненныхъ процессахъ, зависящихъ въ послѣднемъ счетѣ отъ одного органическаго закона (полярности физіологическихъ единицъ при неустойчивости органическихъ соединеній) уже здѣсь мы можемъ намѣтить зародыши различія обоихъ процессовъ. Въ коллективной жизни обновленіе вещества и силы производится исключеніемъ однихъ жизненныхъ процессовъ и возникновеніемъ новыхъ, подобныхъ, тогда какъ въ индивидуальномъ развитіи мы наблюдаемъ исключеніе и возникновеніе не самихъ жизненныхъ процессовъ, а только ихъ матеріала и элементовъ. Коллективная жизнь ростетъ, когда размножается число жизненныхъ процессовъ, а индивидуальная,—когда большее количество вещества и силы поглощено однимъ процессомъ. Не выходя изъ предѣловъ основныхъ жизненныхъ процессовъ, мы должны остановиться еще на одномъ различіи, особенно важномъ. Постоянное обновленіе вещества и силы, заимствуемыхъ изъ окружающей среды, какъ мы видѣли, ставитъ живыя тѣла въ зависимость отъ условій среды въ гораздо большей

ваетъ свое опроверженіе идей Спенсера о соціальномъ организмѣ и прогрессѣ. Какъ ни важна эта противуположность, но не надо забывать, что это—противуположность по эффектамъ, и ей должно быть присвоено истолкованіе въ противуположности причинъ, дѣятелей.

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

степени, чѣмъ тѣла неорганическія, и открываетъ широкое поле вліяніямъ среды; измѣненія, произведенныя этимъ путемъ, называются приспособленіемъ, которое, такимъ образомъ, тоже представляетъ процессъ, общій всему живому. Онъ можетъ совершаться двоякимъ путемъ: либо приспособленіемъ жизненнаго процесса внѣшнимъ вліяніямъ, либо, благодаря способности, развитой изъ такого приспособленія, приспособленіемъ условій среды къ потребностямъ жизни. Первый способъ (пассивное приспособленіе) въ индивидуальной жизни осуществляется усиленіемъ или ослабленіемъ отправленій, иногда появленіемъ новыхъ и прекращеніемъ другихъ; въ коллективной жизни онъ проявляется накопленіемъ вліяній, появленіемъ уклоненій при рожденіи и переживаніемъ приспособленнѣйшихъ. Уже тутъ мы можемъ указать довольно важное различіе, въ индивидуальной жизни *измѣняется процессъ*, въ коллективной—*одни процессы замѣняются другими*. Но несравненно важнѣе то обстоятельство, что самое возникновеніе и дальнѣйшее развитіе второго способа (активное приспособленіе) приводитъ жизнь въ равновѣсіе со средою, чрезъ воздѣйствіе жизни на среду, зависитъ отъ коллективнаго процесса; способность индивидуальной жизни приспособлять среду весьма ограничена.

Если коллективная жизнь принимаетъ первое направленіе, т.-е. болѣе измѣняется сама, чѣмъ измѣняетъ среду, то, при возможности интеграціи, общество стоитъ на пути развитія организма; различное вліяніе условій начнетъ дифференцованіе жизненныхъ отправленій, сосредоточивая въ однихъ единицахъ одни, въ другихъ другіе жизненные процессы. При второмъ направленіи, т.-е. при приспособленіи среды къ потребностямъ жизни, коллективное развитіе проявляетъ самостоятельный прогрессъ, не преобразующій, какъ въ первомъ случаѣ, общества въ организмъ. Если тутъ различныя условія и вызываютъ дифференцованіе отправленій общественнаго аггрегата, то это дифференцованіе распространяется не на жизненныя отправленія, но на отправленія, приспособляющія среду къ потребно-

стямъ жизни. Пока развитіе общественной жизни остается въ этихъ предѣлахъ, общественный процессъ не отклоняется къ процессу другого типа. Этимъ разсужденіемъ мы пришли, нетолько къ разграниченію процесса индивидуальной жизни и процесса соціальнаго, но и къ наиболѣе общему различію, характеризующему прогрессъ соціальный и прогрессъ органическій, коллективный. Теперь мы должны остановиться на этомъ различіи.

ГЛАВА III.

Общественное развитіе и прогрессъ.

Мы уже выше видѣли, что основной жизненный процессъ,—обмѣнъ вещества и силы, одинаково компетентенъ, какъ въ предѣлахъ индивидуальной, такъ и коллективной жизни. Въ первой онъ выражается питаніемъ и выдѣленіемъ, во второй рожденіемъ и смертью, и справедливо можетъ быть названъ обновленіемъ жизни, потому что, въ этомъ случаѣ, вещество и сила поглощаются или выдѣляются чрезъ порожденіе или прекращеніе отдѣльныхъ жизненныхъ процессовъ. Все, что связано съ этимъ великимъ фактомъ жизни, также справедливо относительно коллективной жизни; обновляться организмъ можетъ только чрезъ уподобленіе неорганическаго вещества и элементарныхъ силъ той формѣ и той комбинаціи, которая поглощаетъ ихъ; этому ассимилятивному процессу индивидуальной жизни соотвѣтствуетъ въ коллективной сила *наслѣдственности*, какъ росту соотвѣтствуетъ *размноженіе*. Въ индивидуальной жизни постоянное обновленіе состава является причиною *измѣнчивости* организма; болѣе полное обновленіе, совершающееся рожденіемъ и смертью, конечно, открываетъ еще болѣе широкое поле этому процессу. Въ породахъ раздѣльнополыхъ измѣнчивость вызывается, съ другой стороны, столкновеніемъ двухъ наслѣдственностей при *скрещиваніи*

Такимъ образомъ, явленія *наслѣдственности, размноженія, измѣнчивости, скрещиванія и болѣзненности,* какъ особаго вида измѣнчивости, должны мы признать для коллективной жизни основными жизненными процессами, простыми корольларіями процесса обновленія жизни; законы этихъ явленій суть основные біологическіе законы и компетентность ихъ распространяется на все поле жизни; гдѣ жизвь, тамъ и эти процеесы. Взаимодѣйствіемъ между ними и средою осуществляется прогрессъ жизни. Таковы простые дѣятели органическаго прогресса: вліяніе среды, размноженіе, наслѣдственность и т. д.; но при извѣстныхъ условіяхъ среды, они, сочетаясь, производятъ другихъ, такъ сказать, вторичныхъ органическихъ дѣятелей.

Среда имѣетъ только ограниченное количество матеріала, годнаго для преобразованія въ живую матерію, размноженіе же, т. е. порожденіе новыхъ жизневныхъ процессовъ, повидимому, неограниченно. Такимъ образомъ постоянно возникаетъ гораздо большее число жизненныхъ процессовъ, чѣмъ то, которое среда можетъ снабдить матеріаломъ (прокормить); отсюда неизбѣжность постоянной гибели извѣстнаго числа ихъ, превышающаго средства существованія. Жизненные процессы не одинаковы; благодаря законамъ измѣнчивости, всѣ они имѣютъ болѣе или менѣе сильныя отличія; нѣкоторыя изъ этихъ отличительныхъ качествъ облегчаютъ добычу потребнаго для продолженія жизни матеріала, и особи, обладающія ими, должны несомнѣнно пережить, лишенныя же этихъ благопріятныхъ для жизни особенностей должны погибнуть. Этимъ *переживаніемъ приспособленнѣйшихъ* разнообразная измѣнчивость получаетъ опредѣленное направленіе; всѣ измѣненія, не слѣдующія ему, погибаютъ, и жизнь измѣняется, постоянно болѣе и болѣе приспособляясь къ условіямъ среды. Наслѣдственность упрочиваетъ всѣ пережившія уклоненія. Такимъ образомъ, тутъ простыя дѣятели органическаго прогресса, — условія среды (ограниченность средствъ), размноженіе, измѣнчивость и наслѣд-

ственность, сочетаясь вмѣстѣ, производятъ сложнаго дѣятеля — *естественный подборъ*.

Измѣнчивость, упрочиваемая наслѣдственностью, направляется переживаніемъ приспособленнѣйшихъ въ борьбѣ за существованіе, такъ какъ часть организмовъ должна непремѣнно погибнуть, вслѣдствіе размноженія, превышающаго средства къ существованію. Значеніе естественнаго подбора въ органическомъ прогрессѣ первостепенно; преимущественно имъ направляется теченіе прогресса, тогда какъ проявленіе прямаго приспособленія, дѣятеля простого, сравнительно не велико.

Измѣнчивость, упрочиваемая наслѣдственностью, но направляемая уже не борьбою за существованіе, а *борьбою за спариванье*, порождаетъ другой сложный дѣятель органическаго прогресса — *подборъ половой*. Какъ борьба за существованіе вызывается перевѣсомъ потребности въ матеріалѣ надъ количествомъ его, которое можетъ доставить среда, такъ точно борьба за спариванье вызывается перевѣсомъ потребности спариванья у одного пола надъ числомъ особей другаго пола, готовыхъ къ спариванью; роль ограниченности средствъ существованія тутъ играетъ неравночисленность половъ, абсолютная или относительная, какъ въ случаяхъ полигаміи или неединовременнаго созрѣванія самокъ при постоянной готовности самцовъ Уже изъ этого видно, что половой подборъ — дѣятель, болѣе сложный, чѣмъ естественный. Размноженіе, ограниченность средствъ—вотъ возбудители естественнаго подбора, факты для біологіи конечные, элементарные; половой же подборъ вызывается половымъ инстинктомъ, абсолютною неравночисленностью половъ, полигамісй, неединовременнымъ созрѣваніемъ самокъ, фактами, которые сами по себѣ требуютъ сведенія къ простымъ біологическимъ началамъ. Во-вторыхъ, нужно замѣтить, что въ то время, какъ естественный подборъ является сочетаніемъ органическихъ дѣятелей и условій среды, половой подборъ представляетъ комбинацію однихъ органическихъ дѣятелей; отсюда меньшая его суровость, большая измѣняемость направленія, меньшая

прочность эффектовъ. Итакъ, коллективный жизненный процессъ представляетъ *во-первыхъ*, основные жизненные процессы обновленія жизни, размноженія, наслѣдственности, измѣнчивости, скрещиванья, болѣзненности, и *во-вторыхъ*, сложные процессы, продуктъ сочетанія основныхъ процессовъ между собою и съ вліяніями среды. Поступательное движеніе органическаго прогресса опредѣляется однимъ простымъ дѣятелемъ — прямымъ приспособленіемъ, опредѣленнымъ вліяніемъ среды, и двумя сложными, подборомъ естественнымъ и подборомъ половымъ. Таковъ, въ общихъ чертахъ, характеръ органическаго прогресса, т. е. процесса, когда коллективная жизнь является пассивною относительно среды, сама приспособляется, но не приспособляетъ среды къ потребностямъ жизни. Если, сохраняя такой характеръ процесса, коллективная жизнь интегрируется въ общество, то она имѣетъ наклонность продолжать интеграцію и можетъ изъ коллективнаго процесса преобразиться въ индивидуальный, спеціализируя жизненные процессы между различными единицами. Неопредѣленность той формы аггрегаціи, которую мы называемъ видомъ или племенемъ, не позволяетъ органическому прогрессуразвить процессъ перехода коллективной жизни въ индивидуальную въ главный процессъ развитія, но обусловливающее его дифференцованье все-таки находитъ широкое примѣненіе въ органическомъ прогрессѣ.

Коллективная жизнь, проявляясь въ аггрегаціи вида, представляетъ, конечно, минимумъ реальной связи, при которой еще можно назвать собраніе отдѣльныхъ тѣлъ аггрегатомъ. Такою связью особей вида является общее происхожденіе, одинаковость среды, половой инстинктъ и вытекающія изъ двухъ первыхъ условій — одинаковость строенія и отправленій и общность привычекъ и инстинктовъ. Тутъ процессъ развитія жизни осуществляется, какъ мы видѣли, приспособленіемъ отдѣльныхъ особей къ условіямъ среды и переживаніемъ приспособленнѣйшихъ. Общественная форма коллективной жизни, при нормальномъ развитіи, отличается отъ видовой, какъ по

степени интеграціи, такъ и по процессу. Основное отличіе процесса, какъ было уже указано, заключается въ томъ, что жизнь уже не является пассивнымъ матеріаломъ для дѣйствія среды, противупоставляя этому дѣйствію только силу наслѣдственности, т. е. вліянія прежней среды; напротивъ того, общественный процессъ, приспособляясь самъ къ условіямъ среды, въ то же время воздѣйствуетъ на нее активно, приспособляетъ ее къ потребностямъ жизни и тѣмъ ограничиваетъ ея значеніе въ прогрессѣ. Это приспособленіе достигается частью прямо преобразованіемъ физической среды, частью созданіемъ рядомъ съ нею новой среды, общественной, — богатства, орудій, науки, политическихъ учрежденій, однимъ словомъ, всего того, что мы обыкновенно соединяемъ подъ именемъ *культуры* и *цивилизаціи*. Созданіе этой новой среды для коллективной жизни, среды, которая отчасти замѣняетъ, отчасти ограничиваетъ и, во всякомъ случаѣ, преобразуетъ вліяніе физической среды, словомъ, развитіе культуры — вотъ отличительный признакъ общественной жизни отъ всякой другой формы коллективной жизни. Культура же является связующимъ элементомъ аггрегата, превращающимъ отвлеченную, такъ сказать, аггрегацію—племя—въ реальную—общество; своя собственная среда, на ряду съ общей всему живому физической средой, — вотъ особенность общества, и различія этой особой среды (культуры) обусловливаютъ различія обществъ. Конечно, основной процессъ жизни остается тѣмъ же и въ общественномъ процессѣ: возобновленіе вещества и силы, ростъ, наслѣдственность и т. д., продолжаютъ составлять отличительный признакъ общественной жизни. Создавая среду соціальную, общественная жизнь и ее подчиняетъ основному закону жизни; развитіе этой среды точно также представляетъ намъ постоянный процессъ обмѣна вещества и силы. Общественная жизнь постоянно перерабатываетъ матерію и элементарныя силы въ тѣ особыя комбинаціи, которыя проявляются въ культурѣ: въ предметы потребленія, въ орудія производства и защиты и т. д.; эти комбинаціи, потребляясь жизнью, по-

стоянно разлагаются, и общественный процессъ замѣняетъ ихъ новыми комбинаціями, удовлетворяющими тѣмъ же потребностямъ. Тоже относительно другихъ сторонъ культуры. Знаніе, столь важный элементъ культуры, есть продуктъ переработки общественнымъ процессомъ не элементарныхъ силъ природы, а тѣхъ сложныхъ ихъ комбинацій, которыя мы зовемъ психическими процессами, продуктъ переработки наблюденій, опытовъ, умозрѣній и т. д. Знаніе точно также постоянно обновляется; проявляясь только въ живыхъ особяхъ, оно умираетъ и нарождается вмѣстѣ съ ними. Смерть мыслителей и ученыхъ—вымираніе знанія, образованіе—его нарожденіе. Вслѣдствіе этого, естественно, мѣняется его количество и качество; каждый новый ученый или мыслитель, замѣняющій выбывшаго, знаетъ что-нибудь такое, чего его предшественникъ не зналъ и не знаетъ, что тотъ зналъ. При оскудѣніи образованія происходитъ вымираніе знанія чрезъ смерть ученыхъ, при недостаточномъ возмѣщеніи ихъ новыми. Это явленіе мы наблюдаемъ, напр., въ періодъ упадка классическаго міра. Но кромѣ этого постояннаго обновленія знанія съ обновленіемъ ученыхъ, даже разсматриваемое объективно, знаніе обновляется; исторія наукъ есть исторія исчезновенія однихъ мнѣній и замѣны ихъ другими.

Такимъ образомъ, основной жизненный процессъ сохраняетъ свои отличительные признаки и въ общественномъ процессѣ, который слагается изъ процессовъ, тѣсно связанныхъ и въ дѣйствительности нераздѣльныхъ: органическаго жизненнаго процесса и развитія культуры, соціальной среды. Третьимъ факторомъ является вліяніе среды физической. Органическій жизненный процессъ есть продуктъ физической дѣятельности среды; развитіе культуры есть продуктъ органическаго жизненнаго процесса, который, такимъ образомъ, съ одной стороны является эффектомъ, съ другой дѣятелемъ. Этотъ двойной его характеръ въ общественномъ процессѣ мы не должны забывать. Остановимся, хотя ненадолго, на каждой изъ трехъ категорій дѣятелей общественнаго прогресса: вліяніи физи-

ческой среды, проявленіи жизненной активности и собственно соціальныхъ дѣятеляхъ, чтобы лучше уяснить себѣ ихъ взаимную зависимость и роль каждой категоріи въ общественномъ процессѣ.

Мы видѣли выше, что въ органическомъ прогрессѣ надо различать дѣятелей простыхъ, необходимыя функціи основнаго жизненнаго процесса: наслѣдственность, размноженіе, измѣнчивость и др., и дѣятелей сложныхъ, представляющихъ сочетаніе нѣсколькихъ простыхъ процессовъ, естественный и половой подборы.

Компетентность перваго разряда органическихъ дѣятелей въ общественной жизни безусловна; нельзя того же сказать, безъ предварительнаго изслѣдованія, о второмъ разрядѣ. Будучи сочетаніемъ нѣсколькихъ дѣятелей, проявленіе ихъ зависитъ отъ присутствія условій, благопріятныхъ этому сочетанію. Если количество средствъ существованія будетъ меньше необходимаго при данной быстротѣ размноженія, если качества, которымъ обязаны особи, пережившія кризисъ, своею побѣдою, могутъ быть унаслѣдованы, то естественный подборъ проявитъ свое дѣйствіе; вопросъ въ томъ, осуществляются ли эти условія въ соціальной жизни? Если существуетъ абсолютная или относительная неравночисленность половъ, если побѣду въ борьбѣ за спариванье доставляютъ качества, органически наслѣдственныя, то половой подборъ будетъ имѣть мѣсто; вопросъ въ томъ, находимъ ли мы эти условія въ общественномъ процессѣ? Однимъ словомъ, относительно органическихъ дѣятелей должно сказать, что если первая ихъ группа—основные законы жизни—и безусловно распространяетъ свою компетентность на общественный прогрессъ, то значеніе и самое проявленіе второй группы нуждается въ спеціальной провѣркѣ. *A priori*, по крайней мѣрѣ, относительно естественнаго подбора можно замѣтить, что, такъ какъ онъ является главнымъ выраженіемъ процесса приспособленія коллективной жизни къ условіямъ среды и такъ какъ въ обществѣ этотъ процессъ, если и не совершенно, то въ значительной степени замѣняется процессомъ

приспособленія среды къ условіямъ жизни,—то едвали не должна сильно съузиться арена дѣятельности этого фактора.

Процессъ приспособленія среды къ условіямъ жизни чрезъ созданіе новой среды, частью парализующей, частью преобразующей вліяніе старой—это главный отличительный процессъ общественной жизни; этотъ *первичный* общественный процессъ составляетъ проявленіе активности живыхъ единицъ общественнаго аггрегата, потому что, какъ мы видѣли, процессъ коллективной жизни есть просто совокупность индивидуальныхъ процессовъ. Воздѣйствія соціальной среды (культуры), созданной дѣятельностью членовъ общества, будутъ для насъ *вторичными* соціальными дѣятелями. Если оставимъ пока въ сторонѣ измѣняющее вліяніе органическихъ дѣятелей и физической среды, то общественный процессъ намъ представится какъ двойной процессъ жизни, приспособляющей и приспособляющейся. Индивидуальные жизненные процессы, сочетаясь въ коллективный процессъ, дѣятельность личностей, сливаясь въ общественную, — производятъ общественную среду (культуру), и вслѣдъ затѣмъ, сами приспособляются къ условіямъ этой среды. Среда создается личностями, личности же являются, до извѣстной степени, продуктами этой среды; приспособляющій жизненный процессъ (т. е. дѣятельность личностей, создающая среду) обновляется, размножается, преобразуется согласно общимъ законамъ жизни; среда, постоянно создаваемая этимъ процессомъ и затѣмъ постоянно имъ потребляемая, обновляется, разростается и преобразуется, слѣдуя тѣмъ же законамъ. Но если съ этой стороны, она является продуктомъ жизненнаго процесса, то, съ другой она сама, разъ созданная, начинаетъ регулировать обновленіе, размноженіе и, въ особенности, преобразованіе жизненнаго процесса. Личности создаютъ общественныя условія и сами, въ свою очередь, являются отчасти продуктомъ этихъ условій.

Имѣя передъ собою статистическое обозрѣніе какого-либо государства, мы видимъ множество особыхъ тщательно подобранныхъ рубрикъ и графъ, по которымъ рас-

предѣляютъ статистики различныя общественныя явленія: естественное приращеніе, дѣйствительное приращеніе, браки, рождаемость, смертность, незаконныя рожденія, проституція, преступность вообще, преступность по родамъ и видамъ, производительность, торговля, грамотность и т. д.— все это различные порядки и роды общественныхъ явленій, но какъ они производятся? Возьмемъ для примѣра индивидуумъ *A* и прослѣдимъ его жизнь, хоть въ продолженіе одного года. Въ началѣ года онъ женился, въ продолженіе года судился, по поводу процесса обнародовалъ оправдательную брошюру, занимался сельскимъ хозяйствомъ и произвелъ *a* пудовъ хлѣба, *b* льну и пеньки, *c* шерсти, въ концѣ года переселился изъ одной провинціи въ другую. Вотъ краткій итогъ годовой дѣятельности нашей гипотетической личности; всякій согласится, что это итогъ дѣятельности громаднаго числа лицъ и что здѣсь нѣтъ ничего необыкновеннаго. Всѣ изложенныя событія произведены имъ однимъ, или въ совокупности съ другими людьми; всѣ имѣютъ общую причину въ проявленіи его личности, но всѣ въ таблицахъ статистики займутъ различныя мѣста. Женитьба попадетъ въ таблицу браковъ; судимость—въ таблицу нравственности; обнародованіе брошюры можетъ очутиться въ таблицѣ образованности; пшеница, ленъ, шерсть займутъ подобающее мѣсто въ графахъ производительности; переселеніе повліяетъ на таблицу дѣйствительнаго приращенія, но можетъ очутиться также въ одной изъ графъ экономическихъ явленій, если совершилось по какимъ-либо искусственнымъ путямъ сообщенія, напр. желѣзной дорогѣ. Всѣ эти явленія, какъ ни одинаковы и ни однородны по происхожденію, размѣстятся въ различные отдѣлы; различныя проявленія одной и той же единицы общественнаго аггрегата попадутъ въ различные роды и виды соціальныхъ явленій—экономическихъ, нравственныхъ, умственныхъ, демографическихъ. Чѣмъ же произведена дѣятельность *A*, приведшая къ столь разнообразнымъ результатамъ? Вопервыхъ, чѣмъ бы она въ послѣднемъ счетѣ ни была произведена, ближайшая, непосред-

ственная причина этихъ явленій—въ ней: всѣ они прошли чрезъ личную волю *А* и имѣютъ непосредственную причину однородную — личность *А* со всѣми ея психическими и физическими качествами. Вовторыхъ, что касается причинъ, создавшихъ эти психическія и физическія качества, то онѣ очень разнообразны и, конечно, не могутъ быть отнесены къ одному какому-либо роду явленій. Личность, наслѣдовавшая отъ своихъ родителей нѣкоторыя качества, пріобрѣвшая другія чрезъ воспитаніе и, наконецъ, переработавшая ихъ подъ вліяніемъ всѣхъ условій и событій ея жизни, — естественно можетъ почитаться созданною всею совокупностью явленій и условій настоящаго и предшествующихъ состояній среды. Такимъ образомъ, эти соображенія приводятъ насъ опять къ тому, что ходъ общественнаго процесса, въ общихъ чертахъ, слѣдующій: вся совокупность общественныхъ условій выработываетъ личность, единственный *активный* элементъ общества; извѣстная частная совокупность общественныхъ условій въ данный моментъ производитъ въ личности, этомъ продуктѣ всего предыдущаго состоянія среды, рядъ настроенностей и потребностей; эти настроенности и потребности, переходя въ дѣйствіе, порождаютъ рядъ общественныхъ явленій; дѣйствія всѣхъ личностей даннаго общества производятъ всю совокупность общественныхъ явленій слѣдующаго момента. Чрезъ посредство личностей, такимъ образомъ, одно общественное состояніе въ его цѣломъ производитъ другое, а вовсе не одно общественное явленіе производитъ другое независимо, изолированно отъ дѣйствія всѣхъ остальныхъ. Всякое явленіе общественное производится всѣми предшествующими, произведшими дѣятельность личностей, и чрезъ личностей же взаимно оказываетъ свое вліяніе на произведеніе всѣхъ послѣдующихъ. Рядъ общественныхъ условій образуетъ рядъ личностей, а дѣятельность послѣднихъ производитъ новый рядъ общественныхъ условій, и въ этомъ заключается характеристическое отличіе общественнаго процесса отъ органическаго. Здѣсь среда создается жизнью, а жизнь преобразуется подъ вліяніемъ

этой среды, будучи первоначально создана другою средою; въ органическомъ же прогрессѣ среда, создавшая жизнь, продолжаетъ и послѣ полновластно направлять ея дальнѣйшее развитіе. Итакъ, путемъ умозрѣнія изъ основныхъ законовъ, такъ же какъ путемъ независимаго анализа общественнаго процесса, мы приходимъ къ различенію въ немъ двухъ разрядовъ собственно соціальныхъ дѣятелей: личности, ихъ настроенности и дѣятельность—это *первичные* дѣятели (активная жизнь), они осуществляютъ тотъ процессъ приспособленія среды къ потребностямъ жизни, съ возникновеніемъ котораго выдѣляется общественная жизнь, какъ особая форма коллективной жизни вообще; второй разрядъ дѣятелей соціальныхъ является продуктомъ этого прспособляющаго процесса, это—созданная дѣятельностью личностей соціальная среда, ея вліянія и эффекты, это—дѣятели соціальные *вторичные*. Къ ихъ воздѣйствію на первичные дѣятели, а за тѣмъ и на процессы первоначально создавшіе ихъ, на дѣятели органическіе и вліянія фирической среды, мы и должны перейти сейчасъ.

Первичные дѣятели создаютъ среду, общественныя условія, т. е. знаніе, богатство, законодательство, религію, церковь, правительство, войско, администрацію, судъ, школу, торговлю, пути сообщенія, обычаи и многое др., что мы привыкли соединять подъ общимъ наименованіемъ культуры и цивилизаціи. Эти явленія, созданныя и постоянно обновляемыя дѣятельною волею и работою личностей, составляющихъ общество, сами, какъ выше сказано, воздѣйствуютъ на своихъ производителей двоякимъ путемъ, вліяя на нихъ самихъ непосредственно и дѣйствуя на процессы, которымъ они обязаны своимъ происхожденіемъ, на органическихъ и физическихъ дѣятелей [1]). Непосред-

[1]) Что именно въ такомъ взаимодѣйствіи личной дѣятельности и созданной ею среды выражается соціальный процессъ, давно уже признано для отдѣльныхъ явленій среды; такъ трудъ и капиталъ въ экономическомъ развитіи, критика мысли и традиціонная религія и наука—въ умственномъ, нравственное убѣжденіе и законодательство—въ политическомъ. Трудъ, критика мысли, нравственное убѣжденіе—

ственное воздѣйствіе выражается: *вопервыхъ*, вліяя на интенсивность энергіи, на напряженность активной воли, и *вовторыхъ*, установляя различныя отношенія между волею отдѣльныхъ личностей тѣмъ, что даетъ *властъ* въ ея различныхъ видахъ въ руки однихъ, лишая ея другихъ. Знаніе даетъ власть человѣку свѣдущему надъ невѣжественнымъ; религія и установленіе іерархіи даетъ власть духовенству надъ мірянами; богатство даетъ власть собственнику надъ пролетаріемъ. Войско даетъ власть правительству надъ народомъ и одному народу надъ другими; законодательство распредѣляетъ власть въ различныхъ степеняхъ между различными категоріями личностей. Власть же во всѣхъ ея видахъ заключается, повидимому, въ томъ, что воля личности, ею обладающей, въ общемъ итогѣ личныхъ воль, рѣшающемъ то или другое направленіе общественнаго развитія, значитъ болѣе воли личностей, лишенныхъ власти. Этою стороною своего вліянія вторичные соціальные дѣятели достигаютъ того, что значеніе для общественнаго процесса дѣятельности различныхъ личностей совершенно непропорціонально ихъ личной силѣ, энергіи, уму; оно опредѣляется болѣе соціальными условіями. Такимъ образомъ, сила, создающая соціальныя условія, сама почти всецѣло обусловлена этими условіями, такъ что вообще, не дѣлая грубой ошибки, на практикѣ можно разсматривать соціальныя условія, какъ продукты предыдущихъ соціальныхъ условій; но, теоретически, такое представленіе будетъ невѣрно, потому что, какъ бы ни была обусловлена соціальною средою дѣятельность личностей, все же она, и ни что другое, создаетъ эту среду. Теоретическая важность этой истины опредѣляется нетолько тѣмъ, что только ею связывается жизненный процессъ вообще съ процессомъ общественной жизни, но и по многимъ другимъ важнымъ послѣдствіямъ.

все это различныя названія личной дѣятельности, смотря по тому, на произведеніе какихъ явленій она направлена. Истина, на которой я настаиваю въ текстѣ, является, слѣдовательно, общимъ истолкованіемъ частныхъ истинъ, частью уже давно признанныхъ наукою.

Таково вліяніе вторичныхъ соціальныхъ дѣятелей на первичные, по этимъ преобразованіемъ ихъ проявленія не ограничивается роль вторичныхъ дѣятелей; они идутъ дальше и вліяютъ на самое происхожденіе первичныхъ дѣятелей, преобразуя теченіе коллективной органической жизни и парализуя или ограничивая вліяніе физической среды. Что касается дѣятелей органическихъ, то мы уже видѣли, что значеніе сложныхъ процессовъ, какъ подборы естественный и половой, далеко не безусловно въ соціальномъ прогрессѣ, что проявленіе ихъ зависитъ отъ условій, несвязанныхъ неразрывно съ общественнымъ процессомъ, и что апріорическія соображенія заставляютъ предполагать постоянное стѣсненіе поля ихъ дѣятельности. Простые органическіе дѣятели, конечно, сохраняютъ свое значеніе, но не надо забывать, что это—дѣятели, сами собою не производящіе прогресса. Наслѣдственность—дѣятель только консервативный, это, такъ сказать, отрицательный факторъ прогресса. Измѣнчивость же сводится, въ послѣднемъ счетѣ, на столкновеніе наслѣдственностей и на вліянія среды. Такимъ образомъ, за вытѣсненіемъ сложныхъ органическихъ дѣятелей, мы имѣемъ дѣло только съ этими вліяніями, съ опредѣленнымъ вліяніемъ внѣшнихъ услозій. Внѣшнія условія у насъ двоякаго рода: общественныя и физическія. Отношенія между соціальною и физическою средою и должны мы опредѣлить теперь. Общественная среда обязана своимъ происхожденіемъ процессу, приспособляющему условія существованія къ потребностямъ жизни; это сразу опредѣляетъ для насъ ихъ отношенія. Развитіе соціальной среды должно быть борьбою съ вліяніями физической среды и прогрессъ историческій долженъ быть побѣдою надъ этими вліяніями. Самый бѣглый обзоръ значенія физическихъ дѣятелей въ обществѣ подтвердитъ наше заключеніе.

Одно изъ самыхъ важныхъ значеній физическихъ дѣятелей въ органическомъ прогрессѣ есть порожденіе индивидуальной измѣнчивости; безъ нея невозможенъ былъ бы ни естественный, ни половой подборъ. Вліяніе это сохраняютъ физическіе дѣятели и въ соціальной жизни, но зна-

ченіе его для прогресса діаметрально противуположно, потому что оно является нетолько не главнымъ импульсомъ прогресса, но даже его задержкой, по крайней мѣрѣ, большею частію. Пересмотримъ главныхъ дѣятелей физической среды съ этой точки зрѣнія. Вліяніе *климата* на органическій прогрессъ громадно; не столь велико, но все же и не мало оно и въ соціальной жизни, но въ какомъ направленіи его дѣйствіе? Дифференцовать племена различныхъ территорій, хотя бы одного происхожденія и одной культуры, и ассимилировать жителей той же мѣстности, хотя бы весьма чуждыхъ по происхожденію и культурѣ,—вотъ его роль. Таково ли направленіе вліянія соціальной среды? Нѣтъ, оно стремится дифференцовать племена различныхъ культуръ, а въ сферѣ той же культуры—по роду занятій, и ассимилировать племена одной культуры, хотя бы живущія въ различныхъ мѣстахъ. Ясно, что теченія противуположны и взаимно исключаютъ другъ друга, но этого мало: доставляя отопленіе, жилище, освѣщеніе, развивая обмѣнъ произведеній разныхъ странъ, соціальная среда непосредственно ограничиваетъ рѣзкость климатическихъ различій. Тоже должно сказать и о *почвѣ*. Главное ея вліяніе выражается въ доставленіи *пищи, различной* для жителей различныхъ странъ, но обмѣнъ продуктовъ между странами, удобреніе, акклиматизація и проч. значительно сокращаютъ значеніе этихъ природныхъ различій. Кромѣ климата, почвы и пищи, Бокль признаетъ большое значеніе *за общимъ видомъ природы* на развитіе миѳическихъ воззрѣній, а, слѣдовательно, вообще на умственный прогрессъ, но распространеніе науки, для всѣхъ странъ одинаковой, все болѣе и болѣе ограничиваетъ значеніе и этого фактора. Впрочемъ, несомнѣнно, что соціальная среда, хотя и ограничиваетъ и нѣсколько преобразуетъ вліяніе перечисленныхъ физическихъ дѣятелей, но никогда не вытѣсняетъ ихъ совершенно, оставляя за ними прежде всего роль тормаза, который, вызывая измѣнчивость, противуположную измѣнчивости, вызываемой дѣятелями соціальной среды, болѣе или менѣе успѣшно парализуетъ вліяніе

послѣдней, а вовторыхъ, сохраня за ними и нѣкоторое положительное значеніе.

Второе важное вліяніе физической среды выражается ограниченностью средствъ существованія; ограниченность эта служитъ причиною естественнаго подбора, полагая предѣлъ размноженію. Въ органическомъ прогрессѣ этотъ предѣлъ есть грань, «юже не прейдеши», но въ общественной жизни дѣятели соціальные, рядомъ особыхъ процессовъ, расширяютъ этотъ предѣлъ. Здѣсь физическое условіе, ограниченность средствъ является условіемъ только отрицательнымъ; безъ него не понадобились бы противудѣйствующіе соціальные процессы, но причина проявленія этихъ процессовъ лежитъ не въ физическихъ условіяхъ. Съ другой стороны, надо помнить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда соціальные процессы не успѣютъ во время расширить предѣлъ, ограниченность средствъ вызываетъ усиленную смертность, наноситъ ущербъ общественной жизни; что даже, если предѣлъ размноженія во-время расширенъ, то трата силъ на эти спеціальные процессы есть тоже вычетъ изъ общаго капитала общественной жизни; словомъ, надо признать, въ этомъ случаѣ, за физическими дѣятелями значеніе задержки общественнаго развитія. Таковато роль физическихъ дѣятелей въ соціальномъ прогрессѣ: нѣкогда всемогущіе опредѣлители прогресса, они, въ развитой общественной жизни, сохраняютъ преимущественно значеніе задержки, тормаза развитія; прямое опредѣленное ихъ вліяніе никогда не можетъ быть совершенно вытѣснено, но сводится къ сравнительно небольшимъ размѣрамъ.

ГЛАВА IV.

Опредѣленіе общества

Теперь, послѣ пройденнаго нами пути, мы можемъ вернуться къ вопросамъ, съ которыхъ начали: что такое общество? что такое общественный процессъ? что они имѣютъ

общаго съ другими сознаваемыми нами формами и процессами? и что характеристичнаго, отличительнаго? На эти вопросы мы можемъ теперь отвѣтить: резюмируя все предыдущее изложеніе, мы можемъ дать сводъ тѣхъ сходствъ и отличій, которыя характеризируютъ общество въ ряду другихъ неорганическихъ и органическихъ тѣлъ сознаваемаго нами міра. Прежде всего, общество, подобно всѣмъ безъ исключенія тѣламъ, существующимъ въ природѣ (въ предѣлахъ нашего сознанія), отличается *агрегатностью строенія*, т.-е представляется собраніемъ матеріальныхъ единицъ (другихъ тѣлъ) и комбинаціей заключенной въ этихъ единицахъ энергіи. Эти единицы общественнаго аггрегата то умножаются, то сокращаются; эта энергія то накопляется, то растрачивается аггрегатомъ; сообразно этому, общество, подобно всѣмъ остальнымъ безъ исключенія тѣламъ, существующихъ въ природѣ, обнаруживаетъ *явленія интеграціи* (накопленіе матеріи при *относительной* тратѣ энергіи) и *дисинтеграціи* (накопленіе энергіи при относительной тратѣ матеріи). Эти отличительные признаки строенія и развитія, общіе тѣламъ органическимъ и неорганическимъ, одинаково присущіе молекуламъ, непознаваемымъ нами по ихъ дробности, и вселенной, недоступной познанію по ея необъятности, составляютъ равнымъ образомъ и отличительные признаки строенія, отправленій и развитія общества. Въ этомъ заключаются черты сходства, соединяющія общественныя тѣла со всѣми иными формами бытія. Черты отличія начинаются съ фактомъ распаденія тѣлъ и явленій природы на тѣла и явленія неорганическія и органическія. Общество принадлежитъ ко второму классу, или, какъ еще недавно было общепринято выражаться, царству природы.

Первый признакъ, отличающій органическія тѣла (общество въ томъ числѣ), представляется *сложно-аггрегатнымъ* строеніемъ. Эта сложность сопровождается такою отличительною комбинаціею энергіи, что элементарные процессы интеграціи и дисинтеграціи сливаются въ сложный процессъ *жизни*, процессъ, въ которомъ трата (дисинтеграція) и на-

копленіе (интеграція) вещества и энергіи, проявляясь непрерывно и непремѣнно, взаимно уравновѣшиваются въ видѣ постояннаго обмѣна, *постояннаго кругооборота матеріи и энергіи*. Въ этомъ заключается отличительная особенность *отправленій* органическаго тѣла (общества въ томъ числѣ), какъ въ сложности—отличительная особенность *строенія*, а въ приспособленіи—отличительная особенность *развитія*. Выше мы видѣли, какъ эта особенность развитія жизни (приспособленіе) обусловлена особенностями ея отправленій (обмѣномъ вещества и энергіи) и строенія (сложностью). Мы видѣли также, какъ эти явленія развитія жизни, сочетаясь съ вліяніемъ среды, образуютъ *прогрессъ*, который есть процессъ установленія равновѣсія между требованіями жизни (потребностями, вызываемыми непрерывнымъ и непремѣннымъ круговоротомъ матеріи и энергіи) и условіями среды. Сложность строенія; комбинація интеграціи и дисинтеграціи въ одинъ процессъ обмѣна вещества и энергіи; приспособленіе и прогрессъ,—таковы отличительные признаки, присущіе всѣмъ безъ исключенія живымъ тѣламъ и всѣмъ безъ исключенія явленіямъ жизни, отличая эти тѣла и явленія отъ тѣлъ и явленій міра неорганическаго (царства ископаемыхъ, какъ недавно принято было называть неорганическую природу). И общества отличаются всѣми этими особенностями: развиваютъ сложность строенія; непремѣнно и непрерывно расходуютъ и накопляютъ вещество и энергію; приспособляются и приспособляютъ; прогрессируютъ и регрессируютъ.

Въ самомъ развитіи жизни сказывается, однако, существенное различіе, расчленяющее ее на два типа по строенію, по отправленіямъ и по развитію. Сложность строенія можетъ быть разныхъ степеней и разнаго характера; обмѣнъ вещества и энергіи можетъ быть объединенъ въ одинъ процессъ жизни въ различной степени и различнымъ образомъ; наконецъ,—и это главное, хотя и обусловленное отличіями въ строеніи и отправленіяхъ—процессъ развитія можетъ проявляться въ приспособленіяхъ жизни къ условіямъ среды и въ приспособленіи среды къ потребностяхъ жизни. Вто-

рой способъ уравновѣшиванія жизни и среды проявляется далеко не всѣми органическими тѣлами и отличаетъ далеко не всѣ явленія жизни; онъ составляетъ отличительную особенность того разряда органическихъ тѣлъ, который обыкновенно именуется царствомъ животныхъ, и тѣхъ явленій жизни, которыя выше мы охарактеризовали названіемъ *жизни активной*. Цѣлесообразное воздѣйствіе на среду составляетъ сущность активности, проявляемой этимъ классомъ живыхъ тѣлъ и этимъ разрядомъ жизненныхъ явленій. Активность присуща и обществамъ, отличая ихъ отъ царства неодушевленной органической природы (пассивная жизнь) и включая ихъ въ міръ одушевленной природы, въ царство жизни активной [1]).

Активность однимъ изъ главныхъ своихъ послѣдствій являетъ приспособленіе среды къ потребностяхъ жизни [1]). Этотъ процессъ, до соединенія активныхъ организмовъ въ общество, можетъ быть проявленъ лишь въ сравнительно очень ограниченномъ размѣрѣ. Въ періодъ досоціальный и активная жизнь болѣе приспособляется къ средѣ, нежели приспособляетъ среду. Только активная общественная жизнь получаетъ достаточную силу для того, чтобы подчинить физическую среду и процессъ приспособленія этой среды къ своимъ потребностямъ превратить въ главный нервъ прогресса. Приспособленіе жизни къ условіямъ физической среды, властно направляющей развитіе жизни— это *прогрессъ органическій*. Приспособленіе среды къ потребностямъ жизни, преобразующей и парализующей вліянія физической среды, — это *прогрессъ историческій*. Активность, скомбинованная въ общественной жизни въ могучую самостоятельную силу природы, является источникомъ и причиною этой побѣды жизни надъ физическою средою,

[1]) Въ этой работѣ, которой резюме и сводъ предлагается настоящими строками, явленіе активности затронуто лишь очень бѣгло и поверхностно. Позднѣе я попытался восполнить этотъ важный пробѣлъ, см. уже упом. „Нравств. Нач. въ общ. борьбѣ“ (*Прим. 2-го изд.*).

[2]) Другимъ, въ высшей степени, важнымъ послѣдствіемъ является *развитіе индивидуальности*, составляющее главное содержаніе прогресса активной жизни, въ досоціальный періодъ. (*Прим. 2-го изд.*).

а средствомъ и орудіемъ побѣды является *культура*, какъ особая общественная среда, созданная активною жизнью, слившаяся съ нею въ одно сложное общественное тѣло, вмѣстѣ съ нею расходующая и накопляющая вещество и энергію и вмѣстѣ съ нею слѣдующая общимъ законамъ, управляющимъ жизнью всюду, гдѣ бы и какъ бы она ни проявлялась. Скомбинованная, такъ сказать, *сложная активность* и порожденная ею *культура*, съинтегрированныя въ одно тѣло, — такова основная отличительная особенность *общественнаго строенія*. Постоянный процессъ траты и возстановленія активности, постоянный процессъ *потребленія и производства культуры*,—таковы отличительныя особенности *отправленій* общества. Приспособленіе физической среды въ потребностяхъ жизни, развитіе активности и культуры, приспособленіе жизни къ культурѣ и культуры въ жизни, — таковы основныя отличительныя явленія *прогресса историческаго* или общественнаго. Отсюда уже не трудно дать сжатое опредѣленіе общества, какъ предмета соціологіи.

Если *общежитіемъ* мы назовемъ всякое собраніе (аггрегатъ) всякихъ живыхъ особей (пассивныхъ организмовъ или активныхъ), то *обществомъ* мы должны будемъ назвать *общежитіе активныхъ особей, создавшее свою особую общественную среду, или культуру, и слившееся съ нею въ одно сложное тѣло*. Короче говоря, общество есть активно-культурное общежитіе.

Повидимому, это будетъ наиболѣе удовлетворительнымъ опредѣленіемъ общества; интегрированіе въ одинъ аггрегатъ жизни и ея среды, повидимому, есть наиболѣе общее отличіе общественнаго процесса, истолковывающее остальныя отличія и дающее ключъ къ объясненію многихъ особенностей общественной жизни, уже прежде подмѣченныхъ и формулированныхъ различными отдѣлами обществознанія въ частные законы.

ГЛАВА V.

Половой подборъ въ органическомъ прогрессѣ.

Общіе принципы, изложенные мною на предыдущихъ страницахъ основаны, главнымъ образомъ, на противуположеніи соціальной среды физической, а поэтому историческаго прогресса, регулируемаго первою, органическому прогрессу, направляемому физическою средою. Выводъ этой противуположности прогресса общественнаго и органическаго неизбѣженъ, какъ скоро признаны основные принципы развитыхъ мною въ прошлыхъ главахъ воззрѣній; лучшимъ ихъ оправданіемъ было бы независимое доказательство,—выведенное не изъ нихъ, а изъ сопоставленія фактовъ,—того, что процессъ органическаго прогресса существенно отличенъ отъ общественнаго прогресса, и что съ прогрессомъ соціальной жизни вытѣсняются дѣятели органическаго прогресса. Такъ ли это?

Мы видѣли, что органическіе дѣятели дѣлятся на двѣ, существенно различныя по своему значенію группы: группу простыхъ дѣятелей — наслѣдственность, измѣнчивость, болѣзненность, размноженіе и скрещиваніе, и группу дѣятелей сложныхъ, результатъ сочетанія простыхъ біологическихъ началъ между собою и съ условіями физической среды. Къ группѣ сложныхъ органическихъ дѣятелей относится и половой подборъ, предметъ предлагаемаго изслѣдованія. Отличіе половаго подбора то, что онъ есть сочетаніе только однихъ біологическихъ началъ; поэтому, не желая съ самаго начала сталкиваться, въ своемъ изслѣдованіи, съ вліяніями физической среды, я и выбралъ его для начала. Вообще половой подборъ — дѣятель болѣе сложный, нежели подборъ естественный, но для соціолога онъ проще, потому что изслѣдователь имѣетъ дѣло только съ органическими дѣятелями, не касаясь физическихъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Послѣ естественнаго подбора однимъ изъ самыхъ могу-

чихъ, если не самымъ могучимъ дѣятелемъ органическаго прогресса является подборъ половой. Дѣйствіе и развитіе этого процесса, подобно естественному подбору, основывается на законахъ наслѣдственности и измѣнчивости, причемъ эффекты этихъ законовъ обусловливаются и направляются другими дѣятелями. Въ естественномъ подборѣ этими дѣятелями являются условія внѣшнія, находящіяся внѣ организма, — средства къ существованію, ограниченность которыхъ вызываетъ борьбу за существованіе. Слѣдствіемъ борьбы за существованіе является вымираніе однѣхъ особей и выживаніе другихъ, приспособленнѣйшихъ, которыя въ рядѣ поколѣній и вытѣсняютъ не успѣвшихъ измѣниться. Такимъ-то образомъ, измѣнчивость, упрочиваемая наслѣдственностью, подъ вліяніемъ ограниченности средствъ существованія, и производитъ естественный подборъ. Измѣнчивость же, упрочиваемая наслѣдственностью, но подъ вліяніемъ иныхъ дѣятелей, и притомъ дѣятелей только органическихъ, производитъ и половой подборъ. Дѣятели, направляющіе измѣнчивость и наслѣдственность въ этомъ второмъ случаѣ подбора, весьма разнообразны, но всѣ находятся въ большей или меньшей связи съ *половымъ влеченіемъ*. Разсмотримъ, въ общихъ чертахъ, способъ дѣйствія полового подбора и его эффекты и послѣдствія въ органическомъ прогрессѣ, а затѣмъ уже перейдемъ къ вопросу, насколько его можно считать факторомъ и соціальнаго прогресса?

Половое влеченіе, кокъ у самцовъ, такъ и у самокъ, распространяется далеко не безразлично на весь противуположный полъ, но сообразуется съ извѣстнымъ вкусомъ, которымъ и руководствуются особи при спариваньи. Это первое положеніе; затѣмъ достовѣрно, что самцы страстнѣе самокъ (за небольшимъ исключеніемъ), и что потому они скорѣе готовы удовлетвориться какою бы то ни было парою, самки же болѣе (сравнительно) разборчивы, вслѣдствіе чего постоянно стремятся спариваться съ самцами болѣе привлекательными и отвергаютъ непривлекательныхъ. До сихъ поръ еще никакого особаго послѣдствія вывести нельзя, но

есть еще третій фактъ, именно, — что здоровыя, а потому и вообще болѣе плодовитыя самки бываютъ готовы къ спариванію, во время полового періода, раньше самокъ нездоровыхъ, захилѣвшихъ, слабыхъ, а потому менѣе плодородныхъ, самцы же всегда готовы къ спариванью. Такимъ образомъ, когда поспѣваютъ первыя самки, то численное отношеніе между ищущими пары самками и самцами — далеко неодинаково. Самкамъ, слѣдовательно, является довольно широкая возможность выбора по ихъ вкусу наиболѣе привлекательныхъ. Замѣчу еще, что передъ спариваньемъ самцы обыкновенно сражаются за самку, такъ что выборъ самки падаетъ только на самыхъ сильныхъ и самыхъ привлекательныхъ. Въ нѣкоторыхъ породахъ, гдѣ бои слишкомъ преобладаютъ, самки вовсе не выбираютъ, а достаются сильнѣйшему; у другихъ боевъ вовсе нѣтъ и выбираются только привлекательнѣйшіе. Какъ бы то ни было, но результатомъ всего этого бываетъ то, что спарятся съ самыми плодовитыми, ранѣе приготовившимися самками самые сильные или самые красивые или самые сильные и красивые самцы, потомство которыхъ будетъ, такимъ образомъ, многочисленнѣе и здоровѣе потомства другихъ самцовъ, не обладающихъ этими качествами и спарившихся съ запоздавшими самками. Этимъ способомъ, благодаря дѣйствію наслѣдственности, будутъ распространяться въ рядѣ поколѣній тѣ уклоненія, порожденныя измѣнчивостью, которыя либо облегчаютъ бой за самку, либо привлекаютъ ее; а этимъ и выразится то, что Дарвинъ назвалъ половымъ подборомъ. Если мы допустимъ, что данный видъ полигамиченъ, или что численность одного пола значительно превышаетъ численность другого, то дѣйствіе полового подбора станетъ возможно и при отсутствіи факта неединовременнаго созрѣванія самокъ.

Процессъ полового подбора станетъ нагляднѣе на примѣрѣ. Предположимъ, что въ извѣстной мѣстности живетъ видъ, численностью въ 40,000 особей, причемъ число особей обоего пола равно, т.-е. по 20,000 самцовъ и самокъ, и что число плодовитыхъ и неплодовитыхъ самокъ тоже равно,

такъ что мы имѣемъ 10,000 самокъ каждаго разряда. Для простоты задачи предположимъ, что число рожденій и смертею равно, и что плодовитость самокъ выражается въ принесеніи ежегодно по 2 дѣтеныша, а малоплодныя приносятъ только по одному, т.-е. всего ежегодно появляется 30,000 дѣтенышей, изъ которыхъ 20,000 принадлежитъ плодовитымъ, рано созрѣвающимъ самкамъ, а 10,000 малоплоднымъ, запаздывающимъ. Прибавлю, тоже для простоты, гипотезу, что половой зрѣлости молодыя животныя достигаютъ въ одинъ годъ. Въ такомъ состояніи застаемъ мы нашъ гипотетическій видъ, когда игрою измѣнчивости или, можетъ быть, прямымъ дѣйствіемъ условій, появилось измѣненіе, положимъ, болѣе яркій цвѣтъ покрововъ, и этотъ цвѣтъ понравился самкамъ. Новорожденные съ этимъ измѣненіемъ въ то поколѣніе, въ которомъ мы застаемъ видъ, составляютъ всего 10%. Значитъ всего измѣнившихся особей родится 3,000; 1,500 самцовъ и 1,500 самокъ, остальныя 27,000 особей обоего пола будутъ неизмѣнившимися, да всѣхъ стариковъ 40,000 тоже мы предполагаемъ безъ этого признака. Къ слѣдующему періоду размноженія общее число особей должно сократиться до 40,000, причемъ измѣнившихся будетъ самцовъ—857, и самокъ—857, таковы неравные шансы двухъ породъ, какъ 857 : 19143. Но всѣ привлекательные самцы (т.-е. измѣнившіеся) спарятся съ самками плодовитыми и произведутъ потомство въ 1714 особей. Къ этому числу уклонившіяся самки прибавятъ слѣдующія числа:

1) Самки малоплодныя, уклонившіяся, которыя всѣ спарятся съ неизмѣнившимися самцами, произведутъ по одной особи, т.-е. всего 428,5.

2) Самки плодовитыя, уклонившіяся, спарятся частью съ уклонившимися самцами, частью съ неуклонившимися въ слѣдующей пропорціи:

$$x : y = 857 : 19143,\ a\ x + y = 428{,}5$$

$$x = \frac{857y}{19143} = 428{,}5 - y$$

отсюда:

$$y = \frac{428{,}5 \cdot 19143}{20000}$$

$$y = 410{,}13,\ \text{а}\ x = 18{,}37,$$

гдѣ y число самокъ плодовитыхъ уклонившихся, спарившихся съ неуклонившимися самцами, а x — число спарившихся съ уклонившимися. Значитъ всего уклонившихся особей родится $= 1714 + 428{,}5 + 820{,}26 = 2962{,}76$, да прежнихъ $+ 1714 = 4676{,}76$. Къ слѣдующему половому періоду ихъ сохранится $= 2672$. Это составитъ % приращенія относительно прежнихъ 1714 особей $= 55\%$; оно и понятно, потому что въ то время, какъ плодовитость всего вида выражается въ 75%, плодовитость уклонившихся $= 172{,}8$; борьба, очевидно не равная и рано или поздно должна кончиться въ пользу измѣнившейся формы.

Это вычисленіе наглядно показываетъ, какимъ образомъ измѣнчивость, упрочиваемая наслѣдственностью, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ различныхъ условій и силъ, проявляющихся у животныхъ совмѣстно съ половымъ инстинктомъ. Ознакомившись съ общимъ способомъ дѣйствія полового подбора, посмотримъ теперь на тѣ эффекты, которые онъ производитъ. Очевидно, что, такъ какъ половой подборъ есть сложный результатъ четырехъ условій: измѣнчивости, наслѣдственности, полового инстинкта, со всѣми его спутниками, и неравночисленности половъ (абсолютной или относительной, какъ въ случаѣ полигаміи или неединовременнаго созрѣванія самокъ), то натурально и эффекты его зависятъ отъ этихъ четырехъ факторовъ. Значеніе ихъ, конечно, далеко неодинаково. Неравночисленность половъ есть условіе только отрицательное: безъ него не можетъ начаться процессъ полового подбора, но дальнѣйшаго вліянія на его ходъ или характеръ оно не имѣетъ. Эстетическое чувство, сопровождающее проявленіе полового инстинкта, является дѣятелемъ направляющимъ, сортирующимъ продукты измѣнчивости, которые вмѣстѣ съ наслѣдственностью и представляютъ такимъ образомъ главныхъ факторовъ. Наслѣдственность упрочиваетъ измѣненія, порождаемыя измѣнчивостью и подбираемыя половымъ вкусомъ,—это ея роль. Однако этимъ посильнымъ запечатлѣніемъ прогресса она не ограничивается; она запечатлѣваетъ различно: то передаетъ измѣненіе, пріобрѣтенное однимъ по-

ломъ, обоимъ поламъ и во всѣ возрасты, то ограничиваетъ передачу только извѣстнымъ возрастомъ или даже временемъ года; иногда ограничиваетъ поломъ, а иногда поломъ и возрастомъ, или временемъ года, одновременно. Благодаря такому разнообразію способовъ унаслѣдованія, половой подборъ производитъ самые разнообразные эффекты. Изъ нихъ самымъ важнымъ является половое дифференцованіе, а потому я и остановлюсь на немъ нѣсколько подольше, но предварительно намъ нужно бросить взглядъ на тѣ законы наслѣдственности и измѣнчивости, которые своимъ сочетаніемъ въ процессѣ полового подбора производятъ, по Дарвину, дифференцованіе половъ, создаютъ, такъ-называемые вторичные половые признаки.

Всякій признакъ, которымъ обладаетъ одинъ изъ родителей, стремится воспроизвестись въ потомкѣ; иногда онъ дѣйствительно воспроизводится, *развивается* въ немъ, иногда же только *передается* въ скрытомъ состояніи и развивается уже въ потомкахъ дѣтеныша; такая передача безъ развитія, можетъ продолжаться неопредѣленное число поколѣній а если передающійся признакъ былъ первоначально свойственъ обоимъ родителямъ, то нельзя указать предѣла, послѣ котораго уже нельзя ожидать его воспроизведенія, развитія въ потомкѣ, отдаленномъ хотя бы тысячами поколѣній [1]). Вообще признакъ, свойственный и отцу и матери, наслѣдуется сильнѣе, чѣмъ свойственный только одному родителю, и имѣетъ даже тенденцію развиваться съ большею силою, нежели онъ былъ у родителей [2]). Реверсія или атавизмъ, т. е. развитіе признака, только переданнаго черезъ родителей, проявляется обыкновенно при рожденіи, изрѣдка же только передается при рожденіи, а развивается въ болѣе поздній возрастъ [3]). Если извѣстный признакъ развился у родителя въ извѣстномъ возрастѣ, то онъ стремится быть унаслѣдованнымъ въ томъ же воз-

[1]) *Дарвинъ*: „Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія“ *II, 37.*

[2]) *Ibidem, II, 23.*

[3]) *Ibidem, II, 39—40, 41.*

растѣ; однако, здѣсь замѣчается общее стремленіе развиваться въ потомкѣ нѣсколько раньше, чѣмъ у родителя [1]). Не всѣ особи и породы обладаютъ одинаковою силою передачи; одни передаютъ свойственные имъ признаки преимущественно передъ другими. Но отчего зависитъ это преимущество — неизвѣстно. Нѣкоторые признаки имѣютъ наклонность наслѣдоваться только соотвѣтствующимъ поломъ, весьма рѣдко только противуположнымъ поломъ [2]), иногда развиваются только въ соотвѣтствующемъ, но передаются только чрезъ противуположный [3]); иногда развиваются въ младенчествѣ въ противуположномъ, а въ зрѣломъ преобразуется сообразно соотвѣтствующему [4]). Отчего зависятъ всѣ эти осложненія случая ограниченной поломъ наслѣдственности — опредѣлить нельзя при современномъ состояніи знанія, но вообще самое ограниченіе находится въ соотвѣтствіи съ другимъ ограниченіемъ наслѣдственности. Признаки, развитые родителями въ зрѣломъ возрастѣ, стремятся наслѣдоваться только соотвѣтствующимъ поломъ, развитые же въ раннемъ возрастѣ— наслѣдуются обоими полами [5]); впрочемъ, повидимому, первое правило болѣе обще, чѣмъ второе [6]). Фактическія исключенія изъ обоихъ правилъ малочисленны [7]). Если въ извѣстной породѣ установится ограниченная поломъ наслѣдственность, или наоборотъ, то одна форма съ трудомъ

---

[1]) *Ib. II, 9, 83—84*; см. такъ же *Дарвина*: „Происхожденіе человѣка“ рус. пер. Сѣченова, *I, 320*. Люка держится того же мнѣнія.

[2]) *Дарвинъ* „Прир. жив.“ *II, 76*.

[3]) *Ibid., II, 76—77*.

[4]) *Pr. Lucas*: „*De l'Heredité Naturelle*“ etc. *I, 196*. Въ подтвержденіе Люка приводитъ одинъ примѣръ; но я знаю примѣръ противуположный: дѣвочку, въ дѣтствѣ имѣвшую сходство съ матерью, съ возрастомъ же, если и не ставшею похожей на отца, то воспроизведшей всѣ типичные признаки отцовскаго племени.

[5]) *Дарвинъ*· „Происх. челов.“ *I, 326*.

[6]) *Ib. I, 328*, но основаній подобному мнѣнію Дарвинъ не приводитъ, а изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что исключеній первое правило имѣетъ, пожалуй, и больше.

[7]) *Ib. II, 232, 246*.

переходитъ въ другую [1]). Этимъ отчасти могутъ быть объяснены тѣ аномаліи, когда полы дифференцованы въ младенчествѣ; очень можетъ быть, что первоначально полы дифференцовались въ болѣе поздній возрастъ и этимъ обусловилось ограниченіе наслѣдственности поломъ, но затѣмъ, благодаря вышеприведенному закону болѣе ранняго развитія родительскихъ признаковъ, дифференціальные признаки въ рядѣ поколѣній, развиваясь все раньше и раньше, наконецъ, начали проявляться въ дѣтствѣ, а трудность перехода уже установившейся формы наслѣдственности въ другую помѣшала равному наслѣдованію признаковъ обоими полами. Противуположныя аномаліи, — дифференцованія по возрастамъ при недифференцованныхъ полахъ — не находятъ себѣ подобнаго объясненія и просто колеблятъ всеобщность закона ограниченной поломъ наслѣдственности позднихъ признаковъ. Признаки, различающіеся у родителей, въ потомкахъ иногда сливаются, иногда же неспособны къ этому и наслѣдуются либо всецѣло, либо вовсе не наслѣдуются [2]). Въ этомъ краткомъ изложеніи указаны всѣ главные законы наслѣдственности; теперь надо сказать нѣсколько словъ о другомъ факторѣ — *измѣнчивости*.

Измѣнчивость фактъ всеобщій; нѣтъ двухъ особей совершенно однородныхъ, никогда дѣти не походятъ совершенно на родителей, братья и сестры другъ на друга, даже близнецъ на близнеца [3]), такъ что нѣкоторые даже принимаютъ ее за основной законъ, подобный наслѣдственности [4]), но это, какъ показалъ Дарвинъ, очевидно, заблужденіе, потому что въ такомъ случаѣ пришлось бы признать, что могутъ быть дѣйствія безъ причины или съ причиною сверхъ-естественной [5]). Но какъ бы то ни было, фактъ из-

---

[1]) *Ib.*, *II*, *177.*

[2]) *Дарвинъ*: „Прир. Жив.“, *II*, *97—101.*

[3]) *Люка „De l'Her. Nat.“ I, 97—190.*

[4]) *Ibid.*, *I*, *192*, *97* и особенно *190* и предшествующіе.

[5]) Какъ и поступаетъ Люка, предполагая особую силу, force или loi d'invention.

мѣнчивости всеобщъ и потому долженъ вызываться причинами или условіями столь же всеобщими. Къ сожалѣнію, біологами не раскрыты еще эти причины съ достаточною полнотою; ими подмѣчено только слѣдующее.

Вопервыхъ, измѣнчивость порождается скрещиваньемъ, причемъ оно дѣйствуетъ двумя путями, производя непосредственно новыя формы чрезъ сліяніе и смѣшеніе родительскихъ признаковъ, и усиливая вообще игру измѣнчивости. Скрещиванье облегчаетъ реверсію, причину многочисленныхъ измѣненій. *Вовторыхъ*, всякое измѣненіе условій существованія дѣйствуетъ такимъ же образомъ, т. е. съ одной стороны ведетъ къ непосредственнымъ уклоненіямъ чрезъ прямое приспособленіе, а съ другой вызываетъ неопредѣленную игру измѣнчивости и наклонность къ реверсіи *Втретьихъ*, измѣненія часто вызываются условіями существованія, дѣйствовавшими въ продолженіе ряда поколѣній на предковъ, но не проявлявшихъ на нихъ своего видимаго вліянія [1]). Этого случая не должно смѣшивать съ реверсіей, которая есть воспроизведеніе, а не произведеніе признаковъ. Вообще, въ конечномъ счетѣ, все можно свести на условія существованія, дѣйствующія и дѣйствовавшія на весь длинный рядъ предковъ, и на скрещиванье, какъ на факторъ, различнымъ образомъ сочетающій и комбинирующій накопленныя, хотя часто не развитыя вліянія условій [2]). Это касательно причинъ, объ образѣ же проявленія измѣнчивости надо замѣтить слѣдующее: *Вопервыхъ*, всякое начавшееся уклоненіе имѣетъ наклонность продолжать измѣняться въ томъ же направленіи, какъ въ самой уклонившейся особи, такъ и въ ея потомкахъ. *Вовторыхъ*, особь или порода, разъ какимъ-либо образомъ измѣнившаяся, пріобрѣтаетъ неопредѣленную наклонность къ измѣнчивости вообще. *Втретьихъ*, измѣненія могутъ происходить въ половыхъ элементахъ до спариванья, во время развитія зародыша и, наконецъ, въ особи уже индивидуа-

[1]) *Дарвинъ* „Прир. жив.“ *II*, *286*, также у *Герб. Спенсера* „Основанія Біологіи“ *I*, *ч. 2-я*, *§§ 87*, *91*.

[2]) Такъ Спенсеръ и поступаетъ, см. *ibidem*, *I*, *ч. 2*, *§§ 91*, *97*.

лизованной. *Вчетвертыхъ*, чѣмъ многочисленнѣе племя, тѣмъ болѣе шансовъ измѣнчивости [1]). *Впятыхъ*, наклонность къ измѣнчивости наслѣдственна, причемъ подобная наклонность отца, повидимому, наслѣдуется сильнѣе, чѣмъ измѣнчивость матери [2]). Таковы въ общихъ чертахъ тѣ два біологическіе фактора которые своимъ взаимодѣйствіемъ, подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, человѣческой воли, избирательнаго полового сродства или непосредственныхъ условій жизни производятъ органическій прогрессъ, посредствомъ ли подбора или чрезъ прямое приспособленіе. Намъ надо уяснить себѣ, каковы должны быть послѣдствія ихъ комбинаціи подъ вліяніемъ избирательнаго полового сродства? и какія послѣдствія можно предвидѣть отъ обособленнаго дѣйствія полового подбора или отъ взаимодѣйствія съ другими вліяніями?

ГЛАВА VI.

Дифференцованіе половъ въ органическомъ прогрессѣ.

Выше изложенъ въ общихъ чертахъ ходъ полового подбора при дѣйствіи простой формы наслѣдственности; теперь посмотримъ, какія послѣдствія произойдутъ отъ тѣхъ осложненій въ процессѣ наслѣдственности, которыя мы затѣмъ констатировали? Въ половомъ подборѣ, конечно, первоклассную важность имѣетъ ограниченіе наслѣдственности половомъ Подъ вліяніемъ этого то закона [3]), по Дар-

[1]) *Дарвинъ* „Пр. жив.“ *II, 269.*

[2]) *Іb. II, 290.*

[3]) Этотъ законъ я принимаю такъ. раннія уклоненія наслѣдуются обоими полами, поздніе — только соотвѣтствующимъ. Самъ Дарвинъ, высказавъ этотъ законъ, оговаривается, что онъ не думаетъ имъ исчерпать законъ ограниченія половъ, но не приводитъ случаевъ, которые бы прямо противорѣчили этому закону. Въ своей гипотезѣ „пангенезиса“ онъ отказывается объяснить ею ограниченіе наслѣд-

вину, половой подборъ производитъ вторичные половые признаки. Посмотримъ же на примѣрѣ, дѣйствительно ли это такъ? и въ какихъ случаяхъ это можетъ имѣть мѣсто? Итакъ, возобновимъ вычисленіе и будемъ въ него вводить мало по малу различныя осложненія; для начала же предположимъ, что дѣйствуетъ только законъ ограниченной поломъ наслѣдственности, какъ онъ изложенъ у Дарвина въ его «Происхожденіи человѣка и половомъ подборѣ». Мы имѣемъ, положимъ, 40,000 особей установившагося вида или породы; попрежнему, численное отношеніе обоихъ половъ одинаково, какъ 100 : 100; попрежнему, половина самокъ раньше созрѣваетъ и плодовита, т. е. приноситъ по два дѣтеныша, а другая малоплодная приноситъ по одному; попрежнему, молодые достигаютъ половой зрѣлости въ одинъ годъ и разстояніе половыхъ періодовъ тоже годъ; наконецъ, попрежнему, естественныя условія держатъ видъ въ одномъ количествѣ, не допуская размножаться. Послѣ мы введемъ этотъ ограничивающій размноженіе естествен-

ственности поломъ и дѣйствительно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ въ „Прир жив.“, онъ не объяснимъ ни гипотезой пангенезиса, ни Спенсеровой гипотезой физіологическихъ единицъ. Принимая же связь между ограниченіемъ возрастомъ и ограниченіемъ поломъ, установленную Дарвиномъ въ „Происх. Чел.“, за связь генетическую и постоянную, ограниченіе наслѣдственности поломъ найдетъ себѣ раціональное истолкованіе какъ въ Дарвиновой, такъ и въ Спенсеровой теоріяхъ. Если ввести въ гипотезу Спенсера предположеніе, что полярность физіологическихъ единицъ, заставляющая ихъ располагать органическій матеріалъ по образцу родительской формы, сообразуется нетолько съ расположеніемъ образованій родительскихъ въ пространствѣ, но и во времени, причемъ она въ дѣтскомъ организмѣ развиваетъ извѣстное образованіе *только* послѣ развитія образованія, которое и въ родительскомъ организмѣ предшествовало данному, если мы введемъ это предположеніе (а не ввести его нельзя), то придется прійти къ заключенію, что образованія, которыхъ развитіе въ родительской формѣ *началось* лишь *послѣ зрѣлости* половыхъ органовъ мужскихъ или женскихъ, могутъ и въ дѣтскомъ организмѣ развиться только послѣ зрѣлости тѣхъ или другихъ органовъ, а такъ какъ особь противуположнаго пола этими предшествующими не обладаетъ, то и развить послѣдующее не можетъ. Въ этомъ же родѣ можно дать объясненіе и пангенетическою теоріею.

ный подборъ въ разсчетъ и разсмотримъ, какъ онъ отражается и какъ совершенно видоизмѣняетъ эффекты полового подбора, но пока мы для простоты задачи предположимъ, что борьба за существованіе дѣйствуетъ безразлично на всѣ особи, не препятствуя половому подбору. Затѣмъ, конечно, мы предположимъ, что измѣненныя условія существованія вызвали въ видѣ игру измѣнчивости, которая выразилась, между прочимъ, тѣмъ, что извѣстное количество особей пріобрѣло особую окраску, понравившуюся самкамъ вида; такъ какъ мы разсматриваемъ дѣйствіе наслѣдственности, ограниченной поломъ, то намъ полезно ввести гипотезу, что первоначально этотъ новый признакъ появился только у одного пола, положимъ у самцовъ. Это уклоненіе проявилось отчасти въ молодости и дѣтствѣ, отчасти въ зрѣломъ возрастѣ и, для простоты задачи, предположимъ, что этихъ уклоненій произошло поровну, а всего уклонившихся 20% общаго количества приплода, такъ что выходитъ 3000 рано уклонившихся и 3000 пріобрѣвшихъ уклоненія въ зрѣлый возрастъ. Нижеслѣдующая таблица показываетъ результатъ этого приплода:

Породы особей.	Старое поколѣніе.	Приплодъ.	Всего.	Выживетъ.
Самцовъ неуклонившихся	20,000	9,000	29,000	*16,572*
„ рано уклонившихся	0	3,000	3,000	*1,714*
„ уклонившихся въ зрѣлый возрастъ.	0	3,000	3,000	*1,714*
Самокъ неуклонившихся плодовитыхъ .	10,000	7,500	17,500	*10,000*
„ неуклонившихся малоплодныхъ.	10,000	7,500	17,500	*10,000*
Итого.	40,000	30,000	70,000	*40,000*

Въ послѣдней вертикальной графѣ выставлено, сколько должно остаться особей разнаго рода къ слѣдующему половому періоду, когда борьба за существованіе опять приведетъ видъ къ его нормѣ въ 40,000 особей. Такъ какъ съ приплодомъ оказалось 70,000, то выжить должны только $^4/_7$ особей каждаго сорта, сообразно съ чѣмъ и сдѣланъ разсчетъ въ предположеніи, что естественный подборъ вовсе не вліяетъ на признакъ, подбираемый самками. Таковъ составъ перваго поколѣнія, въ которомъ появилось пред-

положенное отклоненіе у самцовъ; вычислимъ теперь второе, третье и т. д. до десятаго, тогда мы получимъ нижеслѣдующія таблицы [1]):

---

[1]) Для желающихъ повѣрить помѣщаю вычисленія еще двухъ поколѣній:

Второе поколѣніе. Плодовитыя самки поспѣваютъ къ спариванью раньше малоплодныхъ и потому спарятся съ самцами, болѣе привлекательными, такъ что всѣ уклонившіеся самцы сойдутся съ плодовитыми самками и будутъ имѣть каждый по 2 дѣтеныша, по одному сыну и одной дочери. Остальныя 6,572 плодовитыя самки спарятся съ неуклонившимися самцами и принесутъ тоже по 2 дѣтеныша, наполовину самокъ, наполовину самцовъ. Такъ какъ раннія уклоненія наслѣдуются дѣтенышами обоего пола, а позднія только соотвѣтствующимъ поломъ, то отъ рано уклонившихся самцовъ будутъ и дочери и сыновья съ уклоненіями, отъ измѣнившихся же въ зрѣлый возрастъ только сыновья разовьютъ отцовскій признакъ, а дочери останутся неизмѣненными, похожими на своихъ матерей. *Слѣдовательно.* 1) отъ рано уклонившихся 1,714 самцовъ, спарившихся съ плодовитыми самками, родится приплода—3,428 особей обоего пола, всѣ съ уклоненіями ранними, именно—*1,714 самцовъ* и *1,714 самокъ Р. укл.*, 2) отъ поздно уклонившихся приплодъ будетъ такой же, только съ тою разницею, что лишь *1,714 самцовъ* будутъ *съ уклоненіями*, а *1,714 самокъ не измѣнятся;* 3) остальной приплодъ будетъ весь неуклонившійся — самцы и самки, а всего *11,572 самца* и столько же самокъ, но къ числу самокъ надо прибавить 1,714 отъ поздно уклонившихся, получимъ — *13,286 неуклонившихся самокъ.* Принимая, что $\frac{1}{7}$ всякой породы должны погибнуть мы получимъ къ слѣдующему періоду размноженія, самцовъ неуклонившихся — *16,082*; самцовъ Р. Укл.—*1,959*, поздно уклонившихся—*1,959;* самокъ неукл.—*19,021*; самокъ Р. Укл —*979* Таковъ составъ *второго* поколѣнія; вычисленіе третьяго поколѣнія немного сложнѣе.

Третье поколѣніе. Его составъ обусловится слѣдующимъ образомъ: I. Самки, рано уклонившіяся, будутъ рождены. 1) отъ всѣхъ плодовитыхъ рано уклонившихся, на каждую по одной — *489,5*; 2) отъ самокъ Р. Укл. малоплодныхъ — *244,75*; 3) отъ плодовитыхъ Неукл. спарившихся съ самцами Р. укл., всѣхъ плодовитыхъ неуклонившихся самокъ — *9510,5* самцовъ же Р. У. — 1959, причемъ часть ихъ должна спарится съ плодовитыми Р. У. по слѣдующему расчету: обозначивъ, чрезъ x — число спарившихся съ Р. Укл. самками, чрезъ y съ Неукл., мы будемъ имѣть два уравненія:

$$x : y = 489{,}5 : 9510{,}5; \qquad x + y = 1959$$

Таблица приплода 10-ти поколѣній.

Породы.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Самцы Неукл.	9,000	11,572	10549,75	9165,5	7426,5	5358,02	3178,69	1882,63	987,89	463,09
„ Р. Укл.	3,000	1,714	2587,25	3866,15	5600,93	7795,6	10262,87	12086,84	13423,74	14244,63
„ П. Укл.	3,000	1,714	1,863	1968,48	1972,57	1846,38	1560,44	1030,53	588,47	292,28
Самки Неукл.	15,000	13,286	12412,75	11133,85	9399,07	7204,4	4737,13	2913,16	1576,36	755,37
„ Р. У.	—0—	1,714	2587,25	3866,15	5600,93	7795,6	10262,87	12086,84	13423,64	14244 63
Итого. . .	30,000	30,000	30,000	30,000	30,000	30,000	30,000	30,000	30,000	30,000

Таблица состава 10-ти поколѣній къ періоду размноженія.

Самцы П. У.	16,572	16,082	15218,14	13933,44	12205,65	10036,4	7550,34	5390,27	3641,66	2347,3
„ Р. У.	1.714	1,959	2597,86	3693,72	5311,23	7489,62	10144,28	12703,49	14927,77	16671,09
„ П. У.	1,714	1,959	2,184	2372,84	2483,09	2473,98	2305,38	1906,24	1425,54	981,61
Самки П. У.	20,000	19,027	17962,14	16626,28	14871.63	12614,87	9915,43	7330,62	5089.7	3340,04
„ Р. У.	—0—	979	2037,86	3378.72	5128,37	7385,13	10084,57	12669,38	14910 3	16659,96
Итого. . .	40,000	40,000	40,000	40,000	40,000	40,000	40,000	40,000	40,000	40,000

Выводы ясны; таблицы краснорѣчивы сами по себѣ и многихъ комментаріевъ не требуютъ. Очевидно, что рано или поздно процессъ полового подбора долженъ вытѣснить нетолько неуклонившіяся формы, не привлекательныя для самокъ, но и поздно уклонившіяся, равно привлекательныя, какъ и раннія уклоненія. Такой результатъ происходитъ отъ двухъ причинъ: 1) *отъ абсолютной неравночисленности* размножающихъ уклоненіе особей, происходящей вслѣдствіе нашего молчаливаго допущенія, что *только потомки мужескаго пола поздно уклонившихся особей передаютъ этотъ признакъ своимъ дѣтямъ*. Насколько мы имѣли право сдѣлать подобное предположеніе и въ какихъ предѣлахъ оно согласно съ дѣйствительностью — мы разберемъ немного позже. 2) Вторая причина большей быстроты размноженія рано уклонившихся особей заключается въ томъ, тоже мол-

---

Разрѣшая ихъ, мы получимъ для искомаго y—*1,863*, а приплодъ будетъ вдвое больше, на половину самокъ и самцовъ, т.-е. Р. Укл. самокъ по этому разряду будемъ имѣть именно *1,863*, а всего=*2587,25*, прежнихъ—*979*, а помножая на $^4/_7$=*2037,86*, что и составитъ контингенъ самокъ Р. Укл. въ третьемъ поколѣніи къ періоду размноженія. П. *Самцовъ Р. Укл.* родится столько же, сколько и самокъ, т.-е. 2587,25, да прежнихъ—1,959, всего—4546,25, а сохранится=*2597,86*— Ш. *Самцовъ П. Укл.* отъ самокъ плодовитыхъ неукл. и самцовъ поздно уклонившихся, по расчету, который выше приведенъ для самокъ Р. Укл. отъ самокъ неукл. и самцовъ Р. У. такъ какъ цифры остаются тѣ же, т.-е. *1,863*, прежнихъ — 1,959, всего 3,822, сохранится — *2,154*,—IV. *Самцовъ Неукл.* родится—1) отъ плодовитыхъ самокъ Н У. и самцовъ Н. У. Такъ какъ на долю самцовъ уклонившихся отходитъ этихъ самокъ—3,726, то остается—*5784,5*, столько же будетъ и приплоду мужскаго пола, и 2) отъ малоплодныхъ неуклонившихся половина всего приплода — *4755,25*, всего 10549,75, старое поколѣнія 16;082, итого 26631,75, а сохранится = 15218,14. — V. Самокъ неуклонившихся будемъ имѣть—1) столько, сколько самцовъ Н У, т. е. *10549,75*, и 2) столько, сколько самцовъ П. У.=*1,863*, всего 12412,75, стараго поколѣнія—19021, итого=31433,75, сохранится=*17692,14*. Таковъ будетъ составъ третьяго поколѣнія къ періоду размноженія. Вычисленіе слѣдующихъ поколѣній совершенно аналогично, за исключеніемъ послѣднихъ, когда число Укл самцовъ начинаетъ превышать число плодовитыхъ самокъ, но и тутъ все разрѣшается введеніемъ новой пары уравненій 1-й степени.

чаливо допущенномъ условіи, что въ то время, какъ потомки рано уклонившихся особей всѣ наслѣдуютъ родительскій признакъ, *между потомками поздно уклонившихся часть, происшедшая отъ спариванья съ рано уклонившимися самками, увеличиваютъ собою ряды не отцовской, а материнской породы.* Основанія для этихъ допущеній мы сейчасъ разсмотримъ, но если онѣ правильны, то становятся вполнѣ понятны результаты нашихъ вычисленій, что̀ станетъ еще нагляднѣе изъ нижеслѣдующихъ таблицъ плодовитости и приращенія разныхъ породъ. Общее число рожденій въ нашемъ гипотетическомъ видѣ 30,000 особей при численности всего вида въ 40,000, такъ что на 100 особей всѣхъ породъ рождается приплода 75 дѣтенышей всѣхъ породъ. Таковъ % рождаемости нашего вида вообще, а вотъ таблица рождаемости каждой породы, вычисленная для каждаго поколѣнія:

	На 100 взрослыхъ особей каждой породы рождается		
	Рано уклонившихся.	Поздно уклонившихся.	Неуклонившихся.
I.	—	—	—
II	200,00	100,00	67,97
III.	176,0823	95,0995	65,1
IV.	166,798	90,132	61,1785
V.	160,142	83,131	55,098
VI.	149,347	74,35	46,391
VII.	137,856	63,074	34,938
VIII.	119,328	44,701	27,457
IX.	105,811	30,872	20,153
X.	95,4375	20,5031	13,836

Уже съ перваго шага очевидно, что борьба двухъ подбираемыхъ формъ неравная; во второмъ поколѣніи рождаемость одной вдвое превышаетъ рождаемость второй, въ третьемъ и четвертомъ немного менѣе, чѣмъ вдвое, въ пятомъ почти вдвое, а начиная съ VI неравенство все возрастаетъ, достигая наконецъ въ X своего maximum'а, именно безъ малаго въ пять разъ. Вотъ *сравнительная* рождаемость вычисленная сообразно предыдущей таблицѣ:

На 100 особей рано уклонившихся рождается:

	Поздно уклонив	Неуклонившихся		Поздно уклонивш.	Неуклонивш.
I. . . .	—	—	VI. . . .	49,783	31,065
II. . .	50,000	33,985	VII. . . .	47,189	25,488
III. . . .	54,582	36,578	VIII. . . .	37,554	23,014
IV. . . .	54,039	36,578	IX. . . .	2[illegible],188	19,052
V. . .	51,132	34,381	X. . . .	21,474	14,492

Если же возьмемъ въ разсчетъ, что вдобавокъ существуетъ и абсолютное неравенство размножающихъ то и другое уклоненіе особей, то легко поймемъ быстроту процесса вытѣсненія одной формы и преобладанія другой, хотя обѣ формы были первоначально равночисленны и равно нравятся и подбираются самками.

Теперь намъ надо припомнить тѣ осложняющія вліянія нѣкоторыхъ законовъ измѣнчивости и наслѣдственности, которыми мы въ началѣ пренебрегли, и разсмотрѣть, не видоизмѣнятъ ли они дѣйствіе закона ограниченной поломъ наслѣдственности въ томъ упрощенномъ видѣ, въ которомъ мы прилагали ее къ нашей гипотезѣ. Переберемъ всѣ возраженія, которыя, съ этой точки зрѣнія, можно сдѣлать противъ гипотезы, а слѣдовательно и противъ доказательности вычисленія. Прежде всего, могутъ сказать, вы предполагаете, въ самомъ началѣ, невозможное, что игра измѣнчивости вызвала у однихъ лишь самцовъ такой значительный % однородныхъ уклоненій, какъ 6,000 изъ 15,000 родившихся самцовъ. Конечно, *такой* % уклоненій въ дѣйствительности невѣроятенъ, но уклоненіе 2-хъ, 3-хъ или даже десятка самцовъ безъ одновременнаго уклоненія самокъ весьма возможно, такъ какъ самцы вообще значительно измѣнчивѣе. Если же это возможно, то, сохраняя остальныя условія, результатъ вычисленія останется тотъ же; только намъ, для наглядности, пришлось бы вычислить не 10, а, быть можетъ, 110 поколѣній, потому что поздно уклонившіеся продолжали бы размножаться гораздо дольше. Съ другой стороны, предположеніе появленія уклоненій нетолько у самцовъ, но и у самокъ, тоже не измѣнило бы конечнаго результата вычисленія. Поздно уклонившіяся

самки вовсе не повліяли бы на него, передавая свои уклоненія только самкамъ и, не будучи подбираемы, вѣроятно, скоро изчезли бы; рано же уклонившіяся самки только ускорили бы процессъ. Слѣдовательно, незаконное преувеличеніе вѣроятнаго числа уклоненія самцовъ отъ нормальнаго типа оказывается вовсе не такимъ не законнымъ, потому что только ускоряетъ ходъ процесса, а такъ какъ мы наблюдаемъ только качественную, а не количественную сторону процесса, то такое предположеніе оказывается вполнѣ цѣлесообразнымъ. Могутъ еще возразить, что гипотеза равнаго числа уклоненій въ ранній и зрѣлый возрасты тоже не совсѣмъ вѣроятна; съ этимъ нельзя не согласиться отчасти. Измѣнчивость, дѣйствительно, повидимому, вызываетъ большее число уклоненій въ ранній возрастъ, чѣмъ въ зрѣлые годы. Это можно заключить *à priori*, сообразивъ вѣроятное дѣйствіе причинъ измѣнчивости. Соотносительная измѣнчивость только слѣдуетъ за другими измѣненіями и, такимъ образомъ, для вопроса значенія не имѣетъ. Упражненіе и неупражненіе частей и органовъ, вѣроятно, произведетъ большее дѣйствіе въ зрѣломъ возрастѣ. Прямое и опредѣленное дѣйствіе условій, вызывающее приспособительные процессы, дѣйствуетъ равно на взрослыхъ и малолѣтнихъ, но послѣдніе необходимо менѣе устойчивы, и потому едвали не наибольшее число уклоненій вызоветъ этотъ дѣятель въ молодыхъ особяхъ [1]). Реверсія, одна изъ причинъ измѣнчивости, обыкновенно проявляясь при рожденіи, значительно рѣже развивается въ болѣе поздній возрастъ; неопредѣленная игра измѣнчивости, вызываемая измѣненіемъ условій существованія или скрещиваньемъ, дѣйствуетъ тремя путями, которымъ Дарвинъ придаетъ, повидимому, одинаковое значеніе: измѣненія, претерпѣваемыя половыми элементами до оплодотворенія, измѣненія зародыша въ періодъ утробной жизни, измѣненія особи уже индивидуализировавшейся — вотъ эти три раз-

[1]) Дарвинъ, между прочимъ, на стр. 427 II тома „Прируч. Жив." говоритъ о раннемъ возрастѣ организма, что въ это время *„онъ всего болѣе способенъ измѣняться"*.

ряда уклоненій. Первыя два, очевидно, произведутъ уклоненія, проявляющіяся уже при рожденіи, третій же, по причинамъ вышеприведеннымъ для опредѣленнаго дѣйствія условій, вѣроятно, будетъ дѣятельнѣе въ молодости, чѣмъ въ болѣе зрѣлые годы. Такимъ образомъ, едвали вѣроятно, чтобы порождалось одинаковое число измѣненій раннихъ и позднихъ; еслибы мы предположили, что весь приплодъ доживетъ до зрѣлости, то очень невѣроятно, чтобы послѣ этого появилось такое же число уклоненій, какъ при рожденіи и въ молодости, а такъ какъ мы предполагаемъ, что естественный подборъ безразлично относится къ нашему признаку, то тоже нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы особей съ уклоненіями ранними погибло бы больше, чѣмъ особей, носящихъ въ себѣ наклонность развить уклоненіе въ зрѣлый возрастъ. Если же это такъ, то несомнѣнно, что принятое нами условіе равнаго числа раннихъ и позднихъ уклоненій не вѣрно, но какъ должна отразиться наша поправка на ходѣ и характерѣ процесса? Ясно, что она ускорила бы его, не измѣняя его характера.

Далѣе, невѣроятно, чтобы измѣнчивость ограничилась только однимъ поколѣніемъ, а затѣмъ уже предоставила наслѣдственности и половому подбору распредѣлять, стирать или распространять порожденные ею признаки. Разъ вызванная къ дѣйствію, она произведетъ конечно уклоненія и во II, III и т. д. поколѣніяхъ, причемъ, съ одной стороны, она будетъ въ потомкахъ неуклонившихся особей развивать подбираемый признакъ, съ другой лишать его потомковъ особей уклонившихся; изъ этихъ двухъ тенденцій первая вѣроятно возьметъ верхъ, потому что разъ начавшаяся измѣнчивость имѣетъ наклонность скорѣе развиваться въ туже сторону, чѣмъ въ противуположную. Такъ какъ, конечно, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы въ слѣдующихъ поколѣніяхъ уклоненія распредѣлялись по возрастамъ иначе, чѣмъ въ первомъ (среднимъ счетомъ они должны распредѣляться одинаково), то продолженное дѣйствіе измѣнчивости будетъ только мультиплицировать эффекты наслѣдственности и подбора; процессъ

только ускорится и облегчится, не измѣняя ни направленія, ни конечнаго результата. Но наклонность разъ начавшейся измѣнчивости развиваться въ томъ же направленіи должна выразиться еще въ усиленіи у потомковъ уклонившихся особей родительскаго признака: здѣсь надо принять во вниманіе два закона. *Во-первыхъ*, измѣнчивость проявляется сильнѣе въ болѣе многочисленныхъ породахъ, вслѣдствіе чего надо предполагать, что рано уклонившіеся индивиды произведутъ большее число усиленныхъ уклоненій, которыя, вѣроятно, установятъ градацію привлекательности между самими уклонившимися особями. *Во-вторыхъ*, нѣсколько ослабляетъ значеніе этого соображенія законъ наслѣдственной измѣнчивости: отцовская измѣнчивость наслѣдуется сильнѣе материнской, такъ что рано уклонившіяся особи произведутъ потомковъ съ усиленными уклоненіями, хотя и больше нежели поздно уклонившіяся, но непропорціонально своему численному превосходству. *Во всякомъ случаѣ*, осложненія процесса, порожденныя установленіемъ степеней привлекательности, не отразятся на процессѣ подбора измѣненіемъ его окончательнаго результата и даже, повидимому, будутъ благопріятны раннимъ уклоненіямъ и, такимъ образомъ, ускорятъ процессъ. Итакъ, разсмотрѣвъ тѣ нарушенія законовъ измѣнчивости, которыя допущены были въ нашей гипотезѣ, мы видимъ, что введеніе этихъ условій только значительно осложнило бы вычисленіе, не измѣнивъ ни конечнаго результата, ни характера процесса: одни условія отдаляютъ, другія приближаютъ разрѣшеніе, исходъ борьбы разныхъ породъ. Переходимъ къ разсмотрѣнію нарушеній законовъ наслѣдственности.

Самымъ крупнымъ возраженіемъ, съ этой стороны, противъ доказательной силы вышеприведенныхъ таблицъ, несомнѣнно является законъ *передачи* признаковъ безъ ихъ *развитія*, такъ что потомки женскаго пола поздно уклонившихся особей могутъ *передавать* своимъ сыновьямъ признаки своихъ отцовъ, ихъ дѣдовъ. Это несомнѣнно; но весьма важно знать, передаются ли они съ *такою-же*

силою, какъ въ случаѣ, когда эти признаки нетолько передаются, но и *развиваются матерью*. Этого не должно быть, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Развитіе извѣстныхъ признаковъ у внуковъ, когда у дочери ихъ не было, принадлежитъ, конечно, къ разряду случаевъ реверсивныхъ. Это уже сразу должно указать ея меньшую силу, сравнительно съ прямымъ унаслѣдованіемъ. Дарвинъ говоритъ [1]): «Обстоятельства, вредящія наслѣдственности, насколько мы ихъ знаемъ до сихъ поръ, суть — — — скрещиваніе различныхъ разновидностей въ какомъ-либо изъ предыдущихъ поколѣній вмѣстѣ съ реверсіей или атавизмомъ, т.-е. стремленіемъ потомковъ походить на своихъ *дѣдовъ* или даже болѣе отдаленныхъ предковъ, вмѣсто непосредственныхъ родителей». Тутъ Дарвинъ разсматриваетъ реверсію только какъ факторъ, колеблющій наслѣдственность. Еще яснѣе онъ выражается когда пишетъ [2]): «Въ общемъ итогѣ можно сказать, *что наслѣдственность правило, измѣнчивость исключеніе*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстный признакъ не наслѣдуется, потому что окружающія условія прямо противятся его появленію; въ другихъ, потому что эти условія постоянно вызываютъ новыя уклоненія, — — —. Въ остальныхъ случаяхъ, *это отступленіе можетъ быть приписано возвращенію къ* дѣдовскому *или еще болѣе отдаленному типу*».—Итакъ, передача дѣдовскаго признака, не развитаго самою особью, есть только отступленіе отъ общаго правила; унаслѣдованіе же признаковъ непосредственныхъ родителей и есть это общее правило. Кромѣ того, реверсія бываетъ 2 родовъ: а именно, реверсія, появляющаяся у разновидностей или племенъ, которыя не были скрещены и утратили, вслѣдствіе варіяціи, какой-либо признакъ, которымъ обладали прежде и который вновь появляется впослѣдствіи. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ «*извѣстная особь*, подразновидность, племя или видъ *были скрещены* въ какой-либо прежній періодъ *съ отличною формою*, и *признакъ*, заимствованный отъ этого

[1]) „Прир. жив.“ II, 28.
[2]) Ib. II, 404.

скрещиванія и *исчезнувшій въ теченіе одного* или нѣсколькихъ *поколѣній*, вдругъ появляется вновь» [1]), Очевидно, нашъ случай относится ко второму отдѣлу, про который далѣе Дарвинъ говоритъ [2]), что невозможно указать, чрезъ сколько поколѣній стремленіе къ реверсіи исчезаетъ, но прибавляетъ, что это разсужденіе не должно примѣнять къ первому отдѣлу, когда реверсія можетъ проявиться чрезъ неопредѣленно долгое время. Ясно, значитъ, что если и вообще реверсія только факторъ частный, исключеніе изъ общаго правила унаслѣдованія родительскихъ признаковъ, то второй отдѣлъ ея, какъ проявляющійся слабѣе во времени, долженъ разсматриваться, какъ еще болѣе исключительный. То обстоятельство, что этого рода реверсія невозможна послѣ опредѣленнаго ряда поколѣній, доказываетъ, что наслѣдственность отъ одного родителя имѣетъ наклонность ослабѣвать съ каждымъ поколѣніемъ, пока, такъ сказать, не вывѣтрится совершенно; значитъ, она должна отчасти ослабѣть уже во второмъ поколѣніи. Изъ этихъ соображеній слѣдуетъ, что позднія уклоненія самцевъ, не наслѣдующіяся самками, хотя и должны передаваться ими своимъ сыновьямъ, но непремѣнно слабѣе, чѣмъ раннія уклоненія, которыя въ самкахъ не только передаются, но и развиваются. Но если это справедливо, т.-е. если сила передачи потомковъ женскаго пола, происшедшихъ отъ поздно уклонившихся самцовъ, слабѣе силы, съ которою самки передаютъ уклоненія, унаслѣдованныя ими отъ рано уклонившихся самцовъ, то окончательный исходъ процесса будетъ тотъ же, какъ если бы дочери поздно уклонившихся вовсе не передавали бы своимъ сыновьямъ признаковъ своихъ отцовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что преобладаніе раннихъ уклоненій въ нашемъ вычисленіи зависитъ: 1) оттого, что съ кѣмъ бы ни спарились рано уклонившіяся самки, онѣ произведутъ потомство рано уклонившееся, даже отъ самцевъ поздно уклонившихся, хотя быть можетъ въ этомъ случаѣ данный

[1]) Ibidem, II, 30.
[2]) Ibid., II, 38.

признакъ будетъ ярче у дѣтенышей мужескаго пола; и 2) оттого, что вообще число особей, передающихъ раннія уклоненія, уже со второго поколѣнія больше числа особей, размножающихъ поздніе уклоненія. Измѣнятся ли эти два условія отъ введенія новаго соображенія? Первое, конечно, не измѣнится, второе же претерпитъ измѣненіе только частное, но не будетъ совершенно парализовано, потому что только часть дочерей поздно измѣнившихся воспроизведетъ въ своихъ сыновьяхъ отцовскій признакъ, а съ другой стороны, часть этихъ дочерей спарится съ самцами рано уклонившимися и произведетъ потомковъ обоего пола рано уклонившихся. Это ведетъ насъ къ убѣжденію, что даже если бы всѣ дочери поздно уклонившихся передавали сыновьямъ данный признакъ, то и тогда исходъ борьбы въ пользу раннихъ уклоненій былъ бы неизбѣженъ; *во-первыхъ*, потому, что раннія уклоненія многочисленнѣе позднихъ, *во-вторыхъ*, даже при гипотезѣ равнаго числа уклоненій, *всѣ особи* рано уклонившіяся и мужескаго и женскаго пола оставятъ потомство *обоего пола* рано уклонившееся, тогда какъ *часть* особей, передающихъ поздніе уклоненія, произведетъ потомство обоего пола уклонившееся, хотя вѣроятно не въ равной степени. Такимъ образомъ, даже при самыхъ невозможно-благопріятныхъ условіяхъ, при предположеніи равночисленности раннихъ и позднихъ уклоненій, при предположеніи равенства силы передачи безъ унаслѣдованія и силы непосредственной наслѣдственности, все же оказывается, что разъ начавшееся уклоненіе, подвергаясь дѣйствію полового подбора, неизбѣжно распространяется на оба пола и пренебреженный нами законъ передачи признака черезъ дочерей внукамъ только замедляетъ процессъ, не вліяя на его исходъ.

Мы должны теперь ввести въ нашу гипотезу еще два закона наслѣдственности, нами пренебреженные для упрощенія задачи. *Первый законъ*: признакъ, которымъ обладаютъ оба родителя, передается постояннѣе и притомъ стремится усилиться въ потомствѣ. То, что онъ передается постояннѣе, важно, ибо доказываетъ, что унаслѣдованіе

раннихъ уклоненій потомствомъ тѣхъ паръ, гдѣ и отецъ и мать уклонившіеся, прочнѣе унаслѣдованія позднихъ уклоненій. Но еще важнѣе усиленное развитіе признака, потому что это устанавливаетъ въ средѣ уклонившихся степени привлекательности; мы видѣли, что подобная градація вызывается самою измѣнчивостью, и что есть основаніе предполагать, что она будетъ благопріятна раннимъ уклоненіямъ. Вводимый теперь нами законъ наслѣдственности дѣлаетъ это несомнѣннымъ. Вслѣдствіе этого, половой подборъ, который мы предположили равно благопріятнымъ для раннихъ и позднихъ уклоненій, вмѣшается въ процессъ борьбы двухъ формъ наслѣдственности и склонитъ побѣду на сторону ассимиляціи обоихъ половъ, противъ ихъ дифференцованія. Относительно вопроса, не будетъ ли спариванье поздно уклонившихся съ дочерьми поздно уклонившихся производить такія же послѣдствія—отвѣтъ будетъ несомнѣнно аналогичный вышесдѣланному: да, послѣдствія будутъ такія же, но въ меньшей степени, какъ по качеству, такъ и по количеству.

Второй, опущенный нами законъ наслѣдственности — стремленіе признака развиваться въ потомкахъ нѣсколько раньше, чѣмъ въ родителяхъ и предкахъ. Это, конечно, значительно облегчило бы процессъ ассимиляціи, если бы не мѣшала тому трудность перехода (а не вытѣсненія — это надо различать) одной формы наслѣдственности въ другую. Но такъ какъ возможность такого перехода отрицать нельзя, то мы можемъ, съ нѣкоторой вѣроятностью, заключить, что, сочетаясь съ другими вышеноименованными факторами, этотъ законъ можетъ содѣйствовать ускоренію процесса, который произошелъ бы и безъ него. Итакъ, всѣ разсужденія ведутъ насъ къ тому, что наше вычисленіе соотвѣтствуетъ вообще характеру процесса, который совершился бы при взаимодѣйствіи всѣхъ условій, нами опущенныхъ и измѣненныхъ. Возстановленіе однихъ изъ нихъ замедляетъ, введеніе другихъ ускоряетъ ходъ процесса, но ни одинъ изъ опущенныхъ дѣятелей не измѣняетъ исхода процесса, такъ что мы приходимъ къ тому конечному вы-

воду, что половой подборъ, предоставленный самому себѣ, вообще стремится измѣнить всю породу безъ различія пола и даже, пожалуй, ведетъ скорѣе къ ассимиляціи, чѣмъ къ дифференцованію половъ.

Дарвинъ держится, повидимому, другого воззрѣнія [1]): «Возьмемъ пару животныхъ, не особенно плодовитыхъ, не особенно безплодныхъ, и предположимъ, что они живутъ среднимъ числомъ 5 лѣтъ, по достиженіи половой зрѣлости, производя ежегодно по 5 дѣтенышей. Они произведутъ, такимъ образомъ, потомство въ 25 штукъ; и я полагаю, что немного удалюсь отъ истины, если сдѣлаю предположеніе, что изъ 25 недѣлимыхъ погибнетъ 18 или 20 штукъ, не достигнувъ зрѣлости, въ періодъ юности и неопытности; остающихся же 7 или 5 недѣлимыхъ будетъ достаточно для поддержанія колѣна зрѣлыхъ особей. При такомъ предположеніи легко видѣть, что измѣненія, случившіяся въ юности, напр. въ отношеніи красоты, и не приносящія молодому животвому никакой выгоды, будутъ имѣть шансы быть утраченными впослѣдствіи. Наоборотъ, подобныя же измѣненія, появившіяся во время или около зрѣлости на сравнительно меньшемъ числѣ недѣлимыхъ, дожившихъ до этого возраста, которыя непосредственно приносятъ пользу самцамъ, дѣлая ихъ болѣе привлекательными для самокъ, легко сохраняются». Ошибочность этого разсужденія, послѣ всего вышеизложеннаго, очевидна. *Во-первыхъ*, если не принять во вниманіе естественнаго подбора (котораго Дарвинъ въ этомъ мѣстѣ не беретъ въ разсчетъ), то нѣтъ основаній предполагать, что расположенныхъ къ измѣнчивости въ зрѣлости выживетъ больше, чѣмъ измѣнившихся въ юности, а между тѣмъ Дарвинъ это подразумѣваетъ, и *во-вторыхъ* что касается полезности украшеній зрѣлымъ самцамъ и безполезности молодымъ, то едва ли по этому поводу можно говорить о вліяніи неупражненія, вслѣдствіе чего они, дескать, могутъ ихъ и потерять, потому что вѣдь и взрослые, хотя и плѣняютъ ими самокъ, однако трудно это плѣненіе назвать упражненіемъ. Относительно вооруженія съ этимъ

[1]) „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“, I, 340.

еще можно бы было согласиться, еслибы молодежь не упражняла ихъ въ играхъ. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, эта небольшая разница, если и существуетъ, покрывается съ лихвою бо̀льшимъ количествомъ раннихъ уклоненій, и мы, быть можетъ, должны прибавить одну причину къ списку дѣятелей, замедляющихъ неизбѣжный исходъ полового подбора, когда онъ предоставленъ самому себѣ. Самъ Дарвинъ отказался, повидимому, отъ вышеприведеннаго аргумента [1]) но все-же въ продолженіи всего сочиненія поддерживаетъ мнѣніе, что именно половой подборъ производитъ вторичные половые признаки, и постоянно оспариваетъ мнѣніе Уоллеса о естественномъ подборѣ, какъ причинѣ дифференцованія половъ. Это насъ ведетъ къ разсмотрѣнію вопроса о вліяніи естественнаго подбора на половой подборъ, вопроса, выше нами отложеннаго для простоты задачи.

Дарвинъ высказываетъ слѣдующій взглядъ на значеніе естественнаго подбора, какъ начала, осложняющаго эффекты полового подбора: «Многіе изъ признаковъ, свойственныхъ взрослому самцу, были бы положительно вредны молодымъ, такъ какъ яркая краска дѣлала бы ихъ болѣе видными для глазъ непріятеля, большіе рога требовали бы бо̀льшаго расхода сихъ» [2]). Вслѣдствіе этого, естественный подборъ имѣетъ общую тенденцію уничтожать особей, пріобрѣтающихъ въ раннемъ возрастѣ какія-либо особыя украшенія или вооруженія, потому что если вооруженія и полезны взрослой особи не только въ соперничествѣ изъ-за самокъ, но и въ борьбѣ за существованіе, то для молодыхъ особей они не могутъ принести пользы въ борьбѣ за существованіе по ихъ слабости, а между тѣмъ законъ экономіи роста даетъ преимущество особямъ, не имѣющимъ ихъ. Такимъ образомъ, часто естественный подборъ дѣйствуетъ вовсе не безразлично на признаки, подверженные половому подбору; благодаря его вліянію, позднія уклоненія получаютъ громадное преимущество, особенно у породъ, истребляемыхъ многочисленнымъ непріятелемъ. Но этимъ истребленіемъ

[1]) Ib. II, стр. 1.
[2]) Ib. I, 134.

въ молодости рано уклонившихся особей не ограничивается естественный подборъ; онъ часто и въ зрѣломъ возрастѣ преслѣдуетъ уклоненія, подбираемыя самками. Правда, относительно самцовъ здѣсь равно гибнутъ оба разряда особей съ поздними и ранними уклоненіями, и эта гибель равно вознаграждается половымъ подборомъ, но относительно самокъ этого сказать нельзя: 1) потому, что передающія поздніе уклоненія самки остаются сами безъ уклоненій и не преслѣдуются естественнымъ подборомъ и 2) потому, что гибель самокъ не вознаграждается ихъ подборомъ. Большая слабость самки, критическіе періоды вынашиваня и выкармливанья дѣтенышей составляютъ новый рядъ фактовъ, способствующихъ устраненію всякихъ невыгодныхъ для жизни уклоненій у самокъ. Этимъ путемъ совершенно видоизмѣняется характеръ и исходъ процесса полового подбора и получается въ результатѣ дифференцованіе половъ, вторичные половые признаки. Ни естественный подборъ самъ по себѣ, ни половой подборъ, независимо отъ естественнаго, не произвели бы этого дифференцованія, но ихъ сложное дѣйствіе часто приводитъ къ этому неизбѣжнымъ путемъ, именно во всѣхъ случаяхъ, когда признакъ, распространяемый половымъ подборомъ, устраняется естественнымъ подборомъ. Тотъ же результатъ долженъ произойти, если бы признакъ, распространяемый половымъ подборомъ, искоренялся прямымъ дѣйствіемъ условій жизни.

Вліяніе прямого дѣйствія условій жазни на ходъ и исходъ полового подбора тѣмъ важно, что оно можетъ произвести дифференцованіе половъ не только противодѣйствуя, но и содѣйствуя половому подбору, именно, когда чрезъ упражненіе, вынужденное новыми условіями жизни, какая-нибудь часть организма получаетъ большее развитіе, и эта гиперестезія понравится самкамъ. Можетъ случиться, что особыя условія жизни самцовъ произведутъ и другія измѣненія самцовъ только въ зрѣломъ возрастѣ, а половой подборъ распространитъ ихъ.

Итакъ, резюмируя наше предварительное разсужденіе о половомъ подборѣ вообще, мы можемъ сказать: половой

подборъ зависитъ отъ взаимодѣйствія законовъ измѣнчивости, наслѣдственности и полового инстинкта, управляемаго эстетическимъ вкусомъ, при условіи неравночисленности половъ, абсолютной или только условной, какъ при полигаміи или неединовременномъ созрѣваніи самокъ. Послѣднее условіе есть условіе только отрицательное, и та или другая форма его не вліяетъ на процессъ, но присутствіе которой-либо изъ нихъ необходимо; иначе половой подборъ не можетъ начать своего дѣйствія. Вообще половой подборъ имѣетъ наклонность измѣнять всю породу безъ различія пола; предоставленный самому себѣ, онъ не ведетъ къ дифференцованію половъ. Этотъ результатъ получается, когда онъ сталкивается въ своемъ развитіи съ естественнымъ подборомъ или прямымъ вліяніемъ условій; въ томъ и другомъ случаѣ, чрезъ устраненіе раннихъ уклоненій, а также женскихъ уклоненій, получаетъ преобладаніе наслѣдственность, ограниченная поломъ. Къ тому же, результату можетъ привести и согласное дѣйствіе условій и полового подбора, именно, когда условія вліяютъ только на одинъ полъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, дифференцованіе только ускоряется половымъ подборомъ, а производится прямымъ опредѣленнымъ дѣйствіемъ условій.

ГЛАВА VII.

Половой подборъ въ бракѣ.

Изложивъ, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ способъ дѣйствія полового подбора и его послѣдствія въ органическомъ прогрессѣ, посмотримъ, насколько онъ можетъ быть почитаемъ факторомъ, дѣйствующимъ и въ общественной жизни, дѣятелемъ и соціальнаго прогресса. Прежде всего мы знаемъ, что онъ не представляетъ простого дѣятеля, порождаемаго какимъ-либо *однимъ* біологическимъ за-

комъ, а является сложнымъ, иногда запутаннымъ результатомъ сложнаго и запутаннаго дѣйствія нѣсколькихъ біологическихъ законовъ подъ давленіемъ особыхъ условій и силъ. Сами законы наслѣдственности и измѣнчивости, конечно, дѣйствуютъ и въ соціальной жизни, но вопросъ не въ ихъ компетентности, а въ осуществимости того ихъ сочетанія, которое наэывается половымъ подборомъ. Сочетаніе это происходитъ подъ вліяніемъ стимула, управляющаго спариваньемъ особей и подъ условіемъ неравночисленности спаривающихся, абсолютной или относительной. Это-то два условія полового подбора измѣняютъ свой характеръ съ возникновеніемъ общественной организаціи.

Абсолютной неравночисленности половъ, настолько значительной, чтобы она могла проявить свое вліяніе на способъ спариванья, мы въ правѣ ожидать только у нѣкоторыхъ дикарей, гдѣ существуетъ обычай убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, или же гдѣ кровопролитныя войны истребляютъ мужчинъ; относительная неравночисленность встрѣчается повсюду, гдѣ распространена полигамія; такимъ образомъ, оба эти условія встрѣчаются только на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Что же касается неравновременнаго созрѣванія здоровыхъ и плодовитыхъ и слабыхъ неплородныхъ женщинъ, то это не можетъ быть примѣнимо къ человѣку, потому что у женщинъ, какъ извѣстно, нѣтъ особыхъ въ году половыхъ періодовъ, къ которымъ однѣ могли бы приготовиться раньше, другія позже. Брать во вниманіе то обстоятельство, что здоровыя дѣвушки вообще достигаютъ, вѣроятно, раньше другихъ половой зрѣлости, нельзя уже потому, что зрѣлость мужчинъ наступаетъ позже, чѣмъ у женщинъ. Слѣдовательно, руководствуясь тѣми условіями полового подбора, которыя нами выше опредѣлены, мы должны заключить, что рамки дѣйствія полового подбора въ обществѣ весьма ограниченны, но прежде, чѣмъ принять окончательно этотъ выводъ, мы должны разсмотрѣть, не можетъ ли неравночисленность половъ быть замѣнена особымъ способомъ спариванья, и соціальныя условія, относящіяся къ сближенію половъ,

не могутъ ли играть роль этого естественнаго условія? Для этого мы разсмотримъ, по отношенію къ нашему вопросу, различные способы спариванья, господствующіе въ человѣческихъ обществахъ. Первобытный способъ спариванья человѣка мало чѣмъ отличался отъ способа спариванья низшихъ животныхъ и, до вмѣшательства въ межполовыя отношенія государства и религіи, прошелъ нѣсколько ступеней развитія, извѣстныхъ этнологамъ подъ именемъ коммунальнаго брака, полиандріи, полигаміи умычкой (увода). Когда, наконецъ, государство, большею частью подъ вліяніемъ религіи, начало регулировать межполовыя отношенія, то этимъ создались двѣ, съ общественной точки зрѣнія различныя формы спариванья: законная, или бракъ, и незаконная. Дальнѣйшее развитіе начало различать различныя незаконныя формы—конкубинатъ, или незаконное сожительство, прелюбодѣяніе, или тайная незаконная связь, и проституція, связь развратная. Законная форма тоже весьма сильно разнообразится, смотря по народамъ, эпохамъ и степенямъ цивилизаціи. Поочередно, мы разберемъ значеніе каждой формы для полового подбора; мы должны опредѣлить, чѣмъ обусловливается каждый изъ этихъ способовъ спариванья? и какъ отражается онъ на составѣ слѣдующаго поколѣнія?

Бракъ — общепризнанная и самая распространенная форма спариванья. Насколько эта форма спариванья преобладаетъ надъ остальными, можно судить по слѣдующему вычисленію, сдѣланному для Россіи по «Военно-Статистическому Сборнику». Въ Европейской Россіи съ 1820 по 1860 годъ общее число браковъ равнялось 17,934,580, такъ что среднимъ числомъ ежегодно ихъ совершалось за этотъ періодъ *448,364*. Съ другой стороны, съ 1804 по 1844 родилось всего дѣтей обоего пола 67,973,801; по «В.-Ст. Сб.» изъ каждой 1000 родившихся дожило до 15 лѣтъ 548, до 20 — 529, поэтому мы не сдѣлаемъ ошибки, если для 16 лѣтъ возьмемъ 544. Въ такомъ случаѣ за весь періодъ 1840 — 60 гг. достигло 16-ти-лѣтняго возраста всего 36,976,747 лицъ обоего пола, а ежегодно среднимъ чи-

сломъ = *924,418*. При отношеніи женщинъ къ мущинамъ какъ 102,5 : 100 мы будемъ имѣть для однѣхъ женщинъ цифру *467,916* ежегодно достигающихъ 16-ти лѣтъ. Такова ежегодная прибыль невѣстъ, а убыль ихъ выходомъ замужъ = 448,364, разность 19,552 показываетъ число дѣвушекъ, достигшихъ зрѣлости, ежегодно не находящихъ себѣ жениховъ. Предполагая между ними такую же смертность, какъ и въ остальномъ женскомъ населеніи, мы получимъ для разсматриваемаго сорокалѣтняго періода среднюю цифру дѣвушекъ чадороднаго возраста, не нашедшихъ себѣ законной пары = *435,523*. Къ этому надо прибавить число молодыхъ вдовъ, и тогда мы будемъ имѣть число женщинъ, по необходимости выходящихъ на путь незаконныхъ половыхъ отношеній. Изъ этого уже видна ничтожность вліянія незаконныхъ формъ спариванья на составъ поколѣній въ Россіи, число незаконнорожденныхъ въ Россіи = 3,56% общаго числа рожденій. Для западноевропейскихъ государствъ у г. Янсона [1]) находимъ данныя объ относительной численности не вступившихъ въ бракъ дѣвушекъ. Всѣхъ такихъ дѣвушекъ, старше 20 лѣтняго возраста, числится (въ процентахъ въ общей численности):

Швейцарія	21,5%	Германія	16,2%
Португалія	21,0 »	Австрія (Цисл.)	16,1 »
Бельгія	20,5 »	Данія	16,1 »
Швеція	18,4 »	Франція	13,9 »
Голландія	18,0 »	Италія	13,8 »
Англія	16,7 »	Испанія	13,5 »
Норвегія	16,6 »	Греція	5,7 »
		Венгрія	3,0

Имѣя въ виду, что въ Западной Европѣ сравнительно незначительный процентъ дѣвушекъ вступаетъ въ бракъ раньше 20-ти лѣтъ, мы должны будемъ согласиться, что всѣ эти данныя достаточно ясно показываютъ первенствующее значеніе въ соціальной жизни законной формы спариванья; очевидно, именно ея послѣдствія будутъ, главнымъ образомъ, опредѣлять составъ будущихъ поколѣній.

[1]) Сравнительная статистика I, 93—98.

Поэтому-то намъ необходимо подольше и повнимательнѣе остановиться на уясненіи себѣ способа дѣйствія этой формы.

Разнообразіе формъ брака въ различныхъ обществахъ и на различныхъ ступеняхъ историческаго развитія одного и того же общества особенно усложняетъ изученіе біологическаго значенія этого института. Первобытною формою брака болѣе или менѣе единодушно всѣ лучшіе этнологи и антропологи (Тэйлоръ, Лёббокъ, Мак'Леннанъ и др.) признаютъ, такъ-называемый, *коммунальный бракъ*, когда, собственно говоря, никакого брачнаго установленія не было, и половыя отношенія обусловливались влеченіемъ и силой. Очевидно, на этой ступени еще не можетъ быть и рѣчи о вліяніи соціальныхъ дѣятелей, потому что, если и были зачатки общества, это общество еще не вмѣшивалось въ половыя отношенія мужчинъ и женщинъ и даже не вліяло на нихъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Здѣсь остались еще въ полной силѣ и дѣйствіи, почти безъ всякаго ограниченія или усложненія соціальными вліяніями, дѣятели органическіе и, конечно, половой подборъ могъ имѣть мѣсто при благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. при неравночисленности половъ. Неравночисленность половъ также весьма вѣроятна, если принять во вниманіе довольно распространенный въ эту пору обычай дѣтоубійства, преимущественно дѣвочекъ. Этотъ обычай, являясь содѣйствователемъ органическаго прогресса, вмѣстѣ съ тѣмъ вызвалъ измѣненіе формъ брака. Истребленіе дѣвочекъ въ средѣ племени должно было произвести оскудѣніе женщинъ и оставить, быть можетъ, многихъ мужчинъ безъ возможности спариться. Такое положеніе въ различныхъ племенахъ вызвало различныя послѣдствія: однѣ обратились къ поліандріи, которая у нихъ смѣнила, такимъ образомъ, коммунальную форму; другія стали похищать женщинъ изъ другихъ племенъ. Похищенная и уведенная силою, конечно, принадлежала уже исключительно похитившему, а не цѣлому племени; такое преимущество брака съ чужеземкой должно было распространить обычай похищенія, причемъ каждый, натурально, старался

увести столько женщинъ, сколько могъ похитить и прокормить. Такимъ образомъ, въ этихъ племенахъ, параллельно и другъ друга обусловливая, развились полигамія и обычай экзогаміи (экзогамія—бракъ съ иноплеменницею); эта форма брака, господствующая нынѣ у низшихъ племенъ и нѣкогда преобладавшая и у арійцевъ, объясняется необходимостью похищенія, брака уводомъ или умычкой, вызваннаго оскудѣніемъ женщинъ племени, а съ другой стороны ихъ относительною самостоятельностью, столь противоположною полному подчиненію иноплеменницъ Этимъ-то способомъ изъ одного источника, коммунальнаго брака, развились двѣ совершенно противуположныя формы: — *поліандрія*, сопровождаемая обыкновенно *эндогаміей* (бракъ съ соплеменницею) и *полигамія*, сопровождаемая обыкновенно *экзогаміей*. Трудно даже приблизительно сообразить, какой $^0/_0$ первобытныхъ племенъ пошелъ тою, а какой— иною дорогою, но достовѣрно только то, что въ племенной борьбѣ за существованіе рѣшительный верхъ взяли племена, пошедшія второю дорогою, принявшія бракъ уводомъ со всѣми его послѣдствіями. Есть много доказательствъ тому, что прежде поліандрія вовсе не была такою рѣдкостью, какъ нынѣ, и что потому мы не имѣемъ права утверждать, что обращеніе коммунальной формы въ поліандрическую было только частнымъ исключеніемъ, а общимъ правиломъ являлся переходъ къ экзогамичной полигаміи, къ браку умычкой. Такой авторитетъ, какъ Мак-Леннанъ, предполагалъ даже, что поліандрія была общимъ правиломъ, но Дж. Леббокъ опровергнулъ это мнѣніе. Однако, чѣмъ же объяснить такую повсемѣстную побѣду полигамичныхъ племенъ надъ поліандричными? Мнѣ, кажется, это было дѣломъ органическаго прогресса, но уже обусловленнаго соціальными дѣятелями. Половой подборъ, также какъ и естественный, способствовалъ этому. При бракѣ умычкой, факторомъ, управляющимъ спариваніемъ, являются сила, хитрость, энергія мужчины; чѣмъ мужчина сильнѣе, хитрѣе, дѣятельнѣе, ловче—тѣмъ большее количество женщинъ онъ будетъ въ состояніи похитить и со-

держать и тѣмъ многочисленнѣйшее оставитъ потомство; такимъ образомъ, племена, принявшія полигамію уводомъ, должны были подбираться по силѣ, энергіи и т. д.,—качествамъ, столь же важнымъ въ борьбѣ за существованіе, какъ и въ борьбѣ за женщину. Совершенно наоборотъ въ эндогамичной поліандріи: здѣсь управляетъ спариваньемъ предпочтеніе женщины, рѣшающимъ элементомъ является привлекательность мужчины, и какое бы она ни имѣла значеніе въ соперничествѣ за женщину, она не даетъ никакого преобладанія въ борьбѣ за существованіе. Такимъ образомъ, различные соціальные брачные обычаи повліяли такъ, что половой подборъ въ одномъ случаѣ размножалъ силу и энергію, въ другомъ—красоту; естественно, что при столкновеніи послѣдніе должны были потерпѣть пораженіе, особенно если принять въ разсчетъ бо́льшую быстроту размноженія при полигаміи, чѣмъ при поліандріи. Такимъ-то путемъ, половой подборъ расчищаетъ поле для дѣйствія естественнаго подбора, когда наступитъ моментъ борьбы различныхъ обществъ за существованіе. Неравенства качественныя и количественныя, порожденныя различіями въ формѣ спариванья, принятой въ томъ или другомъ обществѣ—вотъ что рѣшаетъ исходъ ихъ борьбы. Но независимо отъ полового подбора, эти неравенства создаются непосредственнымъ вліяніемъ біологическихъ законовъ наслѣдственности и скрещиванья; обычай эндогаміи, повсюду сопровождавшій поліандрію, велъ къ тѣсному скрещиванію, а тѣсное скрещиваніе одноплеменныхъ особей, при немногочисленности первобытныхъ обществъ, должно было раньше или позже выказать всѣ свои послѣдствія, т.-е. уменьшенную плодовитость и физическое вырожденіе, которое кончается вымираніемъ племени. Но даже не доводя процесса до этого послѣдняго результата, уже средніе термины его, малоплодность и ослабленіе организма, даютъ громадный перевѣсъ враждебнымъ племенамъ. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ органическаго прогресса получила повсемѣстное преобладаніе полигамія умычкой, съ вытекающимъ отсюда порабощеніемъ женщинъ.

Въ своемъ первобытномъ грубомъ видѣ, форма эта господствуетъ еще и нынѣ у австралійцевъ, нѣкоторыхъ полинезійцевъ и негровъ; остатки и слѣды этой формы можно прослѣдить почти у всѣхъ племенъ земного шара, такъ какъ потомки поліандричныхъ племенъ составляютъ ничтожное меньшинство. У арійцевъ, предковъ нынѣшнихъ европейцевъ, форма эта существовала, повидимому, какъ общее правило; многіе изъ славянскихъ этнографовъ не желаютъ допустить этого относительно славянъ, толкуя различнымъ образомъ извѣстныя мѣста у Нестора. Другіе, которые даже допускаютъ, что умычка была похищеніе, вѣроятно, возмутились бы, еслибы ее поставили на-ряду съ безобразными и варварскими обычаями какихъ-нибудь папуасовъ или негровъ. А между тѣмъ, все заставляетъ думать, что у нашихъ предковъ господствовала именно эта грубая форма похищенія. Я не буду говорить о неизбѣжной преемственности формъ брака, и что самое признаніе похищенія, хотя бы безъ грубаго насилія, ведетъ за собою неизбѣжное заключеніе, что ему предшествовали болѣе варварскіе обычаи, когда племена были болѣе отчуждены; что существованіе смягченной формы доказываетъ, что славяне выбрали не поліандрію, а бракъ уводомъ, и что, потому, во время ихъ перехода къ этой формѣ, они должны были пройти ту степень развитія, которая неизбѣжно лежитъ между исходною и конечною. Наконецъ, мнѣ кажется, анализъ самого текста Несторовой лѣтописи показываетъ правильность этихъ заключеній.

Описывая брачные обычаи у славянъ, Несторъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ ихъ у различныхъ племенъ. Про древлянъ онъ говоритъ: «браци у нихъ не бываху, а оумыкиваxоу себѣ дѣвицъ оуводы; имѣху же по двѣ и по три жены». Про сѣверянъ, радимичей и вятичей онъ выражается иначе: «браци у нихъ не бываху», разумѣя, конечно, правильный, по его понятію, бракъ, а были, продолжаетъ онъ, между селъ игрища и плесконанья, и на нихъ-то они «оумыкиваxоу себѣ женъ, съ нею же кто свѣщашеся». У полянъ обычаи описываются еще иначе, но

для насъ они не важны; остановимся на текстѣ «оумыкиваxоу себѣ дѣвицъ оуводы» и уяснимъ себѣ его филологически. Принято слово *оумꙑкиваxоу* переводить «похищали», но я не знаю, есть ли филологическое объясненіе этого слова, а между тѣмъ мнѣ кажется, что это объясненіе пролило бы особенный свѣтъ на предыдущую исторію брака у славянъ. Въ самомъ дѣлѣ, «оумыкивати» есть терминъ, примѣняемый исключительно къ похищенію женъ, а если такъ, то не долженъ ли онъ, по своему корню, означать либо форму, либо обстоятельства похищенія, либо вообще что-нибудь относящееся къ браку? Постараемся же отыскать значеніе корня *оумꙑкивати*; отбросивъ суффиксы—«ива» и «ти» и префиксъ «оу», получимъ корень «мык». Въ русскомъ языкѣ мы находимъ этотъ корень въ словахъ: *мыкать* (жизнью, горе), *горемыка*, *помыкать*, *прес* (*д*) *мыкаться* и др. Безотрадное значеніе корня — очевидно Принимая во вниманіе, съ одной стороны, это значеніе, а съ другой, чередованіе въ древне-славянскомъ языкѣ звука ъı и носовыхъ ѧ и ѧ (камы, єиє), мы легко перейдемъ къ другой группѣ словъ того же корня—му́ка (корень мѫк), мучить, примучивать и т. д. Если, что весьма вѣроятно, и древне-русское «*оумꙑкивати*» того же корня, то по-русски оно переведется *умучивать*.—Между тѣмъ мы знаемъ, что тамъ, гдѣ существуетъ форма брака похищеніемъ, тамъ подобное выраженіе получило бы вполнѣ дѣйствительный, хотя и печальный смыслъ. Австралійцы похищаютъ своихъ женъ грубымъ насиліемъ, дѣйствительно *умучиваютъ*. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «Въ Сиднеѣ, говоритъ Леббокъ [1]), несчастныхъ женщинъ стараются украсть въ отсутствіе ихъ покровителей. Ихъ сперва оглушаютъ ударами по головѣ, по спинѣ и плечамъ, затѣмъ окровавленныхъ тащатъ въ лѣсъ за руку съ такою силою и быстротою, что надо удивляться, какъ имъ не вывихнутъ руки. Похититель не обращаетъ вниманія на попадающіеся пни или камни, заботясь исключительно о томъ,

[1]) Дж. Леббокъ. „Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка", русск. перев. гл. III, 63—64.

чтобы дотащить призъ до мѣста стоянки»; или «На Бали, одномъ изъ о—въ между Явою и Новою Гвинеею—тоже распространенъ обычай похищать дѣвушекъ грубымъ насиліемъ, волоча за волосы и не щадя пинковъ, чтобы заставить идти за собою скорѣе въ чащу» [1]). Я думаю тотъ, кто назвалъ бы этого рода похищеніе *умучиваньемъ*, *оумыкиваньемъ*, былъ бы правъ. Конечно, нельзя утверждать, что умыкиванье дѣвицъ у древлянъ происходило. именно въ такой формѣ; будь это такъ, Несторъ, конечно, не преминулъ бы сообщить это; но слово оставалось въ то время памятникомъ болѣе отдаленной эпохи, когда оно было впервые изобрѣтено для господствовавшаго въ то время способа похищенія; оно соотвѣтствовало этому болѣе древнему способу, но, по привычкѣ, примѣнялось и къ болѣе мягкимъ позднѣйшимъ формамъ, даже къ похищенію по добровольному согласію, какъ у сѣверянъ, вятичей и др. Однако, у древлянъ, форма умычки все же осталась насильственною, хотя, быть можетъ, не столь грубою, какъ у современныхъ сиднейцевъ или балійцевъ. На это указываетъ тотъ же текстъ Нестора: 1) Весьма важно выяснить себѣ значеніе выраженія «*оуводы*». Сколько мнѣ извѣстно, это слово читали *оу воды*, но, въ такомъ случаѣ, это рѣшительно non sens; зачѣмъ у воды? Съ какой стати замѣшалась тутъ вода? [2]) Если же читать слитно *оуводы*, то смыслъ ясенъ,—это творительный падежъ множественнаго числа мужескаго рода отъ существительнаго *уводъ*; *оумыкиваху оуводы* значитъ *похищали уводами*, т.-е. силою, насиліемъ, уводомъ. Стоитъ обратить вниманіе на то, что, говоря про сѣверянъ и вятичей, Несторъ замѣняетъ выраженіе «*оуводы*» выраженіемъ «*съ нею же кто свѣщашеся*», какъ бы противуполагая ихъ одно другому. И тутъ, и тамъ

---

[1]) Ibidem. 64

[2]) Наши миѳологи строили, впрочемъ, на основаніи этого мѣста самыя разнообразныя теоріи о значеніи воды, какъ символа, и пр. и пр. Мнѣ пріятно оговориться, что покойный славистъ, проф. В. И. Григоровичъ одобрилъ мое толкованіе выраженія *оуводы*, хотя и не согласился съ выводами, сдѣланными мною изъ этого толкованія.

похищеніе, но у древлянъ *уводомъ*, а у сѣверянъ «*съ которою кто уговорится*». 2) Косвеннымъ подтвержденіемъ насильственнаго увода у древлянъ являются слова Нестора «*имѣху же по двѣ и по три жены*»; мы знаемъ, что насильственное похищеніе и полигамія идутъ всегда рука объ руку.

Однако намъ пора вернуться къ предмету нашего разсужденія. Мы остановились на томъ моментѣ, когда полигамія умычкой подъ вліяніемъ органическихъ дѣятелей вытѣснила племева съ коммунальною или поліандричною формою брака.

При этой первобытной полигаміи, какъ мы видѣли, представляется широкое поле для дѣйствія полового подбора, которому подвергаются мужчины по отношенію къ силѣ, хитрости, энергіи, ловкости, способности трудиться и т. п., качествамъ, необходимымъ для умычки, сохраненія и прокормленія женъ. Первобытная форма полигаміи умычкой должна была существовать долгое время, медленно измѣняясь подъ вліяніемъ бо̀льшаго общенія между людьми и давленія религіи, пока, наконецъ, мелкія племена не слились или не разрослись въ народы, народы не сложились въ государства, и пока, такимъ образомъ, не появилась впервые сласть принудительная, кромѣ обычая и личной силы, *власть государственная*. Съ этого момента начинается впервые вполнѣ опредѣленное воздѣйствіе историческихъ дѣятелей на дѣятелей органическихъ; хотя на этой ступени различные соціальные дѣятели—богатство, религія, правительство, наука и т. д. еще не дифференцовались, а соединяютоя въ одномъ господствующемъ классѣ, однако, и въ такомъ, такъ сказать, зачаточномъ состояніи, они должны оказать вліяніе, качественно сходное съ ихъ вліяніемъ въ развитомъ состояніи. Въ чемъ выразилось ихъ вліяніе при самомъ ихъ появленіи въ видѣ первой государственной власти? Какими послѣдствіями отразилась она на половомъ подборѣ въ полигамичныхъ обществахъ, гдѣ проявилась? До ея появленія половой подборъ широко распространялъ свою компетентность и обусловливался, направ-

лялся такъ же, какъ въ органическомъ прогрессѣ, посмотримъ на него послѣ появленія государственной власти.

Всякая власть, мы знаемъ, реализуется въ общественной жизни нѣкоторымъ перераспредѣленіемъ значенія личныхъ воль, такъ что воли нѣкоторыхъ личностей, такъ сказать, пріобрѣтаютъ осуществимость непропорціонально личной силѣ ихъ обладателей; воли другихъ, напротивъ того, относительно слабѣютъ. Такъ какъ въ полигамичныхъ племенахъ, гдѣ умычка была господствующимъ обычаемъ, сила опредѣляла отношенія половъ, то естественно, что еще долгое время, послѣ появленія государства, сила же, только нѣсколько перераспредѣленная, иначе опредѣляющаяся, удерживала свое господство въ этой области; но теперь уже не личная сила или энергія давали перевѣсъ мужчинѣ въ борьбѣ за женщину, а большая или меньшая высота общественнаго положенія, большее или меньшее участіе въ государственной власти, соединенное съ богатствомъ, потому что первоначально богатыми были и могли быть только причастные власти.

Прежде, когда личныя качества особи мужского пола обусловливали ея торжество или пораженіе въ борьбѣ за спариванье, качества, благопріятствующія торжеству, размножались въ потомствѣ, и этимъ путемъ проявлялся половой подборъ. Теперь, когда успѣхъ въ борьбѣ за женщину зависитъ отъ *права* приказать, или отъ *богатства*, дозволяющаго купить, отъ двухъ условій, *которыя органически не наслѣдственны*, теперь прежнее русло, по которому шло теченіе полового подбора, оказалось совершенно засореннымъ; конечно, засореніе и засасываніе это шло постепенно. Сначала, при слабости или ограниченности сферы вліянія государства, умычка продолжала существовать и только мало-по-малу замѣнилась признаніемъ правъ властителя на всѣхъ женщинъ (Дагомея), покупкою, правомъ первой ночи и др. проявленіями новой принудительной силы. Съ другой стороны, въ случаяхъ, гдѣ государство возникло не какъ послѣдствіе завоеванія, можно предполагать, что наслѣдственность аристократіи и богатства установилась

не сразу, и что, потому, отчасти ввзвышались до власти только обладавшіе извѣстными личными качествами, и, оставляя болѣе многочисленное потомство, упрочивали и размножали эти качества. Но всѣ эти соображенія относятся только къ раннему періоду государства; затѣмъ сфера компетентности государственной власти расширилась, ею начали регулироваться брачныя отношенія, съ другой стороны, упрочилась наслѣдственность господствующихъ классовъ, и этими двумя путями государство окончательно вытѣснило половой подборъ съ той дороги, по которой онъ развивался до возникновенія государства. Но закрывая, такъ сказать, однѣ двери, государство открыло половому подбору другія; возникшее среди полигамичныхъ племенъ государство узаконило эту форму брака, устранивъ только умычку, какъ проявленіе произвола, который государство старалось подчинить себѣ. Эта *законная* полигамія, передавая возможность выбора въ руки наслѣдственной аристократіи ,уничтожила подборъ черезъ мужчинъ и открыла поле для подбора женщинъ, но только по красотѣ. Изъ этого *права* аристократіи произошли слѣдующія послѣдствія: 1) такъ какъ подборъ сосредоточился только въ аристократіи, то ея результатомъ явилось дифференцованіе сословій по внѣшнему виду, и 2) такъ какъ полигамія, признанная закономъ, могла дѣйствительно осуществляться только въ господствующемъ классѣ, то этотъ классъ долженъ былъ быстрѣе размножаться. Это второе послѣдствіе особенно важно для уясненія причины поглощенія побѣдителями побѣжденныхъ, а не наоборотъ, какъ это бываетъ у моногамичныхъ народовъ. Таково-то дѣйствіе полового подбора при тѣхъ измѣненныхъ условіяхъ, въ которыя его поставила государственная власть, и которыя мало-по-малу повсюду были освящены религіей и вошли въ традиціонный нравственный кодексъ народовъ. Народы эти и до сихъ поръ стоятъ на той же ступени брачныхъ отношеній и вообще медленно поддаются вліянію другихъ формъ быта. Опередившіе ихъ народы точно такъ же вытѣсняютъ ихъ съ арены исторіи,

какъ когда то они вытѣснили поліандрическія и коммунальныя племена.

Однако, не всѣ племена пошли только-что очерченной дорогой; мы знаемъ, что еще въ болѣе раннюю эпоху часть и, по всей вѣроятности, довольно значительная часть коммунальныхъ племенъ перешла не къ полигаміи умычкой, а къ поліандріи, и хотя большинство этихъ племенъ должно было погибнуть въ борьбѣ съ полигамами и отъ слишкомъ тѣснаго скрещиванья, но нѣкоторыя изъ нихъ могли сохраниться, вслѣдствіе, быть можетъ, большей многочисленности или рано появившагося религіознаго воспрещенія кровосмѣшенія. По исчезновеніи обычая дѣтоубійства, равновѣсіе половъ въ этихъ племенахъ должно было возстановиться и поліандрія сама собою обратилась въ моногамію. Такимъ образомъ, могли возникнуть первыя моногамичныя общества. Съ другой стороны, не всѣ племена, принявшія бракъ умычкой, развили эту форму брака въ законную полигамію, и часть ихъ подъ вліяніемъ религіи при возникновеніи государства обратилась къ моногаміи. Вообще было бы крайне интересно прослѣдить въ подробности процессъ развитія этой формы брака, но для насъ не такъ важна причина ея появленія, какъ послѣдствія, которыми она отразилась на половомъ подборѣ. Съ перваго взгляда очевидно, что распространеніе моногаміи должно было положить конецъ половому подбору въ той формѣ, въ которой онъ проявлялся при низшихъ фазахъ, въ коммунальномъ бракѣ, въ поліандріи, въ полигаміи умычкой и въ законной полигаміи. Абсолютная или относительная неравночисленность половъ, служащая обыкновенно условіемъ полового подбора, не можетъ имѣть мѣста въ моногамичномъ народѣ. *A priori* можно видѣть, что, при почти равной численности половъ и при многочисленности народа, всякая желающая особь можетъ найти себѣ пару и оставить потомство; если же соціальныя условія и не допустятъ нѣкоторыя категоріи лицъ до брака, то послѣдствія такого явленія не могутъ быть отнесены къ эффектамъ полового подбора, такъ какъ устраненіе ихъ отъ брака не зависитъ отъ пораженія

въ борьбѣ за спариванье, а отъ неудачи въ борьбѣ съ обстоятельствами жизни, съ условіями соціальными. Это скорѣе эффекты естественнаго подбора, чѣмъ полового, если только нужно непремѣнно опредѣлить это явленіе біологическимъ терминомъ

Разсматривая условія, отъ которыхъ зависитъ бракъ въ моногамичныхъ обществахъ, мы не находимъ, чтобы сила являлась тутъ главнымъ регуляторомъ спариванья. Конечно, злоупотребленіе властью и тутъ имѣетъ мѣсто, но здѣсь это уже—злоупотребленіе, исключеніе, въ началѣ, правда, весьма частое, но все же исключеніе, а общее правило—либо добровольное соглашеніе спаривающихся, либо, съ одной стороны, добровольный выборъ, а съ другой, согласіе родителей, либо съ обѣихъ сторонъ соглашеніе между родителями. Чтобы половой подборъ могъ проявиться, необходимы слѣдующія условія: 1) тѣ, отъ которыхъ зависитъ заключеніе брака, обладаютъ наклонностью выбирать качества, болѣе или менѣе однородныя и органически наслѣдственныя, 2) особи, обладающія этими качествами, оставляютъ болѣе многочисленное потомство. Почему бы имъ оставить болѣе многочисленное потомство, если условій, указанныхъ Дарвиномъ, неравночисленности половъ, неединовременности созрѣванія и полигаміи, не существуетъ? Быть можетъ, это было бы возможно, еслибы особенно нравящіяся качества находились въ генетической связи съ плодовитостью. Еслибы тѣ качества, которыя обыкновенно цѣнятся при бракѣ, были причинно связаны съ плодовитостью, то они, повидимому, могли бы размножиться и способствовать размноженію мужскихъ качествъ. Конечно, ихъ собственное размноженіе можно приписать подбору только съ натяжкою, но чрезъ ихъ посредство могутъ, какъ выше упомянуто, размножиться и нѣкоторые мужскіе признаки. Процессъ этотъ мы можемъ себѣ представить слѣдующимъ образомъ: качество *A* высоко цѣнится въ невѣстахъ, это качество генетически связано съ плодовитостью, имъ обладаетъ только, положимъ, $^1/_4$ невѣстъ; эта $^1/_4$ невѣстъ, поэтому, осаждается женихами, и

ей представляется поле для выбора; въ женихахъ преимущественно цѣнится качество *B*, поэтому большинство обладающихъ имъ поженятся на плодовитыхъ невѣстахъ и, вѣроятно, оставитъ болѣе многочисленное потомство. Конечно, логически представить себѣ этотъ процессъ весьма возможно, но реализировать его въ мысли на конкретномъ примѣрѣ чрезвычайно трудно. Во всякомъ случаѣ, я не вижу другого пути, которымъ бы могъ проявиться половой подборъ при строгой моногаміи, исключая высшихъ классовъ. Завидное положеніе жены лица, принадлежащаго къ господствующему классу, даетъ мужчинамъ этого класса широкую возможность выбора между женщинами всѣхъ классовъ, а такимъ путемъ въ высшихъ классахъ подберется красота. Впрочемъ, эндогамія, господствующая въ большинствѣ моногамичныхъ аристократій, сильно препятствуетъ этому.

Итакъ, единственный путь, сколько-нибудь общій, которымъ можетъ совершаться половой подборъ, при строгой моногаміи, это—высокая оцѣнка при заключеніи брака женскихъ качествъ, соединенныхъ причинною связью съ плодовитостью, т.-е. либо такихъ, которыя зависятъ отъ плодовитости, либо такихъ, отъ которыхъ зависитъ плодовитость, либо, наконецъ тѣхъ, которыя имѣютъ причину, общую съ плодовитостью. Обыкновенно руководствомъ при заключеніи брака служатъ, порознь или вмѣстѣ, слѣдующія качества: красота, богатство, общественное положеніе, нравственныя достоинства. Всѣ эти качества цѣнятся какъ въ невѣстахъ, такъ и въ женихахъ. Рѣже въ невѣстахъ обращаютъ вниманіе на другія физическія качества, силу, иногда даже на здоровье прямо. Впрочемъ, значеніе физическихъ качествъ, которыя, однако, одни *могутъ* имѣть связь съ плодовитостью, постепенно падаетъ въ глазахъ обоихъ половъ, и поэтому, хотя и можно сказать, что ихъ преимущественный выборъ могъ бы порою возстановить половой подборъ, однако, это возстановленіе должно пониматься въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Изъ психическихъ качествъ, развѣ только про одну энергію можно сдѣлать

предположеніе, что она нѣсколько связана съ плодовитостью чрезъ посредство здоровья, но она то именно менѣе другихъ качествъ цѣнится въ женщинахъ; что касается качествъ эмоціональныхъ, интеллектуальныхъ, нравственныхъ въ тѣсномъ смыслѣ, то для этихъ трехъ преимущественно цѣнимыхъ категорій психическихъ качествъ даже съ натяжкою нельзя установить связи съ плодовитостью. Два остальныя условія заключенія брака: состояніе и общественное положеніе органически не наслѣдственны.

Изъ этихъ разсужденій мы видимъ, что съ развитіемъ цивилизаціи, т.-е. съ прогрессомъ соціальныхъ дѣятелей, значеніе полового подбора падаетъ, съ одной стороны, вслѣдствіе установленія моногаміи, съ другой, отъ измѣненія мотивовъ спариванья. Самое большое, что мы можемъ допустить—это, что онъ проявляется чрезъ посредство высокой оцѣнки физическихъ достоинствъ, да и то весьма проблематично. При строгой и наслѣдственной сословности онъ можетъ содѣйствовать дифференцованію сословій по внѣшнему виду, но съ успѣхами цивилизаціи сословность падаетъ, а съ нею, повидимому, исчезаетъ послѣдняя возможность дѣятельнаго полового подбора. Вообще, при строгой моногаміи, какъ мы только что видѣли, половой подборъ можетъ быть вызванъ къ дѣйствію при двухъ условіяхъ: или строгая, наслѣдственная сословность, или высокая оцѣнка въ невѣстахъ качествъ генетически связанныхъ съ плодовитостью. Оба эти условія съ развитіемъ цивилизаціи падаютъ; сила почти вовсе не берется въ разсчетъ, особенно для женщинъ; значеніе красоты тоже уменьшилось, да и ея связь съ плодовитостью проблематична; фортуна весьма непостоянна и потому не можетъ съиграть роль наслѣдственной аристократіи, наконецъ нравственныя качества, еслибы и имѣли большее значеніе при заключеніи брака (чего надо ожидать съ развитіемъ цивилизаціи), къ плодовитости отношенія не имѣютъ.

Итакъ, мы можемъ сказать о послѣдовательномъ развитіи полового подбора въ человѣческомъ обществѣ, что главные фазисы его были слѣдующіе: 1) *коммунальный*

бракъ — подборъ обусловленъ абсолютною неравночисленностью половъ вслѣдствіе дѣтоубійства; 2) *поліандрія* — подборъ обусловленъ тѣмъ же, подбирается красота и развивается эндогамія; 3) рядомъ съ поліандріей, *полигамія умычкой* — подборъ обусловленъ господствомъ личной силы, какъ регулятора брачныхъ отношеній; 4) *законная полигамія* — подборъ обусловленъ кастовымъ устройствомъ и деспотизмомъ высшихъ классовъ; 5) *моногамія* — подборъ обусловливается сословностью и связью подбираемыхъ женскихъ качествъ съ плодовитостью при взаимномъ подборѣ женщинами мужскихъ качествъ. Ходъ прогресса въ послѣднемъ фазисѣ уничтожаетъ оба условія, такъ что половой подборъ, игравшій на первыхъ ступеняхъ прогресса большую роль, теряетъ, повидимому, при его поступательномъ движеніи всякое значеніе и долженъ быть, наконецъ, исключенъ, какъ кажется, изъ числа факторовъ историческаго прогресса, хотя бы второстепенныхъ. Первымъ ударомъ его значенію въ полигамичныхъ племенахъ было образованіе государственной власти, положившей конецъ похищенію силой и сосредоточившей его дѣятельность только въ высшихъ классахъ; въ поліандричныхъ и частью полигамичныхъ племенахъ ударъ его вліянію нанесло установленіе моногаміи, которая ограничила его компетентность только аристократіей и существованіемъ довольно сложныхъ условій, соединенныхъ съ цѣнимостью качествъ, связанныхъ съ плодовитостью. Развитіе демократіи съ одной стороны, а съ другой первенствующее значеніе и привлекательность богатства и высокаго положенія и замѣна, въ идеалахъ, качествъ физическихъ нравственными, вотъ что рѣшительно вытѣснило половой подборъ даже съ того тѣснаго поля, которое первоначально было ему предоставлено моногаміей. Возникновеніе государственной власти, распространеніе моногаміи, торжество демократіи, измѣненіе идеаловъ—вотъ послѣдовательныя ступени паденія полового подбора. Основные біологическіе законы, сочетаніемъ которыхъ порождается половой подборъ, остались въ полномъ значеніи, но ихъ сочетаніе разложилось подъ вліяніемъ новыхъ

уже чисто соціальныхъ дѣятелей — государства, религіи, законодательства, богатства, эстетическихъ и нравственныхъ идеаловъ.

ГЛАВА VIII.

Половой подборъ внѣ брака.

Мы видѣли, что съ тѣхъ поръ, какъ государство и общество вмѣшались въ межполовыя отношенія, съ одной стороны ограничивъ и сдѣлавъ ихъ болѣе постоянными, а съ другой измѣняя мотивы брака, половой подборъ брачащихся особей началъ свое паденіе, пока, наконецъ, не изчезъ совершенно въ строгомъ моногамическомъ бракѣ при демократическихъ учрежденіяхъ и возвышеніи нравственныхъ идеаловъ. Но, помимо брачной формы, регулируемой законодательствомъ и общественнымъ мнѣніемъ, всегда существовала форма союза, избѣгавшая этого вліянія или даже шедшая прямо навстрѣчу ихъ контролю; съ тѣхъ поръ какъ возникла *законная полигамія*, а затѣмъ *законная моногамія*, рядомъ съ ними начали свое развитіе *незаконныя связи*, тайныя (прелюбодѣяніе) или явныя (конкубинатъ), смотря по состоянію общества, а чаще всего тѣ и другія одновременно. Нельзя сказать, чтобы онѣ, конечно, остались внѣ вліянія соціальныхъ дѣятелей; съ одной стороны, мотивы сближенія зависѣли отъ умственнаго и нравственнаго состоянія общества, въ которомъ эти формы развивались, а съ другой стороны, на нихъ отражалось весьма сильно и непосредственное давленіе государства и общества; только отражалось оно иначе: — если на брачной законной формѣ оно отражалось охраненіемъ, упроченіемъ разъ заключеннаго союза, дошедшимъ въ строгой моногаміи до абсолютной неразрывности его, то вліяніе ихъ на незаконную форму было совершенно противуположное. Какъ законодательство, такъ и общественное

мнѣніе старались по возможности положить препоны ея развитію, препятствуя заключенію союза, облегчая разрывъ или даже прямо разрывая уже заключенный союзъ, наказывая вступившихъ въ него, отвергая ихъ отъ общества и т. д. Такія различія въ соціальныхъ условіяхъ, при которыхъ развиваются обѣ формы — законная и незаконная, налагаютъ на насъ обязанность разсмотрѣть особо незаконную форму и опредѣлить, не открываетъ ли она половому подбору, по крайней мѣрѣ, калитку для входа въ общественный процессъ, когда ворота, находящіяся въ распоряженіи брака, повидимому, наглухо заперты?

Выше я показалъ, какъ ничтожно въ сущности число незаконныхъ сближеній относительно числа браковъ. Ничтожный % незаконнорожденныхъ, (среднее число за пятилѣтній періодъ съ 1859—1863 г. всего 108,620, т.-е. лишь 3 безмалаго процента), доказываетъ тоже весьма краснорѣчиво, что вліяніе незаконныхъ спариваній на составъ поколѣній не должно быть сильно. Вообще для Европы мы находимъ у г. Янсона [1]) слѣдующія данныя:

На 100 рожденій приходится незаконныхъ:

Австрія (Цисл.)	12,4	Венгрія	6,6
Данія	11,0	Англія	6,1
Шотландія	9,8	Швейцарія	5,3
Швеція	9,6	Голландія	3,4
Германія	8,7	Ирландія.	3,0
Норвегія.	8,4	Румынія	3,0
Бельгія	7,3	Россія	2,7
Франція	7,3	Греція	1,2
Италія.	6,6	Сербія.	0,7

Не надо забывать, кромѣ того, что законъ и общество ставятъ незаконнорожденныхъ обыкновенно въ весьма не-

---

[1]) Сравнительная статистика, I, 185—194.

Любопытна въ этой таблицѣ (расположенной въ порядкѣ убыванія незаконныхъ связей) бо́льшая наклонность къ незаконнымъ связямъ населеній германской расы (первыя шесть мѣстъ подъ рядъ) сравнительно съ романскою и славянскою. (Примѣч. 2-го изд.).

привлекательную жизненную обстановку, такъ что имъ не подъ силу конкурировать съ законнорожденными, появленіе которыхъ на свѣтъ такъ тщательно регулируется и контролируется государствомъ и обществомъ. Незаконнорожденныхъ умираетъ относительно больше еще до достиженія зрѣлости; поставленные въ худшія условія жизни, они, конечно, оставляютъ меньше потомства. Все это сводитъ до нуля значеніе незаконныхъ формъ въ сложеніи будущихъ поколѣній, при томъ состояніи общественнаго развитія, на которомъ стоитъ, напримѣръ, въ настоящее время Россія.

Однако, это насъ не освобождаетъ отъ обязанности изслѣдовать процессъ незаконныхъ формъ съ занимающей насъ точки зрѣнія. Мы видѣли, что въ Россіи ежегодный перевѣсъ предложенія невѣстъ надъ ихъ спросомъ=19,552; излишекъ женіховъ гораздо меньше. За тотъ же періодъ (1840—1860 гг.) онъ не превышалъ ежегодно среднимъ числомъ—2,566 не нашедшихъ пары женіховъ, принимая созрѣваніе мужчины, какъ оно опредѣлено закономъ, въ восемнадцать лѣтъ, двумя годами позже, чѣмъ у женщины [1]). Такая неравночисленность совершенно понятна; хотя преобладаніе женскаго пола, для цѣлаго народа, и не велико (102,5 : 100), однако, при большой абсолютной численности жителей и *при большой абсолютной численности браковъ*, которая совершенно одинаково вычитается изъ числа жителей обоего пола, естественно, остатки для мужскаго и для женскаго населенія должны оказаться въ совершенно другомъ отношеніи. Въ государствѣ, гдѣ вообще незначительно преобладаніе одного изъ половъ, въ частности для невступившихъ въ бракъ преобладаніе выразится весьма рѣзко, если только браки заключаются часто. Напримѣръ, въ Россіи ежегодный контингентъ невѣстъ, остающихся вакантными, болѣе чѣмъ въ 7 разъ превосходитъ число не нашедшихъ пары женіховъ; на одного такого жениха приходится 7,61 ненашедшихъ пары невѣстъ, тогда какъ отно-

[1]) Это вычисленіе сдѣлано на основаніи цифръ «*Военно-Статистическаго Сборника*» *т. IV. «Россія»*.

шеніе половъ для всего населенія выражается только, какъ 1 : 1,025. Но обыкновенно неуравнительность бываетъ даже больше: для Царства Польскаго она выражается отношеніемъ 100:106,8, для Финляндіи 100:105,4, для Сибири= 100:95,9. Но уже и при томъ отношеніи, которое представляетъ намъ Европейская Россія, неравновѣсіе созрѣвшихъ, но не нашедшихъ пары дѣвушекъ и мужчинъ очень значительно; правда, выше добытыя цифры выражаютъ вѣрно только ариѳметическое отношеніе, тогда какъ геометрическое должно нѣсколько измѣниться отъ прибавленія числа вдовъ и вдовцевъ. Вообще, чѣмъ болѣе будутъ возрастать абсолютныя цифры, тѣмъ менѣе рѣзка будетъ неравночисленность. Въ той рѣзкой формѣ, въ которой мы ее констатировали для Россіи, неравночисленность эта могла бы вызвать половой подборъ.

Вѣроятность полового подбора, обусловленнаго этою неравночисленностью, падаетъ вмѣстѣ съ паденіемъ строгости семейныхъ нравовъ, съ ослабленіемъ прочности и ненарушимости семейныхъ узъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ на рынокъ незаконнаго спроса и предложенія явится много лицъ обоего пола, состоящихъ въ бракѣ, и, такимъ образомъ, еслибы ихъ явилось даже и равное число, то геометрическое отношеніе между незаконноспаривающимися полами было бы сильно поколеблено, и равновѣсіе было бы нѣсколько возстановлено. Однако, есть основаніе предполагать, что мужчинъ, состоящихъ въ бракѣ, обратится къ незаконной связи больше, чѣмъ женщинъ, потому что даже при обоюдной, явной размолвкѣ, женщина, имѣющая дѣтей, часто воздержится отъ второго союза, не говоря о томъ, что общество полагаетъ на этомъ пути больше препятствій женщинѣ, чѣмъ мужчинѣ. Такимъ образомъ, тотъ самый общественный процессъ, который распространяетъ значеніе незаконныхъ формъ, конкубината и прелюбодѣянія, съ другой стороны, устраняетъ условіе, которое могло бы вызвать при этихъ формахъ дѣятельный половой подборъ. Но посмотримъ, не открываются ли ему другіе пути? Можетъ ли тутъ установиться неравночислен-

ность относительная? Прямая полигамія тутъ не можетъ съ достаточною силою проявить свое вліяніе, хотя несомнѣнно эта форма встрѣчается. Значеніе ея уничтожается слѣдующими соображеніями: 1) нѣсколькихъ конкубинъ одновременно могутъ содержать только люди богатые и развратные, такъ что, хотя развратъ между богатыми и распространеннѣе, тѣмъ не менѣе относительно всего населенія, или даже всѣхъ незаконныхъ связей, число ихъ будетъ ничтожно; 2) лицо, имѣющее нѣсколько конкубинъ, имѣетъ ихъ, конечно, не по любви, а за деньги, а такъ какъ обладаніе деньгами органически не наслѣдственно, то тутъ нечему и подбираться, и 3) развратныя связи бываютъ обыкновенно безплодны. И такъ, прямая незаконная полигамія, выражающаяся въ содержаніи любовницъ, столь близкомъ къ проституціи, не можетъ имѣть опредѣленнаго вліянія на составъ будущихъ поколѣній; половой подборъ тутъ не при чемъ. Можно, развѣ, сказать, что, дѣлая красивыхъ женщинъ безплодными, обычай такъ называемаго содержанія ихъ понижаетъ общій уровень красоты расы. Но, помимо полигаміи, относительную неравночисленность ищущихъ пары можно представить и при моногамныхъ отношеніяхъ, если только легко допускаютъ разрывъ. Въ такомъ случаѣ, естественно, особи, обладающія привлекательными качествами, имѣютъ шансы, въ разные періоды своей жизни, сблизиться съ большимъ числомъ лицъ другого пола, а, слѣдовательно, и потомство должны, вѣроятно, оставить болѣе многочисленное. Такимъ образомъ, можно, кажется, думать, что конкубинатъ (по любви, а не содержаніе) допускаетъ половой подборъ, особенно если взять въ разсчетъ тотъ путь, которымъ бы онъ могъ совершаться и въ моногамномъ бракѣ, т.-е. связь нѣкоторыхъ качествъ съ плодовитостью. Возможность реализаціи полового подбора въ этихъ двухъ видахъ подтверждается даже самымъ общимъ сравненіемъ стимуловъ сближенія въ бракѣ и въ конкубинатѣ. Богатство, которое является такимъ могучимъ опредѣлителемъ при заключеніи брака, теряетъ свое значеніе для незаконныхъ формъ. Оно можетъ

тутъ проявиться только въ облегченіи богатымъ развратникамъ удовлетворять своимъ похотямъ, но это, какъ мы видѣли, къ половому подбору не относится. То же должно сказать (хотя и въ меньшей мѣрѣ) и объ общественномъ положеніи. Такимъ образомъ, устраняются мотивы, обусловленные качествами, органически ненаслѣдственными. Остаются—красота и нравственныя достоинства, которыя, такимъ образомъ, повидимому, могутъ быть подбираемы [1]). Всѣ незаконныя связи должны быть раздѣляемы на связи по любви и связи по разврату, связи купленныя. Первыя (при неравночисленности половъ) допускаютъ половой подборъ, который ведетъ къ подбору обоихъ половъ по красотѣ и нравственнымъ качествамъ; вторая группа безплодна и распространеніе ея можетъ повести только къ пониженію уровня красоты. Вотъ каковы послѣдствія, которыя производятся распространеніемъ незаконныхъ формъ: — возстановленіе полового подбора, направляемаго развитіемъ нравственныхъ и эстетическихъ идеаловъ. Роль его тутъ служебная, правда, но и въ этой роли онъ могъ бы выказать свое значеніе, еслибы только незаконныя связи были чаще и еслибы жизнь молодого поколѣнія, порождаемаго ими, не была столь много хуже жизни законнорожденныхъ. Распространеніе незаконныхъ связей, сопровождающее нынѣ, повидимому, прогрессъ цивилизаціи, ведетъ къ устраненію перваго ограниченія, но второе остается въ полной силѣ. Установленіе гражданскаго брака, облегчающаго разводъ, и вообще всякое облегченіе этого акта, ведетъ отчасти къ тому же. какъ и обращеніе значитель-

[1]) Допуская это, мы допускаемъ органическую наслѣдственность нравственныхъ качествъ, между тѣмъ ясно, какъ съуживаются предѣлы даже этого проблематическаго подбора, если мы хотя часть психическихъ явленій признаемъ ненаслѣдственными. Нужно помнить, что подбору могутъ подвергаться преимущественно самыя сложныя психическія образованія, наслѣдственность которыхъ наиболѣе спорна; менѣе всего совершенства внѣшнихъ чувствъ, или даже простые интеллектуальные процессы, въ родѣ памяти, могутъ дать перевѣсъ въ борьбѣ за любовь, но скорѣе всего качества *характера* и достоинства *чисто нравственныя*: героизмъ, самоотверженіе и пр.

наго числа лицъ къ незаконной связи по любви, не производя вмѣстѣ съ тѣмъ тѣхъ же печальныхъ послѣдствій для потомства. Правда, съ *узаконеніемъ* свободной моногаміи, богатство и общественное положеніе возвращаютъ свое значеніе, какъ опредѣлители при сближеніи, но едвали въ такой степени, какъ при пожизненной ненарушимости супружескихъ обѣтовъ.

Такимъ образомъ, историческій прогрессъ, который сначала установляя пожизненную моногамію, сословное равенство и экономическую неуравнительность, совершенно устранилъ половой подборъ, самъ же при дальнѣйшемъ развитіи стремится возвратить его къ дѣйствію, уничтожая пожизненность моногаміи или подтачивая прочность семейныхъ узъ. Послѣднее явленіе, конечно, нельзя назвать прогрессивнымъ, потому что оно вноситъ въ общество обманъ, вызываетъ множество и другихъ безнравственныхъ явленій и создаетъ въ молодомъ поколѣніи цѣлый разрядъ людей, незаслуженно поставленныхъ съ самаго рожденія въ печальное положеніе. Всѣ эти послѣдствія являются естественною карою для общества, столь упрямаго въ своемъ консерватизмѣ, что оно противится всякому смягченію суровости пожизненной, неразрывной моногаміи. Эти невзгоды, вѣроятно, много превышаютъ ту пользу, которую общество могло бы извлечь изъ возобновленнаго дѣйствія полового подбора, который является теперь лишь воплотителемъ нравственныхъ и эстетическихъ идеаловъ эпохи. Несомнѣнно, оно извлекаетъ эту пользу, когда идетъ на встрѣчу прогрессу и устанавливаетъ болѣе свободную форму моногаміи. Впрочемъ, это уже вопросъ не абстрактной, а прикладной науки, и рѣшеніе его зависитъ отъ соображенія частныхъ условій и обстоятельствъ, отъ вычисленія вреда или выгоды не одного фактора, но всѣхъ въ совокупности. Такъ, напримѣръ, въ нашемъ случаѣ прочность семьи для общества важна, какъ обезпеченіе лучшей участи большинства молодого поколѣнія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ оно жертвуетъ меньшинствомъ. Вопросъ прикладной науки рѣшить, когда это меньшинство

стало достаточно значительно, чтобы дальнѣйшее пренебреженіе имъ не сдѣлалось опаснымъ? и когда, слѣдовательно, надо улучшить его долю, ухудшивъ, можетъ быть, долю другой части молодежи? Много и другихъ соображеній необходимо брать въ разсчетъ прикладной наукѣ; но намъ, занимающимся абстрактнымъ анализомъ явленій, довольно и того, что̀ мы сдѣлали. Какъ бы взаимодѣйствіе факторовъ ни спутывало и ни измѣняло послѣдствій, все же мы теперь уяснили себѣ вліяніе тѣхъ изъ нихъ, которые изслѣдовали; мы знаемъ, въ какомъ направленіи каждый изъ нихъ толкаетъ общественное развитіе, причемъ въ общихъ чертахъ выясняется и ходъ, и значеніе прошлаго прогресса.

Проституція, строго говоря, не можетъ имѣть какое-либо положительное значеніе для состава будущихъ поколѣній; поэтому и при разсмотрѣніи полового подбора ею можно пренебречь. Благодаря своему безплодію, она стремится понизить въ расѣ тѣ качества, которыми обладаютъ проститутки. Главный опредѣлитель — нищета, условіе органически не наслѣдственное, подбору подлежать не можетъ. Затѣмъ выборъ красивыхъ для разврата, несомнѣнно, долженъ повліять на общій типъ расы, если проституція приняла широкіе размѣры. Что касается нравственныхъ качествъ, то едва ли непосредственно, путемъ органической наслѣдственности, проституція можетъ повліять на ослабленіе котораго-либо изъ нихъ. Нравственныя качества проститутокъ слишкомъ различны; слабость воли такъ же, какъ и рѣшимость самопожертвованія или отчаянія, любовь къ свободѣ такъ же, какъ и нравственная тупость, покоряющаяся чуждому влеченію, и многое другое можетъ вывести дѣвушку на путь разврата. Проститутокъ по природной, наслѣдственной развращенности въ здоровомъ обществѣ не должно быть много; такъ какъ подобныя женщины потомства не оставляютъ, значитъ онѣ послѣдовали свою наклонность отъ непроститутокъ, и ихъ многочисленность показывала-бы распространеніе глубокой развращенности въ средѣ общества. Ихъ

безплодіе производитъ только благія послѣдствія, останавливая разлитіе заразы. Этими немногими замѣчаніями о проституціи я и ограничусь.

Прорезюмируемъ теперь все наше изслѣдованіе о значеніи и дѣятельности полового подбора въ историческомъ прогрессѣ. Половой подборъ проявляется только при двухъ условіяхъ, которыя должны находиться на лицо одновременно: *во-первыхъ*, мотивы, которыми руководствуются оба пола или одинъ изъ нихъ при сближеніи, относятся къ признакамъ, которые могутъ быть органически унаслѣдованы; и *во-вторыхъ*, лица, обладающія этими качествами, необходимо оставляютъ болѣе многочисленное потомство, а это второе условіе осуществляется или при неравночисленности половъ, или при многобрачіи, или при генетической зависимости между подбираемыми женскими качествами и плодовитостью. При двухъ первыхъ условіяхъ половой подборъ является весьма могучимъ дѣятелемъ, при послѣднемъ сила его значительно уменьшается и самое проявленіе обусловливается нѣкоторыми обстоятельствами. При первобытныхъ формахъ отношеній между полами и при первобытныхъ обычаяхъ человѣчества, господствуетъ абсолютная неравночисленность половъ и ею обусловливается въ эту пору половой подборъ. Путемъ, который выше указанъ, она уступаетъ мѣсто второму условію—многобрачію, въ однихъ обществахъ—полигаміи умычкой, въ другихъ—поліандріи, которыя, въ свою очередь, переходятъ въ законную полигамію и пожизненную моногамію. Переходъ этотъ совершается подъ вліяніемъ возникновенія національной религіи и государственной власти. Законная полигамія сильно извращаетъ дѣйствіе полового подбора; и только, быть можетъ, кастовое устройство спасаетъ его отъ совершеннаго вытѣсненія; именно это дѣлаетъ пожизненная моногамія, когда оставляетъ въ силѣ только третье условіе, а оно постепенно теряетъ значеніе, вслѣдствіе перемѣны идеаловъ и развитія экономическаго неравенства. Въ пожизненной моногаміи такъ же, какъ и въ законной полигаміи, временно половой подборъ поддерживается сослов-

ностью, но успѣхи демократизма уничтожаютъ и эту послѣднюю точку опоры полового подбора. Это—кульминаціонная точка, апогей процесса, минута, когда половой подборъ окончательно изгоняется съ арены народнаго развитія, или—вѣрнѣе — когда онъ загоняется въ тѣсныя рамки незаконныхъ связей. Ничтожные по количеству эффекты полового подбора, дѣйствующаго въ этихъ рамкахъ, историческій прогрессъ окончательно изглаживаетъ, затирая и унижая незаконорожденныхъ. Россія находится, повидимому, въ этомъ періодѣ; незначительность незаконныхъ рожденій при строгой пожизненной моногаміи служитъ тому доказательствомъ.—Однако, дальнѣйшее развитіе вновь вызываетъ къ дѣйствію половой подборъ, но уже въ качествѣ дѣятеля служебнаго, воплотителя идеаловъ, созданныхъ общественнымъ развитіемъ. Это совершается установленіемъ права развода, или распространеніемъ конкубината. Этотъ процессъ возстановленія полового подбора, повидимому, развивается въ Западной Европѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ является вовсе не самостоятельнымъ органическимъ дѣятелемъ, но только, такъ сказать, мультипликаторомъ эффектовъ дѣятеля соціальнаго, эстетико-нравственнаго движенія.

Но не можетъ ли произвести половой подборъ, въ сочетаніи съ другими *органическими* дѣятелями, полового дифференцованія? Если да, то, пожалуй, придется признать за нимъ нѣкоторую самостоятельную роль. Мы видѣли, что половой подборъ, даже облеченный всею мощью, которую онъ проявляетъ въ органическомъ прогрессѣ, предоставленный самому себѣ, не можетъ вести къ половому дифференцованію. Только встрѣчаясь въ своемъ теченіи съ естественнымъ подборомъ или опредѣленнымъ дѣйствіемъ условій, половой подборъ проявляетъ наклонность дифференцовать полы. Естественный подборъ, подвергая либо истребленію непріятелемъ, либо закону экономіи роста, устраняетъ раннія и женскія уклоненія, направляя половой подборъ на поздно уклонившіяся мужскія особи. Но ни экономія роста, ни нападенія хищниковъ не

будутъ падать на особей рано уклонившихся въ цивилизованномъ человѣческомъ обществѣ, а потому, при гипотезѣ равнаго % уклоненій раннихъ и позднихъ, ранніе должны, какъ выше показано, непремѣнно восторжествовать. Въ такомъ случаѣ, половой подборъ въ будущемъ не можетъ встрѣчаться съ естественнымъ и, съ этой стороны половое дифференцованіе невѣроятно. Но можетъ быть случай и такого рода: условія жизни общественной вызываютъ въ мужчинахъ и женщинахъ уже въ зрѣлый возрастъ приспособительные процессы, различные для двухъ половъ, такъ что значительнѣйшая часть уклоненій будетъ происходить въ зрѣлый возрастъ. Если такъ, то вліяніе этого обстоятельства будетъ вести къ половому дифференцованію и безъ полового подбора. Но если идеалы для обоихъ половъ будутъ различны, то половой подборъ можетъ еще усилить и ускорить процессъ дифференцованія. Это случай, нами вышеуказанный, когда дифференцованіе половъ является слѣдствіемъ согласнаго дѣйствія условій и полового подбора; только условія тутъ соціальныя, а половой подборъ является ихъ мультипликаторомъ. Остается третій случай, когда условія и половой подборъ другъ другу противорѣчатъ, т.-е. въ нашемъ случаѣ идеалы находятся въ противорѣчіи съ бытомъ; въ этомъ случаѣ половой подборъ не будетъ имѣть времени проявить свое вліяніе, потому что это переходное время борьбы между старыми идеалами, воплотившимися въ жизнь, и новыми, стремящимися воплотиться. И такъ, въ цивилизованномъ обществѣ, половой подборъ всегда и во всякомъ случаѣ является простымъ мультипликаторомъ различныхъ соціальныхъ дѣятелей. Такова-то служебная роль, къ которой нисходитъ въ историческомъ прогрессѣ дѣятель, нѣкогда проявлявшій себя столь мощнымъ двигателемъ органическаго прогресса.

Въ заключеніе этого этюда сдѣлаю нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о вѣроятныхъ эффектахъ полового подбора у низшихъ племенъ, гдѣ онъ проявляется отчасти еще въ своемъ первобытномъ видѣ. Прежде чѣмъ историческій

прогрессъ выдвинетъ на сцену богатство, знатность, достоинство, какъ опредѣлители спариванья, оно направляется, какъ у низшихъ животныхъ, силою и привлекательностью (красотою). Поэтому, разумѣется, эти же качества и продолжаютъ подбираться первобытнымъ человѣчествомъ; но нельзя обойти разницы между подборомъ этихъ качествъ у низшихъ животныхъ и у человѣка. Умственное превосходство человѣка повело къ изобрѣтенію искусственнаго оружія и искусственныхъ украшеній, качествъ органически не наслѣдственныхъ; поэтому, въ то время какъ животныя подбираютъ преимущественно вооруженія и украшенія, у человѣка должны были подбираться сила и красота вообще. Такой оборотъ дѣла, когда онъ совершился долженъ былъ отразиться и на процессѣ полового дифференцованія, потому что ни сила вообще, ни красота вообще не могли подлежать преимущественному устраненію въ ранній періодъ, какъ то можно утверждать относительно специфическихъ придатковъ и яркихъ украшеній. Вообще это должно было замедлить ходъ полового дифференцованія, такъ какъ оно въ такомъ случаѣ могло явиться только вслѣдствіе различнаго упражненія въ зрѣломъ возрастѣ. Различныя половыя различія, приводимыя Дарвиномъ, можно объяснить съ этой точки зрѣнія, за исключеніемъ одного замѣчательнаго случая, который, на первый взглядъ, кажется противорѣчащимъ всѣмъ моимъ выводамъ. Нельзя усомниться, что приводимый у Дарвина примѣръ широкотазыхъ готентотокъ относится къ эффектамъ одного лишь полового подбора безъ всякаго воздѣйствія другихъ дѣятелей. Однако, его легко объяснить, согласно съ нашими заключеніями. Перечисляя вторичные половые признаки у человѣка, Дарвинъ между прочимъ называетъ и большее развитіе тазовыхъ костей у женщинъ, но сейчасъ же оговаривается, что этотъ женскій признакъ надо скорѣе признать первичнымъ, чѣмъ вторичнымъ. Если же онъ тѣсно связанъ съ первичными половыми признаками женщины, то, естественно, онъ не можетъ наслѣдоваться мужскими потомками, и при его подборѣ наслѣд-

ственность должна неминуемо ограничиться только женскимъ потомствомъ. Тоже было-бы если бы какое нибудь племя стало подбирать своихъ женщинъ по какой-либо особенности грудныхъ железъ; естественно, что мужчины не могли бы наслѣдовать этой особенности, Однимъ словомъ, несомнѣнно, что первичные половые признаки могутъ быть развиваемы у одного пола въ рядѣ поколѣній въ томъ или другомъ направленіи, нисколько не отражаясь на соотвѣтствующихъ признакахъ другого пола, такъ что случай подбора готентотами широкотазыхъ женщинъ нисколько не противорѣчитъ нашимъ выводамъ [1]). Вообще должно, повидимому, склониться къ тому воззрѣнію, что въ дѣлѣ дифференцованія половъ у человѣка половой подборъ игралъ едва ли значительную роль, быть можетъ даже только усиливалъ эффекты другихъ дѣятелей. Въ настоящее время, вся его дѣятельность сведена къ этому усиленію, но въ первобытныя времена его роль этимъ не ограничивалась и ему, вѣроятно, человѣчество обязано многими диференцованіями сословій, расъ и племенъ. Поставивъ своею цѣлью только выяснить *роль и условія проявленія* полового подбора въ соціальной жизни, я не буду касаться вопроса о его различныхъ послѣдствіяхъ, а интересующихся отсылаю къ сочиненію Дарвина «О происхожденіи человѣка», гдѣ вопросъ этотъ разобранъ съ свойственною этому мыслителю глубиною и осторожностью.

Въ первыхъ четырехъ главахъ этого сочиненіо я обратилъ вниманіе на различныхъ дѣятелей, существующихъ въ обществѣ и своимъ взаимодѣйствіемъ производящихъ исто-

---

[1]) У Люка читаемъ: Nous entendons parler de la propagation de l'écoulement menstruel des méres aux garçons, puis des ceux-ci á leurs fils» (См. *Lucas.* De l'Heredité Naturelle, *I, 248*). Значитъ общая тенденція наслѣдовать признаки обоихъ родителей такъ сильна, что даже иногда распространяется на первичные органы. Но эти исключенія не колеблятъ общаго разграниченія первичныхъ и вторичныхъ половыхъ признаковъ; цитуемые случаи, быть можетъ, можно объяснить реверсіей къ отдаленнымъ гермафродитнымъ предкамъ.

рическій прогрессъ; дѣятелей этихъ тогда я сгруппировалъ въ три разряда силъ—органическихъ, физическихъ и собственно общественныхъ; тогда же я указалъ и на тѣ два обстоятельства, что, *во-первыхъ*, послѣдній разрядъ силъ, возникшій предварительно особымъ сочетаніемъ первыхъ двухъ разрядовъ, разъ образовавшись, стремится все болѣе и болѣе расширить свою компетентность и подчинить своему регулированію дѣятелей физическихъ и біологическихъ, или даже вытѣснить и замѣнить ихъ, и *во-вторыхъ*, что между дѣятелями органическими надо различать два рода—дѣятелей простыхъ, основныхъ, какъ законы наслѣдственности-размноженія, измѣнчивости; и сложныхъ, какъ подборъ естественный и половой, причемъ компетентность первыхъ въ соціальной жизни такъ же безусловна, какъ и въ органическомъ прогрессѣ, проявленіе же вторыхъ зависитъ отъ благопріятныхъ условій, допускающихъ данное сочетаніе основныхъ біологическихъ законовъ. Въ слѣдующихъ затѣмъ главахъ (V—VIII) я поставилъ своею задачею изслѣдовать метаморфозы одного изъ сложныхъ органическихъ дѣятелей, полового подбора въ обществѣ, чтобы такимъ путемъ способствовать уясненію ряда отношеній, существующихъ между явленіями біологическими и соціологическими. Къ какимъ же заключеніямъ пришли мы въ нашемъ изслѣдованіи?

Относительно *условій проявленія* полового подбора, мы можемъ сказать, что это *условія соціальныя*: сначала дѣтоубійство, потомъ умычка и поліандрія, далѣе государственная власть, сословность, прочность брачныхъ узъ, смѣна идеаловъ, ослабленіе брачныхъ узъ—вотъ различныя причины, обусловливающія проявленіе или непроявленіе полового подбора; все это обычаи или законы, замѣнившіе собою физическихъ дѣятелей. Относительно *эффектовъ процесса*, напр., полового дифференцованія, мы должны сказать тоже; *прежде* оно обусловливалось встрѣчею полового подбора съ естественнымъ, *теперь* этотъ господствующій въ органическомъ прогрессѣ способъ процесса исчезъ;

прежде иногда дифференцованіе было слѣдствіемъ совпаденія полового подбора и опредѣленнаго вліянія условій, *теперь* это господствующій способъ, но только эти условія суть дѣятели соціальные, а не физическіе. *Относительно роли* полового подбора должно заключить, что значеніе его все стѣснялось; начавъ съ роли самостоятельнаго фактора прогресса, половой подборъ былъ постепенно выбиваемъ изъ своихъ позицій развивающимися и вновь возникающими соціальными дѣятелями, на время былъ даже вовсе вытѣсненъ отъ вліянія на ходъ прогресса и, если потомъ дальнѣйшимъ развитіемъ онъ, повидимому, и можетъ возвратиться къ дѣятельности, то съ ролью служебною, съ значеніемъ воплотителя идеаловъ нравственнаго движенія и мультипликатора послѣдствій общественныхъ условій, идеаловъ, которые и безъ него воплотились бы, и послѣдствій, которыя и безъ него осуществились бы.

Если бы отъ разбора значенія полового подбора сдѣлали мы заключеніе по аналогіи и къ другимъ дѣятелямъ первой группы, руководствуясь, главнымъ образомъ, тѣмъ фактомъ, что въ нашемъ изслѣдованіи о половомъ подборѣ мы встрѣчались съ ними и находили ихъ тамъ, гдѣ встрѣчали, въ состояніи сходномъ съ состояніемъ полового подбора, если бы поэтому мы заключили, что вообще вся первая группа, создавшая своимъ взаимодѣйствіемъ общество со всѣми его спеціальными дѣятелями, вслѣдъ затѣмъ мало по-малу вытѣсняется и подчиняется этой новой группѣ дѣятелей, — мы, можетъ быть, были бы недалеки отъ истины. Но не будемъ торопиться выводами и ограничимся теперь констатированіемъ только того несомнѣннаго факта, что именно это случилось съ однимъ изъ видныхъ дѣятелей первой группы. Къ другому главному дѣятелю органическаго прогресса, какъ дѣятелю историческаго прогресса, къ естественному подбору мы обратимся въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА IX.

Историческій подборъ и первобытныя общества.

Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ въ мірѣ трезвые философы, съ полнымъ благоразуміемъ и безстрастностью взирающіе на треволненія міра сего, съ тѣхъ поръ признано и рѣшено безапелляціонно, что жизнь человѣческая есть по необходимости юдоль плача, порока, несчастій, что таковъ законъ природы и неблагоразумно возставать противъ него. Но съ другой стороны, съ тѣхъ поръ какъ существуютъ утописты, мечтающіе о всеобщемъ счастіи, о томъ, что люди братья и что неестественно трезвое философствованіе въ виду гибели ближняго, съ тѣхъ поръ появляются отъ времени до времени протесты противъ закона природы и неблагоразумныя подозрѣнія, что, быть можетъ, означенный законъ совсѣмъ не законъ природы, а только законъ человѣческій. Кто правъ, кто заблуждается? Антагонизма между трезвыми философами, признающими несчастіе удѣломъ жизни человѣческой по неизмѣнному закону природы, и утопистами, подозрѣвающими несуществованіе такого закона,—антагонизма, столь же стараго, какъ сама исторія, я коснулся съ цѣлью показать, что вопросъ, который отчасти будетъ трактоваться на слѣдующихъ страницахъ изучался своей существенной частью не со вчерашняго дня, и біологія здѣсь мало новаго повѣдала соціологамъ. Новую постановку вопроса, новые термины, новые аргументы—вотъ что она дала въ руки трезвыхъ философовъ; формулы же рѣшенія pro и contra въ этой тяжбѣ направленій остались тѣже. Самымъ важнымъ аргументомъ, которымъ снабдила біологія соціальныя теоріи о необходимости нищеты,—полезность такой необходимости, усовершенствованіе породы, будто-бы вытекающее изъ нея черезъ гибель индивидуумовъ. До вмѣшательства біологіи трезвые философы говорили: бѣдность, несчастіе, голодъ царствуютъ повсюду въ обществахъ человѣческихъ, *это прискорбно*, но таковъ законъ

природы, теперь же они измѣнили тонъ: въ нашихъ обществахъ, говорятъ они, масса людей гибнетъ отъ голода, изнуренія, нищеты, но вслѣдствіе этой гибели остаются живы и оставляютъ потомство только наиболѣе совершенныя личности, и гибелью однихъ людей покупается прогрессъ; только такимъ путемъ можетъ осуществляться прогрессъ и кто скорбитъ о падшихъ жертвахъ, кто старается предотвратить ихъ гибель, тотъ врагъ прогресса, самъ того не понимая. Таковы выводы соціологовъ трезвой школы изъ біологическихъ обобщеній Дарвина. Задача наша заключается въ провѣркѣ этихъ выводовъ и въ опредѣленіи отношенія между естественнымъ подборомъ и соціальными дѣятелями, составляющими въ историческомъ прогрессѣ *плюсъ* относительно органическаго прогресса.

Въ предыдущихъ главахъ, касаясь по необходимости естественнаго подбора, я уже указалъ неизбѣжные факторы, изъ которыхъ онъ слагается. Размноженіе въ себѣ самомъ не имѣетъ предѣла и внѣшнимъ его предѣломъ является ограниченность пищи: недостатокъ пищи вызываетъ борьбу за существованіе, въ которой гибнутъ особи менѣе совершенныя, а переживаютъ приспособленнѣйшія. Борьба за существованіе является первымъ условіемъ естественнаго подбора: она *направляетъ* производимый имъ прогрессъ жизни, но этотъ послѣдній порождается измѣнчивостью, упрочиваемою наслѣдственностью, такъ что вообще естественный подборъ проявляется: 1) при перевѣсѣ размноженія надъ средствами существованіи и 2) при органической наслѣдственности качествъ, которымъ особь обязана своимъ переживаніемъ. Такимъ образомъ естественный подборъ является факторомъ сложнымъ, но, какъ уже было указано, не столь сложнымъ, какъ половой подборъ, потому что разлагается на начала, для біологіи элементарныя: быстрота размноженія, ограниченность средствъ, индивидуальная измѣнчивость, наслѣдственность, тогда какъ факторы полового подбора, (неравночисленность половъ, полигамія и пр.) сложны даже съ чисто біологической точки зрѣнія. Слѣдствіемъ такого различія

является болѣе легкая разложимость факторовъ полового подбора, а съ разложеніемъ одного изъ нихъ разлагается и самый процессъ полового подбора. Поэтому-то, при измѣненіи теченія жизни, половой подборъ легко разлагается и уже преобразованій, претерпѣваемыхъ жизнью при самомъ возникновеніи цивилизаціи, вполнѣ достаточно для его вытѣсненія изъ числа факторовъ прогресса. Не то съ естественнымъ подборомъ; простота, элементарность его факторовъ не допускаетъ его разложенія чрезъ ихъ разложеніе: можетъ быть разложено только сочетаніе, что при неустранимости самихъ слагаемыхъ весьма трудно. Мы попытаемся прослѣдить вліяніе, которое оказываетъ возникновеніе новой жизненной среды, культуры и цивилизаціи на етественный подборъ въ его цѣломъ и на его факторы въ отдѣльности. Мы должны опредѣлить, насколько необходима и какъ проявляется борьба за существованіе подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ дѣятелей и насколько орудіемъ такой борьбы за существованіе служатъ качества, органически наслѣдственныя; только при одновременномъ присутствіи этихъ условій естественный подборъ можетъ проявиться.

Въ органическомъ прогрессѣ естественному подбору принадлежитъ значеніе первенствующее, роль главнаго опредѣлителя и двигателя прогресса. Дарвинъ говоритъ о немъ [1]): «Переходъ отъ одной степени различія къ другой высшей степени, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ зависѣть отъ продолжительнаго дѣйствія различныхъ физическихъ условій въ двухъ различныхъ мѣстностяхъ; *но мнѣ не слишкомъ вѣрится въ такой процессъ и я приписываю переходъ* разновидности изъ состоянія, въ которомъ она мало разнится отъ своего родича, въ состояніе, въ которомъ

---

[1]) *Дарвинъ*: «Происхожденіе видовъ», русск. изд. 1865, *стр. 42*; кромѣ того сходныя мнѣнія, см. *ibidem*, стр. 5 («—я убѣжденъ, что естественный подборъ былъ главнымъ дѣятелемъ» и пр.), 9, 56 (гдѣ Дарвинъ показываетъ, что даже вліяніе климата въ органическомъ прогрессѣ преимущественно выражается вызовомъ естественнаго подбора), и др. мѣста.

она разнится отъ него значительно, *дѣйствію естественнаго подбора*, накопляющаго въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ направленіяхъ разности строенія». Другой извѣстный біологъ, одновременно съ Дарвиномъ пришедшій къ идеѣ естественнаго подбора, Альфредъ Уоллесъ, говоря о фаунѣ и флорѣ Малайскаго Архипелага, замѣчаетъ [1]): «Необходимо замѣтить, что различіе Архипелага по естественнымъ произведеніямъ вовсе не соотвѣтствуетъ дѣленію на основаніи физическихъ и климатическихъ условій, — фактъ очень интересный для теоріи зависимости животныхъ формъ отъ внѣшнихъ вліяній. Нигдѣ *прежняя теорія о зависимости естественныхъ произведеній страны отъ физическихъ условій не встрѣчаетъ такого рѣзкаго и очевиднаго противорѣчія, какъ здѣсь*». Такимъ образомъ здѣсь Уоллесъ, подобно Дарвину, сводитъ прямое опредѣленное вліяніе условій къ весьма небольшимъ размѣрамъ. Гербертъ Спенсеръ, называющій естественный подборъ косвеннымъ уравновѣшеніемъ и вообще придающій прямому уравновѣшенію (опредѣленному вліянію условій) большее значеніе, чѣмъ большинство біологовъ, признающихъ измѣняемость видовъ, все-таки считаетъ, «что м-ръ Дарвинъ несомнѣнно доказалъ, что значительная часть фактовъ—*бытъ можетъ наибольшая*—объяснима только, какъ результатъ выживанія особей, уклонившихся какимъ-нибудь косвенно вызваннымъ путемъ отъ прародительскаго типа» [2]). Можно было бы привести и другія цитаты, доказывающія, что большинство біологовъ, признающихъ гипотезу развитія видовъ, признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ факторомъ развитія естественный подборъ родичей въ борьбѣ за существованіе; остальные процессы—астрономическія, геологическія, атмосферическія и др. вліянія, признаются дѣятелями вспомогательными, только содѣйствующими, но не производящими прогрессъ самостоятельно. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ и главнымъ руководствомъ естественнаго подбора совершa-

[1]) *Уоллесъ*: «Малайскій Архипелагъ», русск. перевод. *стр. 20.*

[2]) *Герберитъ Спенсеръ*: „Основанія біологіи“, прим. къ § 373. стр. 389 (русск. перев. изд. Полякова).

лось теченіе органическаго прогресса въ продолженіе тѣхъ долгихъ періодовъ, черезъ которые жизнь прошла, прежде чѣмъ она развила человѣка, а затѣмъ и первое человѣческое общество. Самое происхожденіе человѣка и общества Дарвинъ приписываетъ дѣйствію естественнаго подбора преимущественно передъ другими дѣятелями. Вотъ вкратцѣ изложеніе теоріи Дарвина [1]).

Приведя цитату изъ Мальтуса о быстротѣ размноженія, Дарвинъ останавливается на причинахъ, противодѣйствующихъ ему: недостатокъ средствъ къ жизни, слѣдствіемъ чего уменьшеніе плодовитости; войны, повальныя болѣзни, развратъ, а у дикарей кромѣ того — дѣтоубійство. Прародители человѣка, которые были еще безпомощнѣе дикарей и у которыхъ едва-ли могло въ тоже время быть распространено дѣтоубійство, должны были плодиться чрезвычайно быстро, а потому должны были испытывать періодическій голодъ въ громадныхъ размѣрахъ. Это послѣднее обстоятельство вело къ естественному подбору, къ выживанію приспособленнѣйшихъ. Въ борьбѣ за существованіе побѣда человѣка была слѣдствіемъ его физическаго строенія, умственныхъ способностей и общественныхъ инстинктовъ. «Хотя», говоритъ Дарвинъ, «умственныя способности и общественныя привычки суть обстоятельства первой важности для человѣка, но мы не должны уменьшать важности и тѣлеснаго его строенія». Здѣсь на первомъ планѣ—твердость и устойчивость равновѣсія при стояніи на двухъ конечностяхъ, давшая свободу рукамъ, и тѣмъ самымъ громадное преимущество въ битвѣ и въ добываніи средствъ; освобожденіе рукъ и развитая ими вслѣдствіе того ловкость уменьшили дѣятельность челюстей и зубовъ, а потому и развитіе ихъ; умственное прогрессированіе увеличило объемъ и измѣнило форму черепа и лица; стоячее положеніе и увеличеніе вѣса головы повліяло на измѣненіе спиннаго хребта и тазовыхъ костей. Такимъ образомъ, путемъ естественнаго подбора создался, по Дарвину, физическій чело-

[1]) *Дарвинъ*: „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“ *т. I, гл IV и V.*

вѣкъ, какимъ мы его знаемъ [1]). «Я старался показать,— говоритъ онъ, что нѣкоторыя изъ самыхъ характеристичныхъ свойствъ человѣка усвоены имъ, по всей вѣроятности, посредствомъ естественнаго подбора, прямымъ или еще чаще косвеннымъ путемъ».

Особо и подробно въ главахъ второй и третьей своего сочиненія Дарвинъ разсматриваетъ происхожденіе умственнаго превосходства и нравственности у человѣка, гдѣ онъ доказываетъ, впрочемъ, что они могли произойти изъ тѣхъ же психическихъ основъ, которыя находимъ мы и у животныхъ, но этотъ вопросъ для нашей цѣли имѣетъ мало значенія. Указавъ только на то, что Дарвинъ выводитъ развитіе нравственности изъ общительности, которыя являются взаимно обусловливающими, перехожу къ гл. IV, гдѣ трактуется человѣкъ уже съ готовыми умственными способностями и нравственнымъ чувствомъ. Послѣ того, какъ человѣкъ усвоилъ себѣ умственныя и нравственныя способности, отличающія его отъ низшихъ животныхъ, дѣйствіе стественнаго подбора на его физическую организацію должно было сдѣлаться ничтожнымъ, такъ какъ всѣ измѣненія въ окружающей средѣ онъ уже встрѣчалъ изобрѣтеніями и находчивостью ума. «Вопросъ принимаетъ [2]) однако другой видъ, какъ справедливо замѣчаетъ Уоллесъ, когда дѣло идетъ объ умственныхъ и нравственныхъ способностяхъ человѣка. Эти способности измѣнчивы, и мы имѣемъ полное право думать, что измѣненія способны наслѣдоваться. Поэтому, если онѣ были вначалѣ очень важны для первобытнаго человѣка и его обезьянообразныхъ прародителей, то совершенствовались и развивались подъ вліяніемъ естественнаго подбора».. Затѣмъ, на слѣ-

---

[1]) Развитіе руки Дарвинъ разсматриваетъ, *ibid, 154—156*, вертикальное положеніе и его вліяніе на руки, позвоночный столбъ и тазъ,—*156—159*; уменьшеніе челюстей и зубовъ—*160*; увеличеніе черепа, измѣненіе его формы и вліяніе на позвоночный столбъ—*162—163*. Кромѣ того, о наготѣ кожи см. *164—166* и о потерѣ хвоста *168*. Приведенную цитату, см. *стр. 168*.

[2]) *Ibid, I, 177*.

дующихъ страницахъ [1]), Дарвинъ останавливается на томъ особомъ родѣ подбора, который является слѣдствіемъ борьбы за существованіе не особей между собою, но племенъ и обществъ, и, который я, въ отличіе отъ обыкновеннаго естественнаго подбора, буду называть подборомъ историческимъ или соціальнымъ. Онъ состоитъ, *во-первыхъ*, въ томъ, что наиболѣе одаренныя племена вытѣсняютъ, истребляютъ или порабощаютъ менѣе одаренныя (при этомъ Дарвинъ указываетъ и путь, которымъ усовершенствованіе или изобрѣтеніе члена племени передается другимъ членамъ — *подражательность*), и *во-вторыхъ*, въ томъ, что въ средѣ самого племени происходитъ подборъ качествъ, болѣе полезныхъ племени, а отсюда нравственный прогрессъ. Указывая на тотъ фактъ, что люди, болѣе одаренные общественными инстинктами (нравственностью), должны естественно больше гибнуть, вслѣдствіе ихъ самоотверженія и храбрости, Дарвинъ замѣчаетъ, что тутъ не могъ имѣть мѣста подборъ въ силу закона наслѣдственности. *Распространеніе этихъ качествъ должно было идти другимъ путемъ*; примѣры самоотверженія и храбрости должны были убѣждать другихъ, насколько это выгодно при взаимной преданности и вѣрности, а отсюда—образованіе привычки, усиленіе симпатіи, что можетъ уже передаваться по наслѣдству. Вторымъ, еще болѣе важнымъ стимуломъ должно было служить одобреніе племени, слава. Удивленіе, возбуждаемое героемъ, вызываетъ въ другихъ желаніе отличиться. «Такимъ образомъ онъ (т.-е. нравственно одаренная личность) можетъ принести своему племени гораздо болѣе пользы, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы онъ оставилъ потомковъ съ врожденнымъ стремленіемъ наслѣдовать его благородный характеръ» [2]). Изъ этихъ разсужденій Дарвинъ выводитъ, что всегда болѣе нравственное племя или народъ одержитъ верхъ надъ менѣе нравственнымъ, а этимъ путемъ въ человѣчествѣ подбирается нравственность.

[1]) *Ibidem. I, 177- 187.*

[2]) *Ibid. 184.*

Далѣе Дарвинъ переходитъ къ обзору роли естественнаго подбора въ цивилизованномъ обществѣ; но мы къ этому обзору вернемся нѣсколько позже. а теперь пока разсмотримъ аргументацію изложеннаго. Прежде всего я долженъ обратить вниманіе на то, что въ вышеприведенной теоріи Дарвина, онъ подъ именемъ естественнаго подбора разумѣетъ двѣ совершенно различныя формы подбора, болѣе рѣзко различающіяся другъ отъ друга, чѣмъ подборы естественный и половой. Я говорю о томъ, что я выше назвалъ *подборомъ историческимъ*. Роль этого дѣятеля въ органическомъ прогрессѣ совершенно ничтожна, не только въ сравненіи съ значеніемъ естественнаго подбора, но и относительно другихъ факторовъ органическаго прогресса. Въ этой маловажности соціальнаго подбора въ органическомъ прогрессѣ и надо искать причины того, что до появленія Дарвинова «Происхожденія человѣка», сколько мнѣ извѣстно, никто изъ біологовъ не обратилъ на него вниманія; самъ Дарвинъ впервые коснулся его, когда заговорилъ о прогрессѣ человѣчества, которое живетъ въ обществахъ; но естественно, что наблюдая его въ области, въ которой онъ не былъ полнымъ хозяиномъ, какъ въ біологіи, Дарвинъ не отличилъ его отъ дѣятеля аналогичнаго и хорошо ему извѣстнаго въ органическомъ прогрессѣ. Въ самой аргументаціи Дарвина мы уже можемъ почерпнуть нѣкоторыя черты отличія; обобщивъ ихъ, мы увидимъ, что дѣятель, показавшійся Дарвину его хорошимъ знакомымъ, есть лицо, совершенно новое и даже состоящее далеко не въ дружескихъ отношеніяхъ съ старымъ знакомцемъ Дарвина, представленнымъ имъ всему міру подъ именемъ «естественнаго подбора *родичей* въ борьбѣ за существованіе». Естественный подборъ, какъ мы знаемъ, порождается измѣнчивостью, упрочиваемою *наслѣдственностью* и направляемою переживаніемъ приспособленнѣйшихъ въ борьбѣ за существованіе. Въ историческомъ подборѣ роль наслѣдственности (дѣятеля органическаго) замѣняетъ примѣръ, подражательность, разсчетъ выгоды, тщеславіе, боязнь позора, традиція и преданіе (все — дѣятели

соціальные); переживаніе приспособленнѣйшихъ не только не есть необходимость въ историческомъ подборѣ но, какъ самъ Дарвинъ замѣчаетъ, часто случается обратное, а направляющимъ факторомъ является побѣда обществъ, въ которыхъ оказалось больше приспособленныхъ къ общественному быту, хотя бы ихъ погибло относительно больше, чѣмъ изъ числа менѣе приспособленныхъ соплеменниковъ. Такимъ образомъ, факторы, сочетаніе которыхъ производитъ естественный подборъ, и тѣ, слѣдствіемъ общаго дѣйствія которыхъ является подборъ историческій,—не одни и тѣ же, и если Дарвинъ смѣшалъ эти два процесса, то вѣроятно потому, что оба вылупливаются, такъ сказать, изъ яицъ, имѣющихъ большое внѣшнее сходство, порождаются борьбою за существованіе между особями и борьбою за существованіе между обществами, а съ другой стороны оба приводятъ къ *совершенствованію* породы, испытывающей ихъ вліяніе. Но совершенствованіе—понятіе относительное, если подъ нимъ не разумѣть приспособленія, а если его понимать такимъ образомъ, то придется сознаться, что совершенствованіе можетъ идти не только безконечно различными, но даже и прямо противоположными путями, и потому, если оба процесса и ведутъ къ приспособленію, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что оба слѣдуютъ тому же пути и другъ другу не противорѣчатъ, не находятся въ антагонизмѣ. Именно въ такомъ-то естественномъ антагонизмѣ находятся наши дѣятели и вовсе не нужно много проницательности, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Какія качества подбираются естественнымъ подборомъ? Безъ сомнѣнія, такія качества, которыя даруютъ одной особи побѣду надъ другою и которыя могутъ быть унаслѣдованы потомствомъ побѣдившей особи; но качества дарующія побѣду одной особи надъ другою—*это качества, которыми она можетъ устранить, уничтожить или обмануть другія особи*; наслѣдоваться могутъ только физическія и психическія качества, а потому подбираемыми качествами, помимо физической силы и ума, будутъ жестокость, хитрость, лесть, вѣроломство, *вообще же качества, разъединяющія людей*. Они же

будутъ размножаться естественнымъ подборомъ, наравнѣ съ другими, о которыхъ я теперь не упоминаю. Посмотримъ теперь, какія качества размножаются подборомъ историческимъ? Въ борьбѣ между обществами, какъ соглашается и Дарвинъ, берутъ перевѣсъ общества, тѣснѣе и лучше сплотившіяся, т.-е. такія, гдѣ особи дѣйствуютъ единодушнѣе, гдѣ болѣе сознана и осуществлена солидарность. Такимъ образомъ, историческій подборъ стремится размножить *качества, которыми* (въ предѣлахъ племени) *одна особь помогаетъ, содѣйствуетъ, сочувствуетъ другимъ* и *прямо устраняетъ наклонности, разъединяющія людей* (соплеменныхъ). Противуположность процессовъ естественнаго и историческаго подбора выясняется этимъ сама собою. Оставляя даже въ сторонѣ всѣ другіе эффекты обоихъ дѣятелей, мы видимъ, что одновременно дѣйствовать они могутъ только другъ друга подрывая; дѣйствительно уже изъ этого бѣглаго сопоставленія фактовъ видно, что историческій подборъ направляетъ свою дѣятельность на развитіе чувства симпатіи, сознанія солидарности, явленій прямо противодѣйствующихъ, по крайней мѣрѣ, борьбѣ за существованіе между членами общества и тѣмъ подрывающихъ проявленіе естественнаго подбора.

Но этимъ противодѣйствіемъ проявленію борьбы за существованіе не ограничиваетъ историческій подборъ свой антагонизмъ подбору естественному; онъ идетъ дальше и стремится устранить самую причину борьбы за существованіе—перевѣсъ размноженія особей надъ количествомъ пищи. Естественно, что побѣду, при другихъ равныхъ условіяхъ, одержитъ племя болѣе многочисленное, такое, которое размножается быстрѣе; размноженіе, безъ искусственнаго умноженія пищи производствомъ ея, ограничено весьма тѣсными предѣлами, но чѣмъ совершеннѣе способъ ея производства или даже способъ ея добыванія въ первобытной жизни, тѣмъ болѣе раздвинуты предѣлы размноженія, тѣмъ быстрѣе можетъ размножаться племя, тѣмъ скорѣе переростетъ оно численностью своихъ сосѣдей. Значитъ, обыкновенно, племя будетъ тѣмъ многочисленнѣе

(при другихъ равныхъ условіяхъ), чѣмъ скорѣе умѣетъ оно раздвигать предѣлъ размноженія, чѣмъ полнѣе равновѣсіе между размноженіемъ ея членовъ и умноженіемъ пищи. Очевидно, что и съ этой стороны историческій подборъ, даруя побѣду племенамъ болѣе многочисленнымъ, распространяетъ способы, которыми размноженіе потребностей и размноженіе средствъ удовлетворенія удерживаются въ равновѣсіи или, по крайней мѣрѣ, въ бо́льшемъ равновѣсіи, и тѣмъ самымъ пытается разложить сочетаніе дѣятелей, производящее борьбу за существованіе. Здѣсь вопросъ не въ томъ, производитъ ли историческій подборъ равновѣсіе между размноженіемъ и возрастаніемъ средствъ и возможно ли вообще такое равновѣсіе?—Положимъ даже, будто невозможно; но несомнѣнно, что возможно приближеніе къ нему болѣе или менѣе полное, создаваемое развитіемъ культуры, и историческій подборъ, самъ ничего не производя, только сортируетъ эти приближенія и охраняетъ наибольшія, даруя имъ побѣду въ борьбѣ племенъ и обществъ. Съ другой стороны, несомнѣнно, что чѣмъ бо́льшій данъ просторъ размноженію, тѣмъ меньшее поле остается для борьбы за существованіе, которая и вызывается стѣсненіемъ размноженія; ослабленіе же борьбы за существованіе влечетъ и ослабленіе естественнаго подбора. Такимъ образомъ, борьба за существованіе съ двухъ сторонъ стѣснена историческимъ подборомъ — развитіемъ чувствъ и мыслей въ особяхъ, отвращающихъ ихъ отъ борьбы и расширеніемъ предѣла размноженія, отчего она является уже не столь повелительною. Кромѣ этого противудѣйствія естественному подбору чрезъ ослабленіе и ограниченіе борьбы за существованіе, историческій подборъ прямо истребляетъ и уничтожаетъ тѣ общества, въ которыхъ наиболѣе развился эгоизмъ, т.-е. въ которыхъ, слѣдовательно, естественный подборъ былъ наиболѣе дѣятеленъ, а этимъ историческій подборъ долженъ отчасти косвеннымъ путемъ содѣйствовать разложенію борьбы за существованіе и органической наслѣдственности признаковъ, дарующихъ побѣду. Устраняя общества, въ которыхъ

естественный подборъ наиболѣе дѣятеленъ, потому что создаваемыя имъ качества оказываются невыгодны въ борьбѣ между племенами, но не будучи въ состояніи устранить самую борьбу за существованіе, историческій подборъ естественно сохранитъ тѣ племена, гдѣ борьба за существованіе пользуется орудіями, органически не наслѣдственными. Это же обстоятельство вытѣсняетъ естественный подборъ, не вытѣсняя борьбы за существованіе.

Такимъ косвеннымъ покровительствомъ племенамъ, принявшимъ не наслѣдственныя орудія въ борьбѣ за существованіе между сочленами, не ограничивается историческій подборъ. Искусственныя орудія борьбы = власть, богатство, знаніе, привилегія и т. д. Пользованіе этими орудіями въ борьбѣ за существованіе измѣняетъ ея характеръ; прямое насиліе замѣняется эксплуатаціей. Большинство этихъ орудій, при своемъ развитіи, даютъ также перевѣсъ въ борьбѣ между племенами, а естественно, разъ они стали главными орудіями успѣха, они должны развиваться. Это развитіе богатства и знанія, при другихъ равныхъ условіяхъ, даетъ также перевѣсъ и въ борьбѣ племенъ—трюизмъ, который конечно не стоитъ доказывать. Говоря о власти, какъ орудіи борьбы за существованіе, я менѣе всего разумѣю борьбу за власть, когда она не орудіе, а цѣль, и притомъ преслѣдуемая, большею частью, въ борьбѣ насиліемъ; орудіемъ въ борьбѣ за существованіе власть можетъ быть только тогда, когда она прочна, а ея прочность можетъ иногда показывать дисциплину племени; значеніе дисциплины въ борьбѣ между племенами тоже не требуетъ доказательствъ. Даже привилегіи, поскольку онѣ во время ихъ возникновенія послужили накопленію богатства, знанія, военнаго искусства, могли сослужить свою службу въ междуплеменной борьбѣ. Если же, такимъ образомъ, замѣна грубой борьбы за существованіе, гдѣ орудіями борьбы служатъ сила, быстрота, умъ, ловкость, жестокость, неразборчивость средствъ, тою формою этой борьбы, которая зовется конкурренціей и употребляетъ орудія, органически не наслѣдственныя: богатство, знаніе, приви-

легію, искусство, власть, если эта замѣна оказывается выгодною въ борьбѣ племенъ, то историческій подборъ даетъ преобладаніе послѣдней формѣ, хотя вообще онъ ослабляетъ всякую борьбу за существованіе. Такимъ образомъ, историческій подборъ по всѣмъ пунктамъ является антагонистомъ естественнаго подбора; онъ распространяетъ чувства и наклонности, отвращающія человѣчество отъ индивидуальной борьбы за существованіе; онъ распространяетъ культуры, удачнѣе другихъ рѣшающія вопросъ о равновѣсіи между потребностями и средствами удовлетворенія; онъ, наконецъ, даетъ преобладаніе косвенно и прямо формамъ общежитія, гдѣ въ большей степени устранена органическая наслѣдственность орудій борьбы за существованіе. Если первыми двумя путями онъ только ослабляетъ естественный подборъ, то послѣднимъ онъ можетъ его изгнать совершенно. Таковы-то эффекты историческаго подбора; будучи сочетаніемъ иныхъ дѣятелей, хотя наружно походя на естественный подборъ, онъ является повсюду его антагонистомъ. Не касаясь въ настоящее время вопроса, насколько онъ въ состояніи совершенно изгнать естественный подборъ, нельзя не признать, что именно къ этому тяготѣетъ его дѣятельность. Историческій и естесственный подборъ—силы, взаимно исключающія; это—два полюса въ ряду процессовъ, которыми совершается прогрессъ жизни. Но оба они процессы сложные, а потому ихъ антагонизмъ долженъ находить истолкованіе въ антагонизмѣ ихъ факторовъ. Если дѣятельность естественнаго подбора угнетается историческимъ подборомъ, то значитъ факторы перваго противодѣйствуютъ факторамъ послѣдняго, и процессъ историческаго прогресса, даже безъ вмѣшательства историческаго подбора, долженъ быть враждебенъ естественному подбору и именно въ тѣхъ самыхъ пунктахъ, пораженіемъ которыхъ историческій подборъ угнетаетъ естественный. Эту сторону вопроса мы и должны разобрать теперь.

Мы видѣли, что историческій подборъ борется съ естественнымъ тремя путями: *во-первыхъ*, онъ стремится раздо-

жить сочетаніе борьбы за существованіе и органической наслѣдственности орудій борьбы и побѣды, *вовторыхъ*, онъ стремится ограничить и парализовать проявленіе борьбы за существованіе, развивая чувства и наклонности, ей противоположныя и *въ, третьихъ*, онъ стремится уничтожить причину борьбы за существованіе, покровительствуя культурамъ, лучше другихъ уравновѣшивающимъ размноженіе населенія умноженіемъ средствъ. Но онъ, какъ я уже упоминалъ, есть дѣятель только сортирующій племена и культуры, которыя создаются другими процессами; въ индивидуальной борьбѣ за существованіе матеріалъ для сортированія доставляетъ индивидуальная измѣнчивость; въ борьбѣ племенъ этимъ матеріаломъ служатъ различія культуръ и цивилизацій, созданныя не случайно, но необходимымъ развитіемъ историческаго прогресса. Поэтому и различія по тѣмъ тремъ признакамъ, на основаніи которыхъ историческій подборъ сортируетъ борющіяся племена, должны возникать не иначе, какъ путемъ этого прогресса. Общественное развитіе, слѣдовательно, независимо отъ того процесса, двигателемъ котораго является историческій подборъ, должно разлагать сочетаніе борьбы за существованіе и органической наслѣдственности признаковъ, дарующихъ побѣду, должно развивать чувства, отвращающія населеніе отъ борьбы, должно стремиться уравновѣсить размноженіе населенія съ размноженіемъ средствъ. Все это должно создаваться прогрессомъ каждаго общества, а дѣло историческаго подбора только дать преобладаніе наиболѣе успѣвшимъ обществамъ: не производись эти явленія естественнымъ ходомъ историческаго прогресса, историческому подбору не надъ чѣмъ было бы и работать. Повсюду онъ по необходимости является дѣятелемъ, только мультиплицирующимъ эффекты естественнаго общественнаго процесса. Разсмотримъ же поочередно, какъ проявляются въ историческомъ прогрессѣ тѣ три явленія, на которыхъ мы выше остановились: устраненіе органической наслѣдственности орудій борьбы за существованіе; развитіе нравственнаго чувства, возстающаго

противъ проявленія борьбы за существованіе между людьми; и уравновѣшеніе размноженія населенія умноженіемъ средствъ. Начнемъ съ перваго явленія.

ГЛАВА X.

Органическая наслѣдственность орудій борьбы.

Пересмотримъ для нашей цѣли различныя общественныя формы, черезъ которыя прошла цивилизація въ своемъ историческомъ развитіи. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на вопросахъ о причинахъ, обусловливавшихъ переходъ отъ одной формы къ другой, на дѣятеляхъ, создававшихъ историческій прогрессъ; эти причины и эти дѣятели суть явленія общественныя въ тѣсномъ смыслѣ, и ихъ проявленіе, по скольку оно создавало явленія общественныя же, не относится къ предмету настоящаго изслѣдованія. Ими мы займемся лишь настолько, насколько они воздѣйствовали на тѣ сложные біологическіе дѣятели, которые дѣлали прогрессъ органическій. Мы уже опредѣлили общій и коренной антагонизмъ, существующій между проявленіемъ естественнаго подбора и прогрессомъ человѣчества, насколько онъ производится подборомъ соціальнымъ или историческимъ. Теперь мы должны разсмотрѣть, какъ независимо отъ этого сложнаго дѣятеля прогрессъ историческій воздѣйствуетъ на проявленіе естественнаго подбора. Въ какое отношеніе становятся къ нему различныя общественныя условія по мѣрѣ возникновенія ихъ въ обществѣ съ развитіемъ цивилизаціи, и прежде всего, по нашему плану, намъ предстоитъ рѣшить вопросъ объ отношеніи этихъ условій къ одному изъ условій естественнаго подбора, къ органической наслѣдственности признаковъ, дарующихъ побѣду въ борьбѣ за суще-

ствованіе. Съ этой-то точки зрѣнія мы и пересмотримъ сейчасъ различныя формы, въ которыя послѣдовательно отливались человѣческія общества.

Наиболѣе древняя и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе простая форма общества представляется *дикимъ состояніемъ* (sauvagerie). Несмотря на разнообразіе быта дикихъ племенъ, можно установить общіе признаки этого состоянія, которые вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть и самыми основными. Обращаясь къ экономической сторонѣ жизни этихъ племенъ, самымъ характеристическимъ отличіемъ будетъ то, что пища ими *добывается, но не производится*: охота и рыбная ловля составляютъ главный источникъ ихъ пропитанія, затѣмъ слѣдуютъ дикорастущіе плоды, травы и коренья. Въ этомъ состояніи размноженіе ограничено еще тѣми средствами пропитанія, которыя производитъ сама природа, не направляемая трудомъ человѣка. Прогрессъ экономическій тутъ можетъ заключаться въ расширеніи сферы добыванія пищи, чрезъ включеніе произведеній, прежде недоступныхъ добычѣ, что производится при помощи усовершенствованія орудій и снарядовъ, служащихъ для охоты и рыбной ловли. Палица, праща, дротикъ, топоръ съ каменнымъ лезвеемъ, а затѣмъ, быть можетъ, и съ металлическимъ, ножъ и лукъ—вотъ разныя приспособленія, которыя достижимы и въ дикой формѣ человѣческаго общества; сюда же можно отнести удочки съ костяными крючками, острогу съ каменнымъ или костянымъ наконечникомъ, плетеную изъ вѣтвей западню для рыбъ, равно какъ капканы для звѣрей и волосяные силки для птицъ. Всѣ эти и нѣкоторые другіе снаряды и орудія были изобрѣтены въ періодъ дикаго состоянія и предназначались служить облегченіемъ въ добычѣ пищи; съ этой стороны можно бы было сказать, что уже и въ дикости человѣкъ отчасти, косвеннымъ путемъ, обратился къ производству пищи, производя орудія для добыванія ея. Но, во всякомъ случаѣ, прямого производства пищи мы не встрѣчаемъ въ этой формѣ общежитія.

Второю характеристическою чертой дикости въ ея эко-

номической жизни является простота, элементарность всѣхъ ея производствъ. Главною стороною производства должно было быть созданіе вышеисчисленныхъ орудій и снарядовъ для добыванія пищи; одно простое перечисленіе ихъ, мною сдѣланное, указываетъ на несложность производства. Прогрессъ въ производствѣ этихъ орудій, какъ и многихъ другихъ предметовъ труда дикаря, былъ отчасти обусловленъ умѣньемъ искусственно производить огонь; искусственное добываніе огня извѣстно всѣмъ дикарямъ, съ какими только знакома наука, но, конечно, было время, когда люди не знали его. Въ добываніи огня мы замѣчаемъ нѣкоторый прогрессъ: желобокъ и палочка, огневое сверлило и кремень—вотъ различные фазисы этого прогресса. Всѣ способы—самые простые, не требующіе, какъ наши способы, сложнаго сотрудничества для производства снарядовъ [1]). Послѣ добыванія пищи и добыванія огня, надо обратить вниманіе еще на производство снарядовъ для приготовленія пищи (посуда), одежды, жилища. Пересмотрите поочередно всѣ эти производства, какъ они изложены, напр., у Тайлора [2]). и вы согласитесь, что все производимое дикаремъ не требуетъ необходимо сложнаго сотрудничества, раздѣленія труда, хотя въ высшихъ фазахъ развитія дикаго общества оно и могло бы проявиться. И такъ, экономическіе признаки дикаго общества сводятся къ *добыванію пищи* (отсутствію ея производства) и къ *простотѣ формъ производства* (отсутствію раздѣленія труда). На такое опредѣленіе могутъ, пожалуй, возразить, что я опредѣляю дикое состояніе отрицательно, отсутствіемъ такихъ-то признаковъ; на это я замѣчу, что положительною характеристикою экономической жизни дикаго состоянія

[1]) О снарядахъ для добыванія огня, употребляемыхъ въ первобытной культурѣ, см *Тайлоръ*: „До-историческій бытъ человѣчества» *гл. IX.* О несуществованіи незнакомыхъ съ добываніемъ огня племенъ, стр. *307—317.* О снарядѣ „палка и желобокъ“, стр. *319*; объ огнесверлилѣ, стр. *320—333;* о другихъ снарядахъ дикихъ для той же цѣли—на слѣдующихъ страницахъ. Эти снаряды (кромѣ кремня) состоятъ въ различныхъ приспособленіяхъ тренія дерева объ дерево.

[2]) *Ibidem,* о посудѣ, 9-я же глава, послѣ добыванія огня.

будетъ уже *присутствіе производства*, какого бы то ни было, и что *насколько присутствіе производства ограничиваетъ дикое общество отъ до-соціальнаго состоянія, настолько отсутствіе производства пищи отсутствіе сложнаго сотрудничества, вмѣстѣ взятыя, отдѣляютъ его отъ послѣдующихъ состояній и формъ общественныхъ.*

При такомъ экономическомъ бытѣ, гдѣ каждый членъ общества можетъ обойтись безъ помощи своихъ сочленовъ, или, по крайней мѣрѣ, гдѣ содѣйствіе выражается обыкновенно въ формѣ простого сотрудничества и, только какъ исключеніе, въ формѣ сложнаго, при такихъ условіяхъ экономической жизни, зачатки матеріальной культуры, находимые нами въ дикомъ обществѣ, не могутъ измѣнить существенно условій борьбы за существованіе. Отсутствіе производства пищи исключаетъ возможность значительныхъ сбереженій и запасовъ ея, которые могли бы капитализоваться и за которые обладатель ихъ могъ бы покупать услуги и помощь другихъ; это же отсутствіе обусловливаетъ отсутствіе и собственности въ томъ видѣ, какъ вырабатывается это понятіе впослѣдствіи, а это опять-таки лишаетъ возможности однихъ лицъ покупать трудъ другихъ, не обмѣнивая его на свой собственный. Простота всѣхъ производствъ, доступность ихъ болѣе или менѣе каждому сочлену дѣлаетъ безполезнымъ накопленіе этихъ незамысловатыхъ продуктовъ, что тоже мѣшаетъ созданію капитала и пріобрѣтенію органически ненаслѣдственныхъ орудій борьбы за существованіе. Такимъ образомъ, *экономическія* условія первобытнаго дикаго общества нисколько не ограничиваютъ дѣйствія естественнаго подбора, поскольку оно зависитъ отъ органической наслѣдственности орудій борьбы за существованіе. Вліяніе ихъ въ этомъ направленіи ограничивается, быть можетъ, только введеніемъ новыхъ признаковъ, какъ орудій борьбы, напр., изобрѣтательность, искусность ручной работы и т. п. Не надо забывать, впрочемъ, что уже и дикая культура все-же расширяетъ предѣлы размноженія и, съ этой стороны, частью противодѣйствуетъ борьбѣ за существованіе. Укажу

еще и на то обстоятельство, что если сложное сотрудничество и не необходимо въ экономическомъ быту дикихъ, то все-же оно возможно и выгодно для племени, гдѣ проявится, и историческій подборъ не преминетъ выдвинуть подобныя племена и даровать имъ успѣхъ въ междуплеменной борьбѣ за существованіе. Сложное же сотрудничество и при отсутствіи производства пищи можетъ породить капитализацію продуктовъ, хотя бы, напр., глиняной посуды. Такими частными осложненіями вообще простого производства, которыя должны непремѣнно возникать современемъ и въ дикихъ обществахъ, отчасти нарушается значеніе личныхъ, органически наслѣдственныхъ качествъ въ борьбѣ за существованіе, но покамѣстъ это нарушеніе не идетъ дальше простого колебанія, быть можетъ, замедленія естественнаго подбора.

Политическая жизнь дикихъ племенъ находится еще въ болѣе рудиментарномъ состояніи, чѣмъ экономическая. Главную роль играетъ союзъ семейный; но значеніе различныхъ формъ брака (комунальнаго, поліандріи, полигаміи, умычки), господствующихъ въ дикихъ обществахъ, я разсмотрѣлъ въ этюдѣ о половомъ подборѣ въ обществѣ. Тамъ я показалъ, какъ комунальный бракъ долженъ былъ естественно перейти въ поліандрію или полигамію уводомъ; какъ поліандрическія племена, принявшія повсюду обычай эндогаміи, должны были, вслѣдствіе тѣснаго скрещиванья, измельчать и погибнуть; какъ напротивъ того, полигамы должны были быстро размножаться и подбираться по силѣ, ловкости и т. д., вслѣдствіе чего они должны были взять верхъ въ междуплеменной борьбѣ и вытѣснить племена поліандрическія и коммунальныя. Значеніе формъ брака для проявленія полового подбора и направленія его дѣятельности чрезвычайно важно, но на теченіе естественнаго подбора, кромѣ нѣкоторыхъ указанныхъ въ прошломъ этюдѣ чертъ, онѣ могутъ имѣть вліяніе весьма тѣсное. Укажу, напр., на послѣдствія порабощенія женщинъ, которое въ большей или меньшей степени сопровождаетъ форму брака умычкой. Власть, которую въ такомъ бракѣ

пріобрѣтаетъ мужъ надъ женою, дѣлается въ рукахъ мужа однимъ изъ орудій борьбы за существованіе; онъ по возможности слагаетъ съ себя трудности повседневной работы, часто ограничивая свою дѣятельность только добываніемъ пищи, все же производство лежитъ на женѣ или женахъ. Тяжелая работа, обременяющая женщину, дѣлаетъ ее малоплодовитою [1]) и племя, дальше другихъ ушедшее по пути обремененія женщины, должно медленнѣе размножаться, а это роковымъ образомъ отзывается на немъ въ междуплеменной борьбѣ за существованіе. Такимъ образомъ, порабощеніе женщины, служащее орудіемъ въ индивидуальной борьбѣ за существованіе, является причиною пораженія въ междуплеменной борьбѣ, такъ что если, какъ мы видѣли въ прошломъ этюдѣ, историческій подборъ и даруетъ побѣду полигаміи уводомъ, порождающей порабощеніе, то онъ же полагаетъ и предѣлъ такому порабощенію.

Кромѣ семьи, дикое общество знаетъ еще форму племени, т. е. союза семей одного происхожденія, но это форма весьма неустойчивая, власть племени или его предводителя весьма не велика (надо помнить, что я говорю о

[1]) См. *Герб. Спенсеръ* „Основанія біологіи“ *т. II, ч. VI, § 327*, а также главу *VII I* той же части (§§ *347—351*), гдѣ Спенсеръ доказываетъ, что между количествомъ траты силы организмомъ и генезисомъ существуетъ антагонизмъ. Любопытный примѣръ въ этомъ родѣ приводитъ *Уоллесъ* въ „Малайскомъ Архипелагѣ“, именно племя Дайяковъ на о. Борнео, которое не смотря на всѣ благопріятныя условія не размножается. Уоллесъ объясняетъ это обремененіемъ Дайякской женщины, на которой лежитъ тяжелая работа, см. русск. перев. *стр. 99—101*. Поэтому, мнѣ кажется, мои соображенія о значеніи порабощенія женщины для историческаго подбора имѣютъ за себя какъ теоретическую подкладку въ выводахъ Спенсера, такъ и замѣчательный примѣръ. У Герб. Спенсера приведены и другіе примѣры, даже повидимому, болѣе поразительные, но ни одинъ не соединяетъ въ себѣ столько условій плодовитости, при доказанной неплодовитости. Интересны слѣдующіе факты: Каффры имѣютъ отъ 12 до 20 дѣтей, Готтентоты рѣдко болѣе 3, многія женщины совершенно безплодны. Плодовитость малодѣятельныхъ Канадцевъ-Французовъ и малоплодность дѣятельныхъ Англичанъ-Канадцевъ. Во Франціи и Австріи дознано, что зрѣлость крестьянской трудящейся дѣвушки наступаетъ годомъ позже, чѣмъ праздной дѣвушки средняго сословія (*см.* §§ *366—367*).

дикихъ въ строгомъ смыслѣ, какъ опредѣляются они выше-очерченнымъ экономическимъ бытомъ). Надо полагать поэтому, что власть, которою облекается начальникъ племени, не могла служить особенно дѣятельнымъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе, если самъ начальникъ не обладалъ какими-либо особыми личными преимуществами, а съ другой стороны, трудно допустить, чтобы были часты случаи начальниковъ, не возвышавшихся надъ своими соплеменниками личными преимуществами. Вообще надо признать, что въ дикомъ обществѣ условія политическаго быта также мало колебали органическую наслѣдственность орудій борьбы за существованіе, какъ и условія экономическія. Нѣкоторое колебаніе могли произвести власть мужа надъ женою (и, быть можетъ, отца надъ дѣтьми) и наслѣдственность званія предводителя племени, гдѣ она успѣла установиться, такъ что *власть*. въ будущемъ столь могучее орудіе борьбы за существованіе, въ дикомъ обществѣ еще безсильна въ конкуренціи съ личными преимуществами также, какъ *капиталъ и собственность*.

Чрезвычайно распространено мнѣніе, что вначалѣ званіе начальника племени и священника, посредника между богами и людьми, облекало всегда одного человѣка, такъ что только впослѣдствіи выдѣлились власть свѣтская и духовная, но мнѣ кажется, что подобный случай не можетъ быть разсматриваемъ какъ общій и даже какъ господствующій. Нѣсколько позже, въ родовомъ быту это дѣйствительно, повидимому, было всегда такъ, но въ дикомъ состояніи, какъ мы его выше опредѣлили, это явленіе едва ли можетъ почитаться необходимо присущимъ, неизбѣжною первой ступенью развитія жречества. Въ сравнительно болѣе высокомъ патріархальномъ быту были и религіозныя воззрѣнія нѣсколько выше; оба элемента религіознаго развитія—обоготвореніе силъ и явленій природы и поклоненіе душамъ умершихъ — приняли нѣсколько систематическую форму, олицетворились, поэтому и форма поклоненія приняла болѣе постоянный и опредѣленный характеръ, явилась необходимость постояннаго жертвен-

ника, правильныхъ, періодическихъ приношеній, а кому же, какъ не родоначальнику, было естественнѣе всего исполнять эти религіозные обряды за весь свой родъ. Но такая выработанность (относительная) религіозныхъ воззрѣній могла явиться въ дикомъ обществѣ развѣ уже при переходѣ его въ другія формы и потому не можетъ разсматриваться какъ общее правило. Преобладающею формой миѳическаго міросозерцанія дикаря должно было быть обоготвореніе предметовъ природы и умершихъ въ самой грубой формѣ. Здѣсь не находимъ мы еще ни постоянныхъ жертвоприношеній (или, лучше сказать, вовсе не находимъ жертвоприношеній въ ихъ позднѣйшей формѣ), ни молитвъ, ни храмовъ; религіозное поклоненіе выражается въ колдовствѣ и заклинаніи. Колдунъ и знахарь, по всей вѣроятности, предшествовали жрецу—предводителю племени, какъ идея объ управленіи природы посредствомъ заклинаній и различныхъ подражательныхъ дѣйствій предшествовала идеѣ управленія ею при помощи умилостивленія всесильныхъ боговъ. Если же таковъ былъ прогрессъ религіознаго мышленія, то, значитъ, въ дикомъ обществѣ мы должны найти дифференцованными власть политическую и вліяніе, соединенное съ званіемъ посредника между людьми и богами. Мы, дѣйствительно, видимъ повсюду у дикихъ, что не начальники ихъ являются у нихъ шаманами, колдунами, кудесниками, вѣдьмами и вообще различныхъ наименованій вѣщими мужами, женами и дѣвами. Эти же наименованія служатъ, во всякомъ случаѣ, болѣе надежнымъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ сомнительные капиталы дикаря или колеблющаяся власть его предводителя. Власть различныхъ *вѣщихъ* надъ дикарями изумительна и, конечно, представляетъ собою дѣйствительное, могучее орудіе въ борьбѣ за жизнь и притомъ орудіе, органически не наслѣдственное. Для насъ важно бы было опредѣлить теперь, какъ оно пріобрѣтается. Если пріобрѣтеніе его связано съ какимъ либо особеннымъ личнымъ качествомъ или качествами, то эти качества должны быть покровительствуемы естественнымъ подборомъ. Къ сожа-

лѣнію, антропологія представляетъ мало матеріала для рѣшительнаго опредѣленія пути достиженія у различныхъ дикихъ племенъ званія знахаря, колдуна. *A priori* можно сдѣлать нѣсколько предположеній; *во-первыхъ*, вѣроятно, это частью люди душевно-больные съ разстроеннымъ воображеніемъ, энтузіасты, быть можетъ, галлюцинанты; *во вторыхъ*, весьма часто это должно быть просто хитрецы, ловкіе обманщики. Эти качества, слѣдовательно, вѣроятно могли бы подвергнуться подбору, но я думаю, по крайней мѣрѣ, относительно второго разряда, что они должны развиваться скорѣе чрезъ упражненіе, чѣмъ подборомъ. Если люди перваго разряда, быть можетъ, и могутъ возвыситься до званія колдуна, вѣщаго человѣка—самостоятельно, безъ содѣйствія прежняго колдуна, то едва ли это вѣроятно для лицъ втораго разряда; колдунъ же окажетъ содѣйствіе, научитъ скорѣе всего своего сына, и такимъ образомъ это званіе, вѣроятно, на практикѣ является наслѣдственнымъ. Наслѣдственность званія въ извѣстныхъ родахъ исключаетъ дѣятельность естественнаго подбора, а болѣзненность перваго разряда знахарей не позволяетъ разсчитывать на оставленіе ими болѣе многочисленнаго потомства. И это, вѣроятно, самое чувствительное ограниченіе естественнаго подбора въ дикомъ обществѣ.

Пересмотрѣвъ, такимъ образомъ, всѣ главнѣйшія стороны быта дикихъ племенъ, мы приходимъ къ заключенію, что значеніе въ борьбѣ за существованіе орудій, органически не наслѣдственныхъ, весьма ограничено въ дикомъ обществѣ; въ экономическомъ и политическомъ быту оно даже ничтожно и ихъ можно цѣнить развѣ какъ зародыши условій, имѣющихъ развиться; нѣсколько больше значеніе ихъ въ религіозномъ быту. Поэтому остается полный просторъ людямъ употреблять въ борьбѣ за существованіе ихъ личныя природныя преимущества, которыя въ большинствѣ случаевъ и рѣшаютъ борьбу, и этимъ путемъ естественный подборъ удерживаетъ свое значеніе. Теперь намъ нужно только опредѣлить направленіе, въ которомъ долженъ дѣйствовать естественный подборъ въ дикомъ обществѣ, если не повсемѣстно и не всегда, то по крайней

мѣрѣ въ большей части случаевъ. Появленіе культуры, хотя и не въ совершенной формѣ, должно было уже измѣнить направленіе подбора. На это измѣненіе я уже указывалъ въ этюдѣ о половомъ подборѣ, именно, что вмѣсто подбора спеціальныхъ орудій вооруженія для нападенія и защиты (въ родѣ роговъ, клыковъ, брони и т. п.), которыя подбираются въ до-культурный періодъ, на первый планъ выступаетъ подборъ силы, ловкости, быстроты, ума вообще. Благодаря этому измѣненію признаковъ, подверженныхъ подбору, происходитъ и другое немаловажное измѣненіе. Различія особей по силѣ, ловкости, быстротѣ, уму, должны меньше, чѣмъ различія по величинѣ, крѣпости, выгодной формѣ, и пр. орудій вооруженія, зависѣть отъ индивидуальной измѣнчивости при рожденіи (возникающей вслѣдствіе случайныхъ причинъ, особаго столкновенія наслѣдственностей при скрещиваніи, реверсіи и т. п.), и происходятъ, вѣроятно, больше изъ различія упражненія. Если же это такъ, то естественный подборъ значительною частью является лишь дѣятелемъ, умножающимъ послѣдствія прямого приспособленія чрезъ усиленное упражненіе. Я не хочу сказать, чтобы случайная измѣнчивость вовсе не доставляла или доставляла очень мало матеріала для подбора, но только то, что она, съ возникновеніемъ даже дикой культуры, начинаетъ доставлять его меньше, чѣмъ въ до-культурный періодъ, и что очищаемыя ею области занимаются измѣнчивостью, порождаемою опредѣленнымъ вліяніемъ условій; однимъ словомъ, что опредѣленное вліяніе условій, разъ вступивъ, на почвѣ соціальной жизни, въ борьбу съ естественнымъ подборомъ за значеніе въ прогрессѣ, беретъ верхъ, что называется, не мытьемъ, такъ катаньемъ. Не будучи еще въ состояніи значительно поколебать *размѣры* его дѣятельности, оно частью дѣлаетъ его просто мультипликаторомъ своихъ эффектовъ, измѣняя *родъ его* дѣятельности.

Выше я упомянулъ, что естественный подборъ въ обществахъ дикарей долженъ тоже, повидимому, содѣйствовать развитію ума; мы видѣли, говоря объ историческомъ подборѣ, что, между прочимъ, естественный подборъ долженъ развивать антисоціальныя психическія качества: лукавство,

обманъ, вѣроломство, жестокость. Быть можетъ, именно его дѣйствію должны мы приписать встрѣчаемое между дикарями людоѣдство и вообще звѣрство, иногда превосходящее все, что мы знаемъ о подобныхъ чувствахъ у низшихъ животныхъ [1]). Отсутствіе чувства симпатіи, жалости должно было развиваться въ индивидуальной борьбѣ за существованіе. Помимо этихъ качествъ, естественный подборъ, вѣроятно, производитъ у дикарей подборъ ума, энергіи, находчивости, а особенно совершенства внѣшнихъ чувствъ и, можетъ быть, нѣкоторыхъ другихъ психическихъ свойствъ, но ни въ какомъ случаѣ и никогда нравственности. Мы видѣли, что противоположное мнѣніе Дарвина произошло оттого, что онъ подъ естественнымъ подборомъ разумѣлъ историческій подборъ, процессъ, существенно отъ него отличный по своимъ составнымъ факторамъ и прямо противоположный по эффектамъ.

Резюмируя наше обозрѣніе проявленія естественнаго подбора въ дикомъ обществѣ, мы можемъ сказать; 1) что созданіе первобытной культуры, которая отличаетъ эту форму общественнаго быта, ведетъ къ измѣненію направленія естественнаго подбора, обращая его на подборъ силы, быстроты, ума вообще, а не орудій вооруженія, которыя замѣняются искусственнымъ оружіемъ; 2) что такое измѣненіе характера подбора заставляетъ его въ большей степени пользоваться измѣнчивостью, порождаемою опредѣленнымъ вліяніемъ условій, и такимъ образомъ дѣлаетъ

[1]) *Леббокъ:* «Начало цивилизаціи», *гл. VII. На стр. 164* онъ говоритъ, что жестокость, воровство, убійство, грабежъ считаются у дикарей похвальными; при этомъ онъ прибавляетъ даже: „нравственность дикарей гораздо ниже и менѣе развита, чѣмъ вообще предполагаютъ“ (стр. *165*). Рядъ интересныхъ и многочисленныхъ примѣровъ на стр. *164—167;* приводимые факты чрезвычайно разнородны, и, конечно, далеко не одинаковой пробы и значенія; но есть между ними и такіе, которые не только вполнѣ подтверждаютъ взглядъ Леббока, но даже доказываютъ больше, напр., см. о тасманійцахъ, австралійцахъ, восточныхъ неграхъ и др. (*Прим. 1-го изд.*).

Добавлю это примѣчаніе указаніемъ на интересныя данныя, заключающіяся въ книгѣ г. Кулишера «Очерки Сравнительной Этнографіи«, 8—12 (*Примѣч. 2-го изданія.*).

его отчасти просто мультипликаторомъ эффектовъ этихъ условій, подбирая наиболѣе удачные; 3) что созданіе культуры, поскольку оно выражается въ появленіи сложнаго сотрудничества, политической организаціи и того мнимаго знанія, которое выражается въ колдовствѣ, влечетъ за собою появленіе на аренѣ борьбы за существованіе орудій, органически не наслѣдственныхъ, и тѣмъ ослабляетъ дѣятельность естественнаго подбора; 4) что это ослабленіе весьма незначительно и естественый подборъ играетъ поэтому видную роль въ жизни дикихъ обществъ; но 5) всякое подобное ослабленіе покровительствуется историческимъ подборомъ, и потому общій прогрессъ всего дикаго человѣчества выражается въ постепенномъ ослабленіи естественнаго подбора, хотя при условіяхъ дикаго быта онъ и не можетъ быть вытѣсненъ совершенно.

Я остановился подробно на дикомъ обществѣ, потому что въ немъ мы уже встрѣчаемъ въ зернѣ главныя соціальныя условія, имѣющія развиться и опредѣлиться съ ходомъ историческаго прогресса; они еще безсильны въ виду физическихъ и органическихъ дѣятелей, но направленіе, характеръ ихъ дѣятельности мы можемъ намѣтить довольно отчетливо и въ этомъ зачаточномъ состояніи. По отношенію къ занимающему насъ вопросу органической наслѣдственности орудій борьбы за существованіе, направленіе это состоитъ во введеніи орудій, не наслѣдственныхъ органически, и притомъ соразмѣрно развитію сложнаго сотрудничества, укрѣпленію политической организаціи и значенію дѣйствительнаго или предполагаемаго только знанія. Факторы эти не сами по себѣ производятъ такое послѣдствіе, но чрезъ созданіе капитала, власти и знанія и чрезъ распредѣленіе ихъ не соразмѣрно личнымъ качествамъ. Разъ такое распредѣленіе возникло, оно уже само служитъ причиною дальнѣйшаго развитія въ томъ же направленіи; первоначально же возникаетъ это явленіе изъ естественнаго стремленія передать свои преимущества (богатства, власти, знанія) дѣтямъ, которыя, конечно, не всегда обладаютъ личными качествами, доставившими ихъ отцамъ

переданныя имъ преимущества. Всѣ эти выводы и соображенія мы можемъ сдѣлать, наблюдая первобытную культуру дикихъ, когда всѣ отношенія еще не затемнены, когда указанные соціальные дѣятели еще только зарождаются, взаимно другъ друга не осложняютъ и стоятъ лицомъ къ лицу преимущественно съ дѣятелями органическаго прогресса, силами до-культурнаго періода. Опредѣливъ ихъ значеніе при самомъ, такъ сказать, ихъ зачатіи, мы тѣмъ облегчаемъ себѣ дальнѣйшій путь, гдѣ будемъ имѣть дѣло съ ними же. Поэтому мы можемъ ограничиться лишь бѣглымъ обзоромъ послѣдующихъ формъ быта и остановимся нѣсколько подробнѣе только на послѣдней формѣ— цивилизованномъ государствѣ.

Въ экономическомъ развитіи поворотнымъ пунктомъ отъ дикаго состоянія къ цивилизованному, надо повидимому, считать время, когда впервые была произведена пища; окончательно же переходитъ дикій бытъ въ другія формы, когда производство пищи получаетъ рѣшительное преобладаніе надъ ея добываніемъ, когда земледѣліе или скотоводство замѣняютъ охотничій и рыбный промыслы. Теперь отвергнуто мнѣніе, будто скотоводство необходимо предшествовало земледѣлію; оба способа производства пищи возникали прямо изъ дикаго состоянія, смотря по условіямъ страны, въ которой жило племя, дѣлавшее этотъ прогрессъ. Однако, отъ этого не уменьшаются существенныя и весьма важныя различія обоихъ способовъ производства. Въ то время, какъ развитіе земледѣльческой промышленности вмѣсто звѣро-и рыболовной значительно усложнило процессъ добыванія пищи, какъ для каждаго индивида, такъ и для всего общества, возникновеніе скотоводства едвали даже не упростило этотъ процессъ, по крайней мѣрѣ, для каждаго индивида. Уходъ за стадами, состоящій въ одномъ обереганіи, кухонное искусство, производство молочныхъ продуктовъ, кожъ, войлоковъ, — вотъ чѣмъ ограничивался трудъ члена кочевой общины; раздѣленіе труда мы едвали въ правѣ тутъ ожидать больше, чѣмъ въ дикомъ состояніи, а отсутствіе частной собствен-

ности предупреждаетъ накопленіе капитала. Вообще по условіямъ быта кочевого, пастушескаго надо ожидать, что тутъ исчезаетъ индивидуальная борьба за существованіе и вполнѣ возмѣщается борьбою между родами. Было бы весьма интересно опредѣлить орудія борьбы и побѣды въ междуродовыхъ войнахъ пастуховъ-кочевниковъ, но это прямо не относится къ предмету настоящаго этюда.

Земледѣліе, какъ выше упомянуто, осложняетъ производство и потому открываетъ путь къ развитію сложнаго сотрудничества; но гораздо важнѣе то обстоятельство, что возможность неравенства урожая, возможность дѣлать запасы и сбереженія производятъ нѣчто въ родѣ капитализаціи, процессъ, постоянно поддерживаемый сложнымъ сотрудничествомъ [1]). Рядомъ съ экономическими преобразо-

[1]) Я здѣсь вовсе не касаюсь вопроса объ образованіи капитала въ современной экономической жизни, производится ли онъ чрезъ сбереженіе, какъ утверждаютъ одни, или производительнымъ потребленіемъ, какъ думаетъ напр. Милль, или наконецъ вслѣдствіе постоянной разности между цѣнностью, потребляемою трудомъ и воспроизводимою имъ, какъ доказываетъ К. Марксъ. На той ступени экономическаго развитія, которой я тутъ касаюсь, не можетъ быть рѣчи о подобныхъ разногласіяхъ, тѣмъ болѣе, что я разсматриваю тутъ капиталъ не какъ орудіе и средство производства (опредѣленіе экономической науки), а лишь какъ орудіе и средство борьбы за существованіе. Если въ обоихъ своихъ значеніяхъ капиталъ и не лишается своихъ характеристическихъ отличій, то все-же онъ является далеко не въ одномъ и томъ же убранствѣ. Можетъ быть, мнѣ возразятъ, что въ такомъ случаѣ лучше не употреблять термина капиталъ, чтобы не затемнять и безъ того не слишкомъ отчетливое представленіе о немъ, господствующее въ наукѣ; съ этимъ нельзя не согласиться, но терминъ *богатство* еще менѣе выдержитъ критики, потому что далеко не все богатство употребляется какъ орудіе борьбы за существованіе, а значительная часть растрачивается. Большею частью только та доля его, которая употребляется на производство служитъ орудіемъ борьбы за существованіе, поэтому ей и приличествуетъ всего болѣе названіе капитала. Однако, менѣе кого бы то ни было я смѣшиваю капиталъ въ смыслѣ орудія производства и въ смыслѣ орудія борьбы за существованіе; богатство, употребленное на подкупъ, не есть орудіе производства, хотя оно тутъ послужило орудіемъ въ борьбѣ за существованіе. Государственныя затраты на канализацію, осушеніе болотъ или орошеніе безводныхъ степей пошли

ваніями, рука объ руку идутъ политическія. Здѣсь главнымъ раздѣльнымъ пунктомъ является возникновеніе государства, промежуточною формою—родовой или патріархальный бытъ, а также—общинный. Мы не будемъ вдаваться въ разборъ всѣхъ этихъ формъ и ихъ генезиса. Довольно того, что въ это время шагъ за шагомъ возникали собственность, сословія, рабство, государственная власть, жреческая іерархія, и, такимъ образомъ, постепенно развивались преимущества, которыя не могутъ быть унаслѣдованы органически и которыя не связаны причинною связью ни съ какимъ органически наслѣдственнымъ признакомъ. Всѣ эти преимущества росли и количественно и качественно, увеличивалось ихъ число и ихъ сила, такъ что, наконецъ, въ цивилизованномъ государственномъ быту мы находимся лицомъ къ лицу съ чрезвычайно сложнымъ механизмомъ культуры и гражданственности, гдѣ успѣхи каждаго члена общества заранѣе, такъ сказать, предопредѣлены его положеніемъ и управляются теченіемъ обстоятельствъ, въ весьма слабой степени зависимымъ отъ его воли. Знатность, участіе во власти, богатство, образованіе, покровительство сильныхъ міра сего, политическія учрежденія родины, образованіе и состоятельность среды, и пр. и пр.—вотъ главныя орудія успѣха въ цивилизованномъ обществѣ. Говорятъ: находчивость, предпріимчивость, энергія много значатъ; но что́ со всѣми этими достоинствами подѣлаетъ бѣднякъ, не получившій образованія и не имѣющій сильнаго покровителя? А получить образованіе, составить состояніе, пріобрѣсть покровителя—развѣ это зависитъ отъ бѣдняка, всѣмъ обдѣленнаго, а не отъ ряда обстоятельствъ, сложившихся, быть можетъ, за много времени даже до его рожденія и надъ которыми, во всякомъ случаѣ, онъ не властенъ. Вообще, я не могу представить себѣ пути, который естественный подборъ могъ-бы проложить себѣ на арену соціальнаго прогресса въ цивилизо-

на производство, но они никому не послужили орудіемъ борьбы за существованіе, напротивъ, они, расширивъ предѣлъ размноженія, ослабили борьбу за существованіе.

ванномъ быту. Мнѣніе, мною высказываемое противорѣчитъ многимъ авторитетамъ и, между прочимъ, воззрѣніямъ Д рвина и Герберта Спенсера; поэтому мнѣ придется теперь остановиться на разборѣ ихъ мнѣній. Начну съ Дарвина.

Вотъ краткое изложеніе воззрѣній Дарвина [1]). Первымъ противодѣйствіемъ вліянію естествеинаго подбора въ цивилизованной жизни являются средства противъ болѣзненности и смертности, призрѣніе безпомощныхъ, богадѣльни и пріюты, и пр. Осложняющимъ вліяніемъ является собственность, вслѣдствіе чего на арену борьбы за существованіе люди выходятъ не съ одинаковыми средствами (Sic!). «Хотя цивилизація, — соглашается Дарвинъ [2]), — противо, дѣйствуетъ во многихъ отношеніяхъ естественному подбору, за то, съ другой стороны, введеніемъ лучшей пищи и избавленіемъ отъ случайныхъ нуждъ она очевидно благопріятствуетъ лучшему развитію организма». Это доказывается тѣмъ, что люди цивилизованныхъ странъ сильнѣе дикарей. Значитъ, замѣчу я отъ себя, естественный подборъ вовсе не столь благодѣтельная вещь и порода можетъ улучшаться и безъ него; вѣдь самъ Дарвинъ приписываетъ не ему улучшеніе породы, а прямому вліянію цивилизаціи Однако, обратимся къ Дарвину. Опредѣливъ, такимъ образомъ, противодѣйствующія условія, Дарвинъ переходитъ къ положительному проявленію естественнаго подбора: несомнѣнно, что наиболѣе смышленные и изобрѣтательные лучше успѣваютъ въ жизненной конкуренціи, что, впрочемъ, до извѣстной степени уравновѣшивается размноженіемъ непредусмотрительныхъ людей. Что касается вопроса о безплодіи талантливыхъ людей, то Гальтонъ рѣшилъ его положительно: «Относительно физическаго строенія, усовершенствованію вида способствуетъ подборъ нѣсколько болѣе одаренныхъ, а не сохраненіе рѣзкихъ и рѣдкихъ аномалій. Тоже должно существовать и относительно

[1]) *Дарвинъ:* „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“, *I*, рус. пер. Сѣченова, *гл. V, стр. 187—203.*

[2]) *Іb. 191.*

умственныхъ способностей». Поэтому вопросъ о наслѣдственности таланта не такъ важенъ. Гальтонъ открылъ законъ средняго уклоненія отъ нормы, въ силу котораго, при общемъ повышеніи уровня умственныхъ способностей, должно являться и болѣе талантовъ. Для нравственнаго усовершенствованія путемъ подбора важны слѣдующіе факты: казни, заключенія и ссылки преступниковъ; самоубійства меланхоликовъ и помѣшанныхъ; удаленіе помѣшанныхъ; эмиграція безпокойныхъ людей; сильное сокращеніе жизни пьянствомъ; неплодовитость развратныхъ женщинъ и обыкновенное безбрачіе развратныхъ мужчинъ. Однако, перечисливъ все это, Дарвинъ замѣчаетъ [6]). «Насколько вопросъ касается высокаго уровня нравственности и увеличенія числа способныхъ людей, естественный подборъ имѣетъ, повидимому, у цивилизованныхъ націй мало вліянія». До сихъ поръ приведены факты, въ которыхъ естественный подборъ является дѣятелемъ совершенствующимъ, но дальше Дарвинъ приводитъи другой рядъ фактовъ: бѣдные (большею частью менѣе образованные) и легкомысленные женятся рано, откуда происходитъ не только то, что они производятъ больше дѣтей и что поколѣнія ихъ смѣняются быстрѣе, но и то, что дѣти ихъ сильнѣе и здоровѣе. Вліяніе этихъ фактовъ уравновѣшивается фактами ихъ большей смертности и меньшей плодовитости при неумѣренности. Въ этомъ отношеніи интересныя данныя представляетъ статистика, которая показываетъ, что между 20—80 годами жизни, холостяковъ умираетъ почти вдвое большій $^0/_0$, нежели женатыхъ того же возраста. Отсюда Дарвинъ, вслѣдъ за Фаромъ, выводитъ, что только лучшіе представители каждаго поколѣнія находятъ возможность вступить въ бракъ. Исторія тоже доставляетъ Дарвину нѣсколько примѣровъ естественнаго подбора: вредное вліяніе инквизиціи (особенно въ Испаніи) на уровень умственныхъ способностей; вредное вліяніе безбрачія духовенства въ средніе вѣка, когда все трудолюбивое и умственно развитое шло въ духов-

[1]) *Ibid. I, 194.*

ные. Этимъ исчерпывается все сказанное Дарвиномъ о дѣйствіи естественнаго подбора въ цивилизованномъ обществѣ. Правда, Дарвинъ самъ, какъ мы выше видѣли, допускаетъ его съ весьма ограниченнымъ значеніемъ, но все-же допускаетъ больше, чѣмъ я могу уступить; разберемъ же шагъ за шагомъ аргументацію Дарвина.

Прежде всего, останавливаясь на дѣятеляхъ, противудѣйствующихъ естественному подбору, Дарвинъ посвящаетъ большую долю своего вниманія тѣмъ условіямъ, которыя спасаютъ отъ конечной гибели лицъ, уже побѣжденныхъ въ борьбѣ за существованіе; но очевидно, еслибы этимъ ограничивалось противодѣйствіе естественному подбору, то по большей мѣрѣ оно замедлило-бы только ходъ его. Изъ органическихъ не наслѣдственныхъ орудій борьбы за существованіе, Дарвинъ беретъ въ разсчетъ только собственность и то довольно поверхностно [1]); всѣ же остальные факторы — образованіе (которое вѣдь унаслѣдовано быть не можетъ), власть политическую, духовную власть священника, сословныя привилегіи, различныя монополіи и вообще весь сложный механизмъ политическихъ, гражданскихъ и религіозныхъ правъ, корпорацій, союзовъ, вліяніе общественнаго мнѣнія, и пр., и пр.,—все это Дарвинъ игнорируетъ совершенно, будто бы не это служитъ орудіемъ борьбы за существованіе, а напр., изобрѣтательность и смышленность. Люди изобрѣтательные и смышленные массами гибнутъ въ борьбѣ за существованіе, потому что бѣдны, потому что негдѣ и не на что имъ было получить образованіе, потому что они лишены тѣхъ или другихъ правъ (а какое значеніе имѣетъ лишеніе нѣкоторыхъ правъ, лучше всего доказываетъ участь незаконнорожденныхъ), да и мало ли еще иныхъ «потому что» можно отыскать и назвать; а съ другой стороны, люди совершенно бездарные и даже положительно глупые живутъ припѣваючи и плодятъ большое потомство. Какъ же тутъ можно говорить о подборѣ изобрѣтательности? Если она растетъ, то благодаря упражненію, а не подбору. Замѣчу, что привилегія на

[1]) *Ib. I, 189—191.*

изобрѣтеніе есть скорѣе покровительство знанію, чѣмъ изобрѣтательности. Если на все это мнѣ и могутъ возразить, что я не доказалъ положительно несуществованія подбора умственныхъ качествъ, то я возражу, *во-первыхъ*, что я, надѣюсь, показалъ недоказанность его присутствія, и *во-вторыхъ*, его невѣроятность на ряду съ дѣятелями столь сильными и затирающими личныя преимущества, если послѣднія не опираются на нихъ же. Остальныя соображенія Дарвина по поводу воззрѣній Гальтона доказываютъ только, что еслибы естественный подборъ имѣлъ мѣсто, то онъ поднятіемъ средняго уровня способностей содѣйствовалъ бы появленію талантовъ.

Факты, которые Дарвинъ приводитъ въ подтвержденіе вліянія естественнаго подбора на нравственныя качества, еще меньше выдерживаютъ критику. Казнь, заключеніе и ссылка преступниковъ, удаленіе помѣшанныхъ, но развѣ Дарвинъ не замѣчаетъ, что это *искусственный подборъ*, который онъ для животныхъ отдѣляетъ отъ естественнаго. Легко предположить, что еслибы вышелъ законъ—казнить, ссылать, заключать всѣхъ курносыхъ или голубоглазыхъ, то, въ рядѣ поколѣній, онъ повліялъ бы на уменьшеніе въ расѣ этихъ признаковъ, но неужели и это былъ бы случай естественнаго подбора? Въ такомъ случаѣ онъ въ нашихъ рукахъ, но почему же онъ послѣ того «естественный»? Я уже не говорю о томъ, что вопросъ о наслѣдственности преступности есть вопросъ весьма спорный, и основывать свои выводы на такихъ шаткихъ аргументахъ приличнѣе противникамъ Дарвина, чѣмъ ему самому. Повидимому, гораздо внушительнѣе факты въ родѣ самоубійства меланхоликовъ и помѣшанныхъ, смертности пьяницъ и неплодовитости проститутокъ и развратниковъ. *Во-первыхъ*, несомнѣнно, что меланхолія, помѣшательство, пьянство и половая развращенность наслѣдственны [1]), а

[1]) Факты наслѣдственнаго душевнаго разстройства общеизвѣстны; интересующихся же наслѣдственностью пьянства и развращенности я отошлю къ сочиненію Люка „Del'Heredité naturelle“ *I, 461—487.* Тамъ приведены нѣкоторые примѣры наслѣдственности пьянства,

во вторыхъ, нельзя оспаривать и того, что это большею частью люди, не устоявшіе въ борьбѣ за существованіе; повидимому, значитъ, это уже несомнѣнный естественный подборъ, ведущій къ совершенствованію чрезъ устраненіе меланхоликовъ, помѣшанныхъ, etc. Но это только «повидимому»; въ самомъ дѣлѣ, гнетущія обстоятельства, грозныя пораженія въ борьбѣ за существованіе — вотъ причины, порождающія меланхолію, сумасшествіе, пьянство, ведущія женщинъ къ проституціи. Вѣдь не меланхолія или проституція были орудіемъ пораженія въ борьбѣ за существованіе; они явились продуктомъ пораженія. Прежде, потерпѣвшій пораженіе въ борьбѣ за существованіе умиралъ съ голоду или холоду, бывалъ убиваемъ непріятелемъ, попадалъ къ нему въ рабство; этимъ и тому подобнымъ выражалось его пораженіе, его гибель. Теперь же онъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ, а ненормальное душевное состояніе, предшествовавшее этому акту, называютъ меланхоліей; теперь онъ сходитъ съ ума, спивается съ кругу, а женщина идетъ въ проститутки, этимъ выражается пораженіе въ борьбѣ за существованіе; это первые, такъ сказать-гуманные шаги къ вычеркиванью несчастныхъ, не устоявшихъ въ борьбѣ, изъ списка живыхъ существъ. Немудрено, если за этими первыми шагами (меланхоліей, помѣшательствомъ, пьянствомъ, развратомъ) быстро слѣдуетъ и второй, рѣшительный — смерть. Борьба за существованіе ихъ создала, она же дальше и устраняетъ; разъ нанесши пораженіе, она добиваетъ несчастнаго вторымъ ударомъ. Гуманность цивилизованнаго вѣка предпочитаетъ убивать въ два пріема, да притомъ такъ, чтобы второй ударъ былъ нанесенъ собственною рукой: «мое, дескать, дѣло — сторона». Этого-то и не разглядѣлъ Дарвинъ; привыкши къ грубой простотѣ органическаго прогресса, онъ второй

азартной игры и половой страсти,—примѣры, которые, повидимому, не могутъ быть оспариваемы. Къ сожалѣнію, матеріалъ (весьма богатый), собранный Люка, не всегда отличается этимъ качествомъ; примѣромъ могутъ служить приводимые имъ факты наслѣдственной преступности; всѣ они могутъ быть объяснены иначе.

ударъ принялъ за единственный, не замѣтивъ, что самое качество, нанесшее второй ударъ, было произведеніемъ перваго удара. А этотъ первый ударъ былъ обусловленъ именно тѣми органически ненаслѣдственными орудіями борьбы за существованіе, о которыхъ я говорилъ выше. Скажу нѣсколько словъ о проституціи и ея неплодовитости: на это обстоятельство я обратилъ вниманіе еще въ главѣ VIII, гдѣ и указалъ, что подборъ для разврата красивыхъ женщинъ долженъ понижать уровень красоты расы. Это несомнѣнно; но не должно забывать, что этотъ эффектъ, собственно говоря, не относится къ дѣятельности естественнаго подбора. Красота вовсе не представляетъ неблагопріятнаго признака въ борьбѣ за существованіе и вообще нѣтъ причинъ, заставляющихъ красивыхъ женщинъ предаваться разврату преимущественно передъ некрасивыми, исключая тѣхъ причинъ, что на нихъ бо̀льшій спросъ, бо́льшая цѣна, а потому и бо́льшій соблазнъ; но эта причина относится къ борьбѣ за спариванье, а не за существованіе, и всѣ ея послѣдствія должны быть отнесены на счетъ полового, а не естественнаго подбора. Изъ фактовъ, приведенныхъ Дарвиномъ въ доказательство дѣйствія естественнаго подбора на нравственныя качества, намъ остались—эмиграція безпокойныхъ и безбрачіе развратныхъ мужчинъ. Что такое безпокойность? гдѣ доказательство, что эмигрируютъ безпокойные?—вотъ какими вопросами отвѣчу я Дарвину, но прибавлю, что прискорбно встрѣчать подобные аргументы у такого всегда строгаго и осторожнаго мыслителя. Неужели такая судьба соціологіи, что кто бы за нее не взялся, сейчасъ получаетъ особенную наклонность оставлять строгіе научные пріемы и ссылаться на факты, неопредѣленные, которые весьма часто вовсе ничѣмъ не доказаны! О безбрачіи развратныхъ мужчинъ я тоже спросилъ бы Дарвина, откуда онъ это знаетъ, и не думаетъ ли онъ, что если холостяки вообще развратнѣе, то скорѣе развратность есть слѣдствіе безбрачія, чѣмъ безбрачіе—развратности, какъ, можно было бы предложить, думаетъ Дарвинъ. Если же такъ, то надо было бы поду-

мать и о томъ, что́ произвело безбрачіе? Не пораженіе ли въ борьбѣ за существованіе, которая велась вовсе не безбрачіемъ или развратностью, а орудіями органически ненаслѣдственными? Пораженіе въ борьбѣ за существованіе, нанесенное преимуществами органически ненаслѣдственными, затѣмъ невозможность вступить въ бракъ, за безбрачіемъ—развратъ; это опять только гуманность, состоящая въ томъ, чтобы доконать не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ. Послѣднимъ ударомъ должна быть смерть и, дѣйствительно, Дарвинъ приводитъ фактъ, что холостяковъ умираетъ относительно вдвое больше, чѣмъ женатыхъ. Дарвинъ и Фарръ видятъ въ этомъ доказательство, что только *лучшіе* успѣваютъ вступить въ бракъ; но кто же эти *лучшіе?* Кто ихъ сортируетъ? Не борьба ли за существованіе? Конечно, никто другой. Въ такомъ случаѣ эти лучшіе вовсе не необходимо обладаютъ личными преимуществами передъ тѣми забракованными, которые такъ быстро очищаютъ сцену жизни; они только были лучше обставлены различными цивилизованными орудіями борьбы за существованіе, а потому имъ лучше (а слѣдов. и дольше) жилось и они успѣли жениться, обзавестись семьей. Поэтому напрасно Дарвинъ и Фарръ видятъ въ большей смертности холостяковъ доказательство ихъ худшей породы; эта смертность есть только послѣдній актъ длинной драмы жизни, гдѣ она претерпѣвала ударъ за ударомъ и медленно клонилась къ развязкѣ; безбрачіе, развратность, ранняя смерть—все это продукты одного факта: пораженія въ борьбѣ за существованіе, которая рѣшается не личными достоинствами. Гдѣ же тутъ естественный подборъ? Всѣ факты, приводимые Дарвиномъ, либо относятся къ искусственному подбору [1]), либо показываютъ конецъ процесса;

[1]) Вліяніе инквизиціи и вліяніе запрещенія брака духовенству—то же примѣры искусственнаго подбора; первое можно отнести къ методическому, второе—къ безсознательному. Вообще всякое со стороны законодательства прямое покровительство или противодѣйствіе размноженію извѣстныхъ признаковъ надо относить къ искусственному подбору. Подобнаго же рода нѣкоторые примѣры, приводимые

но поднимите завѣсу, скрывающую отъ васъ начало, и нѣтъ болѣе естественнаго подбора, совершенствующаго породу. Передъ вами борьба за существованіе во всей своей цивилизованной наготѣ. Приличія же ради, она наноситъ свои удары не сразу, а постепенно: сначала доводитъ пораженнаго до помѣшательства или меланхоліи, а затѣмъ уже до самоубійства. Самоубійство устранило помѣшательство или меланхолію, думаете вы,—это ли не естественный подборъ? и забываете, какія силы устранили первоначально здравый разсудокъ и нормальное состояніе духа. Они-то, собственно говоря, произвели самоубійство, а меланхолія и помѣшательство были только посредствующими звеньями. Каковы же эти качества? Бѣдность, униженіе, страданіе близкихъ—все признаки, органически не наслѣдственные, а потому и неустранимые никакимъ самоубійствомъ. Мнѣ кажется, сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы показать, что Дарвинъ положительно ошибся, когда призналъ компетентность естественнаго подбора въ цивилизованномъ обществѣ. Обратимся теперь къ воззрѣніямъ Спенсера, изложеннымъ имъ въ VI части его біологіи, трактующей о размноженіи.

Аргументы Спенсера существенно отличны отъ доводовъ Дарвина; Дарвинъ собираетъ различные факты и старается объяснить ихъ, какъ проявленіе естественнаго подбора, между тѣмъ какъ Спенсеръ, вовсе не касается реальныхъ фактовъ и ведетъ свою аргументацію строго дедуктивно. Онъ беретъ организацію цивилизованнаго общества, какъ она опредѣлена современною наукою, и пытается показать, что эта организація должна вызвать естественный подборъ. «Въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ всѣ видоизмѣненія, функціональныя и органическія, были, суть и будутъ ближайшимъ или отдаленнымъ слѣдствіемъ окружающихъ условій» [1]),—такимъ общимъ положеніемъ начи-

Фикомъ въ статьѣ «Теорія Дарвина на юридической почвѣ» (см. «Знаніе» 1872 г. Декабрь).

[1]) *Герберт Спенсеръ*: «Основанія Біологіи», *т. II, ч. VI, § 373*. Послѣдующія цитаты приведены изъ этого же параграфа.

наетъ Герб. Спенсеръ свое разсужденіе. Цивилизація уменьшаетъ рядъ нѣкоторыхъ разрушительныхъ силъ, напр. сначала опасность отъ хищныхъ звѣрей, а потомъ и отъ людей. «Но есть опасность, не уменьшающаяся, а именно та, которая зависитъ отъ самаго умноженія членовъ общества,—опасность отъ недостатка пищи. Если человѣческая природа останется неизмѣнною, то смертность отъ этой причины должна будетъ среднимъ числомъ возрастать по мѣрѣ размноженія. Чтобы она не возросла, необходимо, чтобы умножалось и количество пищи, а это предполагаетъ нѣкоторое измѣненіе въ человѣческихъ привычкахъ, выработанное гнетомъ нужды». Здѣсь можно сдѣлать замѣчаніе по поводу измѣненія *человѣческой природы*, о которомъ говоритъ выше Спенсеръ. Конечно, поскольку уравновѣшеніе между запросомъ жизни и снабженіемъ средствами зависитъ отъ измѣненій въ быстротѣ размноженія, постольку здѣсь играетъ нѣкоторую роль измѣненіе природы, но нельзя сказать того же безъ особенной натяжки о томъ случаѣ, когда это равновѣсіе поддерживается умноженіемъ средствъ. Правда, дальше Спенсеръ устанавливаетъ отношеніе зависимости между этими двумя способами, но производнымъ является размноженіе и притомъ здѣсь идетъ рѣчь не объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ уравновѣшенія, а только о непосредственной, ближайшей причинѣ его. Эта же ближайшая причина есть до сихъ поръ, почти повсюду, не уменьшеніе плодовитости, а возрастаніе производства. Производство же мы увеличиваемъ обыкновенно введеніемъ усовершенствованныхъ или вновь изобрѣтенныхъ орудій, новыхъ матеріаловъ, реагентовъ и т. п., затратой новаго капитала, а не приспособленіемъ нашихъ органовъ. Активное приспособленіе органовъ, полезное для производства, является элементомъ второстепеннымъ; пассивное же (нѣкоторая гиперемія усиленно упражняющихся органовъ и анестезія бездѣйствующихъ) является уже слѣдствіемъ усовершенствованныхъ способовъ производства, а не его причиною, хотя и можетъ оказаться полезнымъ для послѣдующихъ

усовершенствованій въ томъ же направленіи. Съ этою поправкою мы можемъ принять положеніе Спенсера.

«Это постоянное увеличеніе населенія свыше средствъ пропитанія порождаетъ вѣчную потребность въ ловкости, умѣ и самоконтролированіи,—требуетъ, слѣдовательно, постояннаго ихъ упражненія и роста. Каждое промышленное усовершенствованіе одновременно есть продуктъ высшей формы человѣчества и требуетъ высшей же формы для своего приведенія въ исполненіе. Каждое новое приложеніе науки и искусства есть внесеніе бо̀льшаго ума въ удовлетвореніе нашихъ потребностей и требуетъ дальнѣйшаго прогресса ума».—Вообще это вѣрно, но тоже съ поправкою. Промышленное усовершенствованіе, говоритъ Спенсеръ, требуетъ высшей формы человѣчества для своего приведенія въ дѣйствіе; если, съ одной стороны, это вѣрно, то, съ другой, разумѣется—нѣтъ. Если управляющій промышленнымъ предпріятіемъ долженъ обладать бо̀льшимъ знаніемъ и *умомъ* (хотя быть можетъ и просто бо̀льшимъ знаніемъ), то отъ большинства рабочихъ предпріятія съ усовершенствованіемъ производства большею частью требуется даже меньше умственной самодѣятельности. Автоматичность фабричной работы вошла въ поговорку. Сдѣлавъ по пути эту поправку, мы будемъ продолжать слѣдовать за Спенсеромъ. «Чтобы получить больше продуктовъ съ своего акра, фермеръ долженъ изучать химію, принять новыя механическія приспособленія и, умноженіемъ оборотовъ, воздѣлывать какъ свои собственныя силы, такъ и силы своихъ рабочихъ». Это очевидно образное развитіе мысли, уже нами разобранной; тѣмъ внимательнѣе разсмотримъ эту ссылку на примѣръ возможнаго осуществленія указаннаго выше Спенсеромъ процесса. Но прежде приведу еще одну выдержку: «ясно, что непрестанное упражненіе способностей, нужное для борьбы съ ними (опасностями), и смерть людей, неспособныхъ къ такой борьбѣ, обезпечиваютъ постоянный прогрессъ ловкости, ума и самообладанія, лучшее координированіе жизни, болѣе полную жизнь».—Такимъ образомъ, обращаясь къ примѣру фермерской промышленности, ока-

зывается по Спенсеру, что развитіе сельскаго хозяйства необходимо совершенствуетъ породу занимающихся имъ, потому что умственный прогрессъ вызывается успѣхомъ въ конкуренціи Здѣсь вопросъ уже иначе поставленъ, чѣмъ у Дарвина: не умственное природное превосходство обезпечиваетъ успѣхъ, но прогрессъ культуры вызываетъ усиленное упражненіе ума, и кто въ этомъ приспособленіи своихъ способностей въ культурѣ больше успѣваетъ, тотъ и одерживаетъ перевѣсъ къ борьбѣ за существованіе. Вообще противъ такой постановки вопроса нельзя возражать; несомнѣнно, если есть борьба за существованіе и неизбѣжная гибель части борющихся, то выживать должны тѣ, кто лучше приспособленъ къ условіямъ среды. Дарвину на такое разсужденіе можно возразить, что приспособленія къ условіямъ среды гораздо больше состоятъ въ качествахъ, органически не наслѣдственныхъ; но Спенсеръ, повидимому, самъ готовъ принять это возраженіе и отвѣтить: указавъ на то, что *если эти ненаслѣдственныя орудія употребляются въ борьбѣ активно, то они вызовутъ, чрезъ упражненіе, органически наслѣдственныя качества.* Правда, нѣкоторыя изъ цивилизованныхъ орудій борьбы за существованіе, напр. богатство, весьма часто служатъ сами, безъ всякой дѣятельности ихъ обладателя, орудіемъ выживанія, но, *во-первыхъ*, даже богатство рѣже бываетъ орудіемъ пассивной, чѣмъ активной борьбы, а *во вторыхъ*, другія ненаслѣдственныя орудія, какъ знаніе, частью власть, требуютъ самодѣятельности личности. Такимъ образомъ, кажется нельзя отрицать, что такимъ путемъ отчасти *можетъ* прогрессировать порода—но будетъ ли это естественный подборъ?

Въ самомъ дѣлѣ, орудія борьбы за существованіе, органически не наслѣдственныя (богатство, образованіе, политическая сила), предрѣшаютъ исходъ борьбы, даруютъ побѣду своимъ обладателямъ, но эта побѣда, повидимому, *чаще* (хотя это чаще — гипотеза) сопровождается упражненіемъ нѣкоторыхъ способностей, что̀ ведетъ къ тому, что вообще побѣдившіе оказываются, быть можетъ, умнѣе пораженныхъ. Мы видѣли выше, что меланхолики, помѣ-

шанные, проститутки и т. д. *погибаютъ не потому, что они меланхолики, помѣшанные или проститутки, а, наоборотъ, стали они такими, потому что гибнутъ, потому что потерпѣли пораженіе въ борьбѣ за существованіе.* Точно тоже и тутъ, только обратный случай, — *выжившіе не потому выжили, что умнѣе, а потому стали умнѣе, что выжили.* Какъ въ первомъ случаѣ пораженіе производитъ сначала меланхолію, пьянство и пр., а потомъ уже окончательно губитъ несчастнаго, причемъ эти качества, ранѣе произведенныя тѣмъ же пораженіемъ, ускоряютъ гибель; точно такъ же и во второмъ случаѣ, побѣда, добытая ненаслѣдственными орудіями и состоящая въ лучшей обстановкѣ жизни, развиваетъ умъ, энергію и другія похвальныя качества, а затѣмъ борьба за существованіе даруетъ уже окончательное торжество, причемъ содѣйствующимъ факторомъ является высшее развитіе интеллекта, ранѣе произведенное первою фазою побѣды. Гдѣ же тутъ естественный подборъ? Высшія качества являются послѣдствіями побѣды, хотя, развившись, они нѣсколько и мультиплицируютъ размѣръ торжества, точно такъ, какъ низшія качества (помѣшательство, пьянство, проституція), будучи результатомъ пораженія, затѣмъ ускоряютъ его ходъ, мультиплицируютъ его послѣдствія. Рѣшительно здѣсь нѣтъ никакого подбора, а просто торжество ведетъ къ дальнѣйшему торжеству, а пораженіе къ дальнѣйшему пораженію, къ гибели; высшее развитіе ума или меланхолія и пьянство—просто фазисы этого процесса. Но, скажутъ: результатомъ этого процесса является совершенствованіе породы и притомъ именно совершенствованіе въ борьбѣ за существованіе,—это ли не естественный подборъ? Нѣтъ, естественнымъ подборомъ это быть не можетъ уже потому, что здѣсь ничего не подбирается, но все *развивается.* Борьба за существованіе вызываетъ напряженіе умственной энергіи, а это постоянное напряженіе производитъ повышеніе интеллектуальныхъ способностей; здѣсь прогрессъ является результатомъ не погибели менѣе способныхъ и выживаніемъ болѣе одаренныхъ, а результатомъ упраж-

ненія умственной силы расы, причемъ погибель выпадаетъ довольно безразлично на долю какъ умственно даровитыхъ, такъ и мало способныхъ, точно также какъ и выживаетъ бездарность наряду съ талантливостью. Повторяю, въ этомъ процессѣ ничего не подбирается, а все развивается вслѣдствіе опредѣленнаго вліянія условій. Въ цитированномъ выше примѣрѣ фермерства мы можемъ увидѣть, что развивается не только умъ, но и умственная несамостоятельность. Самъ фермеръ упражняется умственно, и чѣмъ выше сельско-хозяйственная культура, тѣмъ больше умственнаго напряженія потребуется отъ фермера, тѣмъ больше будутъ развиваться способности его ума; совсѣмъ не то съ его рабочими: чѣмъ усовершенствованнѣе способы производства, тѣмъ меньше простора для умственной самодѣятельности рабочаго, тѣмъ меньше будетъ онъ упражнять свой умъ и тѣмъ сильнѣе долженъ понизиться уровень его интеллектуальныхъ способностей. Относительно сельскаго рабочаго едвали этотъ процессъ можетъ идти такъ далеко, какъ на фабрикѣ. Это соображеніе открываетъ намъ новую сторону современнаго прогресса, сторону, гдѣ онъ можетъ проявиться въ видѣ интеллектуальнаго регресса [1]). Если этого мы не замѣчаемъ, то потому, что въ обществѣ дѣйствуютъ и многія другія силы, упражняющія умъ. Послѣ всего сказаннаго, кажется, я имѣю право заключить, что естественный подборъ не играетъ въ цивилизованномъ обществѣ никакой роли, что, слѣдовательно, историческій прогрессъ, путемъ котораго человѣчество развилось изъ дикаго состоянія въ цивилизованное, былъ исторіей постепеннаго стѣсненія поля дѣятельности естественнаго подбора, чрезъ замѣну органически наслѣдственныхъ орудій борьбы за существованіе такими орудіями и средствами, которыя не могутъ быть унаслѣдованы.

Чтобы представить себѣ цивилизованное общество съ дѣятельнымъ естественнымъ подборомъ, совершенствующимъ породу, мы должны представить себѣ слѣдующія

[1]) Эта сторона вопроса прекрасно обслѣдована г Михайловскимъ въ статьѣ: „Что такое прогрессъ?“ (Отеч. Зап. 1869 г.).

условія, которыя еще нигдѣ не были осуществлены: въ этомъ обществѣ не должна бы была существовать юридическая наслѣдственность богатства и политической силы; всѣ члены его должны бы были получить одинаковое общее образованіе; всѣмъ имъ долженъ бы былъ быть предоставленъ одинаково доступъ къ высшему и спеціальному образованію; всѣ должны бы быть до совершеннолѣтія одинаково обезпечены, но институтъ частной собственности надо бы было удержать. При такихъ условіяхъ, естественный подборъ могъ бы проявить свою дѣятельность, но повелъ ли бы онъ къ усовершенствованію породы,—неизвѣстно; онъ, быть можетъ, подобралъ бы различныя антисоціальныя наклонности, какъ мы видѣли выше у дикарей. Значитъ, нужно присоединить еще одно условіе; необходимо, чтобы никогда погибель одного сочлена не была выгодна другому,— но возможно ли это, пока существуетъ борьба за существованіе? Во всякомъ случаѣ, заключеніе изъ всего разсужденія то, что напрасно трезвые философы такъ обрадовались біологическимъ обобщеніямъ. Эти обобщенія вовсе не ведутъ къ тѣмъ заключеніямъ, какія поспѣшили изъ нихъ вывести; борьба за существованіе и сопровождающая ее неизбѣжная гибель павшихъ вовсе не вызываетъ къ дѣйствію естественнаго подбора, вовсе не совершенствуетъ породу, сохраняя только лучшихъ особей и губя менѣе одаренныхъ. Она равно разитъ тѣхъ и другихъ, и выживаніе обусловливается вовсе не личнымъ превосходствомъ, а соціальными условіями. Личное превосходство иногда является послѣдствіемъ этихъ условій и потому сопровождаетъ побѣду, а это ведетъ къ ошибочному заключенію, что именно оно и рѣшаетъ борьбу. Что это — положительное заблужденіе, кажется ясно, принявъ въ соображеніе все предыдущее: историческій прогрессъ былъ исторіей вытѣсненія естественнаго подбора, лишая постепенно значенія органически наслѣдственныя качества, какъ моменты, рѣшающіе исходъ борьбы за существованіе. Но историческій прогрессъ и съ другой стороны велъ аттаку противъ естественнаго подбора, аттаку, болѣе рѣшительную,

хотя до сихъ поръ и менѣе удачную, именно противъ самой борьбы за существованіе. Мы видѣли уже, что эта аттака была двоякаго рода: *противъ проявленія* борьбы за существованіе, развитіемъ симпатическихъ чувствъ и нравственныхъ наклонностей, и *противъ причинъ ея* — стремленіемъ уравновѣсить размноженіе населенія умноженіемъ средствъ. Къ этой-то сторонѣ вопроса мы и обратимся.

ГЛАВА XI.

Борьба за существованіе и нравственность.

Борьба за существованіе вызывается недостаткомъ средствъ для всего населенія и *eo ipso* должна сопровождаться гибелью одной части ея для того, чтобы могла выжить другая, каждая особь, желающая выжить, поставлена въ роковую необходимость губить другія особи, прямо ли, лишая ихъ находящихся въ ихъ пользованіи средствъ, или косвенно, добывая средства, которыя могли бы добыть другія, и тѣмъ оставляя тѣхъ другихъ на погибель. Но съ другой стороны, нравственныя теоріи и нравственныя чувства возмущаются дѣятельностью, губящею ближнихъ. Такимъ образомъ, борьба за существованіе и нравственность—элементы, въ общественной жизни противоположные: поскольку успѣваетъ одно явленіе, постольку должно необходимо съуживать предѣлы своей компетентности другое. Съ причинами и условіями проявленія борьбы за существованіе мы уже отчасти ознакомились на предыдущихъ страницахъ. Но что такое нравственность? Какъ она проявляется? и гдѣ лежитъ причина ея антагонизма борьбѣ за существованіе, антагонизма, по мнѣнію трезвыхъ философовъ, совершенно безумнаго и доказывающаго только невѣжественность проникнутыхъ имъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь сильнаго, что никакая философія, хотя бы самая трезвая, не въ состояніи искоренить его, пока общество

живетъ и прогрессируетъ? Вотъ вопросы, которыхъ мы еще не касались, хотя очевидно, они имѣютъ прямое отношеніе къ разсматриваемому нами вопросу. Къ сожалѣнію, я не буду въ состояніи коснуться этого предмета съ желательною полнотой; нравственность есть явленіе чисто соціальное, продуктъ (хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и условіе) соціальнаго прогресса, а потому, въ настоящемъ трудѣ, гдѣ чисто соціологическіе вопросы совершенно неумѣстны, ей нельзя отвести достаточнаго мѣста. Поэтому, я ограничусь только крайне необходимымъ.

Авторъ замѣчательнаго трактата по этикѣ, обнародованнаго подъ скромнымъ заглавіемъ: «новѣйшія ученія о нравственности и ея исторія» [1]), говоритъ по поводу понятія о справедливости слѣдующее: «Терминъ справедливости такъ высоко стоялъ во всѣхъ теоріяхъ нравственности, что его нерѣдко примѣняли совершенно неточно. *Его существенная особенность въ томъ, что онъ выражаетъ неизмѣнный законъ съ текучимъ содержаніемъ. Его употребляли въ смыслѣ неизмѣннаго содержанія*, что давало поводъ, съ одной стороны, отрицать необходимость видоизмѣненія справедливости при разныхъ обстоятельствахъ, съ другой стороны, отрицать самую неизмѣнность самого закона справедливости» [2]). Мысль вполнѣ вѣрная, но ее можно примѣнить не къ одной справедливости, а также и ко всей области нравственности, въ которую справедливость входитъ какъ часть въ цѣлое. Очевидно, если справедливость есть неизмѣнный законъ съ текучимъ содержаніемъ, то нравственность должна быть такимъ же закономъ, или понятіе справедливости не есть составная часть понятія нравственности! Однако авторъ цитируемаго трактата о нравственности, занятый построеніемъ своей теоріи раціональной этики, увлеченный новымъ содержаніемъ, которое онъ влагаетъ въ эту область человѣческаго мышленія, — совершенно упускаетъ это изъ виду, хотя нѣсколько разъ подходитъ къ

---

[1]) См. „Отечественныя Записки“ 1870 г. №№ *3*, *4* и слѣдующіе.
[2]) *Отеч. Зап. № 4, 465.*

этому воззрѣнію весьма близко. Такъ, въ той же статьѣ [1]) онъ говоритъ: «нравственная отвѣтственность лежитъ въ предѣлахъ нравственной обязанности, т. е. *въ предѣлахъ установившагося убѣжденія*.... — Убѣжденіе можетъ быть очень ложно, очень извращено, очень вредно, противъ него можетъ быть слѣдуетъ бороться... но пока оно существуетъ въ личности, лишь *оно* опредѣляетъ, что̀ нравственно и что̀ безнравственно для личности». Но эта «нравственная отвѣтственность и обязательность въ предѣлахъ установившагося убѣжденія»,—развѣ это не неизмѣнный законъ съ текучимъ содержаніемъ? Однако высказавъ это положеніе, авторъ беретъ его, такъ сказать, обратно, когда заявляетъ опасеніе [2]), чтобы остановившись на этомъ принципѣ убѣжденія, этика не впала въ безразличіе нравственныхъ идеаловъ, чтобы односторонніе убѣжденія, въ ихъ многочисленныхъ отклоненіяхъ, не были бы, съ точки зрѣнія этики, нравственно равноправны. Здѣсь онъ уже смѣшиваетъ доктринальное; текущее содержаніе съ неизмѣннымъ закономъ. Этика, какъ теорія нравственности, какъ доктрина, умственная концепція, обязанная дать отвѣты о нравственномъ и безнравственномъ, не можетъ и не должна впадать въ безразличіе идеаловъ, потому что она и есть то текучее содержаніе, которое наполняетъ формулу, постоянную и неизмѣнную. Въ настоящее время существуетъ нѣсколько нравственныхъ теорій; утилитаризмъ въ его трехъ развѣтвленіяхъ (Бентамъ, Фурье, Милль), интуицизмъ, эволюціонизмъ, раціонализмъ; всѣ онѣ, существуя одновременно, составляютъ различные фазисы развитія одной и той же формулы, текучее содержаніе неизмѣннаго закона. Правда, въ этомъ-то содержаніи и заключается наиболѣе важное въ нравственности, оно-то и составляетъ ея сущность, но теперь пока для насъ необходимо не содержаніе, а только общая формула, потому что мы хотимъ уяснить себѣ, что̀ такое вообще *нравственное міросозерцаніе*. Истинное или ложное, что̀ оно имѣетъ общаго, отли-

[1]) *Ibidem*, *443*.
[2]) *Ibid*, *444*.

чительнаго, выдѣляющаго его изъ массы явленій, подлежащихъ человѣческому анализу?

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что положеніе «нравственно то, что соотвѣтствуетъ убѣжденію» — и будетъ искомою формулою; но болѣе внимательный разборъ легко убѣдитъ, что это слишкомъ объёмистое, если можно такъ выразиться, положеніе. Много есть убѣжденій совершенно безразличныхъ съ точки зрѣнія нравственности; я убѣжденъ, что земля есть сферическое тѣло извѣстнаго объема, обращающееся съ извѣстной скоростью вокругъ своей оси и вокругъ солнца; сообразно моему убѣжденію я, подвигаясь на Западъ на 15° долготы, перевожу мои часы на одинъ часъ назадъ. Я имѣю убѣжденіе, я дѣйствую сообразно съ нимъ, но что же въ моемъ убѣжденіи или моемъ поступкѣ нравственнаго или безнравственнаго? Другое дѣло, еслибы за исповѣданіе моего убѣжденія мнѣ грозили какія-нибудь опасности, преслѣдованія, гоненія; тогда, все-таки провозглашая его, я поступалъ бы нравственно, или—по крайней мѣрѣ—я подлежалъ бы нравственной оцѣнкѣ, нравственному суду, Но въ такомъ случаѣ, мой поступокъ соотвѣтствовалъ бы не тому убѣжденію, которое я провозглашаю (раздѣленіе его не требуетъ *логически* его провозглашенія), но убѣжденію, что, обладая истиной, я обязанъ ее провозгласить. Слѣдовательно, есть такого рода убѣжденія, что сообразуемыя съ ними дѣйствія безразличны для нравственности, есть и другія, которыя подлежатъ ея суду; поэтому нравственно лишь то, что соотвѣтствуетъ убѣжденіямъ этого послѣдняго рода.

Если мы сравнимъ послѣдовательно направленія нравственности (добродѣтели), преобладавшія въ различныя эпохи и въ различныхъ обществахъ, то мы безъ труда замѣтимъ, что они соотвѣтствовали нуждамъ общества данной эпохи и при данномъ общественномъ состояніи, или, лучше сказать, они были такого рода, что обусловливали самое его (общества) существованіе въ данномъ видѣ. Будучи продуктомъ предшествовавшаго историческаго развитія, эти добродѣтели были необходимымъ условіемъ на-

стоящаго общественнаго состоянія. Сравните послѣдовательно нравственное міросозерцаніе нѣсколькихъ эпохъ съ современнымъ ему состояніемъ и строемъ общества и вы увидите, что нравственное міросозерцаніе всегда находится въ тѣсной, неразрывной *логической* зависимости съ состояніемъ и строемъ общества и въ причинной связи съ самымъ существованіемъ этого состоянія и этого строя; они должны пасть, лишь только измѣнится міросозерцаніе. Разсмотрите затѣмъ одно за другимъ всѣ нравственныя ученія, провозглашавшіяся въ различныя времена и въ различныхъ обществахъ, и вы найдете, что главныя положенія этихъ ученій суть просто посылки, на которыхъ зиждется, какъ логическое заключеніе, тотъ или другой строй общества.

Посмотрите, — вотъ люди впервые организуются изъ разрозненныхъ семей и родовъ въ болѣе многочисленное общество; естественно, это общество, слагающееся изъ семей, какъ изъ единицъ, основываетъ свой строй на началахъ, обусловливающихъ первобытный, семейно-родовой бытъ, и вотъ мы видимъ, что современное нравственное ученіе возводитъ эти начала въ нравственный принципъ. Оно предписываетъ ихъ положительно, напр: «почитай родителей»; оно возбраняетъ всякое на нихъ посягательство: «не прелюбодѣйствуй». Эти нравственныя предписанія мы находимъ во всѣхъ первобытныхъ обществахъ, вытекшихъ изъ родового быта; *они же составляютъ необходимыя начала этой ранней общественности.* Затѣмъ лишь только люди организовались въ какое-либо общество, въ какой-либо союзъ, они *eo ipso* признали необходимость нѣкотораго взаимнаго содѣйствія, а слѣдов., и необходимость отказаться отъ нѣкоторой доли взаимнаго противодѣйствія, отъ нѣкоторыхъ наиболѣе грубыхъ формъ борьбы за существованіе; и вотъ въ самыхъ раннихъ нравственныхъ ученіяхъ мы уже находимъ предписанія, ограничивающія борьбу за существованіе между членами общества; «не убей», «не укради», «не обманывай»,—встрѣчаемъ мы повсемѣстно въ нравственныхъ ученіяхъ всѣхъ обществъ, достигшихъ

государственнаго быта, но *они составляютъ необходимыя начала всякой общественности* [1]). Кромѣ ограниченія борьбы за существованіе и охраненія семейнаго начала, этихъ двухъ *началъ общественности*, которыя всѣми первобытными обществами кладутся въ большей или меньшей степени въ основаніе ихъ устройства, остальные принципы (если будетъ позволено такъ выразиться) этихъ обществъ обыкновенно значительно разнообразятся. Одни изъ нихъ слагаются въ теократію и въ нихъ мы находимъ, что, рядомъ съ упомянутыми уже нравственными правилами, занимаютъ видное мѣсто чисто религіозные, часто даже догматическіе тезисы. Другія общества принимаютъ характеръ военной общины; въ нихъ на первый планъ выступаютъ практическія добродѣтели, въ родѣ безпрекословнаго повиновенія, гордости предъ побѣдителемъ, твердости въ лишеніяхъ, воинской чести, круговой солидарности, самоотверженія, патріотизма; и пр. и пр. Въ такихъ обществахъ рѣдко эти добродѣтели, или, лучше сказать, доблести, принимаютъ форму опредѣленнаго теоретическаго ученія нравственности, но тѣмъ не мѣнѣе никто не станетъ утверждать, чтобы эти убѣжденія членовъ общества не были ихъ нравственнымъ міросозерцаніемъ. Еслибы мы перебрали одно за другимъ всѣ послѣдующія нравственныя ученія, то легко было бы показать, что всѣ они суть формулированіе, выясненіе началъ, на которыхъ зиждется или должно созидаться общество; всѣ они суть или освященіе, возведеніе въ принципъ даннаго общественнаго строя, или предложеніе новыхъ основаній для этого строя; *всѣ они, или реальныя, или идеальныя начала общественности*, потому что всѣ они даютъ теорію того, какъ должна жить личность въ обществѣ, сообразно тому или другому

[1]) Мнѣ пріятно сослаться на Дарвина, потому что вообще въ существенныхъ частяхъ его этической теоріи я не могу съ нимъ согласиться, какъ выше показано. Онъ говоритъ: „Никакое общество не ужилось бы вмѣстѣ, еслибы убійство, грабежъ, измѣна и т. д. были распространены между его членами; вотъ почему эти преступленія въ предѣлахъ своего племени клеймятся *вѣчнымъ позоромъ*“ См. „Происх. Чедов.“ *1, 101*

реальному или идеальному общественному порядку. Такимъ образомъ, мы нашли ту неизмѣнную формулу нравственности, которую искали: *нравственно то, что соотвѣтствуетъ реальнымъ или идеальнымъ началамъ общественности; безнравственно все, что имъ противорѣчитъ.* Если личность, подлежащая нравственной оцѣнкѣ, выработала въ себѣ какой-либо свой идеалъ общественности, то она оцѣнивается по степени соотвѣствія ея поступковъ съ *этими* идеальными началами общественными, съ *этими убѣжденіями.* Въ противномъ случаѣ, т.-е. когда личность не выработала подобнаго самостоятельнаго идеала, она судится на основаніи другого критеріума, на основаніи реальныхъ началъ общественности, т.-е. нравственныхъ ученій, нашедшихъ въ данномъ обществѣ осуществленіе и господствующихъ въ его культурѣ.

Резюмируя это краткое разсужденіе о нравственности, мы можемъ сказать, что нравственное міросозерцаніе личности есть та часть ея общаго міросозерцанія, которая объемлетъ вопросы объ основаніяхъ общественности, о началахъ, которыми должна руководствоваться личность въ ея отношеніяхъ къ обществу [1]; что нравственный

[1]) Одно мѣсто въ выше цитированномъ трактатѣ о нравственности позволяетъ думать, что авторъ его былъ близокъ къ предлагаемой постановкѣ вопроса: „Въ настоящее время, читаемъ мы у него (*Отеч. Зап. № 3, Отд. II, 89*), соціологи опираются на необходимые законы экономическихъ явленій, на культурную среду обычнаго права и установившіеся кодексы, но они сознаютъ, что *общественная связь есть связь по преимуществу нравственная, что лишь нравственныя задачи даютъ санкцію экономическимъ отношеніямъ, что лишь нравственный смыслъ придаетъ жизнь мертвой буквѣ обычая и закона, что лишь нравственная сила связываетъ общество въ цѣльный организмъ*“. Можно указать еще и другихъ авторовъ, которые, повидимому, готовы были принять сходное воззрѣніе, такъ въ той же статьѣ приведена цитата изъ книги Лекки (*№ 3, 87*): „Нравственность людей гораздо болѣе зависитъ отъ цѣлей, ими преслѣдуемыхъ, чѣмъ отъ ихъ мнѣній. Сперва обстоятельства составляютъ нѣкоторый типъ добродѣтели, и люди потомъ принимаютъ его за образецъ, по которому строютъ свои нравственныя теоріи“ (ссылки на Lecky, *1. 58*). Еще ближе подходитъ Герб Спенсеръ къ предлагаемому въ текстѣ воззрѣнію, когда нравственныя чувства называетъ

идеалъ есть идеалъ общественности и что нравственное чувство заключается въ наклонности личности поступать сообразно началамъ общественности и въ отвращеніи отъ дѣлъ и поступковъ, противорѣчащихъ этимъ принципамъ. Если это такъ, то прогрессъ нравственности состоитъ въ прогрессѣ соотвѣтствія между личными наклонностями и чувствами членовъ общества и требованіями общественности, а съ другой стороны, въ прогрессѣ самихъ требованій общественности, въ уясненіи наилучшихъ для прочности общества и его процвѣтанія отношеній сочленовъ его другъ къ другу и къ цѣлому. Нравственный прогрессъ есть, такимъ образомъ, прогрессъ двусторонній, но не трудно было бы показать, что въ извѣстныхъ предѣлахъ обѣ стороны его взаимно обусловлены, что напрягаться требованія нравственной доктрины могутъ только сообразно напряженію наклонности ихъ удовлетворить; ограниченіемъ этой связи можетъ служить только то обстоятельство, что напряженіе требованія не всегда прямо пропорціонально высотѣ проповѣдуемой доктрины, хотя, вообще, такую пропорціональность едвали можно отрицать. Впрочемъ, для насъ теперь этотъ вопросъ о взаимной связи двухъ сторонъ нравственнаго прогресса не такъ важенъ; для насъ довольно запомнить, что, если общество нравственно прогрессируетъ, то 1) оно измѣняетъ свой взглядъ на обязанности своихъ членовъ по отношенію къ нему самому и къ другимъ сочленамъ, 2) въ немъ распространяются между его членами чувства, заставляющія ихъ слѣдовать въ своей дѣятельности этимъ взглядамъ и обязанностямъ, и 3) эти взгляды и чувства заключаются въ опредѣленіи началъ общественности. Обобщая эти положенія, мы можемъ

„чувствами, соотвѣтствующими потребностямъ соціальнаго быта“. („Основ. Біолог.“. *II, ч. VI*, § *372*). Это до того похоже на то, что я утверждаю, что я готовъ бы былъ просто на него сослаться, еслибы не весь §, изъ котораго взята цитата, который противорѣчитъ моему опредѣленію. Соотвѣтственная цитата изъ Дарвина была приведена выше, и я увѣренъ, что, при желаніи порыться въ этическихъ трактатахъ, можно было бы найти много и другихъ подобныхъ мнѣній.

сказать, что нравственный прогрессъ состоитъ въ приспособленіи (установленіи соотвѣтствія) дѣятельности личностей къ общественному состоянію (началамъ общественности), и выражается это приспособленіе въ установленіи совершеннѣйшихъ идеаловъ общественности и совершеннѣйшаго соотвѣтствія между идеалами эпохи и чувствами личностей. *Если же*, такимъ образомъ, *развитіе нравственности есть процессъ приспособленія жизни къ условіямъ соціальнаго существованія, то степень этого развитія можетъ быть лучшимъ мѣриломъ степени развившія общества, а отношеніе нравственности къ разнымъ дѣятелямъ и условіямъ общественной жизни является лучшимъ критеріумомъ отношенія ихъ къ развитію общества вообще.* Если эти условія и дѣятели находятся въ антагонизмѣ съ прогрессомъ нравственности, то они находятся въ антагонизмѣ съ развитіемъ общества вообще и степень проявленія ихъ въ обществѣ находится въ обратномъ отношеніи съ степенью соціальнаго развитія; чѣмъ выше это послѣднее, тѣмъ менѣе должны первые имѣть мѣста въ обществѣ и представленіе о лучшемъ общественномъ строѣ должно неизбѣжно заключать въ себѣ отрицаніе этихъ дѣятелей и условій. Этимъ, собственно говоря, уже рѣшается вопросъ о значеніи борьбы за существованіе въ общественномъ прогрессѣ. Борьба за существованіе и нравственность—явленія антагоничныя, слѣдов. борьба за существованіе есть дѣятель антисоціальный. Степень ея проявленія соотвѣтствуетъ степени упадка общества; слабость проявленія доказываетъ высоту общественнаго развитія; совершенное же устраненіе борьбы за существованіе изъ общества было бы однимъ изъ признаковъ идеальнаго состоянія. Все это слѣдуетъ неизбѣжно, какъ только допустимъ, что нравственность заключается въ соотвѣтствіи съ началами общественности и что нравственность и борьба за существованіе находятся въ прямомъ антагонизмѣ,—а какъ можно отрицать эти положенія?

Насколько позволили рамки этой главы, настолько на предыдущихъ страницахъ я старался показать необходимость признать первое положеніе, какъ неизмѣнную формулу

нравственности, наполняемую однако текучимъ, постоянно смѣняющимся содержаніемъ; о второмъ положеніи мнѣ тоже случалось уже говорить, но для большей убѣдительности я сведу теперь мысли объ этомъ предметѣ, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ книги. Само возникновеніе общества обусловливается нѣкоторымъ ограниченіемъ борьбы за существованіе между его членами; правда, каждый индивидъ еще всецѣло предоставленъ самому себѣ и имѣетъ полную возможность погибнуть отъ голода или хищнаго звѣря, но шансы погибели отъ своихъ соплеменниковъ уменьшаются съ возникновеніемъ самаго несовершеннаго общества и съ развитіемъ общества это уменьшеніе опасности болѣе и болѣе прогрессируетъ [1]). Такое ограниченіе произвола личной силы въ средѣ общества является первымъ нравственнымъ ученіемъ человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ ограниченіемъ борьбы за существованіе. Возникновеніе первыхъ нравственныхъ принциповъ полагаетъ начало первому обществу, но оно же полагаетъ начало сокращенію поля борьбы за существованіе. Условіе происхожденія общества и главный регуляторъ дальнѣйшаго соціальнаго прогресса, нравственность является, такимъ образомъ, съ самаго начала антагонистомъ борьбы за существованіе. Какъ произошли первыя нравственныя ученія—входить въ разборъ этого вопроса здѣсь не мѣсто. Конечно, развитіе чувства симпатіи, подражательность и пр. имѣли на это вліяніе; конечно, допуская даже наслѣдственность нравственнаго чувства, все-таки естественный подборъ ихъ не могъ выдвинуть впередъ, потому что они не давали никакого перевѣса въ индивидуальной борьбѣ за существованіе, но они могли выразиться уже во взаимной защитѣ мужчины и женщины и ихъ дѣтей, что̀, быть можетъ, подъ вліяніемъ историческаго под-

[1]) Гербертъ Спенсеръ высказываетъ сходное мнѣніе, говоря: „Хотя, разсѣеваясь по землѣ и раздѣляясь на племена, люди сами становятся дикими звѣрями относительно другъ друга, *однако опасность смерти и отъ этой причины уменьшается съ соединеніемъ людей въ нации*“ („Основ. Біол.“ II, § 373)

бора и повело къ ихъ размноженію, тѣмъ болѣе, что историческій подборъ не требуетъ необходимо органической наслѣдственности орудій борьбы; наслѣдственность онъ замѣняетъ традиціею, преданіемъ. Съ другой стороны, естественный подборъ и вліяніе упражненія должны были развивать интеллектуальныя способности и выдвигать впередъ умнѣйшихъ, которые рано или поздно могли понять выгоду сотрудничества. Разъ образовались такіе союзы сотрудничества, между ними должны были преуспѣвать тѣ, которыхъ члены обладали болѣе развитою симпатіей и пр. Эти союзы, конечно, были вначалѣ необходимо временными, но тамъ, гдѣ члены союзовъ обладали большею симпатіей и гдѣ союзы потому лучше успѣвали, тамъ они должны были чаще повторяться и, наконецъ, сдѣлаться постоянными. Точно также, отчасти подъ вліяніемъ умственнаго прогресса, отчасти подъ вліяніемъ симпатіи, при постоянномъ содѣйствіи историческаго подбора, должны были образоваться семьи изъ временныхъ паръ. Но изъ сочетанія интеллектуальнаго элемента (разсчета выгоднѣйшаго и пріятнѣйшаго) и эмоціональнаго (сочувствія) и развивается нравственность. Такимъ образомъ, можно сказать, что общественность и ея условіе — нравственность, развивались параллельно и взаимно помогали другъ другу подъ непосредственнымъ вліяніемъ историческаго подбора, который давалъ перевѣсъ семьямъ надъ разрозненными парами, союзамъ надъ отдѣльными особями, наконецъ, обществамъ съ болѣе развитою нравственностью, т.-е. члены которыхъ лучше приспособились къ общественному состоянію, надъ обществами, нравственно менѣе развитыми. То обстоятельство, что ограниченіе борьбы за существованіе въ извѣстныхъ предѣлахъ даетъ принявшимъ ограниченіе перевѣсъ въ борьбѣ внѣ этихъ предѣловъ, вело къ тому, что борьба за существованіе вытѣснялась и ограничивалась. Однако, мы уже знаемъ, что должно отличать двѣ формы борьбы за существованіе, какъ и подборы, производимые ими; мы знаемъ, что они антагоничны, и теперь, когда видимъ, что процессъ приспособленія особей къ соціальной

жизни существенно антагониченъ индивидуальной борьбѣ за существованіе, намъ становится вполнѣ понятнымъ антагонизмъ историческаго и естественнаго подборовъ. Натурально, подбирая успѣвающія въ борьбѣ за существованіе общества, историческій подборъ размножаетъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ полнѣе приспособленіе особей къ этой формѣ жизни, полнѣе соотвѣтствіе между жизнью индивидуальною и общественною; а приспособленіе къ общественному состоянію заключается, между прочимъ, въ ограниченіи борьбы за существованіе и развитіи чувствъ, возмущающихся ею.

Еслибы позволяло мѣсто, то не трудно было бы показать, что дальнѣйшее развитіе общества, поскольку оно измѣряется нравственнымъ совершенствованіемъ, выражалось въ постепенномъ ограниченіи борьбы за существованіе. Всѣ остальныя начала общественности, входившія въ нравственныя ученія, представляютъ намъ рядъ смѣняющихся принциповъ, доктринъ, добродѣтелей; каждая эпоха, каждая нація, каждая религія представляетъ свой сводъ нравственныхъ предписаній и свои образцы добродѣтелей. Эти предписанія и образцы разнообразятся во всемъ, исключая одного: всѣ они въ большей или меньшей степени требуютъ ограниченія борьбы за существованіе. Ограниченіе борьбы за существованіе является необходимою принадлежностью нравственныхъ доктринъ всѣхъ временъ, народовъ, религій и философскихъ школъ; дѣятельность, прямо противоположная ей, считается повсюду и всегда добродѣтельною. Первоначально, какъ мы видѣли, ограничена только самая грубая форма борьбы за существованіе и только между индивидами того же племени; относительно же индивидовъ другого племени разрѣшается даже единичная индивидуальная борьба. Затѣмъ, мы видѣли, расширяются предѣлы запрещеннаго въ отношеніяхъ къ единоплеменникамъ: вслѣдъ за прямымъ насиліемъ, общество начинаетъ преслѣдовать кражу, изнасилованіе женщины (отчасти и по другимъ побужденіямъ); затѣмъ входятъ въ запрещенное, недостойное, всѣ обманныя дѣйствія, мо-

шенничества, несдержаніе обѣщанія и пр.; еще далѣе является воззрѣніе, считающее предосудительнымъ всякое пользованіе для личной выгоды услугами другихъ, давленіемъ своей власти или богатства, объявляется безнравственнымъ политическое угнетеніе, взятки, эксплуатація. Это одна сторона прогресса; но съ другой, общества приходятъ къ убѣжденію въ необходимости воспретить индивидуальную борьбу и между разноплеменными членами, пока наконецъ прогрессъ доходитъ до того момента, когда въ отношеніи индивидуальной борьбы уже перестаютъ различать *своихъ* и *чужихъ* и недозволенное относительно первыхъ признается недозволеннымъ и по отношенію ко вторымъ. Я сказалъ выше, что принципъ бо́льшаго или меньшаго ограниченія борьбы за существованіе составляетъ необходимую составную часть всего нравственнаго отъ самаго несовершеннаго до самаго возвышеннаго, и, повидимому, именно этотъ элементъ нрѣвственности составляетъ все, что мы привыкли соединять подъ названіемъ *справедливости*. Вообще разграниченіе между всею областью нравственности и составною частью ея, справедливостью—чрезвычайно сбивчиво; но мнѣ кажется, что предлагаемое мною опредѣленіе не противорѣчитъ (конечно, только въ извѣстныхъ предѣлахъ) общепринятому воззрѣнію, а также не находится въ явномъ противорѣчіи съ опредѣленіями утилитаристовъ и раціональной этики, какъ назвалъ свою теорію уже цитированный авторъ «Новыхъ ученій о нравственности и ея исторіи». Этотъ авторъ даетъ формулу справедливости, опредѣляя ее афоризмомъ: «каждому по достоинству». Это неизмѣнный законъ, текучее же содержаніе, наполняющее его, заключается въ понятіяхъ о личномъ достоинствѣ. Несправедливымъ будетъ все, что нарушаетъ достоинство, заслугу другой личности, и самое провозглашеніе принципа недозволенности нарушенія, посягательства на все, подобающее и принадлежащее каждому по его достоинству, есть уже ограниченіе борьбы за существованіе. Прогрессъ въ такомъ случаѣ заключается въ измѣненіи понятія о достоинствѣ и въ

измѣненіи понятія о слѣдующемъ по достоинству. Такимъ образомъ, опредѣленіе раціональной этики нисколько не противорѣчитъ воззрѣнію, что справедливость есть ограниченіе борьбы за существованіе.

Дж. Ст. Милль слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ справедливость: «На болѣе точномъ языкѣ философовъ-юристовъ, долгъ совершенно обязательный—это такая обязанность, въ силу которой другая личность или личности имѣютъ соотвѣтственное *право*, долгъ несовершенно обязательный—это такая нравственная обязанность, которая не порождаетъ никакого права. Мнѣ кажется, это различіе совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, которое существуетъ между справедливостью и прочими обязанностями нравственными» [1]). Итакъ справедливо — удовлетворять право каждаго, несправедливо—нарушать чье-либо право. Здѣсь мы опять видимъ неизмѣнный законъ съ текучимъ содержаніемъ, которое выражается въ измѣненіи воззрѣній на право. Но опять-таки самое требованіе не нарушать права есть уже ограниченіе борьбы за существованіе; она допускается постольку, поскольку не наноситъ ущерба чьему-либо праву. Но понятіе права въ историческомъ прогрессѣ постоянно расширялось, пока не дошло до провозглашенія принципа равноправности. Равноправность же есть, собственно говоря, отрицаніе всякой борьбы за существованіе, потому что признать всѣхъ равноправными значитъ признать за каждымъ право на всѣ тѣ блага, которыми пользуется каждый, и всякая помѣха пользованію тѣмъ же явится неизбѣжно, съ этой точки зрѣнія, посягательствомъ на его право. Такимъ образомъ, мы должны придти къ тому заключенію, что прогрессъ нравственности вообще, а справедливости въ особенности, заключается въ прогрессѣ ограниченія борьбы за существованіе; согласить прогрессъ справедливости съ борьбою за существованіе возможно не иначе, какъ только предположивъ такое общественное состояніе, гдѣ гибель личности никогда и ни въ какомъ

[1]) *Дж. Ст. Миллъ*: „Разсужденія и изслѣдованія“, русск. перев. *III, 357—358.*

случаѣ не можетъ быть полезна другой личности. Теперь мы опять попали въ тотъ же cercle vicieux, какъ и въ томъ случаѣ, когда хотѣли указать на условія проявленія естественнаго подбора въ обществѣ, при которыхъ онъ можетъ вести къ совершенствованію, а не къ вырожденію породы.

Послѣ всего сказаннаго очевидно, что нравственность антагонична борьбѣ за существованіе, что она постоянно и повсюду стремится ограничить поле ея дѣятельности и что борьбу эту она ведетъ не на жизнь, а на смерть, потому что конечною цѣлью ея стремленій есть совершенное изгнаніе борьбы за существованіе изъ общества. Также очевидно, что и борьба за существованіе антагонична нравственности: она вызываетъ по необходимости дѣятельность, губящую другихъ людей, развиваетъ и вызываетъ чувства озлобленія, ненависти, лукавство, обманъ, жестокость и, наконецъ, большинство явныхъ и тайныхъ преступленій и пороковъ. Тамъ, гдѣ борьба за существованіе проявляется съ большою силою, всѣ эти признаки встрѣчаются весьма яркими и постоянными, противоположныя нравственныя чувства слабѣютъ и падаютъ, а съ ними падаетъ общественная связь и патріотизмъ. Борьба за существованіе — факторъ, завѣщанный исторіи органическимъ прогрессомъ; дѣятель докультурнаго и досоціональнаго періода, онъ постоянно является врагомъ культурно-соціальнаго прогресса и врагомъ мощнымъ, не разъ уже уничтожавшимъ цивилизаціи. Антагонизмъ ея общественному прогрессу раскрывается лучше всего въ антагонизмѣ между ею и нравственностью. Нравственный прогрессъ есть прогрессъ приспособленія жизни къ условіямъ соціальнаго существованія и, если, борьба за существованіе противодѣйствуетъ этому прогрессу, если, съ другой стороны, приспособленіе къ общественной формѣ жизни выражается всегда и повсюду въ ограниченіи и вытѣсненіи борьбы за существованіе, то очевидно, что борьба за существованіе враждебна общественному быту,—и обратно, общественная форма жизни должна необходимо быть антагонистомъ борьбы за существованіе. Мы видѣли, что приспособленіе жизни къ об-

щественной формѣ тѣмъ полнѣе, т.-е. нравственное состояніе тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе ограничена борьба за существованіе; полное же приспособленіе жизни къ общественой формѣ должно выразиться въ совершенномъ изгнаніи борьбы за существованіе. Картина этой борьбы между дѣятелемъ органическаго прогресса и дѣятелями прогресса историческаго раскрывается намъ исторіей и антропологіей; борьба эта ведется съ перемѣннымъ счастьемъ, въ общемъ же, перевѣсъ остается за соціальными дѣятелями; но рѣшится ли эта борьба когда-либо окончательно въ пользу цивилизаціи, или докультурный, антисоціальный дѣятель органическаго прогресса никогда не будетъ вытѣсненъ изъ общества? Рѣшеніе этого вопроса зависитъ, конечно, не только отъ торжества болѣе возвышенныхъ нравственныхъ доктринъ, борящихся противъ проявленія борьбы за существованіе, но и отъ успѣха въ разрѣшеніи задачи уравновѣшенія потребностей жизни и средствъ удовлетворенія.

ГЛАВА XII.

Борьба за существованіе и Мальтусовы прогрессіи.

1. Прогрессія снабженія.

Ничто быть можетъ не показываетъ такъ наглядно разобщенности различныхъ отраслей знанія не далѣе, какъ въ началѣ XIX в., и ничто конечно не доказываетъ съ такою очевидностью всего вреда такой разобщенности, какъ судьба двухъ научныхъ теорій, одновременно появившихся, возбудившихъ, каждая въ своей области, громадный интересъ и самые оживленные, даже ожесточенные споры, и оставшихся, въ продолженіе болѣе полустолѣтія, совершенно чуждыми другъ другу, хотя въ сущности онѣ и имѣютъ свое raison d'être только во взаимной связи. Истолкованіе этой связи составило въ наше время славу Дарвина. Эти двѣ теоріи появились, одна—въ соціологіи и

принадлежала Мальтусу, другая — въ біологіи и была развита Ламаркомъ въ его «Philosophie Zoologique», вышедшей въ свѣтъ почти одновременно съ знаменитымъ «Опытомъ о законѣ народонаселенія» Мальтуса. Научная полемика, возбужденная книгою Ламарка, велась съ перерывами до появленія изслѣдованій Дарвина; но разобщенность наукъ была такова, что до него никто изъ споривших не обратилъ вниманія на громадное значеніе Мальтусова закона размноженія жизни и средствъ существованія—для разъясненія спорнаго вопроса. Конецъ этой разобщенности положила теорія Дарвина, обобщившая обѣ теоріи и нашедшая въ этомъ обобщеніи ключъ къ объясненію происхожденія и разнообразія живыхъ формъ на землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, главная заслуга Дарвина заключается въ указаніи комбинаціи законовъ, прежде открытыхъ, комбинаціи, которая не была констатирована единственно потому, что порождающія ее законы были установлены въ двухъ различныхъ наукахъ, разсматривающихъ двѣ различныя области жизненныхъ явленій. Борьба за существованіе была констатирована въ соціологіи; измѣнчивость, наслѣдственность, вліяніе среды — были уже указаны и частью опредѣлены біологами; Дарвинъ, сопоставивъ эти законы, открылъ естественный подборъ родичей въ борьбѣ за существованіе.

Почему борьба за существованіе, господствующая совершенно безапеляціонно въ органической коллективной жизни, не была констатирована біологами, и напротивъ того, она открыта соціологами въ то время, когда, какъ мы видѣли, само соціальное развитіе заключается въ ея ограниченіи,— это не такъ странно, какъ съ перваго взгляда кажется. Въ самомъ дѣлѣ, борьба за существованіе есть факторъ противунравственный и потому глубоко антисоціальный; если въ органическомъ прогрессѣ онъ главный двигатель развитія, то въ соціальной жизни онъ является самымъ могучимъ препятствіемъ прогресса, и даже больше чѣмъ препятствіемъ, производя постоянно регрессъ и деградацію. Очевидно, что для соціолога борьба за существованіе —

фактъ, не менѣе важный, чѣмъ для біолога. Въ XI-ой главѣ этой книги, я, сколько позволяли рамки изслѣдованія установилъ понятіе антагонизма нравственности и борьбы за существованіе, указалъ на ограниченіе проявленія послѣдней, на измѣненіе ея характера подъ вліяніемъ прогресса нравственности. Но борьба противъ проявленія извѣстнаго факта, не сопровождаемая борьбою противъ его причинъ, всегда будетъ палліативомъ, хотя относительно нашего случая я позволю себѣ замѣтить, что борьба противъ причины, не сопровождаемая борьбою противъ проявленія этой причины, была бы по всей вѣроятности также безплодна. Историческій прогрессъ, какъ уже отчасти было указано въ IX главѣ, ведетъ одновременно борьбу противъ проявленія борьбы за существованіе и противъ условій жизни, ее вызывающихъ. Послѣднее достигается созданіемъ матеріальной и политической культуры, при которой лучше уравновѣшивается размноженіе потребностей возрастаніемъ средствъ удовлетворенія ихъ. Совершенное вытѣсненіе борьбы за существованіе было бы возможно единственно при полномъ равновѣсіи между потребностями и средствами; возможно ли это равновѣсіе— вотъ вопросъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію теперь.

Мы видѣли, что даже первобытная культура дикаго общества уже расширяетъ предѣлъ размноженія. Въ до-культурный, до-соціальный періодъ количество средствъ существованія для даннаго вида, въ изолированной отъ иммиграціи мѣстности, можно принять за величину въ среднемъ выводѣ постоянную, такъ что, достигнувъ извѣстной численности, видъ долженъ былъ перестать размножаться и все излишне народившееся должно было гибнуть. Этотъ предѣлъ, какъ показалъ Гербертъ Спенсеръ, долженъ былъ періодически колебаться, то съуживаясь, то расширяясь, но такое колебаніе, очевидно, не нарушаетъ *средняго* числа. Нарушалось оно распространеніемъ новыхъ видовъ (непріятелей, добычи, соревнователей), геологическими и климатическими переворотами и другими преобразованіями, независимыми отъ борьбы за существованіе разсматриваемаго

вида. Таковы были условія жизни въ до-соціальный періодъ; возникновеніе общества и культуры произвело съ самаго начала крупное преобразованіе въ положеніи вещей. Мы видѣли, что прогрессъ экономическаго развитія въ дикихъ обществахъ заключается *во-первыхъ* въ томъ, что пища, прежде недоступная искусству человѣка, становится употребляемою, благодаря изобрѣтенію орудій и снарядовъ, а *во-вторыхъ*, пища становится удобоваримѣе и питательнѣе, вслѣдствіе развитія кухоннаго искусства. Этими двумя сторонами первобытной культуры нарушается постоянный нормальный предѣлъ размноженія; съ каждымъ прогрессомъ въ той или другой области расширяется этотъ предѣлъ. Но есть еще и третья сторона прогресса первобытнаго человѣчества, содѣйствующая расширенію предѣла, именно введеніе сотрудничества, какъ простаго, такъ и особенно сложнаго, и установленіе нѣкоторой относительной безопасности при добываніи пищи. Такимъ образомъ предѣлъ размноженія въ дикихъ обществахъ расширяется, съ одной стороны, успѣхами матеріальной культуры, съ другой, прогрессомъ организаціи труда и вообще соціально-политическаго быта. И здѣсь, какъ вездѣ, мы видимъ въ дикомъ обществѣ зачатки всѣхъ тѣхъ элементовъ, которымъ предстоитъ и въ цивилизованномъ обществѣ явиться главными антагонистами недостаточности средствъ, а слѣдовательно и борьбы за существованіе. Дальнѣйшій прогрессъ развиваетъ всѣ эти элементы и, конечно, важнѣйшимъ моментомъ этого развитія было введеніе производства пищи вмѣсто добыванія готовой. Усовершенствованіе способовъ производства предметовъ первой необходимости, лучшая утилизація питательности добытаго матеріала при помощи кулинарнаго искусства, болѣе совершенныя системы организаціи труда, соціально-политическое развитіе—вотъ различныя стороны прогресса, расширяющія предѣлъ размноженія. Самое широкое развитіе одного изъ этихъ элементовъ безъ соотвѣтствующаго прогресса остальныхъ трехъ не обезпечиваетъ успѣха въ борьбѣ общественности противъ до-соціальнаго и антисоціальнаго дѣятеля, борьбы за существованіе; наименьшее, быть можетъ,

имѣетъ значеніе второй элементъ, а господствующая роль принадлежитъ первому и третьему.

Что самая лучшая система организація труда не въ состояніи доставить средства существованія населенію, матеріальная культура котораго не обезпечиваетъ необходимой производительности труда—положеніе, не требующее доказательствъ. Но не трудно убѣдиться, что безъ должной организаціи труда самая высокая культура не обезпечиваетъ населенію его существованія. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ общество, степень культуры котораго такъ высока, что еслибы половина его членовъ обратилась къ производству предметовъ первой необходимости, то доставила бы всему обществу эти предметы въ изобиліи и вполнѣ удовлетворительнаго качества, такъ что остальная половина гражданъ могла бы заняться производствомъ предметовъ комфорта, разработкою искусствъ и наукъ, снабженіемъ своими продуктами иностранныхъ рынковъ; но представимъ себѣ, что въ этой странѣ господствуетъ рабство: $^{9}/_{10}$ населенія находятся въ рабствѣ у $^{1}/_{10}$, и эта десятая развила въ себѣ наклонность къ роскоши; не довольствуясь туземными продуктами, она потребляетъ произведенія отдаленныхъ странъ и принуждена ихъ оплачивать очень дорого. Располагая вполнѣ трудомъ подчиненной массы, господствующая каста направитъ этотъ трудъ на производство предметовъ роскоши, а также продуктовъ для снабженія иностранныхъ рынковъ, въ обмѣнъ за ввозимые и потребляемые кастою предметы. Вслѣдствіе такого положенія вещей, можетъ оказаться, что производствомъ предметовъ первой необходимости будетъ заниматься не половина всѣхъ гражданъ, а только $^{1}/_{3}$ или даже и того меньше, и такимъ образомъ средствъ не будетъ хватать на все населеніе. Здѣсь предѣлъ размноженія недостаточно расширенъ не вслѣдствіе физической невозможности снабдить все населеніе средствами, а вслѣдствіе рабской организаціи труда. Тоже произойдетъ и въ такомъ случаѣ, если, сохраняя условія предыдущаго примѣра, но при отсутствіи рабства, двѣ трети всей покупательной силы страны будетъ сосредоточено въ

рукахъ одной трети общества, и эта треть разовьетъ въ себѣ наклонности аристократіи предыдущаго примѣра. Вліяя на рынокъ при помощи спроса, она направитъ производство на предметы роскоши, на снабженіе иностранныхъ рынковъ и пр., а производство предметовъ первой необходимости, спрашиваемое на рынкѣ только въ размѣрѣ одной трети всего спроса, или не много болѣе того, соединитъ тоже всего около трети рабочей силы, тогда какъ для производства необходимаго количества этихъ продуктовъ необходима половина всей рабочей силы страны. Послѣдствіемъ опять будетъ недостатокъ пищи, усиленная смертность, возрастаніе преступности и т. п., а причиною явится опять-таки не недостатокъ потенціальныхъ средствъ страны и не недостатокъ рабочей силы и умѣнья эксплоатировать эти потенціальныя средства, а распредѣленіе покупательной силы между потребителями. Можно бы было привести и другіе примѣры, но и этихъ довольно, чтобы показать всю важность, въ вопросахъ расширенія предѣла размноженія, системы организаціи труда (въ нашихъ примѣрахъ—распредѣленія труда между различными производствами) и соціально-политическихъ условій труда (института рабства, того или другаго распредѣленія покупательной силы между потребителями). Я не распространяюсь о значеніи чисто политической стороны культуры, напр. степени безопасности труда и сбереженій и пр., потому что это слишкомъ общеизвѣстная истина и на нее достаточно только указать.

Таковы условія, расширяющія предѣлъ области, которая можетъ быть наполнена размноженіемъ жизни; рядомъ съ этими условіями, измѣняющими среду жизни, идетъ и измѣненіе самой жизни подъ вліяніемъ прогресса среды, именно: измѣненіе пищеварительной способности и вообще всего аппарата питанія, а съ другой стороны, измѣненіе плодовитости. Первое явленіе есть результатъ приспособленія къ прогрессу кулинарнаго искусства; важнѣйшимъ моментомъ тутъ было превращеніе желудка изъ плодояднаго во всеядный; важно также приспособленіе къ употребленію меньшаго количества пищи, развитіе вкуса и нѣкоторые

другіе факты, о которыхъ подробнѣе я буду говорить нѣсколько ниже. Измѣненіе плодовитости объемлетъ собою два рода явленій: органиченія плодовитости фактами соціальными и ограниченія біологическія, только вызванныя и регулируемыя общественнымъ развитіемъ. Результатъ тѣхъ и другихъ—приближеніе къ равновѣсію потребностей жизни и средствъ. Итакъ будемъ помнить, что равновѣсіе между потребностями населенія и средствами существованія достигается или по крайней мѣрѣ преслѣдуется совокупнымъ дѣйствіемъ слѣдующихъ условій: 1) *прогрессомъ производительности труда*, успѣхами въ умѣніи эксплоатировать потенціальныя средства страны; 2) прогрессомъ въ *утилизаціи продукта* при посредствѣ кулинарнаго искусства; 3) *развитіемъ*, подъ вліяніемъ этого искусства, *аппарата питанія*, приспособляющагося къ новымъ условіямъ питанія; 4) прогрессомъ *организаціи труда;* 5) прогрессомъ *соціально-политическихъ условій* труда, и 6) *ограниченіемъ плодовитости;* причемъ первыя пять условій стремятся уравновѣсить потребности и средства, расширяя предѣлъ размноженія, тогда какъ шестое условіе стремится достичь этого, предупреждая быстроту размноженія. Не надо забывать, что надъ всѣми этими условіями господствуетъ величина потенціальныхъ средствъ страны, величина, которая не можетъ быть измѣнена никакою культурою, и потому представляетъ конечный предѣлъ размноженія. Эти общія разсужденія выясняютъ теперь нашу задачу, указываютъ путь, которымъ мы можемъ разрѣшить предлежащій вопросъ: можетъ ли общественность изгнать борьбу за существованіе, установивъ равновѣсіе между запросомъ жизни и снабженіемъ среды?

Мы должны рѣшить вопросъ о конечномъ предѣлѣ размноженія, т.-е. о потенціальныхъ средствахъ земного шара; затѣмъ мы должны разсмотрѣть силы, расширяющія предѣлъ размноженія. Оба эти вопроса находятся во многихъ точкахъ въ самой тѣсной связи. Послѣ этого мы перейдемъ къ силамъ, размножающимъ жизнь, разсмотримъ отношеніе этого возрастанія съ возможнымъ возрастаніемъ средствъ,

и наконецъ займемся вопросомъ о возможности ограниченія плодовитости условіями соціальными и физіологическими. Таковъ путь нашего изслѣдованія, путь, проложенный многочисленными соціологическими изысканіями.

Важность различія между ограниченіемъ размноженія дѣйствительными средствами, доставляемыми при данныхъ условіяхъ культуры и цивилизаціи, и ограниченіемъ размноженія количествомъ всѣхъ потенціальныхъ средствъ территоріи и даже всего земного шара, — первостепенная важность этого различенія, при разборѣ вопроса народонаселенія, впервые съ достаточною силою была указана Ш. Фурье. Основываясь на данныхъ науки того времени (1808 — 1829), Фурье доказывалъ, что дѣйствительныя средства, извлекаемыя человѣкомъ изъ культуры даже наиболѣе цивилизованныхъ странъ, далеко ниже возможнаго размѣра производства; при этомъ указывалъ и причины, которыя, по его мнѣнію, держали производство на столь сравнительно низкой степени развитія, но за всѣмъ тѣмъ онъ самымъ энергическимъ образомъ возставалъ противъ предположенія о безконечномъ возрастаніи производительности труда и даже утверждалъ, что за періодомъ такого возрастанія необходимо долженъ наступить періодъ регрессивнаго движенія, который, произведенный истощеніемъ жизненной силы земли, долженъ закончиться совершеннымъ упадкомъ (caducité) и наконецъ вымираніемъ человѣчества. Такъ понималъ Фурье вліяніе ограниченности размѣра потенціальной силы нашей планеты и постепеннаго расходованія этой силы. Въ новѣйшее время нашъ экономистъ, г. Ю. Жуковскій напечаталъ изслѣдованіе по занимаемому насъ вопросу, въ которомъ, пользуясь новыми данными, добытыми современною наукою, попытался доказать вышеизложенныя идеи Фурье. Эта сторона изслѣдованія г. Жуковскаго, несомнѣнно, самая удачная; то, что у Фурье было скорѣе замѣчательнымъ предвидѣніемъ, чѣмъ научно доказанною истиною, у г. Жуковскаго является обставленнымъ всѣми аттрибутами современной научности.

Аналогіи Фурье превратились, подъ вліяніемъ прогресса естествознанія, въ строгія дедукціи.

Законъ сохраненія силы, установленный научно Гельмгольцемъ, затѣмъ развитый многими естествоиспытателями, послужилъ фономъ для дедукцій г. Жуковскаго. Указавъ на различіе силы въ свободномъ и потенціальномъ состояніи и на то, что процессъ, общій всей природѣ, есть процессъ перехода силы изъ одного изъ этихъ состояній въ другое, онъ подробнѣе останавливается на законѣ такъ-называемой энтропіи, указанномъ Клаузіусомъ, по которому сила, разъ перешедшая изъ потенціальнаго состоянія въ свободное, никогда не возвращается *вся* въ состояніе потенціальное, часть ея всегда уходитъ въ космическое пространство. Благодаря этому закону, агентъ, обладающій ограниченнымъ размѣромъ потенціальной силы, рано или поздно долженъ потерять всю силу, — всякій процессъ долженъ рано или поздно прекратиться. Отсюда Клаузіусъ и его послѣдователи выводятъ необходимую смертность нашей планеты, а слѣдовательно и всего человѣчества. На этомъ-то законѣ г. Жуковскій, главнымъ образомъ, основываетъ свою аргументацію. Работа человѣка заключается въ постоянномъ высвобожденіи необходимыхъ для человѣческой жизни силъ. Первоначально человѣкъ могъ пользоваться только одними или почти одними самоосвобождающимися силами, но по мѣрѣ того, какъ онъ научался самъ высвобождать необходимыя силы, производительность его труда и скорость его размноженія должны были возрастать. Къ тому же не только работа въ обыкновенномъ смыслѣ слова, но и смерть, есть выраженіе траты потенціальной силы организма. «Организмъ, говоритъ г. Жуковскій [1]), добывая себѣ пищу трудомъ, тратитъ на свое содержаніе не только этотъ внѣшній трудъ, а нѣчто бо̀льшее—тратитъ при каждомъ круговомъ процессѣ (траты и возобновленія), выражаясь наглядно, часть своей жизни, а, выражаясь точно, — часть потенціальной силы, въ немъ наросшей съ дѣтства путемъ пи-

[1]) „Вопросъ народонаселенія“. „*Вѣстникъ Европы*“ *1871 г. № 1, стр. 186.*

танія, и эта трата, составляющая столь же неизбѣжный элементъ его существованія, выражается въ его жизни смертностью». Вслѣдствіе этого, стоимость необходимаго высвобожденія потенціальной силы для поддержанія человѣческой жизни есть величина сложная, слагающаяся изъ траты въ видѣ труда и въ видѣ смертности. Принявъ во вниманіе оба элемента, мы не можемъ уже сомнѣваться въ возрастаніи производительности труда, т.-е. въ уменьшеніи общаго количества траты потенціальной силы организма на его поддержаніе. Кромѣ пониженія смертности отъ установленія общественнаго союза и порядка, важнѣйшими элементами, возвышавшими производительность, г. Жуковскій считаетъ раздѣленіе труда и успѣхи знанія.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о степени вліянія двухъ послѣднихъ факторовъ, которыми, какъ мы видѣли, далеко не исчерпывается все, расширяющее предѣлъ размноженія, и которые притомъ обслѣдованы г. Жуковскимъ весьма слабо, мы можемъ ограничиться признаніемъ общей точки зрѣнія цитуемаго автора. Смертность и трудъ устанавливаютъ равновѣсіе между средствами и потребностями; еслибы запросъ потребности былъ величиною постоянною или правильно измѣняющеюся, то отношеніе между обоими факторами было бы выразимо математически. Во всякомъ случаѣ, это отношеніе — обратное; и какъ бы неправильно ни возрастали потребности, мы вправѣ заключить, что производительность труда возрастаетъ, если смертность понижается. Пониженіе же смертности въ цивилизованномъ состояніи сравнительно съ состояніемъ дикимъ или даже варварскимъ — фактъ, который до нынѣ еще никѣмъ не оспаривался. Если же такъ, то несомнѣнно, что съ развитіемъ цивилизаціи производительность труда возрастаетъ, несмотря на возрастаніе населенія. Г. Жуковскій видитъ, какъ кажется, въ пониженіи смертности—факторъ, возвышающій производительность труда; но было бы правильнѣе смотрѣть на него просто какъ на мѣрило успѣховъ производительности, какъ на результатъ прогресса, а не причину его. Какъ бы то ни было, но фактъ этотъ служитъ

неопровержимымъ доказательствомъ возрастанія производительности труда. Фурье, какъ и многіе другіе, только указывалъ, на основаніи соображеній, возможность значительно увеличить продуктъ, г. Жуковскій указалъ на фактъ, доказывающій, что таково вообще направленіе развитія въ прошедшемъ. Фурье, на основаніи аналогій, предсказывалъ смерть нашей планеты, г. Жуковскій привелъ аргументы Клаузіуса въ пользу такого предсказанія [1]). Такимъ образомъ выводъ тотъ, что производительность труда должна возрастать, пока не дойдетъ до предѣловъ, указанныхъ количествомъ потенціальныхъ средствъ земного шара; въ этомъ согласны и Фурье и г. Жуковскій. Во второй половинѣ теоріи, они, повидимому, разногласятъ, потому что въ то время, какъ Фурье предполагаетъ періодъ, когда производительность труда остается въ апогеѣ вслѣдствіе прекращенія размноженія, прекращенія, вызваннаго развитіемъ тѣхъ же условій, которыя довели производительность труда до этого апогея, — г. Жуковскій, повидимому, принимаетъ, что пониженіе производительности должно немедленно начаться по достиженіи апогея, послѣ перегиба, какъ онъ выражается, кривой размноженія въ абсциссѣ. Кто правъ? Въ этомъ для насъ, очевидно, существенный вопросъ; если правъ Фурье, то изгнаніе борьбы за существованіе изъ общественнаго прогресса рано или поздно осуществится; если же правъ г. Жуковскій, то такое изгнаніе, хотя и нельзя считать соціологическою нелѣпостью, но весьма сомнительно и во всякомъ случаѣ весьма непрочно и непродолжительно. Въ первомъ случаѣ, борьба за существованіе будетъ вновь вызвана истощеніемъ жизненности земли,

[1]) Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти строки, эта гипотеза перестала быть общепризнанною передовыми мыслителями. Вопросъ о смертности нашей планеты выходитъ, конечно, изъ предѣловъ этого этюда. Укажу мимоходомъ на любопытную книжку: Jean Yarkowski Hypothèse Cinetique de la gravitation universelle en connxion avec la formation des élements chimiques" Moscou, 1888. Книжка эта вышла потомъ и по-русски. На основаніи того же закона сохраненія силы авторъ приходитъ къ заключеніямъ діаметрально противоположнымъ гипотезѣ энтропіи (*Прим. 2 изд.*).

производительной силы ея почвы; во второмъ, если даже и осуществимо изгнаніе борьбы за существованіе, то возстановленіе ея не замедлитъ проявиться вслѣдствіе излишняго размноженія. Для этой стороны вопроса г. Жуковскій, можно сказать, рѣшительно ничего не сдѣлалъ въ своемъ изслѣдованіи, а между тѣмъ несомнѣнно здѣсь-то и находится вопросъ въ предѣлахъ соціологіи. Въ томъ видѣ, какъ вопросъ этотъ поставленъ у г. Жуковскаго, онъ есть параграфъ общей философіи природы, подводящей и соціологическія явленія подъ типъ процесса, общій всему сущему. Общая философія въ своей работѣ, натурально, заботится о сторонахъ процесса, общихъ и другимъ процессамъ, тогда какъ особенностями процесса пренебрегаетъ; между тѣмъ эти-то особенности и важны для соціологіи.

Во всякомъ случаѣ, будемъ помнить: 1) что размноженіе человѣчества имѣетъ конечный предѣлъ въ размѣрѣ потенціальныхъ средствъ земли, 2) что развитіе цивилизаціи увеличиваетъ производительность труда, но вышеуказанный предѣлъ размноженія есть и предѣлъ этого роста 3) что съ достиженіемъ этого предѣла размноженіе должно остановиться, иначе производительность труда будетъ уменьшаться, и 4) что реальный предѣлъ размноженія въ современныхъ обществахъ не совпадаетъ съ предѣломъ, опредѣляемымъ размѣромъ потенціальныхъ средствъ. Такимъ образомъ, фактъ ограниченности этого размѣра самъ по себѣ доказываетъ только, что человѣчество, какъ и небесное тѣло, имъ населяемое, необходимо будетъ имѣть свой періодъ завершенія развитія, но будетъ ли предшествовать этому періоду эпоха полнаго приспособленія жизни къ соціальному строю, эпоха изгнанія борьбы за существованіе, равновѣсія между запросомъ потребностей и снабженіемъ среды, эпоха торжества нравственности—этотъ вопросъ еще не рѣшается однимъ введеніемъ въ изслѣдованіе законовъ сохраненія силы и энтропіи, какъ это сдѣлалъ г. Жуковскій. Эти законы ничего не отвѣчаютъ на вопросы: можетъ ли возрастаніе земледѣльческаго продукта поспѣвать за возрастаніемъ населенія, если его размноженіе не

задерживается борьбою за существованіе и сопряженною съ нею гибелью потерпѣвшихъ пораженіе? и позволительно ли ожидать когда-либо естественнаго прекращенія размноженія? Оба вопроса были первоначально поставлены въ этой единственно соціологической формѣ Мальтусомъ, а затѣмъ изслѣдованы, болѣе или менѣе успѣшно, Шарлемъ Фурье, Прудономъ, извѣстнымъ русскимъ комментаторомъ «Основаній политической экономіи» Милля и, наконецъ Гербертомъ Спенсеромъ [1]); я опускаю несамостоятельныхъ изслѣдователей и укажу еще только на статью г. Щапова въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1873 года.

Мы уже выше опредѣлили пять факторовъ, расширяющихъ предѣлъ размноженія, пока дѣйствительный предѣлъ не совпадетъ съ предѣломъ, полагаемымъ размѣромъ потенціальныхъ средствъ страны Теперь намъ, на основаніи изслѣдованій указанныхъ авторовъ, не трудно будетъ прослѣдить развитіе этихъ факторовъ. Первый факторъ—возрастаніе производительности труда вслѣдствіе успѣховъ матеріальной культуры, вслѣдствіе расширенія и усовершенствованія техники производства. Разбирая именно эту сторону вопроса, Мальтусъ пришелъ къ своимъ безотраднымъ выводамъ, что никогда возрастаніе производства земледѣльческаго продукта не можетъ соотвѣтствовать размноженію населенія, если никакія внѣшнія причины не приводятъ численность его къ необходимой нормѣ. Размноженіе слѣдуетъ въ своемъ ростѣ геометрической прогрессіи при коэфиціентѣ 2 и при срокахъ удвоенія необыкновенно

---

[1]) *Charles Fourier*: „Nouveau monde industriel et sociétaire“ (Oeuvres, vol. VI). *Proudhon* „Etudes sur la justice dans la revolution“, *Милль*: „Основанія политической экономіи“, русск. переводъ съ прим. и дополн. изд. 1860 (см. также „Современникъ“ 1860 г въ приложеніи). *Гербертъ Спенсеръ*: „Основанія Біологіи“ т. II, ч. VI (§§ 365—375), русск. пер. изд. Полякова *А. Щаповъ*: „Развитіе человѣческой способности питанія“ (*От. Зап.*, 1873 г. № 1 стр. 153—182). *(Прим. 1-го изд.)*.

Этотъ списокъ необходимо дополнить *Джорджемъ*: Progress and *Poverty*. *(Прим. 2-го изд)*.

быстрыхъ, напр. въ 25 л., тогда какъ ростъ производства земледѣльческаго не можетъ возрастать быстрѣе ариѳметической прогрессіи. Первую прогрессію мы разберемъ ниже, теперь же обратимся ко второй. Вотъ аргументація Мальтуса, выписанная вся цѣликомъ [2]).

«Если мы предположимъ, при возможно хорошемъ правленіи и при самомъ сильномъ поощреніи земледѣлія, что произведеніе почвы на этомъ островѣ (Великобританіи) можетъ удвоиться въ первые двадцать пять лѣтъ, то вѣроятно мы перейдемъ за предѣлы возможнаго; такое предположеніе скорѣе превыситъ мѣру возрастанія количества произведеній, на какое мы могли бы благоразумно разсчитывать.— Въ слѣдующіе двадцать пять лѣтъ рѣшительно нельзя надѣяться, чтобы производительность земли возросла по тому же закону, и чтобы по истеченіи этого второго періода плодородіе учетверилось: допустить это значило бы перевернуть вверхъ дномъ всѣ наши понятія о производительности земли. Улучшеніе безплодныхъ участковъ требуетъ много труда и времени. Для человѣка, сколько нибудь знакомаго съ этимъ предметомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, по мѣрѣ расширенія обработки, ежегодное приращеніе средняго производства постоянно уменьшается съ нѣкотораго рода правильностью. Для сравненія съ возрастаніемъ населенія, сдѣлаемъ теперь предположеніе, которое какъ бы оно неточно ни было, тѣмъ не менѣе, безъ всякаго сомнѣнія, преувеличиваетъ производительность почвы сравнительно съ тѣмъ, что представляетъ дѣйствительность. Вообразимъ, что ежегодное приращеніе средняго производства не уменьшается, а остается тоже, такъ что въ каждый 25-лѣтній періодъ къ годовому производству Великобританіи присоединяется количество произведеній, равное такому же годовому доходу (во времена Мальтуса). Вѣроятно, никакое горячее воображеніе не рѣшится сдѣлать болѣе широкаго предположенія, ибо и этого довольно, чтобы въ нѣсколько столѣтій обратить всю почву острова въ одинъ роскошный

[1]) *Мальтусъ:* „Опытъ о законѣ народонаселенія“, русск. перев Бибикова, 1868 г. *т. I, стр. 100—102.*

садъ.—Примѣнимъ это предположеніе ко всей землѣ, т.-е. что въ каждый 25-ти-лѣтній періодъ все количество произведеній, доставляемыхъ поверхностью земного шара, присоединяется къ тому, что доставлялось ею въ началѣ этого же періода. Это безъ сомнѣнія все, что только мы имѣемъ право ожидать отъ усилій труда человѣка, возможно лучше направленныхъ. Итакъ, основываясь на настоящемъ положеніи занятыхъ уже земель, мы можемъ сказать, что *средства существованія при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для труда, ни въ какомъ случаѣ не могутъ возрастать быстрѣе, чѣмъ въ ариѳметической прогрессіи*».

Таковы соображенія Мальтуса о возможномъ прогрессѣ производительности труда. Другихъ аргументовъ въ обоихъ томахъ его труда вы не найдете, какъ бы тщательно ихъ ни искали. Я привелъ все разсужденіе Мальтуса отъ начала и до конца безъ всякихъ пропусковъ и, думаю, этого одного довольно, чтобы читатель, привыкшій къ современной строгой критикѣ научныхъ доказательствъ, увидѣлъ всю несостоятельность аргументаціи, при помощи которой Мальтусъ старается вывести ростъ производительности въ видѣ ариѳметической прогрессіи. На произвольность положеній, на основаніи которыхъ Мальтусъ построилъ свои доводы, указывали много разъ, но на это легко было возразить, что самъ Мальтусъ не настаивалъ на точности своего вычисленія, а смотрѣлъ на него лишь какъ на maximum возможной быстроты, *принимая мѣриломъ возможности дѣйствительные примѣры и основанный на всеобщемъ опытѣ здравый смыслъ*. Но логически ли было заключать вопросъ въ эти предѣлы эмпиризма? и была ли со стороны Мальтуса и его послѣдователей какая либо попытка истолковать этотъ эмпиризмъ? Едва ли такой методъ изслѣдованія можетъ почитаться логическимъ и соотвѣтствующимъ требованіямъ научности? Въ самомъ дѣлѣ, мы выше видѣли, что ростъ производства (или, что почти тоже, расширеніе предѣла размноженія) зависитъ не только отъ возрастанія производительности труда въ тѣсномъ значеніи этого выраженія, но и отъ прогресса организаціи труда и соціально-

политическихъ условій, среди которыхъ онъ примѣняется; если же, такимъ образомъ, ростъ производства есть процессъ сложный, результатъ не одного, а нѣсколькихъ различныхъ факторовъ, то логично ли, научно ли принимать его за мѣрило роста одного изъ факторовъ? Возрастаніе производительности труда есть только одинъ изъ факторовъ и притомъ, мы видѣли, изъ числа факторовъ, вліяніе которыхъ каждаго въ отдѣльности строго обусловлены благопріятнымъ вліяніемъ другихъ двухъ. Можно ли послѣ этого заключить по прошедшему прогрессу, измѣренному притомъ по глазомѣру, о возможномъ будущемъ прогрессѣ, и особенно о прогрессѣ, допускаемомъ развитіемъ одного изъ факторовъ? Для этого необходимо было первоначально разложить сложный процессъ прогресса производства на его составные элементы, изслѣдовать условія прогресса каждаго изъ нихъ, значеніе каждаго въ общемъ процессѣ и наконецъ условія ихъ сочетанія. Ничего этого не сдѣлалъ Мальтусъ, но онъ заставилъ своихъ противниковъ сдѣлать это и, быть можетъ, въ этомъ заключается его главная заслуга передъ соціологіей.

Уже Фурье понялъ зависимость успѣховъ производства отъ соціально-политическихъ условій труда и предполагалъ, что, съ благопріятнымъ измѣненіемъ ихъ, возрастаніе производительности не будетъ отставать отъ размноженія населенія. Онъ приводитъ даже вычисленіе, по которому земной шаръ въ состояніи прокормить 5 миліардовъ жителей, но въ его разсчеты входятъ нѣкоторыя изъ тѣхъ вполнѣ несбыточныхъ его предсказаній, которыя оказали теперь плохую услугу ихъ автору и заставили забыть дѣйствительныя заслуги Фурье передъ наукою. Съ болѣе научной точки зрѣнія доказывалъ приблизительно тоже Прудонъ. Онъ доказывалъ, что съ возрастаніемъ населенія, съ успѣхами цивилизаціи — является возможность болѣе полнаго раздѣленія труда, вводится машинное производство и т. п., и что потому прогрессія производства, пожалуй, можетъ выйти даже болѣе быстрая, нежели прогрессія размноженія. Играя различными «предположимъ», на ко-

торыхъ Мальтусъ построилъ свою теорію, Прудонъ показываетъ, что тѣже самые пріемы изслѣдованія могутъ привести къ совершенно противоположному выводу. «Положимъ, говоритъ онъ, что два одинокихъ человѣка, безъ инструментовъ и оспаривая у звѣрей свою скудную пищу, производятъ цѣнность, равную 2. Пусть эти два человѣка измѣнятъ свою жизнь и соединятъ свои силы. Пусть они увеличатъ свои силы раздѣленіемъ труда, машинами, вызываемымъ ими соревнованіемъ, производство ихъ будетъ уже не 2, а положимъ, напр. 3, ибо каждый производитъ не только собственными силами, но и силами своего товарища. Если число работниковъ удвоится, то, вслѣдствіе этого удвоенія, раздѣленіе труда будетъ большее, дѣйствіе машинъ усилится, соревнованіе также; поэтому производство ихъ будетъ равно 6. Если число ихъ учетверится, то производительность ихъ будетъ равна 12. Это умноженіе производства при содѣйствіи раздѣленія труда, машинъ, соревнованія и пр. неоднократно доказывалось экономистами: это—прекраснѣйшая часть науки, на которой сходятся единодушно всѣ писатели. Итакъ, если населеніе размножается какъ 2, 4, 8, 16, 32, 64, то производительная сила труда будетъ возрастать какъ 3, 6, 12, 24, 48, 96». Если же мы этого не видимъ, то лишь потому, что общественныя условія неблагопріятны. Конечно, можно многое сказать противъ вывода прогрессій Прудона, но это будутъ тѣже аргументы, что и противъ правильности Мальтусовыхъ прогрессій, именно произвольность числовыхъ предположеній; въ остальныхъ же отношеніяхъ они даже научнѣе Мальтусовыхъ, потому что вторая прогрессія Прудона построена на основаніи научно доказанныхъ фактовъ и произвольно только ихъ числовое выраженіе (что въ данномъ случаѣ, впрочемъ, наиболѣе важно), тогда какъ Мальтусъ построилъ свою вторую прогрессію на основаніи здраваго смысла, который не анализируетъ явленій, а судитъ о возможномъ по тому, что̀ бывало. Да и вообще, какъ-то странно людямъ науки опираться въ научныхъ рѣшеніяхъ не на свои критическія изслѣдованія, а на мнѣніе людей,

конечно, весьма почтенныхъ, но вовсе не ученыхъ, а вѣдь именно мнѣніе этихъ среднихъ людей и составляетъ здравый смыслъ, совершенно пригодный въ частной жизни, но не для рѣшенія научныхъ задачъ, требующихъ своихъ особыхъ пріемовъ мышленія, не отрицающихъ здравый смыслъ, но расширяющихъ его кругозоръ и очищающихъ отъ повседневнаго эмпиризма. Къ сожалѣнію, такія истины еще часто приходится доказывать въ соціологіи, а между тѣмъ всякій сочтетъ нелѣпостью опредѣленіе появленія извѣстной кометы, или разстоянія отъ солнца на основаніи одного здраваго смысла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякій же соглашается, что общественныя явленія суть явленія наиболѣе сложныя въ природѣ.

Выше я сказалъ, что факты, на которыхъ основалъ Прудонъ вычисленіе своей второй прогрессіи, въ сущности вѣрны, но что ихъ числовое выраженіе также произвольно, какъ и числовое выраженіе здраваго смысла у Мальтуса. Это почти разрушаетъ убѣдительность доводовъ Прудона. Правильное числовое выраженіе возможнаго роста производительности труда, независимо отъ соціально-политическихъ условій, принимая ихъ всегда за самыя благопріятныя, — такое вычисленіе было крайне необходимо. Такое вычисленіе далъ вышеупомянутый русскій коментаторъ Милля. Прежде всего, онъ вовсе не оспариваетъ положенія Мальтуса, что количество продукта земледѣльческаго, произведеннаго рабочимъ, уменьшается съ размноженіемъ населенія, если это размноженіе *не сопровождалось соотвѣтственнымъ прогрессомъ способовъ производства,* но при этомъ неопровержимо доказываетъ, что это возрастаніе производительности труда не должно быть вовсе такимъ невѣроятно большимъ. Онъ старается вычислить сначала общую формулу необходимаго возрастанія производительности труда при всякомъ періодѣ удвоенія. Простота, точность и доказательность пріемовъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Обозначивъ первоначальное число жителей гипотетической территоріи черезъ A, прибыль населенія впродолженіе перваго года черезъ N, первоначальную производительность труда

хлѣбопашцевъ черезъ P, необходимую производительность къ концу года черезъ P', цитуемый авторъ просто опредѣляетъ всѣ остальныя величины въ этихъ и изъ одного этого опредѣленія выходятъ самыя неожиданныя послѣдствія. Такимъ образомъ опредѣляются:

1) % размноженія $= \frac{A+N}{A}$

2) Производительность (уменьшенная) прибылыхъ работниковъ $=$

$$P: \frac{A+N}{A} = \frac{AP}{A+N}$$

принимая, согласно смыслу Мальтусовой теоремы, что «производительность труда прибылыхъ работниковъ уменьшается по тому же проценту, по которому возрастаетъ населеніе».

3) Произведенный продуктъ перваго года $= AP$.

4) Продукты втораго года, если не произведено улучшеній $= AP + \frac{ANP}{A+N}$.

5) Необходимое количество продукта для втораго года $= AP + NP$.

6) Такимъ образомъ дефицитъ $= (AP + NP) - \left(AP + \frac{ANP}{A+N}\right) = \frac{A^2P}{A+N}$.

«Очевидно также въ какой пропорціи должна возрасти она (производительность), чтобы продуктъ втораго года достигъ требуемой величины $AP + NP$. Ясно, что P' должно быть настолько больше P, насколько требуемый продуктъ $AP + NP$ больше получаемаго безъ улучшеній продукта $AP + \frac{ANP}{A+N}$. Но мы уже знаемъ, что этотъ получаемый безъ улучшеній продуктъ меньше требуемаго продукта на величину $\frac{N^2P}{A+N}$. Итакъ мы имѣемъ:

$$(AP+NP): \left(AP + NP - \frac{N^2P}{A+N}\right) = P':P.$$

Изъ этого мы получимъ:

$$P' = \frac{(A+N)^2P}{(A+N)^2-N^2}$$

Или, принимая $P = 1$, $P' = \frac{(A+N)^2}{(+N)^2-N^2}$,

то есть: требуемое возвышеніе земледѣлія посредствомъ усовершенствованій относится къ первоначальному состоянію земледѣлія, какъ число населенія втораго года, возведенное во вторую степень, относится къ тому же числу во второй степени, за вычетомъ числа прибылыхъ въ годъ людей во второй степени».

На основаніи этой формулы, авторъ ея сдѣлалъ вычисленія требуемаго роста производительности труда при различныхъ періодахъ удвоенія населенія, отъ 12-ти-лѣтняго до 100-лѣтняго, что показало всю относительную незначительность необходимаго возрастанія. Такъ для 25-тилѣтняго періода удвоенія, требуемый годичный размѣръ улучшеній = 0,00074768, а высота, до которой должно быть поднято земледѣліе въ теченіе 100 лѣтъ (т.-е. по истеченіи 4-хъ періодовъ удвоенія) принимая первоначальную высоту за единицу, выразится всего въ числѣ 1,0776. Для 50-тилѣтняго періода удвоенія требуемое годичное улучшеніе будетъ равно = 0,000129554 и т. д. Эти вычисленія уже нельзя упрекнуть въ произвольности, но возможенъ ли и такой прогрессъ? На это даетъ намъ отвѣтъ тотъ же писатель. Съ агрономическими сочиненіями въ рукахъ, онъ показываетъ намъ, что современная техника земледѣлія могла бы даже въ наилучше обработанныхъ странахъ удесятерить продуктъ, если бы была приложена къ производству какъ общее правило. Франція, напримѣръ, могла бы доставить, при плодоперемѣнной системѣ хлѣбопашества, земледѣльческаго продукта на 400 мм. жителей, а теперь едва прокармливаетъ свои неполные 40 мм. — Англія, по вычисленію г. Бибикова, сдѣланному на основанія Кольба и Гаспарена, могла бы прокормить—230 мм., а теперь она ввозитъ хлѣбъ изъ Америки и Россіи для своихъ 28 мм. Отчего это? Конечно оттого, что для плодоперемѣнной системы нужна затрата капитала, нужно привлеченіе бо́льшаго количества рабочей силы, чѣмъ въ настоящее время располагаетъ земледѣльческое производство. Но капиталъ затрачивается тамъ, гдѣ выгоднѣе, рабочая сила притекаетъ туда, гдѣ ее спрашиваетъ капиталъ; выгоднѣе же затратить

капиталъ на производство продукта, болѣе спрашиваемаго на рынкѣ. Распредѣленіе спроса на рынкѣ, соотвѣтствующее распредѣленію покупательной силы между потребностями, опредѣляетъ распредѣленіе капитала и труда между производствами. Но распредѣленіе покупательной силы есть условіе чисто соціальное, развившееся изъ данныхъ тоже чисто соціальныхъ, а потому и не представляетъ ничего предопредѣленнаго, надъ чѣмъ общественный прогрессъ не имѣлъ бы власти. Если же такъ, то, очевидно, установленіе равновѣсія между размноженіемъ населенія и возрастаніемъ средствъ, — возможно, пока конечно не достигнется предѣлъ, полагаемый размѣромъ потенціальныхъ средствъ территоріи. До тѣхъ же поръ, при современномъ уровнѣ техники земледѣлія, ростъ производства могъ бы вполнѣ уравновѣшивать рость населенія, при нѣсколько другомъ распредѣленіи труда и капитала между различными отраслями производства. Такимъ образомъ, мы вправѣ ожидать совершеннаго изгнанія борьбы за существованіе отъ прогресса соціально-политическихъ условій труда, такъ какъ *прогрессъ техники уже обезпечилъ возможность этого изгнанія* [1]).

До сихъ поръ мы почти вовсе не касались второго и третьяго факторовъ расширенія предѣла размноженія, именно — прогресса въ утилизированіи добытаго питательнаго продукта при помощи кулинарнаго искусства и приспособленія аппарата питанія къ измѣняющимся условіямъ пищи. Оба фактора представляютъ только двѣ стороны

[1]) Это писано въ 1873 году, а за 16 лѣтъ, съ тѣхъ поръ протекшихъ, обнаружился тотъ фактъ, что прогрессъ земледѣлія вполнѣ обезпечиваетъ настоящее населеніе, и даже съ излишкомъ въ такой неотразимой формѣ и съ такою неустранимою силою, что поддержаніе мальтузіанства стало явнымъ абсурдомъ. Всемірный рынокъ нынѣ переполненъ хлѣбомъ; цѣны на него упали и его производство обгоняетъ размноженіе человѣчества. Если же и вслѣдъ затѣмъ не всѣ люди сыты, а рядомъ съ магазинами, переполненными хлѣбомъ, не находящимъ покупателя (потребителя), валяются и мрутъ голодные потребители, то виною и причиною является, конечно, никакъ не фатальное *недопроизведеніе* хлѣба. *Прим. 2-го изд.*

одного и того же явленія, потому что всякія измѣненія, количественныя и качественныя, въ условіяхъ питанія, производятъ соотвѣтствующія измѣненія и приспособленія въ системѣ питанія организма и, обратно, эти измѣненія, разъ они вызваны на свѣтъ, требуютъ развитія новыхъ условій питанія.

Прогрессъ условій питанія можно резюмировать въ немногихъ словахъ. Замѣна правильнымъ, но умѣреннымъ питаніемъ голоданія и обжорства,—чередовавшихся періодически; замѣна сырой, неудобоваримой пищи пищею вареною, печеною и т. д.; введеніе новыхъ питательныхъ веществъ, возрастаніе разнообразія пищи, регулированіе питанія при помощи научно-медицинскихъ данныхъ; большее извлеченіе питательнаго вещества изъ того же количества матеріала— вотъ различныя стороны прогресса кулинарнаго искусства, понимая это выраженіе въ самомъ обширномъ значеніи. Соотвѣтственно этому должно было идти и физіологическое приспособленіе аппарата питанія къ новымъ условіямъ Нѣкоторые факты, приводимые г. Щаповымъ въ вышеуказанной статьѣ, изумительны. по истинѣ «Якутъ или Тунгузъ съѣдаетъ заразъ по сорока фунтовъ мяса; трое мужчинъ за одинъ разъ пожираютъ цѣлаго оленя. Одинъ дикарь, по словамъ Клемма, въ 24 часа съѣлъ всю внутренность большого быка, или $^1/_2$ пуда жиру, причемъ еще выпилъ столько же растопленнаго сала» [1]). Конечно ни одинъ Европеецъ не въ состояніи съѣсть заразъ и четверти такихъ порцій; $^1/_{10}$ было бы довольно для насыщенія любого Европейца. Очевидно. способность или, можно сказать, потребность довольствоваться такой умѣренной, сравнительно, пищей есть результатъ приспособленія. До чего можетъ дойти этотъ процессъ приспособленія организма къ уменьшенію *количества* поглощаемой пищи, можно судить по извѣстнымъ примѣрамъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, въ родѣ Спинозы, Ньютона, Румфорда [2]). Таково

[1]) *От. Зап.* 1873. Янв. *155*. Ссылки на Клемма и Рошера (*I, 45.2*)

[2]) *Ibidem*, *175*, причемъ г. Щаповъ присовокупляетъ: „Замѣчено, что величайшіе мыслители отличались особенною умѣренностью въ пищѣ“.

вліяніе на организмъ перваго изъ вышеуказанныхъ фактовъ прогреса въ условіяхъ питанія. О превращеніи желудка изъ плодояднаго во всеядный было уже упомянуто и оно доказываетъ, что наша пищеварительная система не только можетъ, въ довольно широкихъ предѣлахъ, приспособляться къ различнымъ количествамъ пищи, но что тоже самое вѣрно и относительно ея качества. Замѣчательна также неудобоваримость первобытной пищи; г. Щаповъ приводитъ множество свидѣтельствъ, что дикія племена питаются сырою рыбою, кореньями деревьевъ и пр. [1]). Если сравнить её съ утонченною пищею нашихъ гастрономовъ и съ нашими свѣдѣніями о гигіеничности пищи, то можно увидѣть бездну между ними. Развитіе вкуса сдѣлало потребностью пищу новаго рода и возвращеніе къ первобытнымъ способамъ питанія для Европейца рѣшительно невозможно. Такимъ образомъ, это развитіе вкуса обезпечиваетъ употребленіе наиболѣе питательной и гигіеничной пищи. Громадный размѣръ прошлаго прогресса открываетъ нашему предвидѣнію возможность ожидать такихъ же перемѣнъ и въ будущемъ:—приспособленія къ меньшему количеству матеріала при лучшемъ качествѣ, извлеченномъ, при помощи науки и кулинарнаго искусства, изъ меньшаго количества. Все это, конечно, даетъ право г. Щапову сдѣлать гипотезу, что, быть можетъ, тутъ и лежитъ ключъ къ разрѣшенію Мальтусовой проблеммы. «Если, такимъ образомъ, пишетъ онъ [2]), съ высшимъ развитіемъ нервной системы, съ расширеніемъ и осложненіемъ продукціи пищи, все болѣе и болѣе будутъ развиваться въ человѣческой нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головнаго мозга такія способности, какъ способности умственнаго и нравственнаго самоуправленія въ питаніи, и такія качества питанія, какъ научно-раціональная умѣренность, регулярность и гигіеничность въ употребленіи пищи; если далѣе, химія, вмѣстѣ съ гастрономіей, будетъ все болѣе и болѣе стремиться производить прогрессивныя измѣненія въ качествен-

[1]) *Ibid.*, *156—157.*

[2]) *Ibidem*, *179.*

ныхъ и количественныхъ комбинаціяхъ, въ составѣ эссенціи, концентраціи пищевыхъ элементовъ, въ доведеніи количества или уменьшенія массы пищи до возможнѣйшаго минимума и въ возвышеніи качества концентрированной пищи до возможнѣйшаго maximum'а, и если, наконецъ, соотносительно со всѣми этими измѣненіями, и сама пищеварительная способность или организація человѣческой природы, постоянно приспособляясь къ новымъ условіямъ экономіи питанія, къ возможно большему уменьшенію массы, количества пищи и возможно большему концентрированію химическихъ пищевыхъ элементовъ, должна будетъ также все болѣе и болѣе измѣняться, — то вотъ, намъ кажется, новое основаніе, почему мы не должны смущаться зловѣщими опасеніями и предсказаніями Мальтуса и его послѣдователей насчетъ будущаго пропитанія человѣчества. Прежде, чѣмъ наступитъ предвозвѣщаемая Мальтусомъ [1]) роковая недостаточность пищи для человѣчества, должно полагать, что, соотносительно съ тѣмъ, какъ будетъ измѣняться внѣшняя, физическая и химическая экономія человѣческаго питанія, будетъ постепенно измѣняться, согласно съ высшимъ развитіемъ нервной системы, и сама пищеварительная способность человѣка, постепенно приспособляясь къ новымъ, измѣняющимся условіямъ и средствамъ питанія». Таковы надежды г. Щапова, основывающаго свои выводы на физіологическихъ и гигіеническихъ трудахъ Флуранса, Эстерлена и др., на фактахъ, собранныхъ Клеммомъ, Роперомъ. Весьма возможно, однако, что эти надежды нѣсколько преувеличены, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что этотъ родъ фактовъ открываетъ новый путь расширенію предѣла. размноженія, содѣйствующій росту производства. До извѣстной степени этотъ факторъ дѣйствуетъ независимо отъ другихъ факторовъ, именно

[1]) Замѣчу, что Мальтусъ и его послѣдователи вовсе не предвозвѣщаютъ наступленія недостаточности средствъ, но утверждаютъ, будто эта недостаточность существуетъ уже теперь, да и вообще во всякое время должна существовать, ибо будто бы это — законъ природы.

тою стороною своего прогресса, которая увеличиваетъ количество пищи, извлекаемой изъ даннаго количества питательнаго матеріала [1]) и обработкою дѣлаетъ данное количество пищи болѣе питательною. Но прогрессъ приспособленія аппарата питанія не можетъ почитаться процессомъ, столь же независимымъ отъ другихъ факторовъ, регулирующихъ отношеніе потребностей и средствъ. Въ самомъ дѣлѣ, приспособленіе къ болѣе гигіеничной пищѣ, при которой можно довольствоваться уменьшеннымъ количествомъ ея, развитіе вкуса, содѣйствующее этому и пр. и пр.— возможно только въ такомъ случаѣ, если организмъ пользуется болѣе гигіеничной и вкусной пищею, но это доступно только тогда, когда ростъ производства уравновѣшиваетъ ростъ населенія. При какихъ условіяхъ это возможно, мы уже опредѣлили выше. Такимъ образомъ возможность воспользоваться только-что разобранною стороною прогресса для расширенія предѣла размноженія зависитъ отъ тѣхъ же соціально-политическихъ условій, которыя управляютъ ростомъ земледѣльческаго производства. Если равновѣсіе между размноженіемъ потребностей и средствъ установлено совокупнымъ дѣйствіемъ прогресса производительности труда, организаціи его и соціально-политическихъ условій его приложенія, то прогрессъ кулинарнаго искусства и соотносительный ему прогрессъ физіологическаго приспособленія органовъ питанія можетъ, повидимому, на неопредѣленно-долгое время отдалить минуту, когда размноженіе достигнетъ конечной грани своей,—напряженія всѣхъ потенціальныхъ средствъ территоріи. Но эта минута должна же наступить...

---

[1]) Какъ значительно можетъ быть расширеніе предѣла размноженія только вслѣдствіе успѣховъ этой стороны кулинарнаго прогресса, можно судить по вычисленіямъ, приводимымъ г. Щаповымъ (*стр. 166*): „Существующія въ Англіи пекарни съ воздушнымъ давленіемъ на тѣсто настолько устраняютъ потерю отъ броженія въ тѣстѣ, что по нѣкоторымъ вычисленіямъ этимъ путемъ Англія могла бы сберечь столько (питательнаго вещества), сколько теперь привозится туда изъ-за границы".

ГЛАВА XIII.

Борьба за существованіе и Мальтусовы прогрессіи.

2. Прогрессія потребностей.

Въ числѣ факторовъ, преслѣдующихъ установленіе равновѣсія между потребностями и снабженіемъ, мы выше назвали, рядомъ съ дѣятелями, расширяющими предѣлъ размноженія, сокращеніе или даже прекращеніе самого размноженія. Въ прошлой главѣ мы разложили на составные элементы процессъ возрастанія снабженія, теперь намъ нужно сдѣлать тоже относительно процесса сокращенія спроса. Подобно расширенію предѣла размноженія, само размноженіе есть процессъ сложный. Онъ слагается изъ факторовъ, содѣйствующихъ и противодѣйствующихъ, усиливающихъ и ослабляющихъ ростъ населенія; съ перваго шага мы принуждены брать во вниманіе, во-первыхъ, число рожденій, во-вторыхъ, число смертей. Продолжая анализъ, мы не можемъ признавать уже и эти элементы за факторы простые. Плодовитость племени, отъ которой зависитъ число рожденій, сама слагается изъ нѣсколькихъ элементовъ, обусловливающихъ большую или меньшую силу размноженія: возрастъ, въ который начинается воспроизведеніе; продолжительность промежутковъ времени между послѣдовательными рожденіями; численность производимаго въ одинъ разъ потомства; продолжительность времени, въ теченіе котораго организмъ бываетъ способенъ приносить потомство; количество пособія, оказываемаго родителями зародышу и младенцу,—вотъ, по Герберту Спенсеру [1]), физіологическія условія, опредѣляющія *maximum* возможной для расы плодовитости. Дѣйствительная плодовитость расы колеблется у этого предѣла, будучи обусловлена благопріятными и неблагопріятными условіями. Каждый организмъ представляетъ опредѣленное количество накопленнаго вещества и скомбинованой энергіи; средній итогъ энергіи и вещества для организмовъ даннаго вида есть

[1]) *Герб. Спенсеръ*: „Основ. Біол.“ *II*, *часть 6-ая*, § *317*.

величина постоянная и потому всякое усиленіе траты на какой-либо процессъ организма (плодовитость, напр.) должно сопровождаться соотвѣтственнымъ ослабленіемъ траты организма на другіе процессы, развитіе которыхъ не связано съ развитіемъ прогрессирующаго процесса (какъ напр. активность и сложность, отчасти и ростъ). Натурально поэтому, что всякій прогрессъ организма, увеличивающій его ростъ, сложность или активность (количество производимой организмомъ работы), сопровождается ослабленіемъ плодовитости, либо вслѣдствіе измѣненія какого-нибудь изъ вышеупомянутыхъ условій (напр. вслѣдствіе запаздыванія зрѣлости), либо просто уменьшеніемъ количества рожденій ниже высшаго возможнаго размѣра. Наоборотъ, всякое условіе, увеличивающее свободный остатокъ вещества и энергіи въ организмѣ, доводитъ или стремится довести дѣйствительную плодовитость до этого предѣла возможности; таковы слѣдующія условія: обиліе, питательность пищи; защита отъ крайностей жара, холода и сырости и вообще отъ климатическихъ вліяній, требующихъ траты организма; всякое органическое измѣненіе, ослабляющее трату; здоровье [1]). Такимъ образомъ каждый видъ обладаетъ опредѣленными условіями строенія и отправленій, отъ которыхъ зависитъ его способность плодиться; но дѣйствительная плодовитость опредѣляется размѣромъ этой способности только отрицательно, не будучи въ состояніи превзойти ее; настоящими же опредѣлителями плодовитости являются совокупность условій, опредѣляющихъ трату организма на другіе процессы, и совокупность условій, доставляющихъ организму матеріалъ для этой траты. Разность, получающаяся изъ сопоставленія этихъ двухъ совокупностей, и есть величина, обращающаяся на воспроизведеніе; она-то опредѣляетъ дѣйствительную плодовитость. Однимъ словомъ, мы получаемъ два ряда силъ: 1) трата организма на ростъ, развитіе и активность, работу, — силы, понижающія плодовитость; 2) поглощеніе организмомъ вещества и энергіи, охраненіе его отъ непроизводительной

[1]) *Ibidem*, II, §§ 326, 327, гл. III—XI (§§ 328—364).

траты, пониженіе сложности и активности, вообще ослабленіе траты,— силы, стремящіяся довести плодовитость до наивысшей возможной степени, до предѣла, полагаемаго вышеуказанными физіологическими условіями. Этотъ предѣлъ можетъ отчасти измѣняться подъ вліяніемъ этихъ рядовъ силъ, но это измѣненіе, во всякомъ случаѣ, медленно и, для небольшихъ періодовъ времени, предѣлъ плодовитости расы можетъ почитаться величиною постоянною, а для большихъ періодовъ величиною правильно измѣняющеюся, какъ производная функція величинъ опредѣлимыхъ.

Не только плодовитость, опредѣляющая число рожденій, но и смертность есть факторъ сложный. Прежде всего, очевидно, она слагается изъ естественной смерти, изъ истребленія непріятелями, гибели отъ недостатка пищи, атмосферическихъ перемѣнъ и нѣк. др. Величиною постоянною или, по крайней мѣрѣ, правильно измѣняющеюся между этими родами смертей можно признать, до извѣстной степени, только естественную смертность и гибель въ борьбѣ за существованіе. Второй изъ этихъ элементовъ нами уже разсмотрѣнъ выше въ XII-ой главѣ этого сочиненія; намъ предстоитъ въ этой главѣ заняться первымъ,— естественною смертностью.

Жизнь есть обмѣнъ вещества и энергіи, процессъ постоянной траты и постояннаго возобновленія; при перевѣсѣ процесса поглощенія вещества и энергіи надъ ихъ тратою—организмъ ростетъ или обращаетъ излишекъ на воспроизведеніе; при перевѣсѣ траты надъ поглощеніемъ — организмъ болѣетъ и, наконецъ, умираетъ. Прекращеніе жизненнаго процесса, или смерть, есть такимъ образомъ результатъ нарушенія равновѣсія между тратою и возобновленіемъ. Почему это равновѣсіе должно быть естественно нарушено? Объ этомъ, конечно, можно много гадать и строить гипотезъ, но дѣйствительнаго истолкованія этого явленія біологія до сихъ поръ еще не дала. Вообще, можно сказать, что и тутъ трата до извѣстной степени антагонична жизни, поглощеніе же—благопріятно. Еще нельзя не замѣтить

того, что естественная смерть вовсе не есть удѣлъ только одной старости: распредѣленіе физіологическихъ элементовъ въ яйцѣ и сѣмени, неблагопріятное сочетаніе наслѣдственности съ отцовской и материнской сторонъ, условія зачатія, ношенія и рожденія, состояніе матери во время кормленія грудью и многія другія условія могутъ произвести организмъ, мало способный уравновѣшивать внѣшнія отношенія внутренними и потому обреченный на болѣе или менѣе преждевременую кончину. Такимъ образомъ, по нѣкоторымъ даннымъ, собраннымъ изъ наблюденій надъ дѣтьми англійскихъ землевладѣльцевъ, пользующимися самыми благопріятными условіями жизни, естественная смертность между дѣтьми до 5-ти лѣтъ равняется 20% всего числа рожденій, такъ что изъ 1000 новорожденныхъ доживаетъ до пятилѣтняго возраста всего 800 младенцевъ [1]). То обстоятельство, что естественная смертность не приведена къ какимъ-либо простымъ біологическимъ началамъ, заставляетъ насъ обращаться, при опредѣленіи ея роли къ чисто эмпирическимъ даннымъ, въ родѣ только-что приведеннаго статистическаго изслѣдованія д-ра Чедуика.

Какъ бы то ни было, но мы можемъ теперь свести вмѣстѣ факторы, управляющіе размноженіемъ жизни: факторы содѣйствующіе: *естественная плодовитость*, обусловленная временемъ созрѣванія, продолжительностью ношенія и кормленія грудью, числомъ заразъ рождающихся, продолжительностью времени половой способности организма; затѣмъ, *обиліе и доброкачественность питанія*, *пониженіе сложности*, *ослабленіе активности*, *вообще ослабленіе необходимой траты*. Факторы противодѣйствующіе: *ростъ*, *развитіе* (осложненіе), *трудъ* (особенно нервный) [2]),

[1]) Изслѣдованія Чедуика, приведенныя въ комментаріяхъ на переводъ „Пол. Эк.“ Милля, изд. 1860 г. См. также *Бибикова*: «Жизнь и труды Мальтуса», въ переводѣ соч. Мальтуса, *I, 56*. Выводы Чедуика важны потому, что, несомнѣнно, на смертность дѣтей англійскихъ землевладѣльцевъ вовсе не вліяетъ борьба за существованіе, такъ что мы тутъ имѣемъ дѣло съ естественною смертностью, не осложненною какими-либо другими разрушительными дѣятелями.

[2]) Герб. Спенсеръ, «О. Б.» § 374.

естественная смертность и, наконецъ, *смертность, происходящая изъ борьбы за существованіе*. Такъ какъ мы слѣдимъ за условіями, при которыхъ возможно изгнаніе послѣдняго фактора, то, натурально, въ настоящее время онъ опредѣленію не подлежитъ. Мы должны поэтому опредѣлить возможный *maximum* плодовитости, эмпирически найденный, возможный *minimum* естественной смертности, откуда самъ собою выяснится возможный *maximum* приращенія, наибольшая возможная прогрессія размноженія. Затѣмъ, необходимо опредѣлить прогрессъ факторовъ, противодѣйствующихъ плодовитости достигать своего естественнаго предѣла, и изслѣдовать вліяніе этого прогресса на дѣйствительную плодовитость. Только такое изслѣдованіе способно дать надлежащее понятіе о прогрессіи народонаселенія. Обратимся же къ изслѣдованіямъ извѣстныхъ мыслителей-соціологовъ, занимавшихся изученіемъ вопроса народонаселенія.

У Мальтуса читаемъ [1]):

«Чтобы убѣдиться въ постоянномъ стремленіи населенія къ размноженію, превышающему средства существованія, и въ препятствіи, противопоставляемомъ ему послѣдними, достаточно прослѣдить съ такой точки зрѣнія различные періоды общественнаго существованія. Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ подобному труду, попытаемся опредѣлить, съ одной стороны, съ какою быстротою пойдетъ естественное размноженіе населенія, еслибы оно не встрѣчало никакой помѣхи, а съ другой стороны, какъ велико можетъ быть возростаніе произведеній земли при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для производительности труда».—Эту вторую сторону задачи, поставленной себѣ Мальтусомъ, мы уже разобрали выше и видѣли всю неправильность опредѣленія «самыхъ благопріятныхъ условій для производительности труда»; обратимся же теперь прямо къ прогрессіи населенія, какъ она выводится Мальтусомъ. «Въ государствахъ Сѣверной Америки, говоритъ онъ, въ которыхъ не встрѣчается недостатка въ средствахъ существованія, въ

[1]) *Мальтусъ I, 97—99.*

которыхъ господствуетъ чистота нравовъ и преждевременныя супружества возможнѣе, чѣмъ въ Европѣ, найдено было, что населеніе, въ продолженіе болѣе чѣмъ полутора столѣтія, удваивалось быстрѣе, чѣмъ въ 25 л. И тѣмъ не менѣе, въ тотъ же промежутокъ времени замѣчено было, что въ нѣкоторыхъ городахъ число умершихъ превышало число родившихся, такъ что остальная страна должна была постоянно пополнять ихъ населеніе; а это ясно показываетъ, что размноженіе можетъ идти быстрѣе, чѣмъ представляющая его средняя цифра.—Въ населеніяхъ внутри страны, въ которыхъ земледѣліе составляло единственное занятіе колонистовъ, въ которыхъ неизвѣстны были ни пороки, ни нездоровыя городскія ремесла, найдено было, что населеніе удваивалось въ 15 л. Приращеніе это, какъ бы велико оно ни было, безъ сомнѣнія, могло бы быть еще значительнѣе, еслибы размноженіе не встрѣчало никакихъ препятствій. Разработка новыхъ земель нерѣдко требуетъ чрезвычайныхъ усилій и не всегда сопровождается благопріятными для здоровья условіями; сверхъ того, туземные дикари мѣшали иногда такому предпріятію набѣгами, уменьшали количество произведеній трудолюбиваго земледѣльца и лишали даже жизни нѣкоторыхъ членовъ его семейства.— По таблицѣ смертности Эйлера, вычисленной по 1 умершему на 36, при отношеніи числа родившихся къ числу умершихъ какъ 3 : 1, періодъ для удвоенія населенія составляетъ всего $12^1/_2$ л. И это будетъ не предположеніе только, ибо такой фактъ неоднократно повторялся въ короткіе промежутки времени. Сэръ В. Пети полагаетъ, что, при содѣйствіи особенныхъ благопріятныхъ условій, населеніе можетъ удваиваться каждые 10 л. Но, во избѣжаніе всякаго рода преувеличеній, мы примемъ за основаніе для нашихъ разсужденій менѣе всего быстрое размноженіе, доказанное многими свидѣтельствами и производимое одними только рожденіями. *Мы можемъ, слѣдовательно, считать несомнѣннымъ, что если размноженіе населенія не встрѣчаетъ никакого препятствія, то оно удваивается каждые 25 лѣтъ и возрастаетъ въ геометрической прогрессіи*».

Эта прогрессія Мальтуса уже не страдаетъ такою произвольностью, какъ прогрессія средствъ. Правда, это не выводъ на основаніи научныхъ данныхъ о возможной быстротѣ размноженія человѣческаго вида, но она все же основывается на громко заявленномъ и общеизвѣстномъ фактѣ, что населеніе Американской Республики, въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ, удваивалось въ 25 лѣтъ. Прогрессія чисто эмпирическая,—правда, но если фактъ вѣренъ, то такая быстрота размноженія возможна. Если въ чемъ можно упрекнуть Мальтуса, такъ это въ томъ, что онъ недовольно критически отнесся къ достовѣрности самаго факта удвоенія въ 25 лѣтъ, «производимаго одними только рожденіями», какъ онъ говоритъ. На это обратили вниманіе его противники, указывая на значительную иммиграцію Европейцевъ, которымъ, впродолженіе цитируемаго Мальтусомъ періода, не велось списковъ. Защитники Мальтуса отвѣтили вычисленіемъ ошибки на основаніи данныхъ о переселеніи позднѣйшаго времени и указали, что эта ошибка не могла быть больше 4-хъ или 5-ти лѣтъ, такъ что періодъ удвоенія раздвигался до 29-ти или 30-ти лѣтъ. Но и это вычисленіе оказалось не вѣрно и было разбито противниками доктрины Мальтуса. Все дѣло въ томъ, что недостаточно было вычесть число переселенцевъ, надо было вычислить и ихъ потомство, которое, относительно, должно было быть многочисленнѣе, такъ какъ отношеніе между возрастами въ средѣ переселенцевъ должно быть иное и не соотвѣтствуетъ возможному естественному распредѣленію населенія по возрастамъ. Между переселенцами должно было быть, пропорціонально, гораздо меньше дѣтей и стариковъ, а между тѣмъ эти возрасты не способны плодиться и между ними же господствуетъ наибольшая смертность; вслѣдствіе этого,—совершенно справедливо возражали научные противники школы Мальтуса,—не только періодъ удвоенія въ 25 лѣтъ, принятый самимъ Мальтусомъ, не есть представитель когда-либо осуществившейся быстроты размноженія, но и исправленный его учениками періодъ

29-ти или 30-ти-лѣтній рѣшительно не выдерживаетъ научной критики.

Мальтусъ основалъ свою прогрессію потребностей на фактѣ; фактъ отвергнутъ—отвергнута и прогрессія. Вмѣсто факта, принятаго Мальтусомъ, нельзя поставить опять какой-либо другой и пытаться опять эмпирическимъ путемъ вывести прогрессію размноженія; не говоря о томъ, что онъ, по всей вѣроятности, рано или поздно былъ бы раскритикованъ, подобно факту Мальтуса, но даже ненаучно заключать о естественномъ размноженіи по дѣйствительному, когда факторы того и другого различны и нигдѣ еще не устранена борьба за существованіе. Мальтусъ не сдѣлалъ вычисленія возможной быстроты размноженія на основаніи числоваго выраженія его факторовъ, но онъ заставилъ это сдѣлать своихъ противниковъ. Мальтусъ не обратилъ вниманія на зависимость естественной плодовитости отъ дѣятелей, которые, прогрессируя или регрессируя въ обществѣ, могутъ напрягать размноженіе до возможной быстроты или понижать плодовитость значительно ниже этого наивысшаго уровня. Противники Мальтуса остановили свое вниманіе и на этомъ. Вычисленіе наибольшей возможной быстроты размноженія сдѣлано не разъ уже цитированнымъ русскимъ комментаторомъ Милля; значеніе содѣйствующихъ и противодѣйствующихъ плодовитости факторовъ опредѣлено Гербертомъ Спенсеромъ и отчасти Прудономъ и Ш. Фурье. Обратимся же къ аргументаціи этихъ авторовъ.

Припомнимъ вышеприведенныя, по Спенсеру, условія, опредѣляющія наивысшую плодовитость расы. Періодъ созрѣванія для женщины не раньше 15 лѣтъ, но надо помнить, что это періодъ возможнаго начала половой дѣятельности, дѣйствительный же во всѣхъ образованныхъ государствахъ значительно больше, законъ обусловливаетъ вступленіе въ бракъ для дѣвушки 16 годами, средній же возрастъ дѣйствительно въ первый разъ вступающихъ въ бракъ и того старше. Второе условіе, отъ котораго зависитъ сила плодовитости,—продолжительность промежутковъ

времени между послѣдовательными рожденіями; для женщины она слагается изъ двухъ элементовъ—беременности и кормленія, что составитъ около двухъ лѣтъ; менѣе продолжительный срокъ (равный, однако, не менѣе, какъ одному году) возможенъ только при условіи некормленія грудью или смерти ребенка немедленно по рожденіи. Третій факторъ плодовитости,—численность дѣтенышей одного рожженія, для человѣка не подлежитъ спору; она равна одному [1]). Продолжительность времени, когда организмъ бываетъ способенъ производить потомство, опредѣляется между возрастомъ созрѣванія и такъ-называемымъ критическимъ періодомъ, наступающимъ для женщины между 40 и 50 годами, такъ что, *maximum* времени половой способности женщины 30 лѣтъ. Этотъ періодъ опредѣляетъ *maximum* числа возможныхъ рожденій—для каждой женщины въ 15 дѣтей. Не будемъ забывать, что продолжительность времени половой способности вовсе не соотвѣтствуетъ продолжительности времени половой дѣятельности, но покамѣстъ оставимъ это въ сторонѣ. Итакъ, предположимъ, что каждая способная къ половой дѣятельности женщина находится постоянно въ состояніи этой дѣятельности и слѣдовательно

[1]) Численность „плодущихъ родовъ", т.-е. такихъ, когда родятся двое и болѣе въ одни роды, вообще очень незначительна и болѣе нежели покрывается численностью мертворожденныхъ. Вотъ нѣкоторыя параллельныя данныя (Янсонъ, op. c. 179, 181):

	плод. роды	мертворожд.
1. Данія	1,5%	4,4%
2. Швеція.	1,4 „	3,4 „
3. Германія.	1,4 „	?
4. Голландія.	1,3 „	3,3 „
5. Норвегія	1,2 „	4,1 „
6. Россія	1,2 „	?
7. Австрія.	1,2 „	2,3 „
8. Италія	1,2 „	2,3 „
9. Венгрія.	1,4 „	0,7 „
10. Франція.	1,0 „	4,5 „
11. Испанія.	0,9 „	?

Германская раса (сплошь первые пять номеровъ) болѣе наклонна къ плодущимъ родамъ, но и тамъ ихъ число ничтожно. (*Прим. 2-е изд.*).

среднимъ числомъ каждая производитъ maximum 15 душъ дѣтей. Но для опредѣленія быстроты размноженія, этого факта недостаточно; намъ необходимо еще опредѣлить отношеніе числа способныхъ къ половой дѣятельности женщинъ къ общей численности всего населенія. Вообще доказано, что мальчиковъ рождается больше, нежели дѣвочекъ, но что затѣмъ смертность въ мужскомъ населеніи сильнѣе, нежели въ женскомъ, такъ что въ большей части случаевъ (но не всегда, однако) устанавливается нѣкоторый перевѣсъ въ пользу женщинъ; этотъ фактъ приписываютъ отчасти меньшей крѣпости мужского организма, отчасти большей для мужчинъ напряженности борьбы за существованіе, такъ что весьма возможно, что, за вычетомъ излишка мужскихъ смертей послѣдняго рода, бо́льшая смертность только уравновѣсила бы бо́льшую рождаемость. Вообще не будетъ большой ошибки, если принять, что при отсутствіи борьбы за существованіе число всѣхъ женщинъ будетъ равняться половинѣ всего населенія. Но и между женщинами всѣ моложе 15 лѣтъ и старше 45 лѣтъ должны быть исключены изъ нашего счета. Для этого необходимо опредѣлить среднюю жизнь женщины.

Выше были приведены вычисленія Чедуика, по которымъ естественная смертность англійскихъ дѣтей въ первомъ пятилѣтіи равняется 20%, но ихъ дѣйствительная смертность повсюду превосходитъ этотъ minimum. Для Россіи напр. она равна 39,7%, для Англіи — 25,8, для Франціи — 29,3% и т. д. Эти излишки должны быть отнесены насчетъ гибели отъ борьбы за существованіе; на основаніи этихъ излишковъ мы можемъ вычислить вліяніе борьбы за существованіе на смертность въ первыя пять лѣтъ. Если мы предположимъ, что и дальше борьба за существованіе оказываетъ такое же вліяніе на смертность, т.-е. увеличиваетъ смертность въ томъ же размѣрѣ, то мы получимъ возможность опредѣлить естественную смертность для всего населенія. Раздѣляя 39,7 на 20, мы получаемъ цифру 1,985, выражающую степень вліянія на русскую смертность борьбы за существованіе; общая смертность въ Россіи=3,6%, такъ

что, уменьшая это число въ 1,985, мы получимъ, по нашей гипотезѣ, естественную смертность для Россіи, равную 1,8135%. Сдѣлавъ такое же вычисленіе для Франціи (смертность дѣтей = 29,3%, общая смертность = 2,4%), получимъ естественную смертность=1,6382%, для Англіи (смертность до 5 лѣтъ = 25,8%, общая = 2,3%) = 1,783%; для Бельгіи (смертность до 5 лѣтъ = 27%, послѣ 5 лѣтъ = 2,3%) = 1,7037%. Всѣ цифры весьма близки между собою; нѣсколько противорѣчащею является только цифра для Швеціи, оказавшаяся всего=1,1898%; эта аномалія понятна, если обратить вниманіе на % смертности; для дѣтей онъ въ Швеціи=35,3%, т.-е. нѣсколько ниже только смертности дѣтей въ Россіи, превышая въ то же время % остальныхъ странъ Европы, между тѣмъ общая смертность ниже смертности всѣхъ цитированныхъ народовъ = 2,1%. Чѣмъ объяснить такое странное явленіе, странное потому, что вообще статистика показываетъ, что %% смертности различныхъ возрастовъ въ различныхъ государствахъ болѣе или менѣе прямо пропорціональны. Вычисляя среднюю цифру естественной смертности на основаніи данныхъ для этихъ 5 государствъ, мы получимъ=1,6256%; а безъ Швеціи, которая очевидно находится въ какихъ-то анормально неблагопріятныхъ условіяхъ для перваго возраста и въ самыхъ благопріятныхъ для послѣдующихъ, эта средняя цифра естественной смертности повысится до 1,7346%. Принимая, такимъ образомъ, гипотезу, что борьба за существованіе дѣйствуетъ съ одинаковою силою на всѣ возрасты и число жертвъ, ею ежегодно уносимыхъ, во всѣхъ возрастахъ составляетъ одинаковый % общаго числа смертей, мы получимъ приблизительный % естественной смертности въ 1,7346. Во всякомъ случаѣ, онъ не будетъ ниже этой цифры, такъ какъ скорѣе можно предположить, что борьба за существованіе гибельнѣе дѣйствуетъ на первый возрастъ, чѣмъ на послѣдующіе. Отсюда мы должны опредѣлить среднюю жизнь, имѣя передъ собою только % смертности; разъ предположивъ, что естественная наименьшая смертность распредѣляется по возрастамъ соотвѣтственно распредѣ-

ленію по возрастамъ дѣйствительной смертности, такъ какъ борьба за существованіе равно сражаетъ всѣ возрасты, разъ предположивъ это, мы можемъ приблизительно подойти къ средней жизни, искомой нами. Для Россіи мы имѣемъ для женскаго пола слѣдующій % смертности по возрастамъ:

до 5 лѣтъ 38,6	30 — 35 л. 5,2	60 — 65 л. 12,5
5 — 10 л. 6,0	35 — 40 » 5,7	65 — 70 » 18,7
10 — 15 » 3,1	40 — 45 » 7,6	70 — 75 » 23,1
15 — 20 » 3,1	45 — 50 » 8,6	75 — 80 » 36,5
20 — 25 » 3,4	50 — 55 » 11,3	80 — 85 » 47,2
25 — 30 » 4,1	55 — 60 » 10,1	85 — 90 » 64,9

Для десятилѣтія 90—100 л. умираетъ болѣе $^3/_4$ выжившихъ, а свыше 100 лѣтъ $^0/_0 = 100$. Принимая за основаніе для вычисленія эти данныя, мы получимъ для тѣхъ же возрастовъ нашего гипотетическаго населенія слѣдующую таблицу естественной наименьшей смертности:

1 — 5 л. = 18,6	35 — 40 л. = 2,75	70 — 75 л. = 11,1
5 — 10 » = 2,8	40 — 45 » = 3,7	75 — 80 » = 17,3
10 — 15 » = 1,5	45 — 50 » = 4,1	80 — 85 » = 22,6
15 — 20 » = 1,5	50 — 55 » = 5,4	85 — 90 » = 31,1
20 — 25 » = 1,6	55 — 60 » = 4,8	90 —100 » = 38
25 — 30 » = 2,0	60 — 65 » = 6,0	100 и бол » = 50
30 — 35 » = 2,5	65 — 70 » = 9,0	

Руководствуясь этою таблицею, можно составить таблицу движенія гипотетическаго населенія по возрастамъ:

Возрастъ.	Дожило.	Умерло. за 5 лѣтъ.	Возрастъ.	Дожило.	Умерло. за 5 л.
Новорожденныхъ всего	1000 д.				
до 5 л.	814	186	до 55 л.	611	35
» 10 »	792	22	» 60 »	582	29
» 15 »	780	12	» 65 »	547	35
» 20 »	768	12	» 70 »	498	49
» 25 »	756	12	» 75 »	443	55
» 30 »	741	15	» 80 »	366	77
» 35 »	722	19	» 85 »	283	83
» 40 »	702	20	» 90 »	195	88
» 45 »	674	26	» 100 »	121	74
» 50 »	646	28			

Такимъ образомъ за 100 лѣтъ переживетъ около $^1/_9$ всего поколѣнія, но при 50% смертности (собственно говоря

48,1%) въ первое пятилѣтіе умретъ 60 чел. и останется—61, во второе пятилѣтіе умретъ 30, въ третье 15, въ четвертое—8, въ пятое—4, въ шестое—2, а оставшіеся 2 умрутъ одинъ въ седьмое, одинъ въ восьмое пятилѣтіе (между 135 и 140 годами). Если мы теперь сдѣлаемъ предположеніе, что впродолженіе каждаго пятилѣтія умираетъ ежегодно среднимъ числомъ одинаковое количество человѣкъ, то получимъ всего годовъ жизни для всѣхъ 1000 человѣкъ = 58404, т.-е. средняя жизнь будетъ равняться 58,4.

Предполагая населеніе не размножающимся, мы можемъ принять вычисленную выше таблицу смертности по возрастамъ вмѣстѣ съ тѣмъ и представительницею распредѣленія его по возрастамъ. Въ такомъ случаѣ, дѣлая исчисленіе, на основаніи таблицы, мы найдемъ, что моложе 15 лѣтъ будетъ жен. п.—*22*%; въ возрастѣ отъ 15 до 45=*37*%; 45—100 = *40*% и свыше 100 — *1*%. Таково должно быть распредѣленіе женщинъ по возрастамъ въ населеніи, въ которомъ смертность не превышаетъ 1,7346%, отношеніе смертей въ различныхъ возрастахъ прямо пропорціонально нынѣ существующему въ Россіи и число жителей не увеличивается. Съ измѣненіемъ котораго-нибудь изъ этихъ условій измѣнится и распредѣленіе женщинъ по возрастамъ; съ усиленіемъ смертности %, выражающій число женщинъ старше 45 лѣтъ, понизится, соотносительно чему повысится % молодежи и женщинъ чадороднаго возраста (15—45 л.). Противоположное слѣдствіе произведетъ усиленіе плодовитости, если вслѣдствіе этого началось размноженіе; численность молодежи возрастетъ, но % женщинъ чадороднаго возраста понизится. Такимъ образомъ, усиленіе смертности и умноженіе рожденій являются факторами противоборствующими и по отношенію къ сравнительной численности женщинъ чадороднаго и нечадороднаго возраста. Предположимъ же теперь, что наше неподвижное общество, въ которомъ рожденія только уравновѣшиваютъ смертность, вдругъ напрягло до высшей степени свою половую дѣятельность, такъ что, соображаясь съ вышеопредѣленными условіями плодовитости для человѣка,

мы принуждены считать число рожденій равнымъ числу женщинъ чадороднаго возраста, дѣленному на два. Въ нашемъ обществѣ женщины этого возраста составляютъ 37% всего числа женщинъ, или 18,5% всего населенія. Въ такомъ случаѣ, рождаемость представитъ 9,25%, а за вычетомъ естественной смертности (1,7346%), будемъ имѣть приращеніе въ 7,5154%. Если принять эту цифру за ежегодный % приращенія, то мы получимъ удвоеніе населенія въ 11 л. Но такой пріемъ будетъ очевидно ошибоченъ, потому что число 7,5154 есть % приращенія только для перваго года; прибавленный къ данному количеству нечадороднаго возраста онъ измѣнитъ процентное отношеніе различныхъ возрастовъ, такъ что новыя рожденія уже не будутъ составлять тотъ же % относительно всего населенія. Предпринятое мною погодное вычисленіе возрастанія гипотетическаго опредѣленнаго выше общества, бывшаго неподвижнымъ и потомъ вдругъ доведшаго свою плодовитость до maximum'а только мыслимаго, но едва ли осуществимаго,—вычисленіе это показало для населенія въ 116,000 жителей, черезъ 15 лѣтъ размноженія, численность въ 216,000. Значитъ не только въ 11 л., но и въ 15 л. населеніе не удвоится при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, т. е. если въ моментъ начала наивысшаго напряженія половой дѣятельности населенія распредѣленіе возрастовъ было такое, какое можетъ установиться только при неразмножающемся населеніи, и если % смертности былъ наименьшій возможный, а рождаемость была даже невозможная, по 15 дѣтей отъ каждой женщины. Но въ Россіи, гдѣ рождаемость развита до самыхъ громадныхъ размѣровъ, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, она не превышаетъ шести младенцевъ отъ одной женщины. При этомъ maximum'ѣ дѣйствительной рождаемости, % рожденій въ нашемъ гипотетическомъ обществѣ будетъ 3,7%, а приращеніе перваго года составитъ 1,9% всего населенія. То обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ государствахъ, а особенно въ самой Россіи, % рожденій больше, нежели 3,7% (для Россіи=5%), вообще не должно смущать насъ, такъ какъ это зависитъ отъ неизмѣ-

римо большей смертности (для Россіи = 3,6%), вслѣдствіе чего, какъ выше указано, повышается относительное число чадородныхъ возрастовъ (для Россіи—22%), но конечно % приращенія всегда будетъ ниже. Поэтому не будетъ большой ошибки, если принять 2% ежегоднаго приращенія за наибольшій %, возможный при наибольшей, когда-либо достовѣрно существовавшей, плодовитости. А это составитъ періодъ удвоенія въ 36 л. Конечно всѣ эти цифры имѣютъ только относительное значеніе, но все же до нѣкоторой степени онѣ уже могутъ дать понятіе о наивысшей возможной быстротѣ размноженія, если не своею абсолютною величиною, то своими соотношеніями.

Для того, чтобы общество вовсе не размножалось, необходимо, чтобы % рождаемости былъ равенъ % смертности, т.-е. въ обществѣ, не подверженномъ вліянію борьбы за существованіе, онъ выражается въ 1,7346% на все населеніе, а на однихъ женщинъ чадороднаго возраста=9,1%, если же принять чадородный возрастъ только въ 20 лѣтъ (20—40 л.), то рожденія, только уравновѣшивающія смертность, составятъ 13,4%, или приблизительно по 3 ребенка на женщину. Вотъ условія неподвижности населенія при смертности, происходящей только отъ естественныхъ причинъ. Эти условія вовсе не такъ противорѣчатъ дѣйствительности, какъ можетъ съ перваго взгляда показаться; во Франціи женщины чадороднаго возраста составляютъ около 22,6% всего населенія, рождаемость выражается въ 2,7% на все же населеніе, или 11,9% на одни чадородные женскіе возрасты, а это среднимъ числомъ представитъ на каждую женщину по 3,57 ребенка за 30 лѣтъ чадородной способности, или одно рожденіе на 8,4 женщины чадороднаго возраста. Разница между однимъ рожденіемъ на 5 способныхъ къ рожденію женщинъ, какъ въ Россіи, и однимъ рожденіемъ на 8,4 такихъ женщинъ, какъ во Франціи, гораздо больше, чѣмъ разница между положеніемъ дѣлъ во Франціи и тѣмъ, которое должно установиться, чтобы даже при отсутствіи борьбы за существованіе населеніе не размножалось.

Опредѣливъ приблизительно наибольшую возможную быстроту размноженія и условія равновѣсія населенія, мы естественно должны задаться вопросомъ: куда же клонится прогрессъ человѣческаго общества? болѣе ли онъ тяготѣетъ къ развитію человѣческой способности плодиться до ея наивысшей степени, или, быть можетъ, напротивъ того, прогрессъ историческій антагоничень плодовитости и ведетъ поэтому къ равновѣсію населенія? Съ этою цѣлью мы должны обратиться къ вышеуказаннымъ рядамъ антагоничныхъ силъ, содѣйствующихъ и противудѣйствующихъ процессамъ генезиса. Ростъ, развитіе (осложненіе въ строеніи) и активность (трудъ, трата вещества и силы на произведеніе работы), вотъ, какъ мы видѣли, главные антагонисты генезиса. Упрощеніе строенія и сокращеніе траты въ какомъ бы то ни было направленіи—главныя изъ условій, благопріятствующихъ плодовитости. Эти послѣднія не требуютъ дальнѣйшихъ разъясненій; но что касается первыхъ, то будетъ полезно дать имъ нѣсколько болѣе обстоятельное опредѣленіе. Осложненіе строенія (развитіе) и трудъ (активность) бываютъ двухъ родовъ: физіологическое и психическое. Физіологическое въ тѣсномъ смыслѣ развитіе организма и физическій (мышечный) трудъ достаточно поясняются тѣмъ, что выше о нихъ сказано; истрачивая силу и вещество, скомбинованныя въ организмъ, они уменьшаютъ тотъ излишекъ этихъ элементовъ, который организмъ могъ бы, въ другомъ случаѣ, употребить на воспроизведеніе, на генезисъ. Не такъ ясно вліяніе психическаго развитія и нервнаго труда; конечно, *à priori*, можно сказать, что этого рода процессы могутъ происходить тоже только на счетъ траты силы и матеріи организма, и потому уменьшаютъ размѣръ избыточнаго матеріала, изъ котораго вырабатывается новый организмъ, или его элементы. Такая абстрактная дедукція, безъ сомнѣнія, совершенно правильна, но, смѣшиваемое постоянно съ вліяніемъ физическихъ процессовъ въ тѣсномъ смыслѣ, вліяніе психическаго развитія и нервнаго труда не обратитъ на себя всего подобающаго ему вниманія. Дѣло въ томъ, что половая дѣятельность не есть

исключительно физіологическое отправленіе организма, но процессъ сложный, въ которомъ играетъ весьма важную роль элементъ психическій, половая любовь вообще, а въ каждомъ частномъ случаѣ половое возбужденіе и влеченіе, наконецъ удовольствіе отъ удовлетворенія этимъ наклонностямъ. Все это вмѣстѣ взятое для каждаго индивидуума составитъ весьма значительное количество психическихъ отправленій; часто эти отправленія берутъ положительное преобладаніе надъ всѣми остальными душевными процессами, затираютъ самыя, кажется, непреклонныя привычки, измѣняютъ даже характеръ, т.-е. соотношеніе различныхъ наклонностей, привычекъ и инстинктовъ. Такое могущество психическихъ отправленій, благопріятныхъ генезису, конечно, пріобрѣтается не даромъ; организмъ на нихъ тратитъ, безъ сомнѣнія, весьма значительное количество силы и вещества, важность которыхъ для генезиса не подлежитъ сомнѣнію; ими обусловливаются удовольствія любви, а черезъ это обезпечивается достаточное количество рожденій; раннее развитіе воображенія въ извѣстную сторону, какъ извѣстно, ускоряетъ наступленіе половой зрѣлости и, конечно, запаздыванье зрѣлости можетъ иногда имѣть причину въ полномъ цѣломудріи помысловъ молодой особи. Итакъ, несомнѣнно, что весьма значительный разрядъ психическихъ процессовъ находится въ прямой причинной связи съ воспроизводительнымъ процессомъ, обусловливая, до извѣстной степени, его проявленіе и взаимно обусловливаясь послѣднимъ въ своемъ существованіи; далѣе также несомнѣнно, что организмъ долженъ тратить на эти нервные процессы весьма много изъ своихъ излишковъ. Ясно поэтому, что уменьшеніе излишковъ должно неблагопріятно отразиться на этомъ разрядѣ психическихъ процессовъ; но источникъ, откуда черпаетъ силы этотъ разрядъ, есть тотъ же самый, изъ котораго черпаютъ и всѣ остальные умственные, эмоціональные и прочіе душевные процессы. Если же такъ, то развитіе психическое, состоящее въ осложненіи строенія психическаго аппарата, въ появленіи новыхъ процессовъ и совершеннѣйшемъ опредѣленіи прежнихъ, должно быть анта-

гонично половому чувству; удовольствіе, испытываемое при удовлетвореніи новыхъ психическихъ потребностей, уменьшаетъ цѣну половой любви и напряженность стремленія къ ней. Тоже, и едвали еще не въ большей мѣрѣ, должно сказать и о всякомъ нервномъ трудѣ, потому что всякій систематическій трудъ мышленія, разсчета, всякое напряженіе психической энергіи требуютъ отъ организма весьма значительныхъ тратъ; но откуда производятся эти расходы, какъ не изъ общей казны силы, скомбинованной въ психическіе элементы? Казна эта составляетъ для организма (я не говорю о послѣдовательномъ рядѣ организмовъ) величину постоянную, хотя и подлежащую нѣкоторому расширенію въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ; отчасти она можетъ расширяться въ ущербъ другимъ отправленіямъ организма и въ этомъ направленіи ея развитіе нѣсколько шире, хотя, конечно, тоже въ предѣлахъ. Натурально поэтому, что нервный трудъ, расходуя эту казну психическаго, если будетъ позволено такъ выразиться, организма, оставляетъ меньше на расходы другихъ процессовъ, но всѣ психическія способности и отправленія находятся въ довольно тѣсной связи между собою, такъ что развитіе одной обусловлено развитіемъ другой. Поэтому вообще нервный трудъ не можетъ многаго отнять отъ другихъ психическихъ способностей, не нанося вреда той способности, которая питаетъ его самого. Изолированнѣе другихъ стоитъ та группа эмоціональныхъ отправленій, которая связана съ половою дѣятельностью организма; естественно поэтому, что на ней преимущественно отражаются расходы общей психической казны на нервный трудъ. Что касается вышеуказаннаго захвата психическими процессами матеріала, обыкновенно потребляемаго организмомъ физіологически въ тѣсномъ смыслѣ, то ясно, что прежде всего этотъ захватъ обращается на избытки, т.-е. на капиталъ, предназначенный для физіологической стороны воспроизводительнаго процесса. Такимъ образомъ, антагонизмъ психическаго развитія и умственнаго труда съ одной стороны и генезиса съ другой проявляется въ борьбѣ противъ роли половыхъ чувствъ, въ ослабленіи ихъ

интенсивности и въ прямомъ потребленіи матеріала физіологическаго генезиса. Гербертъ Спенсеръ, прекрасно формулировавшій антагонизмъ роста, развитія и активности генезису, обратилъ вниманіе только на послѣднюю сторону вліянія развитія и труда психическаго и, мнѣ кажется, отъ этого его прекрасное изслѣдованіе много потеряло въ наглядной, такъ сказать, доказательности. Въ томъ видѣ, какъ поставленъ вопросъ Спенсеромъ, изслѣдованіе это доказываетъ, но не убѣждаетъ. У Прудона и отчасти у Фурье можно найти недосказанное Спенсеромъ. Освѣщенныя спенсеровскими доказательствами общаго антагонизма между ростомъ, развитіемъ, активностью и, съ другой стороны, половою дѣятельностью, идеи этихъ мыслителей о необходимомъ сокращеніи размноженія подъ вліяніемъ психическихъ ограниченій плодовитости получаютъ новую цѣну и изъ мыслимыхъ возможностей становятся реальными предсказаніями, воплощеніе которыхъ зависитъ отъ условій, намъ извѣстныхъ. Обратимся же теперь къ идеямъ этихъ мыслителей и, прежде всего, къ теоріи Герб. Спенсера, которая должна служить имъ подкладкою и основою.

Выше мнѣ случалось уже два раза касаться этой теоріи, именно въ X главѣ по поводу общаго антагонизма траты и генезиса и, потомъ, въ той же главѣ, при разборѣ естественнаго подбора въ цивилизованномъ обществѣ. Тогда я довольно подробно изложилъ его воззрѣнія на неизбѣжность умственнаго прогресса въ цивилизованномъ обществѣ. Я тогда старался показать во-первыхъ что, по скольку онъ зависитъ отъ борьбы за существованіе, онъ производится ею не косвенно путемъ подбора, но прямо чрезъ усиленное упражненіе и благопріятное вліяніе условій, среди которыхъ поставлена побѣдившая особь; и во-вторыхъ, что тоже самое вліяніе упражненія и неупражненія, при иныхъ условіяхъ, можетъ вести многочисленнѣйшіе классы цивилизованныхъ обществъ къ умственной деградаціи. Теперь же я долженъ прибавить, что условія, столь неблагопріятно видоизмѣняющія вліяніе прогрéсса цивилизаціи, суть условія соціальныя, а также, что я не отрицаю прогресса ума и въ этихъ клас-

сахъ, но приписываю его другимъ причинамъ. Въ настоящее время для насъ важенъ самый фактъ умственнаго прогресса. На этомъ фактѣ Гербертъ Спенсеръ строитъ свою теорію естественнаго пониженія плодовитости:—Развитіе, прогрессъ цивилизаціи необходимо выразится прогрессомъ ума и нравственности, однимъ словомъ, увеличеніемъ дѣятельности нервной системы, а это ложится тяжело на организмъ. Антагонизмъ между нервною дѣятельностью и генезисомъ несомнѣненъ. Усиленное ученіе ведетъ къ запаздыванію зрѣлости и даже безплодію. Такимъ образомъ, прогрессъ человѣчества естественно будетъ регрессомъ плодовитости. Естественнымъ предѣломъ этого процесса должно быть установленіе равновѣсія между смертностью и плодовитостью. «Какъ бы то ни было, очевидно, что въ концѣ концовъ тѣснота населенія и зло, которымъ она сопровождается, исчезнутъ и настанетъ порядокъ дѣлъ, когда отъ каждой особи не будетъ требоваться ничего, кромѣ нормальной и пріятной дѣятельности. Прекращеніе ослабленія плодовитости предполагаетъ прекращеніе дальнѣйшаго развитія нервной системы, а это предполагаетъ, что нервная система стала въ уровень со всѣмъ, что отъ нея требуется, что ей ничего не предстоитъ дѣлать сверхъ того, что естественно для нея. Но это упражненіе способностей не больше естественнаго и составляетъ удовольствіе. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, для добыванія пропитанія и выполненія всѣхъ родительскихъ и общественныхъ обязанностей, потребуется именно тотъ родъ и то количество дѣйствія, которое необходимо для здоровья и счастія» [1]). Такова теорія Спенсера; вся она есть не болѣе, какъ простой силлогизмъ въ самой обнаженной формѣ. Она слагается всего изъ двухъ посылокъ: *во-первыхъ*, развитіе и активность антагоничны генезису, особенно же развитіе и активность психическія; *во-вторыхъ*, человѣческій прогрессъ состоитъ въ возрастаніи какъ развитія, такъ и активности, преиму-

---

[1]) *Герб. Спенсеръ*: „О. Б.“ II, часть VI, § 375.

щественно же психической стороны организма. Разъ признаны обѣ посылки, заключеніе становится неизбѣжнымъ. Однако, мы уже имѣли случай видѣть, что меньшая посылка силлогизма не такъ безусловно справедлива, какъ полагалъ Спенсеръ, изъ чего, впрочемъ, никакъ не слѣдуетъ, чтобы она и не могла быть справедливою. Необходимо, чтобы прогрессировало не только знаніе и искусство, не только умъ и чувство интеллигентныхъ классовъ населенія, но умъ и чувство всей массы населенія. Всякое измѣненіе условій жизни, вызывающее, или хотя бы только облегчающее упражненіе умственныхъ способностей массы, есть уже значительный выигрышъ для будущаго.

Прудонъ значительно раньше Спенсера указалъ на естественный антагонизмъ труда и генезиса и отъ этого антагонизма ждалъ разрѣшенія Мальтусовой проблемы. Нѣсколько позднѣе, Прудонъ дополнилъ свои воззрѣнія указаніемъ на развитіе ума и нравственности, какъ на дѣятель, который устранитъ излишнюю плодовитость чрезъ ослабленіе половой возбуждаемости. Еще раньше Прудона, почти тѣ же идеи (только по обыкновенію въ малодоступной формѣ) высказывалъ и Фурье. Значительные размѣры, которые и безъ того приняла эта глава, заставляютъ меня ограничиться этими немногими словами о Прудонѣ и Фурье.

Къ какому же результату пришли мы послѣ нашего изслѣдованія? Возможно ли установленіе равновѣсія между потребностями и средствами? Возможно ли полное изгнаніе борьбы за существованіе изъ общества и, слѣдовательно, и полное приспособленіе человѣчества къ условіямъ общественности? Все заставляетъ полагать его возможнымъ, потому что, съ одной стороны, предѣлъ размноженія можетъ расширяться въ уровень съ самимъ размноженіемъ (которое вовсе не такъ быстро, какъ полагали), пока не достигнетъ предѣла, полагаемаго потенціальными средствами земного шара, а съ другой стороны,—прогрессъ историческій есть, по необходимости, регрессъ плодовитости. Борьба за существованіе въ настоящее время покровительствуется дезорганизаціей труда и неблагопріятнымъ рас-

предѣленіемъ покупательной силы между потребностями, а ея будущность обезпечивается неравномѣрнымъ распредѣленіемъ умственнаго упражненія между общественными классами. Измѣненіе этихъ двухъ факторовъ обезпечило бы изгнаніе борьбы за существованіе какъ въ настоящемъ, такъ и на все будущее, пока истощеніе планеты не вызвало бы ее вновь къ дѣятельности, если только такое истощеніе признать неизбѣжнымъ.

ГЛАВА XIV [1]).

Наслѣдственность и измѣнчивость въ историческомъ прогрессѣ.

Въ предыдущихъ главахъ, содержащихъ въ себѣ соціологическіе этюды, помѣщенные мною въ «*Знаніи*» 1872—73 года, обслѣдовано значеніе въ историческомъ прогрессѣ сложныхъ факторовъ органическаго прогресса, подбора естественнаго и полового, а изъ простыхъ факторовъ—роль размноженія и ограниченности средствъ (послѣдній факторъ является уже вліяніемъ физической среды). По причинамъ распространяться о которыхъ здѣсь было бы излишне, тогда я не успѣлъ закончить задуманный мною рядъ соціологическихъ этюдовъ о законахъ и процессахъ, знаменующихъ собою переходъ органическаго прогресса въ прогрессъ историческій. Оставалось проанализировать два простые органическіе дѣятеля, *наслѣдственность* и *измѣнчивость* (съ особыми ихъ проявленіями въ процессахъ *скрещиванія* и *болѣзненности*), и *прямое опредѣленное вліяніе физической среды* (*косвенное*, болѣе могущественное

---

[1]) Эта глава, какъ и слѣдующая, составляетъ приписку 1890 года. *Прим. 2-го изд.*

ея вліяніе чрезъ ограниченность средствъ разобрано въ третьей главѣ III-го этюда, 12-я глава наст. изданія). Но основная точка зрѣнія на значеніе этихъ факторовъ органическаго прогресса въ прогрессѣ историческомъ была уже установлена въ первомъ этюдѣ (глава III наст. изд.) и анализъ самыхъ могучихъ руководящихъ факторовъ органическаго прогресса въ ихъ вліяніи на прогрессъ историческій былъ законченъ мною съ достаточною полнотою въ напечатанной части работы. Это обстоятельство дѣлаетъ работу эту въ сущности какъ бы завершенной, потому что основные принципы и главнѣйшіе существенные выводы и истолкованія уже даны въ выше напечатанныхъ тринадцати главахъ этой книги, составляющихъ перепечатку этюдовъ 1872—1873 годовъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторый пробѣлъ въ изложеніи не можетъ не ощущаться, и я счелъ полезнымъ нѣсколько дополнить настоящее изданіе этюдовъ бѣглымъ обзоромъ содержанія неоконченной части работы. Такимъ образомъ на эту приписку спустя восемнадцать лѣтъ я прошу смотрѣть лишь какъ на конспектъ, предназначенный облегчить сводъ ранѣе проанализованныхъ и выше изложенныхъ вопросовъ.

Въ главѣ III настоящаго сочиненія мы уже замѣтили: «Компетентность перваго разряда органическихъ дѣятелей (наслѣдственности въ томъ числѣ) въ общественной жизни — безусловна» и нѣсколько далѣе: «Простые органическіе дѣятели (наслѣдственность въ томъ числѣ) конечно сохраняютъ свое значеніе (и въ историческомъ прогрессѣ), но не надо забывать, что это — дѣятели, сами собою не производящіе прогресса». Въ самомъ дѣлѣ, какъ позже показано, ихъ сочетаніе между собою производитъ подборъ половой, а сочетаніе ихъ же съ вліяніями физической среды порождаетъ естественный подборъ и прямое приспособленіе (опредѣленное вліяніе среды); всѣ же вмѣстѣ эти три процесса и представляютъ двигателей и направителей органическаго прогресса. «Наслѣдственность, продолжали мы въ цитованномъ разсужденіи въ главѣ III, наслѣдственность — дѣятель только консервативный; это, такъ сказать,

отрицательный факторъ прогресса». Наслѣдственность лишь упрочиваетъ то, что порождается другими дѣятелями и вліяніями. Въ этомъ ея значеніе и въ органическомъ и въ историческомъ прогрессѣ, но не она производитъ движеніе, не ею направляется развитіе. И если съ преобразованіемъ органическаго прогресса въ историческій, прежніе двигатели и руководители развитія, былые дѣятели прогресса вытѣсняются новыми, то наслѣдственность такъ же неизмѣнно стремится сохранить и воспроизвести въ рядѣ поколѣній новыя вліянія дѣятелей историческаго прогресса, какъ раньше упрочивала и охраняла успѣхи прогресса органическаго. Если бы даже нимало не измѣнились ни роль, ни сила, ни характеръ наслѣдственности подъ вліяніемъ прогресса историческаго, то и тогда это не могло бы служить помѣхою и препятствіемъ тому рѣшительному повороту въ развитіи жизни, который знаменуетъ торжество историческаго прогресса надъ органическимъ. Эти положенія достаточно ясно формулированы и достаточно обстоятельно обоснованы въ предыдущихъ главахъ, чтобы я могъ выше выразиться: «основные принципы и главнѣйшіе существенные выводы и истолкованія уже даны въ вышенапечатанныхъ тринадцати главахъ этой книги». Хотя такимъ образомъ, послѣ этого и не является настоятельнымъ рѣшеніе вопроса, не повліяетъ-ли историческій прогрессъ на роль, силу и характеръ органической наслѣдственности, тѣмъ не менѣе нѣкоторое освѣщеніе этой стороны развитія представляется и интереснымъ, и не безполезнымъ для болѣе яснаго представленія о значеніи радикальнаго нереворота въ прогрессѣ жизни, вступившей на путь историческаго развитія.

Наслѣдственность въ прогрессѣ органическомъ является, между прочимъ, главнымъ и непремѣннымъ условіемъ и элементомъ подбора естественнаго и подбора полового, но эти главные и руководящіе дѣятели прогресса органическаго вытѣсняются изъ прогресса историческаго, такъ что съ этимъ вытѣсненіемъ должна сократиться и роль наслѣдственности. Вся та сторона ея значенія, которая

была связана съ явленіями подбора, сама собою отпадаетъ съ прекращеніемъ или хотя бы ослабленіемъ этихъ явленій. Мы видѣли такъ же (гл. VIII и гл. X этой книги), что жизнь, для достиженія своихъ цѣлей пользовалась прежде органически наслѣдственными орудіями: *вооруженіемъ*, какъ рога, клыки, когти, клювъ, жало и т. д.; *украшеніями*, какъ рога, перья, хохолки, окраска покрововъ и т. д., *защитою отъ холода*, какъ шерсть, пухъ; *запасами пищи на зиму*, какъ отложенія жира у животныхъ, впадающихъ въ спячку; *бронею отъ враговъ*, какъ панцыри черепахъ и нѣкоторыхъ млекопитающихъ, какъ раковины улитокъ и т. д.; даже *органически наслѣдственнымъ ночнымъ освѣщеніемъ*, какъ у свѣтляковъ и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ, и пр. и пр. Съ вступленіемъ жизни въ періодъ историческій, эти органически наслѣдственныя орудія и преимущества замѣняются культурными. Зачѣмъ жизни развивать у человѣка или одомашненныхъ имъ животныхъ клыки, рога, когти, клювы, когда всѣ эти самыя страшныя и грозныя органическія вооруженія являются жалкими и ничтожными передъ пушками, ружьями и револьверами? Зачѣмъ жизни покрывать тѣло человѣка красными и синими перьями, волосами или мозолями (какъ у обезьянъ), когда разнообразіе, красота, изящество нарядовъ далеко оставили за собою всякія возможныя естественныя украшенія? Точно такъ же теплая одежда, теплое жилье, отопленіе лишило всякаго значенія обростаніе на зиму шерстью и пухомъ; запасы и производство пищи уничтожили значеніе зимней спячки; электричество, газъ, керосинъ заставили померкнуть ночной фонарь свѣтляка. Жизнь, создавъ культуру, стала постепенно, съ успѣхами этого новаго элемента развитія, отодвигать на второй планъ органически наслѣдственныя орудія и преимущества, понижая тѣмъ самымъ роль и значеніе органической наслѣдственности въ прогрессѣ.

Развитіе культуры повело къ пониженію этой роли и этого значенія и съ другой стороны. До развитія культуры одна наслѣдственность представляла собою

дѣятеля, упрочивающаго успѣхи развитія. Культура создала рядомъ съ наслѣдственностью нѣсколькихъ другихъ дѣятелей, имѣющихъ тоже значеніе. Передача матеріальной культуры (жилищъ, орудій, нарядовъ, учрежденій и т. д.) отъ поколѣнія къ поколѣнію, т.-е. *юридическое наслѣдованіе* является первымъ такимъ соперникомъ органической наслѣдственности. Роль *воспитанія* еще болѣе значительна въ этомъ направленіи, такъ какъ прямо вторгается въ сферу дѣятельности органической наслѣдственности:—обученіе начинаетъ легко замѣнять унаслѣдованіе при рожденіи. Туже роль играютъ *преданіе*, *традиціи*, *примѣръ* и разные другіе способы, которыми развитая цивилизація пользуется для внушенія особямъ, входящимъ въ историческое общежитіе, слѣдовать въ своей дѣятельности и жизни путямъ, проложеннымъ другими особями. Между тѣмъ въ эпоху органическаго прогресса одна лишь органическая наслѣдственность могла упрочить эти успѣхи развитія и передать ихъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Культурные способы значительно ускоряютъ такое упроченіе и такую передачу и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничиваютъ и поле дѣятельности органической наслѣдственности. Вмѣсто *единственной* силы, упрочивающей успѣхи развитія, органическая наслѣдственность становится *одною изъ нѣсколькихъ* такихъ силъ, при томъ отстающею въ быстротѣ своего дѣйствія. Отмѣтимъ еще, что въ историческомъ подборѣ (гл. IX настоящаго сочиненія) органическая наслѣдственность не играетъ никакой роли и замѣняется выше перечисленными культурными дѣятелями. Такимъ образомъ, успѣхи историческаго подбора сопровождаются ослабленіемъ значенія и пониженіемъ роли органической наслѣдственности въ прогрессѣ. Это пониженіе и ослабленіе порождается, стало быть, слѣдующими условіями: 1) вытѣсненіемъ подбора естественнаго и подбора полового, въ составѣ которыхъ органическая наслѣдственность играла важную и неотмѣнимую роль; 2) развитіемъ органически не наслѣдственныхъ орудій и преимуществъ; 3) развитіемъ органически ненаслѣдственныхъ способовъ передачи отъ по-

колѣнія въ поколѣніе успѣховъ развитія, и 4) историческимъ подборомъ, пользующимся органически ненаслѣдственными орудіями борьбы и побѣды и органически ненаслѣдственными способами упроченія и сохраненія результатовъ развитія.

Поле дѣятельности органической наслѣдственности все ограничивается съ успѣхами культуры и *значеніе* ея для прогресса постепенно понижается, и при томъ совершенно независимо отъ того или иного рѣшенія вопроса, каково вліяніе историческаго прогресса на *силу и характеръ* органической наслѣдственности? Самый бѣглый взглядъ, однако, на органическое развитіе въ условіяхъ исторической жизни показываетъ, что и сила органической наслѣдственности не можетъ сохраниться незатронутой этими новыми условіями прогресса. Прежде всего вспомнимъ (см. гл. V настоящаго изданія), что сама сила наслѣдственности есть качество наслѣдственное, передаваемое отъ поколѣнія поколѣнію при рожденіи. Чѣмъ же сила органической наслѣдственности значительнѣе и безусловнѣе, тѣмъ скорѣе и полнѣе упрочиваются въ жизни плоды естественнаго подбора, тѣмъ легче проявляется дѣйствіе подбора полового, тѣмъ правильнѣе и, такъ сказать, напряженнѣе все теченіе органическаго прогресса. Развитіе и ростъ силы органической наслѣдственности является, стало быть, однимъ изъ проявленій прогресса органическаго столько же, сколько и однимъ изъ важнѣйшихъ его условій. Тѣ разновидности, которыя проявляютъ большую силу органической наслѣдственности, скорѣе и прочнѣе достигаютъ приспособленія къ условіямъ среды и, стало быть, будутъ покровительствоваться естественнымъ подборомъ. Сила наслѣдственности, такимъ образомъ, подбирается въ борьбѣ за существованіе, развивается подъ повелительными условіями естественнаго подбора и охраняется этими условіями отъ ослабленія и вырожденія. Но естественный подборъ вытѣсняется историческимъ прогрессомъ, а съ этимъ великимъ фактомъ падаетъ и сила, развивавшая силу наслѣдственности и служившая ей щитомъ

противъ игры измѣнчивости. Отнынѣ, стало быть, дальнѣйшее усиленіе органической наслѣдственности лишается стимула и должно прекратиться. Ослабленіе же становится возможнымъ, лишь бы явились на смѣну естественнаго подбора новыя вліянія, дѣйствующія въ новомъ, иномъ направленіи. Сила наслѣдственности поддерживается подборомъ чрезъ устраненіе потомства всѣхъ особей, не обладающихъ этою силою въ извѣстной степени; съ паденіемъ подбора прекращается и это устраненіе. Потомство особей, обладающихъ меньшею силою органической наслѣдственности, выживаетъ наравнѣ съ потомствомъ особей, отличающихся самою напряженною наслѣдственностью. Это одно въ рядѣ поколѣній должно понизить и ослабить среднюю силу органической наслѣдственности расы, перешедшей съ путей прогресса органическаго подъ власть и руководство историческаго прогресса. Такъ-называемый законъ экономіи силъ организма съ другой стороны содѣйствуетъ тому же ослабленію силы органической наслѣдственности, потому что съ тѣхъ поръ, какъ эта сила въ прежней степени перестала быть настоятельною и необходимою для развитія и сохраненія расы, всякія затраты организма на поддержаніе ея на прежнемъ мѣстѣ представляются уже вычетомъ и отнимаютъ силы организма отъ другихъ задачъ, болѣе цѣлесообразныхъ и полезныхъ при измѣнившихся условіяхъ. Историческій подборъ (самъ, какъ мы видѣли, вовсе не нуждающійся въ органической наслѣдственности) окажетъ немедленно покровительство расамъ и племенамъ, успѣвшимъ ослабить силу органической наслѣдственности въ уровень новымъ измѣнившимся требованіямъ. Этимъ путемъ историческій подборъ прямо покровительствуетъ постепенному ослабленію органической наслѣдственности; того же онъ достигаетъ косвенно, покровительствуя расамъ и племенамъ экзогамическимъ и устраняя расы и племена эндогамическія (см. гл. VII наст. сочин.). Извѣстно, что сила органической наслѣдственности у чистыхъ расъ гораздо значительнѣе, нежели у смѣшанныхъ. Скрещиваніе расъ ведетъ къ значительному

пониженію силы органической наслѣдственности и вызываетъ наклонность съ усиленной измѣнчивости (см. гл. V). Помимо того покровительства, которое историческій подборъ въ раннія стадіи историческаго прогресса оказываетъ экзогаміи, а чрезъ нее и скрещиванью расъ, это послѣднее явленіе сопровождаетъ собою повсюду историческій прогрессъ, сливая племена въ многочисленные народы, перемѣшивая народы между собою, порождая явленіе метисаціи и выработку этнологически разнородныхъ расъ на всемъ протяженіи историческаго движенія. А все это неизмѣнно и неуклонно ослабляетъ и понижаетъ силу органической наслѣдственности. Быстрое развитіе органически ненаслѣдственныхъ орудій и преимуществъ облегчаетъ этотъ процессъ, еще болѣе облегченный не менѣе быстрымъ развитіемъ культурныхъ органически ненаслѣдственныхъ способовъ передачи плодовъ развитія слѣдующимъ поколѣніямъ. Это ослабленіе органической наслѣдственности въ историческомъ прогрессѣ сравнительно съ органическимъ вполнѣ соотвѣтствуетъ относительно гораздо болѣе быстрому ходу прогресса историческаго. Чрезвычайной медленности органическаго прогресса, для котораго и тысячелѣтія довольно мелкая единица времени, вполнѣ соотвѣтствовало и необычайное развитіе наслѣдственности, этого фактора консервативнаго по преимуществу. Для болѣе быстраго движенія, обнаружившагося съ преобразованіемъ органическаго прогресса въ историческій, такая сила консерватизма стала бы даже тормазомъ и ослабленіе органической наслѣдственности явилось, стало быть, не только послѣдствіемъ, но отчасти и условіемъ историческаго прогресса.

Сравненіе неустойчивости и чрезвычайнаго разнообразія типовъ и характеровъ высшихъ историческихъ расъ съ замѣчательнымъ однообразіемъ и устойчивостью типа и характера расъ отсталыхъ является лучшимъ подтвержденіемъ теоретическаго вывода, сдѣланнаго нами на предыдущихъ страницахъ. Исчезновеніе инстинктовъ у человѣка и у домашнихъ животныхъ (вовлеченныхъ волею человѣка въ прогрессъ историческій) является другимъ еще болѣе

яркимъ и доказательнымъ подтвержденіемъ нашего заключенія. *Инстинкты* по отношенію къ *уму* являются такимъ же спеціальнымъ органически наслѣдственнымъ психическимъ образованіемъ, какъ рога, клювы, когти, вообще спеціальныя органически наслѣдственныя *вооруженія* къ физической *силѣ*, или спеціальныя органически наслѣдственныя *украшенія* въ физической *красотѣ*, или спеціальныя физически наслѣдственные *зимніе покровы* (шерсть, пухъ) къ *теплокровности* (способности организма поддерживать извѣстную относительно высокую температуру, необходимую для проявленія активности съ извѣстною силою) и т. д. Умъ, сила, красота, активность развиваются и въ органическомъ и въ историческомъ прогрессѣ, но спеціальныя органически наслѣдственныя качества, развиваемыя на почвѣ ума, силы, красоты, активности, замѣняются, въ историческомъ прогрессѣ, какъ мы видѣли, орудіями, органическими не наслѣдственными, культурными. Судьба, постигшая спеціальныя органически наслѣдственныя вооруженія, украшенія, зимніе покровы и т. д., постигла въ историческомъ ризвитіи и инстинкты. Эти, такъ сказать, умственные клювы, эмоціональныя перья, душевные покровы, эти инстинкты, какъ мы ихъ называемъ, упраздняются историческимъ прогрессомъ; они становятся болѣе не нужны и замѣняются культурою съ ея гибкимъ развитымъ умомъ, съ ея воспитаніемъ и обученіемъ, съ значеніемъ, которое она даетъ преданію, примѣру и пр. Инстинкты, однако, подобно всѣмъ спеціальнымъ образованіямъ (и даже въ большей степени), поддерживаются въ расѣ лишь очень значительною силою органической наслѣдственности. Паденіе и исчезновеніе инстинктовъ подъ властью историческаго прогресса, соотвѣтствуя новымъ требованіямъ и условіямъ жизни, является вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствомъ ослабленія органической наслѣдственности. Это явленіе (пониженная сила наслѣственности) представляется такимъ образомъ порожденіемъ весьма многихъ дѣятелей историческаго прогресса. Вытѣсненіе естественнаго подбора, развитіе историческаго подбора, явленія эндогаміи и экзогаміи,

смѣшеніе и скрещиваніе расъ, ростъ культуры, устраняющій спеціальныя физически наслѣдственныя образованія и создающій органически не наслѣдуемые способы передачи успѣховъ развитія, наконецъ, паденіе инстинктовъ, вмѣстѣ съ общею тенденціею историческаго прогресса къ ускоренію движенія, все это постепенно, но неуклонно ослабляетъ органическую наслѣдственность историческихъ расъ, все рѣшительнѣе отрывая ихъ отъ прошлаго, все шире открывая ворота новому, что̀ несетъ съ собою потокъ всемірной исторіи. Въ этомъ, однако, заключается и зерно широкаго развитія и совершенствованія историческихъ расъ и сѣмена ихъ регресса и вырожденія. Организмъ, все менѣе прикрытый органическою наслѣдственностью отъ пертурбаціоннаго вліянія среды, становится все пластичнѣе подъ властью этой среды, а органическія препятствія культурнымъ вліяніямъ все уменьшаются и ослабляются. Культура же бываетъ всякая. Отсюда и благодѣтельность и опасность того новаго направленія въ органическомъ развитіи, которое порождено условіями историческаго прогресса.

Органическая наслѣдственность всегда и навсегда сохраняетъ свою компетентность въ исторической жизни, какъ и въ доисторической, но ея роль и значеніе во-первыхъ, сила и степень, во-вторыхъ, значительно ослабляются и понижаются, а поле дѣятельности сильно съуживается. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ органической наслѣдственности, однако, естественно должна усиливаться органическая измѣнчивость, другой элементарный органическій дѣятель. Къ обзору его положенія и роли въ историческомъ прогрессѣ мы и перейдемъ теперь. Характеризуя въ главѣ III этого сочиненія значеніе органической измѣнчивости, мы сказали: «Измѣнчивость же сводится въ послѣднемъ счетѣ на столкновеніе наслѣдственностей и на вліяніе среды». Поэтому-то и объ ней, какъ и о наслѣдственности, мы выразились, «что это дѣятели, сами собою не производящіе прогрессъ». Болѣе подробный анализъ явленія органической измѣнчивости въ главѣ V можетъ служить лучшимъ оправданіемъ этихъ положеній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ

рѣшеніе и вопроса о роли органической измѣнчивости въ историческомъ прогрессѣ. Косвенное вліяніе среды (чрезъ ограниченность средствъ) ослабляется, а затѣмъ и изгоняется историческимъ прогрессомъ, а прямое опредѣленное вліяніе, хотя и сильно возрастаетъ, но здѣсь среда культурная смѣняетъ среду органическую. Этотъ послѣдній вопросъ мы разберемъ ниже, а теперь сказаннаго достаточно, чтобы признать, что органическая измѣнчивость еще менѣе, нежели органическая наслѣдственность, можетъ служить помѣхой и препятствіемъ тому новому направленію развитія, которое придаетъ жизни прогрессъ историческій. И это заключеніе будетъ вѣрно и правильно даже независимо отъ того, сохранитъ ли органическая измѣнчивость свою прежнюю роль и значеніе въ прогрессѣ жизни. Несомнѣнно, однако, что роль и значеніе ея не могутъ остаться прежними.

Въ главѣ V мы перечислили и описали разные виды измѣнчивости. Всѣ они въ концѣ-концовъ могутъ быть сведены въ двѣ группы: явленія измѣнчивости *опредѣленной* и явленія измѣнчивости *неопредѣленной*. Прямое опредѣленное вліяніе среды, вліяніе упражненія и неупражненія, наконецъ, соотносительная измѣнчивость,—такова группа явленій измѣнчивости опредѣленной, гдѣ мы можемъ опредѣлить не только причину органическихъ измѣненій вообще, но и причину каждаго отдѣльнаго измѣненія въ частности, причину его качественнаго и количественнаго состава. Измѣнчивость, порождаемая столкновеніемъ наслѣдственностей родительскихъ организмовъ, скрещиваніемъ расъ, реверсіей, отличается неопредѣленностью направленія и невозможностью установить точное соотношеніе причинъ и слѣдствій. Эта-то неопредѣленная измѣнчивость и являлась главнымъ нервомъ органическаго прогресса. Прямыя опредѣленныя вліянія среды, встрѣчая препятствія въ устойчивости типа, охраняемаго высоко развитою органическою наслѣдственностью, могли порождать лишь относительно очень слабую опредѣленную измѣнчивость, тогда какъ тажесила органической наслѣдственности, не мѣшала

въ такой степени измѣнчивости неопредѣленной, порождаемой столкновеніемъ наслѣдственностей же. Главная доля измѣнчивости въ условіяхъ органическаго прогресса принадлежала игрѣ неопредѣленной измѣнчивости. Уклоненія, вызываемыя именно этою игрою, подхватывались подборомъ, если составляли преимущество, и являлись непремѣннымъ условіемъ дѣятельности и естественнаго и полового подбора. Въ этомъ ихъ громадное значеніе въ органическомъ прогрессѣ, но въ этомъ и причина, что значеніе и роль неопредѣленной измѣнчивости понижается въ историческомъ прогрессѣ, когда подборъ вытѣсняется новыми дѣятелями и вліяніями. Если хотите, игра неопредѣленной измѣнчивости усиливается въ исторической жизни, благодаря ослабленію органической наслѣдственности, но, не сортируемая болѣе подборомъ, она лишается своего былого значенія. Облегчая же реверсивную измѣнчивость, она этою стороною можетъ даже сослужить роль тормаза развитія, хотя едва ли значительнаго.

Пониженіе значенія неопредѣленной измѣнчивости сопровождается такимъ же повышеніемъ роли измѣнчивости опредѣленной, но эта измѣнчивость порождается условіями среды и сводится къ вопросу о значеніи среды, несомнѣнно пріобрѣтающей громадное прямое опредѣленное вліяніе на ходъ прогресса. Вопросъ лишь въ томъ, какая это среда властвуетъ надъ жизнью и ея развитіемъ въ этихъ новыхъ условіяхъ историческаго бытія. Прежде, однако, нежели перейдемъ къ обзору этого вопроса о прямомъ вліяніи среды физической и исторической, укажемъ еще на нѣкоторые частные вопросы, связанные съ вопросомъ о роли и значеніи органической наслѣдственности и органической измѣнчивости въ историческомъ прогрессѣ.

Мы уже касались въ разныхъ мѣстахъ настоящаго сочиненія вопроса о значеніи скрещиванья. Этотъ вопросъ заслуживалъ бы спеціальнаго изслѣдованія. Исторія развитія формъ брака тѣсно связана съ законами, управляющими скрещиваніемъ. Экзогамическія формы потому ли только восторжествовали, что связанныя съ полигаміей даровали

болѣе быстрое размноженіе экзогамическимъ и полигамическимъ племенамъ, или же это торжество произведено такъ же и пониженіемъ расы при строгой эндогаміи, какъ то нѣкоторые утверждаютъ? Само значеніе кровосмѣшенія нельзя считать достаточно выясненнымъ, а съ другой стороны явленіе метисаціи заслуживаетъ болѣе внимательнаго изслѣдованія антропологіи. Извѣстно напр., что если часто смѣшеніе расъ оказывается, повидимому, благодѣтельно, то иногда такое скрещиваніе даетъ потомство, весьма слабо организованное и малоспособноо къ продолженію рода. Изслѣдованіе условій и послѣдствій метисаціи можно почитать еще далеко недостаточнымъ и біологія и антропологія въ этомъ случаѣ не приготовили вполнѣ обработаннаго матеріала для обобщеній и выводовъ соціологіи.

Равнымъ образомъ, нельзя признать достаточно подготовленнымъ для соціологическихъ работъ и матеріалъ, собранной біологами, антропологами и медиками о болѣзненности въ связи съ наслѣдственностью и измѣнчивостью. Оргаиическая наслѣдственпость весьма многихъ формъ заболѣваній, какъ чахотка, ракъ, нѣкоторыя душевныя болѣзни и пр., повидимому, установлена довольно твердо, но недостаточно выяснена связь наслѣдственнаго развитія этихъ явленій въ организмѣ съ такимъ же развитіемъ другихъ явленій въ томъ же организмѣ. Соотносительная измѣнчивость, связанная съ этими п другими (не наслѣдственными) болѣзнями, тоже не достаточно прослѣжена, такъ что самый важный съ точки зрѣнія теоріи прогресса вопросъ о тѣхъ органическихъ качествахъ, которыя предрасполагаютъ организмъ къ тому же самому заболѣванію, долженъ почитаться еще недостаточно разработаннымъ. А между тѣмъ, только на этой почвѣ еще возможно предположеніе о дѣятельности естественнаго подбора въ культурномъ обществѣ. Если бы было доказано,что та или иная болѣзнь (а стало быть и смертность) особенно поражаетъ особей, обладающихъ тѣми или иными органическими, стало быть и органически наслѣдственными качествами, а съ другой стороны, что иныя такія же органически наслѣд-

ственныя качества служатъ препятствіемъ развитію той или иной формы заболѣванія, то это вымираніе предрасположенныхъ къ данной болѣзни и выживаніе огражденныхъ своими органическими свойствами отъ данныхъ заболѣваній можно было бы подвести подъ законъ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе. Микробъ, которымъ нынѣ стремятся объяснить чуть ли не большинство серьезныхъ болѣзней, оказался бы этимъ единственнымъ доселѣ непобѣдимымъ хранителемъ традицій органическаго прогресса и проводникомъ явленій и процессовъ послѣдняго въ эпоху историческаго прогресса... Только правда ли, что непобѣдимый? Устраняя съ своей дороги звѣрей и гадовъ, легіоны насѣкомыхъ и, казалось, неодолимую могучую растительность, неужели историческій прогрессъ остановится въ безсиліи передъ микробомъ? Этотъ тайный, неуловимый и незримый врагъ открытъ на памяти живущихъ поколѣній и, однако, въ борьбѣ съ нимъ достигнуты уже большіе успѣхи. Противъ нѣкоторыхъ микробовъ средства уже найдены наукою и нѣтъ никакихъ основаній думать, что остальные, болѣе злые и болѣе могущественные товарищи ихъ совершенно недоступны и неуязвимы, а съ каждымъ такимъ торжествомъ послѣдніе закоулки, гдѣ, *быть можетъ*, еще укрываются факторы органическаго прогресса, очищаются отъ этихъ антагонистовъ историческаго прогресса. Изъ этихъ бѣглыхъ замѣчаній читатель легко усмотритъ тѣ задачи, которыя предстанутъ предъ соціологіей, когда ученіе о наслѣдственности болѣзней, бактеріологія и эпидеміологія подготовятъ достаточно достовѣрный и обработаный матер.алъ для плодотворнаго сопоставленія еъ прочини условіями и дѣятелями общественнаго развитія, какъ основанія для обобщеній и выводовъ.

Этими замѣчаніямн мы и заканчиваемъ нашъ обзоръ роли и значенія простыхъ органическихъ дѣятелей въ историческомъ прогрессѣ. Размноженіе и плодовитость подробно проанализованы въ предыдущей главѣ; наслѣдственность и измѣнчивость мы обозрѣли въ этой главѣ. Выводъ изъ этого анализа всюду одинъ и тотъ же. Послѣ разло-

женія сложныхъ органическихъ дѣятелей, подбора естественнаго и подбора полового, и съ возникновеніемъ новыхъ историческихъ дѣятелей, общественной активности и общественной культуры, простые органическіе дѣятели становятся служебными дѣятелями историческаго прогресса въ той же мѣрѣ, въ какой раньше того играли ту же роль въ прогрессѣ органическомъ. Плодовитость, антагоничная активности, должна сокращаться съ ростомъ активности и въ концѣ-концовъ прійти къ равновѣсію со смертностью; размноженіе, ограничиваемое активностью и правильно идущее къ равновѣсію рожденій и смертей, нынѣ съ другой стороны уже вполнѣ уравновѣшивается ростомъ культуры. Ростъ активности и ростъ культуры вполнѣ обезпечиваютъ изгнаніе борьбы за существованіе изъ человѣческаго общества и уничтожаютъ значеніе ограниченности средствъ. Если этого, однако, мы не видимъ въ дѣйствительности, то тому виною не невозможность и недостижимость такого состоянія, а единственно неумѣнье или нежеланіе самого человѣчества, невѣжество однихъ, злая воля другихъ, безсиліе третьихъ, раздоръ и вражда четвертыхъ. Рѣшительно упраздняя то значеніе, которое плодовитость и размноженіе имѣли въ органическомъ прогрессѣ, историческое развитіе отразилось такимъ же преобразованіемъ и на рили другихъ простыхъ органическихъ дѣятелей. Наслѣдственность, и безъ того лишь упрочивающая плоды дѣятельности иныхъ силъ и вліяній, теряетъ свое былое значеніе, благодаря культурѣ, ее во многомъ замѣняющей, и ослабляетъ свою интенсивность, благодаря тому же развитію культуры и вслѣдствіе скрещиванья расъ, сопровождающаго историческій прогрессъ. Измѣнчивость, напротивъ того, по тѣмъ же причинамъ усиливается, но отъ этого ея значеніе не только не увеличивается, а даже уменьшается. Съ устраненіемъ подбора, неопредѣленная измѣнчивость, имѣвшая нѣкоторое самостоятельное мѣсто въ прогрессѣ, это значеніе теряетъ. Опредѣленная измѣнчивость развивается на ея мѣсто, но этотъ родъ измѣнчивости есть лишь воплощеніе

прямаго вліянія среды, къ которому мы и можемъ перейти теперь.

ГЛАВА XV.

Роль физической среды въ исторіи.

Между дѣятелями органическаго прогресса, направляющими развитіе жизни въ періодъ до-общественный, до-культурный и до-историческій, мы различаемъ дѣятелей простыхъ (для біологіи), каковы ограниченность средствъ, плодовитость, наслѣдственность и измѣнчивость, и дѣятелей сложныхъ. Первые не являются самостоятельными причинами и двигателями прогресса ни въ періодъ органическаго развитія, ни въ смѣняющую его эпоху развитія историческаго. Сочетаніе ихъ всѣхъ между собой производитъ, однако, подборъ естественный, самый могучій факторъ органическаго прогресса. Анализъ этого дѣятеля убѣждаетъ, что историческое развитіе разлагаетъ сочетаніе простыхъ дѣятелей, производящее этотъ подборъ, который и устраняется изъ прогресса. Сочетаніе трехъ простыхъ дѣятелей (плодовитости, наслѣдственности и измѣнчивости) съ половымъ инстинктомъ и неравночисленностью половъ порождаетъ другой сложный дѣятель органическаго прогресса, подборъ половой. Внимательный анализъ его роли обнаруживаетъ, что историческое развитіе склонно разлагать и это сочетаніе и ведетъ къ устраненію и этого дѣятеля органическаго прогресса. Наконецъ сочетаніе двухъ изъ вышепоименованныхъ простыхъ дѣятелей (наслѣдственности и измѣнчивости) съ прямыми непосредственными воздѣйствіями среды является причиною возникновенія и дѣятельности третьяго сложнаго фактора органическаго прогресса, обыкновенно именуемаго, по примѣру Дарвина, *опредѣленнымъ вліяніемъ условій*. Гербертъ Спенсеръ называетъ его *прямымъ уравновѣшеніемъ* въ отличіе отъ *уравновѣшенія косвеннаго*, какъ онъ называетъ подборъ. Роль въ

историческомъ прогрессѣ этого послѣдняго изъ трехъ факторовъ органическаго прогресса и подлежитъ нынѣ нашему обозрѣнію. Роль прямаго приспособленія въ органическомъ прогрессѣ сравнительно второстепенная, благодаря господству подбора и благодаря высоко развитой органической наслѣдственности, сопротивляющейся вліянію внѣшнихъ условій. Мы уже знаемъ, что историческій прогрессъ, изгоняя подборъ, ослабляя органическую наслѣдственность и развивая опредѣленную органическую измѣнчивость, всѣми этими своими успѣхами и результатами открываетъ гораздо болѣе широкое поле для дѣятельности прямаго опредѣленнаго вліянія физической среды, а, создавая наряду съ нею спеціальную общественную среду или культуру, отнимаетъ это поле въ пользу новой, постоянно развиваемой и умножаемой среды. Мы вправѣ ожидать поэтому, что вначалѣ опредѣленное вліяніе физической среды получаетъ въ историческомъ прогрессѣ значеніе, даже большее нежели въ органическомъ, но затѣмъ, съ прогрессомъ культуры, это значеніе должно понижаться и падать. Это мы и видимъ въ исторіи.

Историческій прогрессъ, какъ мы уже знаемъ, слагается изъ двухъ основныхъ теченій, развитія активности и развитія культуры. Только гармоническое, согласное и взаимно уравновѣшенное развитіе и активности и культуры обезпечиваетъ неуклонное и неослабное теченіе историческаго прогресса, представляя нормальное типичное историческое движеніе. Поэтому и вліяніе физической среды можетъ сказаться въ двухъ направленіяхъ, чрезъ воздѣйствіе на активность и чрезъ воздѣйствіе на культуру, которая, будучи плодомъ переработки активностью продуктовъ и условій физической среды, не можетъ съ этой стороны не зависѣть отъ физической среды, предлагающей труду человѣка тотъ или иной матеріалъ для переработки. Такимъ образомъ, строеніе и характеръ физической среды сказывается прежде всего (и нагляднѣе всего) въ тѣхъ облегченіяхъ или затрудненіяхъ, которыя встрѣчаетъ развитіе тультуры въ природныхъ условіяхъ территоріи. Пло-

дородіе или скудость почвы; обиліе или недостатокъ пищи; присутствіе или отсутствіе грозной и трудно побѣдимой фауны и флоры; крайности зноя и холода, влажности и сухости; фатальныя стихійныя явленія, какъ ураганы, наводненія, грозы, землетрясенія, изверженія и т. д. и т. д., таковъ длинный рядъ условій физической среды, облегчающихъ или затрудняющихъ возникновеніе и ростъ культуры, возникновеніе и ростъ тѣхъ или иныхъ ея сторонъ и тѣмъ опредѣляющихъ до нѣкоторой степени ея направленіе и характеръ. Вліяніе это сказывается: 1) вслѣдствіе предложенія *разнаго* матеріала для переработки его культурою активнаго общежитія; и 2) вслѣдствіе сосредоточенія активности (работы человѣка) на *тѣхъ или иныхъ* предметахъ и чрезъ возникающія отсюда *различія* въ самыхъ способностяхъ, склонностяхъ и настроенностяхъ разныхъ расъ, избравшихъ поприщемъ своей исторіи разныя территоріи. Къ этому надо прибавить еще: 3) чрезъ прямое физіологическое вліяніе физической среды на организмъ племенъ, поселившихся среди разныхъ условій. Не трудно сообразить, что первый родъ вліянія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ почвы и—связанныхъ съ нею *пищи, флоры и фауны*, въ меньшей мѣрѣ отъ климата, тогда какъ третій способъ вліянія преимущественно исходитъ изъ *климата*. Второй способъ сложнѣе и одинаково обязанъ почвеннымъ, климатическимъ и инымъ факторамъ. Такая группировка вліяній дала возможность *Боклю* раздѣлить первобытныя цивилизаціи на почвенныя и климатическія, т.-е. на тѣ, которыя своимъ возникновеніемъ обязаны легкости культуры, не требующей напряженной активности, и на другія, которыя возникли изъ условій, развившихъ напряженную активность, способную преодолѣть болѣе значительныя препятствія. Различеніе это въ основаніи своемъ совершенно правильно, хотя пріуроченіе его къ почвѣ и климату нѣсколько грубовато. Остановимся, однако, вкратцѣ на тѣхъ любопытныхъ вліяніяхъ, которыя въ эти первобытныя времена человѣческой исторіи оказываетъ физическая среда на характеръ культуры и на развитіе актив-

ности, а чрезъ это и на направленіе, принимаемое историческимъ развитіемъ.

Основанія Соціологіи Герберта Спенсера посвящаютъ одну главу вліянію физической среды на общественное развитіе [1]). Вообще говоря, это — лишь очень краткое и бѣглое обозрѣніе предмета, большею частью повторяющее идеи Бокля, Риттера и другихъ авторовъ и носящее характеръ скорѣе конспекта, нежели анализа. Среди этихъ бѣглыхъ замѣчаній можно указать, однако, на одно, и очень оригинальное и очень цѣнное, именно о значеніи влажности климата для жизнедѣятельности, а отсюда и для развитія энергіи и активности въ расахъ, испытывающихъ вліяніе климатовъ разной влажности. Дѣло въ томъ, что если присутствіе влажности въ физической средѣ является непремѣннымъ условіемъ развитія жизни, такъ какъ организмы, постоянно выдѣляя влагу, должны постоянно и поглощать ее, заимствуя изъ среды, то съ другой стороны столь же непремѣннымъ и важнымъ условіемъ жизнедѣятельности является и способность среды поглощать влагу, выдѣляемую организмомъ. «Кожное и легочное испареніе, указываетъ Спенсеръ (§ 16), необходимы для поддержанія движенія жидкостей черезъ ткани и, вслѣдствіе такой своей роли, вліяютъ на быстроту молекулярныхъ процессовъ». Другими словами, испареніе влаги кожею и легкими является однимъ изъ очень важныхъ процессовъ обмѣна вещества и энергіи организмомъ, одною изъ существенныхъ сторонъ основнаго отправленія жизни, обусловливающаго всѣ остальныя отправленія и опредѣляющаго своею интенсивностью интенсивность жизнедѣятельности. Поэтому-то, какъ замѣчаетъ тамъ же Спенсеръ, «различныя отправленія нашего тѣла облегчаются такими атмосферическими условіями, которыя вызываютъ довольно быстрое испареніе изъ кожи и изъ легкихъ». Такимъ образомъ, отъ степени насыщенія атмосферы парами и вытекающей отсюда способности воздуха поглощать влагу, выдѣляемую легкими и кожею, зависитъ и степень нашей жизнедѣятельности. Относи-

[1]) Томъ I, гл. II, §§ 14—21.

тельно сухой климатъ, такимъ образомъ, благопріятствуетъ жизнедѣятельности и въ рядѣ поколѣній долженъ произвести расу, болѣе энергическую, болѣе богатую активностью. Спенсеръ указываетъ, что расы монгольская, арійская и семитическая, которыя покорили всѣ остальныя расы, воспитались въ полосѣ, на географической картѣ обозначаемой поясомъ почти полнаго бездождія. Самыя раннія цивилизаціи тоже возникали тамъ, гдѣ обильное орошеніе почвы (необходимое для культуры) совпадало съ сухостью климата (необходимою для активности). Таковы Египетъ, Палестина, Счастливая Аравія, Месопотамія, Иранъ, Верхній Китай (гдѣ началась китайская историческая жизнь). Сухостью же климата (хотя безъ обильнаго почвеннаго орошенія) отличаются и Сирія (Арамея), Финикія, Греція, Сицилія. Въ Америкѣ именно высокія плато Мехики и Перу, бывшія театромъ развитія оригинальной американской цивилизаціи, отличаются вмѣстѣ съ тѣмъ сухостью климата. Спенсеръ далѣе пробуетъ установить физіологическую связь между влажностью климата и яркостью пигментаціи кожи и старается указаніемъ на покореніе цвѣтныхъ племенъ свѣтлокожими найти новое косвенное доказательство развитія активности у расъ, воспитанныхъ сухимъ климатомъ. Но связь между пигментаціей кожи и влажностью климата установлена у Спенсера недостаточно доказательно, и едва-ли не слѣдуетъ предпочесть мнѣніе, связывающее цвѣтъ кожи преимущественно съ половымъ подборомъ. Гораздо важнѣе другое указаніе Спенсера, именно на значеніе температуры воздуха для легкости респираціи. Дѣло въ томъ, что если воздухъ, даже вполнѣ насыщенный влагою, обладаетъ температурою, значительно болѣе низкою, чѣмъ температура тѣла, то, при соприкосновеніи съ поверхностью тѣла и особенно при вдыханіи, онъ, быстро нагрѣваясь, получаетъ способность къ новому значительному поглощенію влаги (гигроскопичность воздуха быстро повышается съ повышеніемъ его температуры). Такимъ образомъ, умѣренно-холодный климатъ, даже при влажности, можетъ представить условіе, благопріятное

для развитія активности. Но соединеніе высокой температуры съ влажностью дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на организмъ, понижаетъ жизнедѣятельность и, при отсутствіи противуборствующихъ вліяній, въ рядѣ поколѣній создаетъ расу, малоактивную и инертную. Центральная Африка и Бразилія представляются лучшими примѣрами такихъ странъ, которыя если и пріобщаются постепенно къ всемірной исторіи, то при содѣйствіи расъ, воспитанныхъ въ иныхъ условіяхъ.

Спенсеръ обратилъ вниманіе на сочетаніе температуры и влажности въ климатѣ, но мнѣ кажется, что различное сочетаніе и другихъ климатическихъ элементовъ могло бы быть прослѣжено съ той же точки зрѣнія и должно бы привести къ выводамъ, не менѣе важнымъ и цѣннымъ. Остановимся, напримѣръ, на явленіи атмосфернаго давленія. Не говоря о томъ, что самая влажность обусловлена въ значительной степени атмосфернымъ давленіемъ; оставляя въ сторонѣ и значеніе атмосфернаго давленія на силу и направленіе вѣтровъ (факторъ для *культуры* первостепенной важности); игнорируя связь атмосфернаго давленія съ насыщеніемъ воздуха электричествомъ, съ суточнымъ ходомъ температуры и т. д., довольно указать на прямое физіологическое дѣйствіе атмосфернаго давленія, что бы признать за этимъ климатическимъ элементомъ первостепенное значеніе въ первобытной исторіи человѣка. Если мы, съ одной стороны, вспомнимъ тѣ страданія, болѣзненныя явленія и упадокъ силъ, которыя испытываютъ люди при восхожденіи на высокія горныя вершины и при подъемѣ на аэростатѣ, и которыя вызываются ослабленіемъ атмосфернаго давленія, а съ другой стороны не забудемъ, что новѣйшая медицина создала даже цѣлый особый методъ леченія въ камерахъ съ повышеннымъ атмосфернымъ давленіемъ, то, конечно, должны будемъ признать, что повышеніе атмосфернаго давленія благопріятствуетъ жизнедѣятельности, а пониженіе ведетъ къ ея ослабленію. Да это и естественно, потому что, при болѣе высокомъ атмосферномъ давленіи, каждое дыханіе вводитъ въ легкія соотвѣт-

ственно большее количество кислорода, соотвѣтственно усиливая, облегчая и ускоряя процессъ окисленія крови, вызывая болѣе дѣятельное кровеобращеніе, болѣе напряженный, стало быть, обмѣнъ вещества и энергіи. И въ самомъ дѣлѣ, прародина расъ арійской, туранской, монгольской и семитической отличается не только относительно большею сухостью климата, но и относительно высокимъ атмосфернымъ давленіемъ. То же должно сказать и относительно большинства странъ, послужившихъ поприщемъ развитія самыхъ раннихъ, оригинально возникшихъ цивилизацій, какъ В. Китай, Иранъ, Египетъ, Греція, Мехика и т. д. Весьма вѣроятно, что именно за атмосфернымъ давленіемъ придется признать главное первенствующее значеніе въ дѣлѣ прямаго физіологическаго вліянія физической среды на историческое развитіе, особенно, если помнить, что явленія насыщенности атмосферы влагою и электричествомъ находятся въ тѣсной и прямой связи съ явленіемъ атмосфернаго давленія.

Быть можетъ, слѣдовало бы еще остановиться на электризаціи атмосферы и связанныхъ съ нею явленіяхъ земного магнетизма. Громадное вліяніе электричества на развитіе жизни, и непосредственное, и чрезъ озонированіе атмосфернаго кислорода, уже твердо установлено; но законы электрическаго насыщенія атмосферы и особенно его географическое распредѣленіе еще недостаточно раскрыты и разработаны для соціологическихъ обобщеній и выводовъ. Поэтому, ограничиваясь этимъ указаніемъ, мы обратимся теперь къ взгляду на роль и значеніе температуры. Съ наибольшимъ вниманіемъ остановился на этомъ климатическомъ элементѣ Бокль, за которымъ мы и послѣдуемъ въ нашемъ обзорѣ.

Бокль основываетъ свой анализъ на томъ фактѣ, что работа теплокровнаго организма заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, трату на поддержаніе относительно высокой температуры тѣла. Гдѣ холоднѣе климатъ, гдѣ, стало быть, эта трата значительнѣе, гдѣ дороже стоитъ поддержаніе жизни, тамъ большее количество энергіи должно быть за-

трачено организмомъ, а слѣдовательно, тѣмъ больше ея количество должно быть и вырабатываемо организмомъ. Словомъ, холодный климатъ требуетъ отъ расы выработки болѣе высокой активности. Это, конечно, не прямое *физіологическое* дѣйствіе среды, а чрезъ упражненіе съ одной стороны, чрезъ подборъ съ другой. Запросъ высшей активности низкою температурою, — это одна сторона вліянія; другая заключается въ томъ, что пониженіе температуры среды требуетъ измѣненія не только количества пищи (больше траты, больше питанія), но и ея качества. Въ этой части своего анализа Бокль опирается на извѣстную теорію Либиха о роли азотистой и безазотистой пищи. Англійскій историкъ писалъ свой трактатъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, а съ тѣхъ поръ безусловная категоричность химико-физіологической теоріи нѣмецкаго химика поколеблена съ многихъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ, что животная пища лучше отвѣчаетъ задачѣ поддержанія высокой температуры, нежели пища растительная, а это все, что нужно для того, чтобы выводы Бокля въ общихъ чертахъ сохранили свое значеніе. Животная пища, болѣе приспособленная къ холодному климату, добывается съ большимъ трудомъ, нежели растительная пища жаркаго климата. Отсюда новый запросъ на энергію въ странахъ болѣе холодныхъ, новый стимулъ къ ея упражненію (а слѣдственно, и накопленію), новое основаніе для проявленія подбора (въ первобытныя времена, покуда общественныя условія не разложили его). Словомъ, разными путями климатъ болѣе холодный содѣйствуетъ росту активности, а болѣе жаркій не представляетъ такихъ стимуловъ. Конечно, излишнее пониженіе температуры, отнимая у организма слишкомъ много силы на поддержаніе теплоты, оставляетъ слишкомъ мало на другіе процессы, задерживая развитіе и совершенствованіе расы. Это непосредственное физіологическое вліяніе холода; непосредственное же физіологическое вліяніе зноя (т.-е., температуры атмосферы, близкой температурѣ организма) выражается, какъ мы видѣли, затрудненіемъ респираціи.

Вообще же не слѣдуетъ забывать, что повышеніе температуры, не переходящее указанныхъ предѣловъ (или и переходящее, но на относительно короткіе сроки года и сутокъ), уменьшая трату организма на поддержаніе температуры тѣла, облегчаетъ жизнедѣятельность.

Этими бѣглыми замѣчаніями мы и ограничимъ наше обозрѣніе значенія климата для развитія активности. Сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о той громадной роли, которую играетъ климатъ въ исторіи первобытнаго человѣчества, воспитываемаго именно климатомъ для исторической дѣятельности. Пора намъ взглянуть теперь на тѣ измѣненія въ роли и значеніи климата, которыя производятся этою самою историческою дѣятельностью, климатомъ же возбужденною и первоначально обусловленною. Мы уже выше видѣли, что всемірную исторію творили и доселѣ творятъ расы, вышедшія изъ территорій, отличающихся высокимъ атмосфернымъ давленіемъ и относительною сухостью воздуха, словомъ, отличительными особенностями, характеризующими тѣ климаты, которые мы называемъ континентальными. Эти расы покорили, истребили и вытѣснили племена, заселявшія территоріи, болѣе влажныя, отличающіяся приморскимъ климатомъ. Воспользовавшись новыми условіями, *хотя и менѣе благопріятными для развитія активности, но болѣе благопріятными для роста культуры*, континентальные пришельцы, опираясь на запасъ энергіи, вынесенной изъ своей прародины, начали всемірную исторію и постепенно своею историческою работою преобразовали теченіе прогресса. Но почему они не выродились въ новыхъ условіяхъ, не потеряли постепенно активность, вынесенную изъ своей континентальной родины? Прежде всего, не надо забывать, что исторія записала не одно такое вырожденіе, и, если главными причинами этихъ вырожденій были иные большею частью культурные, а не физическіе дѣятели, то нельзя отказать климатическому вліянію въ значеніи фактора содѣйствующаго. Культура еще не успѣвала измѣнить условія жизни и *естественныя*

климатическія вліянія творили свое дѣло, постепенно понижая активность расы, или хотя бы только противуборствуя инымъ культурнымъ возбужденіямъ активности. Появленіе такихъ культурныхъ возбужденій активности на ряду съ физическими и представляется первымъ звеномъ въ цѣпи причинъ, ослабляющихъ указанныя выше климатическія вліянія. Напомнимъ читателямъ заключительныя страницы главы XIII этой книги, на которыхъ излагается мнѣніе Спенсера о постепенномъ пониженіи плодовитости подъ вліяніемъ постепеннаго роста активности. Этотъ ростъ, опирающійся на законъ упражненія, вызываемаго новыми общественно-культурными условіями жизни, исходитъ исключительно изъ требованій и вліяній культуры, среды общественной, а не физической. Благодаря именно этимъ культурнымъ возбудителямъ активности, обитатель низменной сырой Англіи съ приморскимъ климатомъ развиваетъ активность, превосходящую активность монгола или араба, родина которыхъ отличается климатомъ, гораздо болѣе благопріятнымъ для развитія активности. Такимъ образомъ, даже если бы культура не вносила никакихъ преобразованій въ климатическія особенности цивилизуемой территоріи, то и тогда значеніе климата, какъ возбудителя активности, свелось бы къ второстепенной роли фактора, то содѣйствующаго, то противудѣйствующаго, то усиливающаго, то ослабляющаго вліянія культурныхъ возбудителей и культурныхъ угнетателей активности (потому что, не надо забывать, что среди культурныхъ условій, какъ и среди климатическихъ, есть угнетатели активности, факторы вырожденія и деградаціи). Однако, культура не оставляетъ безъ измѣненія и самъ климатъ. Она осушаетъ болота, расчищаетъ лѣса, распахиваетъ и выкашиваетъ степи и луга, повсюду ослабляя то изобиліе влаги, которымъ обусловливается вредное дѣйствіе климата на активность населенія. Стоитъ сравнить первобытное состояніе Европы, сплошь покрытой лѣсами и болотами, съ атмосферою, насыщенной и пресыщенной парами, съ болѣе теплою зимою и болѣе холоднымъ лѣтомъ, съ низкимъ атмосфер-

нымъ давленіемъ, туманами и т. д., стоитъ сравнить это состояніе съ современнымъ, чтобы увидѣть, какъ сильно преобразованъ климатъ нашего материка, насколько сталъ онъ континентальнѣе, стало быть, благопріятнѣе для развитія активности. Можно было бы написать цѣлые томы на эту тему, и этотъ процессъ, насомнѣнно, не есть процессъ порчи страны, какъ думаютъ сантиментальные вздыхатели по первобытнымъ лѣсамъ и озерамъ, но, напротивъ, является приспособленіемъ страны къ обиталищу высокоактивной расы. Если довольно часто это несомнѣнно благотворное осушеніе атмосферы сопровождается слишкомъ большимъ осушеніемъ почвы, отражающимся неблагопріятно на культурѣ, то не надо забывать, что эти регрессивные побѣги вообще прогрессивнаго процесса не связаны съ нимъ неразрывно и, конечно, человѣчество съумѣетъ найти равновѣсіе между этими двумя послѣдствіями своего воздѣйствія на климатъ. Это преобразованіе климата культурою и появленіе культурныхъ возбудителей и угнетателей активности, вмѣстѣ взятые, оставляютъ прежнему главному возбудителю и угнетателю активности роль, далеко не соотвѣтствующую былому значенію. Совершенствованіе и вырожденіе историческихъ расъ, въ смыслѣ развитія или пониженія активности, этого перваго непремѣннаго условія исторической жизни, отнынѣ уже зависитъ не отъ естественныхъ условій климата, а отъ состоянія и характера культуры, этого второго непремѣннаго условія исторической жизни. Посмотримъ же теперь на тѣ вліянія, которыя оказывала и оказываетъ физическая среда на культуру.

Вліяніе физической среды на культуру гораздо многостороннѣе. Можно сказать даже, что оно безконечно разнообразно и можетъ быть удовлетворительно исчерпано лишь для каждой отдѣльной территоріи въ частности. Очень многочисленны и тѣ вліянія, которыя поддаются обобщенію. Мы остановимся лишь на важнѣйшихъ. Бокль обобщаетъ *климатъ* и *почву* въ одну группу явленій, относя въ другую общій видъ природы. Риттеръ обслѣдовалъ третью

группу вліяній, связанныхъ преимущественно со строеніемъ территоріи (горизонтальное и вертикальное развитіе, орографія и гидрографія, сосѣдство, естественныя сообщенія и пр.). По этимъ тремъ группамъ и мы бѣгло осмотримъ вліяніе физической среды на культуру.

Горизонтальное развитіе страны, на которое впервые серьезное вниманіе обратилъ Карлъ Риттеръ, заключается въ отношеніи между площадью территоріи и протяженіемъ ея морского берега. Горизонтальнымъ развитіемъ обладаютъ, такимъ образомъ, лишь страны прибрежныя морямъ и обладаютъ имъ въ размѣрѣ, тѣмъ бо́льшемъ, чѣмъ извилистѣе ихъ берега, чѣмъ богаче онѣ полуостровами, заливами, бухтами, островами и т. д. Горизонтальное развитіе, однако, опредѣляетъ собою доступность территоріи съ моря. Въ первобытныя времена степи, лѣса, горы болѣе раздѣляли, нежели соединяли племена и народы; соединяли ихъ только моря. Такимъ образомъ, континентальное положеніе территоріи, служащей поприщемъ для возникновенія и развитія цивилизаціи, благопріятствуетъ выработкѣ замкнутой, изолированной культуры. Съ другой стороны, горизонтальное развитіе страны покровительствуетъ сближенію историческихъ народовъ и благопріятствуетъ взаимному вліянію и солидарному развитію ихъ культуръ. Полное взаимное отчужденіе континентальныхъ культуръ Египта, Месопотаміи, Ирана, Индіи, Китая и постепенное объединеніе средиземныхъ культуръ (пунійской, эллинской и латинской) со всѣми громадными результатами этого факта, могутъ служить лучшею иллюстраціей указанной роли горизонтальнаго развитія. Въ этомъ обобщаются, какъ въ фокусѣ, всѣ многоразличныя и многостороннія вліянія горизонтальнаго развитія. И всѣ они въ послѣднемъ счетѣ сводятся къ тому факту, что море служитъ удобнымъ сообщеніемъ, а суша, въ первобытное, докультурное или малокультурное время, представляется скорѣе препятствіемъ общенія. Если мы затѣмъ обратимъ вниманіе на состояніе путей сообщенія въ эпоху высокой культуры, то легко замѣтимъ, что указанное основное различіе суши и моря теряетъ былое ка-

тегорическое и великое значеніе. Нынѣ континентальные пути сообщенія такъ же служатъ сближенію и общенію странъ, какъ и морскіе. Сами пустыни постепенно теряютъ свое значеніе факторовъ разобщенія и изолированности. Горизонтальное развитіе страны, сохраняя большое, такъ сказать, факультативное значеніе, уже вполнѣ потеряло свою былую роль основного двигателя и направителя культурнаго развитія.

Велико значеніе въ первобытныя времена и вертикальнаго развитія территоріи, т.-е. рельефа страны. Прежде всего, именно вертикальнымъ развитіемъ материки раздѣляются на отдѣльныя территоріи, которыя могутъ служить районами разныхъ культуръ. Пустыни, горы, болота, и первобытные лѣса служатъ раздѣлителями и разобщителями территорій. Рѣки, направленіе и самое питаніе которыхъ зависитъ отъ рельефа страны, представляются соединителями. Бассейны рѣкъ, отдѣленные другъ отъ друга горами, пустынями или лѣсами, и послужили отдѣльными историческими районами. На Нилѣ возникла и развилась египетская цивилизація, на Іорданѣ—еврейская, на Тигрѣ и Евфратѣ—вавилоно-ассирійская, на Оксѣ и Яксартѣ—иранская, на Гангѣ—индусская, на Гоанго и Янцекіангѣ—китайская. И чѣмъ обширнѣе былъ бассейнъ рѣки, тѣмъ шире и выше развивалась цивилизація, тѣмъ большее пріобрѣтала она значеніе. У Риттера встрѣчаемъ интересныя указанія на ту роль, которую имѣлъ даже характеръ рѣчной системы. Напримѣръ, Тигръ и Евфратъ, въ своихъ верховьяхъ и среднихъ теченіяхъ, достаточно изолированы для зарожденія совершенно самобытныхъ цивилизацій, но ниже обѣ рѣки сближаются и сливаются, сообразно чему и въ исторіи видимъ мы сближеніе и сліяніе цивилизацій, ассирійской (на Тигрѣ) и вавилонской (на Евфратѣ). Такое возникновеніе цивилизацій не въ одномъ центрѣ съ будущимъ объединеніемъ даруетъ историческому развитію болѣе широкое основаніе и болѣе многостороннюю жизнь. Примѣръ еще болѣе яркій представляетъ Китай, гдѣ южнокитайская цивилизація (возникшая на Янцекіангѣ) посте-

пенно объединялась и сливалась съ сѣверо-китайской (развившейся на Гоанго). Великія китайскія рѣки, разъединенныя и удаленныя въ верхнемъ и среднемъ теченіи, сближаются въ нижнемъ, хотя и не сливаются, подобно Тигру и Евфрату. Всѣ эти столь важныя различія въ распредѣленіи и направленіи рѣчныхъ системъ зависятъ, однако, отъ вертикальнаго развитія, и указанное громадное историческое значеніе этихъ различій, какъ и прямое непосредственное значеніе горныхъ кряжей, ихъ величины и направленія, заключается въ томъ, что одни сближаютъ, а другіе разобщаютъ центры исторической жизни, зарождающейся на различныхъ точкахъ материка. Мы уже видѣли, какъ развитіе культуры уничтожаетъ естественныя преграды и сближаетъ цивилизаціи и культуры. Такимъ образомъ и вертикальное развитіе территоріи (вмѣстѣ съ зависимою отъ него гидрографіей) теряетъ былое рѣшающее значеніе въ исторіи, сохраняя, конечно, все свое факультативное значеніе и роль.

Если строеніе территоріи (горизонтальное и вертикальное развитіе со всѣми послѣдствіями) главнымъ образомъ вліяетъ на исторію чрезъ облегченіе или затрудненіе общенія между историческими народами и культурами, уже возникшими на разныхъ пунктахъ материка, то облегченіе или затрудненіе самого возникновенія этихъ культуръ зависитъ отъ другой группы физическихъ дѣятелей, объединенныхъ выше подъ именемъ «почвы и климата». Плодородіе почвы, удобство и обиліе орошенія, обиліе тепла и свѣта—таковы условія, облегчающія возникновеніе культуры. Этими условіями отличаются Египетъ, Индія, Мессопотамія, Китай, Мехика, Перу. Здѣсь и возникли самобытныя древнѣйшія цивилизаціи. Легкость культуры является тому основною причиною. Эта легкость культуры дальше служитъ, по мнѣнію Бокля, факторомъ, содѣйствующимъ деградаціи и упадку. Его аргументація, однако, легко поддается критикѣ, потому что она въ своемъ разсужденіи исходитъ изъ политико-экономическихъ формулъ, непримѣнимыхъ къ странамъ некапиталистическимъ.

Бокль разсуждаетъ такъ: обиліе пищи и легкость ея добыванія ведетъ къ быстрому размноженію рабочихъ классовъ; это быстрое размноженіе производитъ переполненіе рынка рабочими, отсюда—пониженіе рабочей платы, нищенство и кабала большинства; экономическое порабощеніе порождаетъ и политическое со всѣми его послѣдствіями, упадкомъ и вырожденіемъ. Въ этомъ разсужденіи двѣ крупныя логическія ошибки: 1) переполненіе рабочаго рынка можетъ произойти лишь тогда, когда существуетъ этотъ рынокъ, явленіе, возникающее лишь при капиталистическомъ строѣ и свободной конкурренціи. Въ первобытныя времена, когда не возникло еще крупнаго производства и не выдѣлился капиталъ въ особое общественное явленіе, дѣйствуютъ иные экономическіе законы, опредѣляющіе заработокъ трудящихся классовъ; 2) быстрота размноженія, съ другой стороны, можетъ служить причиною нищеты и скудости лишь въ случаѣ, если эта быстрота обгоняетъ производство пищи, но именно обиліе и даже изобиліе пищи и является исходною точкою всего разсужденія. Аргументація Бокля, такимъ образомъ, не выдерживаетъ критики, но въ самой идеѣ Бокля есть своя доля истины. Лёгкость культуры дозволяетъ развитію культуры, такъ сказать, опередить ростъ активности, въ которой одной, однако, заключается гарантія противъ разныхъ уродливостей культуры, неизбѣжно возникающихъ изъ международной и междукультурной борьбы. Активность срѣзываетъ эти уродливости и исправляетъ теченіе культурнаго прогресса. Недостатокъ активности, отставшей въ своемъ развитіи отъ культуры, представляется, такимъ образомъ, явленіемъ опаснымъ, не однажды уже приведшимъ къ паденію и вырожденію. «Очень благопріятныя условія почвы и климата» могутъ, такимъ образомъ, служить и на благо и на зло. Недостаточно развитая активность первобытныхъ временъ ведетъ къ тому, что они служатъ сначала на благо, затѣмъ на зло и вызываетъ тотъ историческій циклизмъ, который уже давно замѣченъ философами и историками. Высоко развитая активность, обезпеченная и развитая уже не

физическими, а общественными ея возбудителями, обращаетъ нынѣ эти «очень благопріятныя условія почвы и климата» только на благо. Условія почвы и климата сохраняютъ, такимъ образомъ, лишь факультативное значеніе и лишаются былой власти надъ ходомъ и исходомъ историческаго движенія.

Третью группу физическихъ дѣятелей составляетъ *общій видъ природы*. Прекрасныя страницы, посвященныя этому вопросу Боклемъ, вполнѣ удовлетворительно исчерпываютъ вопросъ, но тамъ же самъ Бокль указываетъ, что его разсужденіе относится преимущественно къ первобытнымъ временамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если несомнѣнно очень высоко значеніе дѣятеля, подъ вліяніемъ котораго слагаются миѳическія воззрѣнія народовъ, то столь же несомнѣнно, что съ паденіемъ миѳическаго міросозерцанія падаетъ и значеніе дѣятеля, его обусловливавшаго. Всемірныя космополитическія религіи, смѣняющія собою національныя миѳологіи, а затѣмъ и единая, для всѣхъ одинаковая наука сводятъ значеніе общаго вида природы къ роли, хотя и довольно замѣтной (чрезъ національную поэзію, искусство, творческое воображеніе, поэтическую настроенность и пр.), но также факультативную, не господствующую болѣе надъ всею духовною культурою народа.

Такимъ образомъ, физическая среда, которая сначала, съ вытѣсненіемъ подбора, пріобрѣла такое громадное опредѣленное прямое вліяніе на историческое развитіе, затѣмъ постепенно уступаетъ это значеніе культурѣ, и процессъ исторіи все болѣе и болѣе сводится къ взаимодѣйствію культуры и активности, которая заключается *въ дѣятельности* личностей и выражается *въ развитіи* личности. Исторія человѣчества, взятая отъ возникновенія первыхъ семейныхъ и племенныхъ союзовъ и до самыхъ совершенныхъ цивилизованныхъ формъ, сама собою распадается на три явственно различные періода: 1) періодъ, когда направляющими факторами развитія являлись подборъ естественный и подборъ половой, а прямое опредѣленное вліяніе среды имѣло значеніе второстепенное и служебное; 2) пе-

ріодъ, когда, съ разложеніемъ и вытѣсненіемъ сложныхъ дѣятелей органическаго прогресса и съ ослабленіемъ органической наслѣдственности, первенствующее значеніе пріобрѣло опредѣленное вліяніе среды, но, благодаря недостаточному развитію культуры, главная роль въ этомъ вліяніи выпала на долю среды физической, климата, почвы, строенія территоріи, общаго вида природы; и наконецъ 3) эпоха, въ которую развитіе культуры достигаетъ такого могущества, что частью совершенно вытѣсняетъ, частью ограничиваетъ значеніе физической среды и человѣчество болѣе, чѣмъ когда-либо, становится господиномъ своей судьбы и своей исторіи. Дикость, варварство и цивилизація могутъ служить удобными терминами для обозначенія этихъ эпохъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Субъективный методъ въ Соціологіи.

ГЛАВА I.

Неповторяемость историческихъ явленій и относительность знанія.

Джонъ Стюартъ Милль заключилъ капитальнѣйшій изъ своихъ трудовъ предсказаніемъ, что наука объ обществѣ будетъ создана работою ближайшихъ будущихъ поколѣній. Не знаю, исполнится ли завѣщаніе, оставленное нашему времени однимъ изъ величайшихъ умовъ XIX в., сложится ли, наконецъ, соціологія, какъ единая, обособленная наука, но я увѣренъ въ томъ, что именно нашему времени, нашему и ближайшимъ будущимъ поколѣніямъ предстоитъ либо создать эту науку, либо навсегда отказаться отъ мысли уловить *общіе* законы соціальной жизни въ ея цѣломъ и ограничиться установленіемъ частныхъ законовъ, опредѣленіемъ отношеній отдѣльныхъ областей, элементовъ общественной среды. Давно уже мыслящіе люди стали обращать вниманіе на природу общественныхъ явленій, но до конца прошлаго столѣтія приступали къ этому крайне не научно: обыкновенно предпосылали своимъ философскимъ построеніямъ нѣсколько общихъ положеній, почитавшихся либо откровенными, либо прирожденными нравственными постулятами человѣческой натуры, и на этихъ тезисахъ строили они свои теоріи. Необходимость положить въ основу общественныхъ теорій научное из-

слѣдованіе стала сознаваться въ половинѣ XVIII ст., когда появились труды Ло, Монтескье, Пети, Руссо, Кондорсе и др.; это сознаніе еще яснѣе выразилось въ изслѣдованіяхъ физіократовъ и, наконецъ, нашло своихъ истолкователей въ концѣ XVIII вѣка и началѣ XIX в. въ лицѣ Ад. Смита, Іереміи Бентама, Шарля Фурье и Сенъ-Симона. Эти мыслители возстали противъ ненаучности пріемовъ тогдашнихъ общественныхъ наукъ и сдѣлали попытки примѣнить научные пріемы, какъ каждый ихъ понималъ. Всѣ четверо прибѣгли къ различнымъ пріемамъ и создали въ обществознаніи различныя методологическія преданія.

Настоятельность и неотложность практическихъ общественныхъ вопросовъ, ихъ громадное значеніе, какъ для настоящаго, такъ и для всего будущаго народовъ заставляли мыслителей слишкомъ поспѣшно переходить отъ чисто-теоретическихъ изслѣдованій къ приложенію тезисовъ, наскоро добытыхъ при помощи наскоро продуманныхъ пріемовъ. Натурально, эти тезисы и приложенія скоро отвергались, замѣнялись новыми, терпѣвшими ту же участь, и часто терялась наукою вмѣстѣ съ заблужденіями, и та доля истины, которая заключалась во многихъ изъ этихъ теорій и которая, по всей вѣроятности, всего чаще и была первоначальною причиною присочиненія самихъ теорій. Чѣмъ настоятельнѣе была практическая потребность, тѣмъ большее число умовъ обращалось къ изслѣдованію общества; со всѣхъ сторонъ подходили мыслители къ этому не уступающему передъ критикою науки феномену, къ этому сфинксу, предлагающему каждому свою неразрѣшимую загадку и низвергающему въ бездну забвенія неудачныхъ разгадчиковъ. Разнообразныя и многочисленныя разгадки приносили мыслители; изъ нихъ одна не походила на другую, и мыслители не могли согласиться даже, какъ и откуда слѣдуетъ подходить къ этому полному видимыхъ противорѣчій и грозному своею тайною явленію, тайною, которая, однако, *должна* быть разгадана подъ опасеніемъ гибели цивилизаціи и человѣчества! И теперь

мы стоимъ съ вами, читатель, передъ такою разгадкою, передъ указаніемъ новаго пути, который можетъ привести къ раскрытію тайны и устраненію сфинкса незнанія, лежащаго на дорогѣ къ счастью и прогрессу. Разгадка вполнѣ достойна нашего вниманія, какъ по добросовѣстности и талантливости мысли, лежащей въ ея основѣ, такъ и по той долѣ истины, которая несомнѣнно въ ней заключена; тѣмъ съ большею тщательностью каждый замѣчающій въ ней заблужденіе обязанъ постараться отдѣлить пшеницу отъ плевелъ.

Субъективная школа въ соціологіи можетъ по справедливости быть названа русскою соціологическою школою. Правда, Контъ еще въ 1851 году высказался за субъективный методъ въ политикѣ, но субъективный методъ его «позитивной политики» и субъективный методъ нашихъ авторовъ не совсѣмъ одно и тоже. Стоитъ прочесть слѣдующій небольшой отрывокъ изъ названнаго труда Конта, чтобы ознакомиться съ его аргументаціею и убѣдиться, что его субъективный методъ, долженствующій вознаградить сердце за революцію ума и черпающій въ этомъ обстоятельствѣ свое raison d'être, не похожъ на субъективный методъ русскаго мыслителя, служащій въ рукахъ его автора для построенія раціональной этики, вотъ этотъ характеристическій отрывокъ [1]): «Malgré leur intime connexité, ces deux grands traités (курсъ положит. филос. и позит. полит.) doivent donc différer essentiellement. L'esprit prévalut dans l'un, pour mieux caractériser la supériorité intellectuelle du positivisme sur un théologisme quelconque. *Ici la coeur domine*, afin de manifester assez, la prééminence morale de la vraie religion. Le nouveau sacerdoce occidental ne pouvait dignement terminer la fatale insurrection de l'intelligence contre le sentiment qu'en procurant d'abord à la raison moderne une plaine satisfaction normale. Mais, d'après ce préambule nécessaire,

[1]) *Auguste Comte*: „Systeme de Politique positive“ 1851. I, 3—5.

les besoins moraux devaient ensuite reprendre directement leur juste prépondérance pour construire une systéme vraiment compléte, où *l'amour constitue naturellemenl le seul principe universel*.... Toutes ces différences des formes (аналитическое изложеніе курса филос. и догматическое политики) se rattachent à la profonde diversité logique qui constitue le principal contraste intellectuel entre mes deux traités, *conformement à leur nature et à leur déstination respectives*. Dans le premier, où il fallait prolonger l'initiation scientifique jusqu'à son dernier terme normal, j'ai dû scrupuleusement persister à préférer la methode objective, qui convient seul à cette immense préambule, s'èlevant toujours du monde à l'homme. Mais le succés même de cette marche préliminaire, qui m'a finalement conduit au vrai point de vue universel, doit faire ici prévaloir la methode subjective, source exclusive de toute systematisation complète, où l'on descend constamment de l'homme au monde. Ainsi, régénerée par le positivisme, la logique supérieure qui guida nos constructions initiales convient encore d'avantage á nos synthèses finales. Sa préponderance normale correspond naturéllement à l'ascendant nécessaire du coeur sur l'esprit».

Изъ этой цитаты читатель усмотритъ, что Контъ отдѣляетъ соціологію, какъ науку о законахъ общества, отъ политики, науки о лучшемъ общественномъ устройствѣ. Первую онъ признаетъ, какъ «terme normal» объективнаго метода, для второй требуетъ метода субъективнаго. Очевидно, это не тоже, что вообще видѣть особенность каждаго соціологическаго изслѣдованія въ субъективномъ методѣ, необходимо ему присущемъ. Поэтому, я думаю, поступлю совершенно правильно, если оставлю въ сторонѣ воззрѣнія Конта.

Впервые систематически, сколько мнѣ извѣстно, въ нашей литературѣ было заявлено и развито мнѣніе о необходимости субъективнаго метода въ обществознаніи въ письмахъ объ исторіи, печатавшихся въ 1867 г. въ «Недѣлѣ». Приблизительно около того же времени тѣмъ же авторомъ этотъ взглядъ былъ высказанъ въ «Современ-

номъ Обозрѣніи» въ статьѣ «Задачи Позитивизма». Въ 1869 г. Михайловскій напечаталъ въ «Отеч. Зап». статью «Что̀ такое прогрессъ?» [1]), гдѣ высказался за подобное же воззрѣніе и подкрѣпилъ его новыми доводами; оно вскорѣ сдѣлалось любимою темою его разсужденій, и въ послѣдующихъ статьяхъ своихъ онъ часто возвращался къ нему, чтобы представить новые аргументы или освѣтить имъ какое-либо темное явленіе общественной жизни. Но систематически онъ вновь трактуетъ его только во второй статьѣ: «Теорія Дарвина и общественная наука» въ «Отеч. Зап». 1870 г.

Постараюсь теперь изложить сжато занимающее насъ воззрѣніе и разобрать главные аргументы. Начну съ автора писемъ въ «Недѣлѣ», какъ перваго по времени субъективиста и какъ доводящаго свои выводы до крайности, до которой г. Михайловскій не доходитъ.

По воззрѣнію нашего автора, объективный методъ, употребляемый во всѣхъ наукахъ, рѣшительно неприложимъ къ изслѣдованіямъ соціологическимъ; общенаучный критерій—повторяемость явленій въ неизмѣнной связи—долженъ въ обществознаніи необходимо и неизбѣжно уступить мѣсто субъективному критерію, нравственному идеалу изслѣдователя. Доказательства этихъ положеній, приводимыя почтеннымъ авторомъ, двухъ родовъ: свойства изслѣдуемыхъ явленій и свойства изслѣдующаго субъекта.

«Прежде всего, пишетъ онъ, чтобы найти руководящую нить въ пестромъ калейдоскопѣ событій, желательно отдѣлить важнѣйшее отъ менѣе важнаго. Естествоиспытателю это сдѣлать легко; что̀ повторяется въ неизмѣнной связи, то важнѣе, потому что въ немъ-то и есть законъ; что́ же относится къ случайнымъ видоизмѣненіямъ, то маловажно и берется лишь къ свѣдѣнію для будущихъ возможныхъ соображеній. Въ исторіи этотъ критерій невозможенъ, потому что явленія не повторяются. Но это единственная мѣра важности явленій, которую наблюда-

[1]) *Отеч. Зап.* 1869 г., №№ 2, 9 и 11.

тель можетъ черпать изъ самихъ явленій, единственный *объективный* способъ судить о важности явленій. Такъ какъ онъ въ исторіи непримѣнимъ, то важность историческихъ явленій оцѣнивается не объективно. Они цѣнятся по той мѣрѣ, которую личность прилагаетъ вообще къ человѣку. Они подлежатъ оцѣнкѣ по *нравственному* ихъ вліянію. Всѣ судятъ объ исторіи *субъективно*, по своему взгляду на нравственные идеалы, да иначе и судить не могутъ». Изъ этой выписки легко себѣ составить понятіе о томъ, что̀ разумѣетъ авторъ подъ выраженіемъ «субъективный методъ», именно, оцѣнку важности явленій, установленіе ихъ связи на основаніи критеріума, почерпнутаго не изъ самихъ явленій, но изъ нашего нравственнаго міросозерцанія. Основною посылкою, фономъ всего разсужденія служитъ положеніе, что историческія явленія не повторяются, что изслѣдователю приходится «опредѣлить послѣдовательную связь явленій, *одинъ лишь разъ* представляющихся ему *въ данной совокупности*, въ каждый моментъ» (ib. 21). Это—меньшая посылка силлогизма, большая же заключается въ томъ, что только при повторяемости явленій въ неизмѣнной связи, въ правильномъ порядкѣ, возможенъ объективный методъ изслѣдованія. Если это вѣрно, то и выводъ, что общественныя явленія не могутъ быть изучаемы при помощи общенаучныхъ пріемовъ изслѣдованія, будетъ правиленъ и неоспоримъ.

Во-первыхъ, дѣйствительно ли исторія есть рядъ неповторяющихся измѣненій? Едва ли! Правда, паденіе Римской имперіи произошло однажды, больше не повторялось и, конечно, не повторится, но паденіе государствъ вообще повторялось не разъ, какъ до *этого* паденія, такъ и послѣ него. Паденіе Римской имперіи есть событіе, которое разъ совершилось и больше повториться не можетъ, въ такой же мѣрѣ, какъ Лиссабонское землетрясеніе есть фактъ, недоступный повторенію «въ данной совокупности», какъ всякая гроза, всякій ураганъ, всякое паденіе метеора или аэролита суть явленія, которыя разъ совершились и больше повториться не могутъ. Вчера была гроза и прошла; завтра,

быть можетъ, будетъ опять гроза, но то будетъ не та вчерашняя, а новая—завтрашняя, это не паденіе Рима, а паденіе Византіи или Венеціи, Карѳагена или Польши. Явленіе, какъ фактъ *даннаго рода*, повторяется, но явленіе, какъ *данный фактъ*, повториться не можетъ. Въ этомъ, и только въ этомъ, послѣднемъ смыслѣ можно сказать, что исторія есть рядъ неповторяющихся измѣненій; но, съ другой стороны, въ этомъ смыслѣ процессъ исторіи, какъ предметъ изслѣдованія, ничѣмъ *существенно* не отличается отъ всѣхъ другихъ процессовъ природы. Но можно, пожалуй, возразить: да, дѣйствительно, всѣ явленія въ природѣ не повторяются, разъ они совершились, но зато происходятъ другія, существенно съ ними сходныя, тогда какъ въ исторіи каждое явленіе сильно разнится отъ каждаго другого. Въ этомъ есть доля истины, но, во-первыхъ, это вовсе не устанавливаетъ, какъ то дѣлается въ приведенной выше цитатѣ, *качественнаго* различія между физическимъ и историческимъ процессами, какъ предметами изученія, а различіе только *количественное*, градуальное и, во-вторыхъ, допускаетъ возраженіе, что, какъ бы разнообразны ни были событія общественной жизни, все-же возможна ихъ классификація, возможно ихъ распредѣленіе по родамъ и видамъ, условія наступленія которыхъ можно изслѣдовать такъ же, какъ условія наступленія явленій физическихъ. Возьмемъ, напр., уже разъ цитированное историческое явленіе, паденіе государствъ; это явленіе, понимая это выраженіе какъ *родовое*, общее названіе, повторялось не разъ. Мы имѣемъ цѣлый длинный рядъ паденій древнихъ Передне-Азійскихъ монархій,—Египетъ, Вавилонъ, Ассирія, Лидія, Мидія, Персія, Іудея и т. д.; мы имѣемъ другой рядъ паденій древнихъ республикъ—Аѳины, Тиръ, Карѳагенъ, Сиракузы, и пр.; мы имѣемъ третій рядъ паденій классическихъ монархій — Римъ, Македонія, Діадохи, Понтъ, Византія; мы имѣемъ паденіе магометанскихъ государствъ Азіи, многихъ средневѣковыхъ государствъ Европы (Бургундовъ, Англо-Саксовъ, Италіи, Моравіи, монархіи Гунновъ и т. д.), паденіе средневѣковыхъ

республикъ—Венеціи, Генуи, Новгорода. Ганзейскихъ городовъ и т. д., паденіе Польши и т. д., и т. д., не считая многихъ болѣе или менѣе обслѣдованныхъ паденій различныхъ неисторическихъ государствъ въ родѣ монархіи Ацтековъ, Инковъ, Сонрая, и др., не считая временъ упадка въ государствахъ, послѣ вновь возродившихся къ жизни. Все это даетъ достаточный матеріалъ для изслѣдованія причинъ, обусловливающихъ паденіе государствъ, и нѣтъ рѣшительно никакого основанія думать, что невозможно открыть законъ, устанавливающій связь между извѣстнымъ или извѣстными общественными явленіями и паденіемъ государствъ. Точно также мы видимъ въ исторіи постоянное стираніе однѣхъ національностей и нарожденіе другихъ; явленія національной ассимиляціи и національнаго дифференцованія происходили въ историческомъ процессѣ не разъ и происходятъ до сихъ поръ, на нашихъ глазахъ. Чѣмъ обусловливается то и другое явленіе? Отчего въ однихъ случаяхъ значительно разнящіяся народности ассимилируются въ одну націю, въ другихъ, напротивъ, однородныя группы индивидуализуются, дифференцуются въ разныя національности? Неужели все это такіе вопросы, которыхъ разрѣшеніе недоступно человѣчеству? Да и мало-ли такихъ вопросовъ? и всѣ они также разрѣшимы, какъ вопросы о причинахъ землетрясеній, грозъ, урагановъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ бываетъ часто невозможно опредѣлить причину того или другого изъ названныхъ явленій, но общая причина всѣхъ явленій подобнаго рода опредѣлена. Тоже и въ исторіи; имѣя въ виду то или другое событіе и разсматривая его изолированно, будто однородныхъ ему событій больше никогда не было, мы, конечно, не можемъ надѣяться найти объективную мѣрку для установленія его связи съ событіями предшествующими и сопутствующими. Изъ такого пріема, общеупотребительнаго въ философіи исторіи, вытекаетъ и мнѣніе о неповторяемости историческихъ явленій, а это мнѣніе неизбѣжно приводитъ къ утвержденію необходимости подобнаго изолированнаго изслѣдованія, слѣдовательно, и къ неприло-

жимости обще-научныхъ пріемовъ изученія въ области обществознанія. Мы, однако, уже видѣли, что историческія явленія не повторяются въ томъ же смыслѣ, какъ не повторяются всѣ вообще явленія природы, а равно допускаютъ повтореніе въ томъ же смыслѣ, въ какомъ повторяются и остальные процессы. Ясно, что разобранная нами аргументація не вѣрна, потому что меньшей посылкѣ придано слишкомъ широкое, безусловное, слишкомъ, если можно такъ выразиться, категорическое значеніе, какого она имѣть не можетъ. Съ другой стороны, не упустимъ изъ виду и того, что и большая посылка силлогизма выражена такимъ двусмысленнымъ образомъ, что можетъ повести къ ложнымъ заключеніямъ. Повторяемость въ неизмѣнной связи есть необходимый критерій изслѣдованія *индуктивнаго*, но не дедуктивнаго. Такимъ образомъ, еслибы даже меньшая посылка была вполнѣ справедлива, то и тогда должное ограниченіе большей посылки привело бы лишь къ выводу, что индуктивное изслѣдованіе общественныхъ явленій невозможно; вѣроятно, однако, авторъ не желалъ назвать всякое дедуктивное изслѣдованіе субъективнымъ, иначе математика была бы образцомъ субъективнаго метода. Благодаря слишкомъ безусловному пониманію меньшей посылки, явился выводъ, что обще-научные объективные пріемы не приложимы при изслѣдованіи явленій общественныхъ, между тѣмъ какъ, если придать этой посылкѣ ея дѣйствительный смыслъ, то будетъ слѣдовать только, что приложеніе обще научныхъ пріемовъ въ исторіи гораздо труднѣе, многосложнѣе, чѣмъ въ другихъ наукахъ. Это большая сложность и трудность изслѣдованія общественныхъ явленій была многими и прежде замѣчаема, при чемъ были указаны и разнообразныя, многочисленныя причины этой трудности: субъективной школѣ принадлежитъ честь дополненія списка этихъ причинъ еще одной и притомъ одной изъ важнѣйшихъ, основныхъ. Мы увидимъ дальше, что и вообще субъективная школа, дѣлая въ общемъ построеніи своей доктрины значительные логическіе промахи, въ родѣ только-что приведеннаго, вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ

подмѣчаетъ много истиннаго, указываетъ многое, чрезвычайно важное: [1]).

Теперь мы должны перейти къ другому аргументу, которымъ разбираемый авторъ доказываетъ неприложимость къ исторіи объективнаго метода и необходимость субъективнаго. Разобранная аргументація выходитъ изъ положенія о неповторяемости историческихъ явленій, т. е. изъ положенія объ особомъ свойствѣ самихъ изслѣдуемыхъ явленій, которое и выставлялось причиною неприложимости объективныхъ пріемовъ. Аргументація, которую мы должны разобрать теперь, основываетъ свои доводы на свойствѣ нашихъ психическихъ отправленій, старается вывести необходимость субъективнаго метода изъ самой природы нашего мыслящаго аппарата.

«Я знаю, пишетъ нашъ мыслитель, мое пониманіе слова *прогрессъ* многимъ и многимъ не понравится. Всѣ, желающіе придать исторіи то объективное безпристрастіе, которое присуще процессамъ природы, возмутятся тѣмъ, что для меня прогрессъ зависитъ отъ личнаго взгляда изслѣдователя. Всѣ, вѣрующіе въ безусловную непогрѣшимость своего нравственнаго міросозерцанія, хотѣли бы себя увѣрить, что не только *для нихъ*, но и *само по себѣ*, важнѣе лишь то въ историческомъ процессѣ, что̀ имѣетъ ближайшее отношеніе къ основамъ этого міросозерцанія. Но, право, пора бы людямъ мыслящимъ усвоить себѣ очень простую мысль, что различіе важнаго и неважнаго, благодѣтельнаго и вреднаго, хорошаго и дурного суть различія, существующія лишь *для человѣка*, а вовсе чужды природѣ и

---

[1]) Англійскій писатель Фроудъ недавно доказывалъ невозможность общественной науки, ссылаясь, между прочимъ, на ту же неповторяемость историческихъ событій; на это Гербертъ Спенсеръ возражаетъ: „Дѣло въ томъ, что ни въ одной конкретной наукѣ не бываетъ безусловныхъ повтореній, а въ нѣкоторыхъ конкретныхъ наукахъ повторенія почти такія же, какъ и въ соціологіи. Даже въ самой точной изъ наукъ конкретныхъ, астрономіи, никогда не бываетъ двухъ совершенно одинаковыхъ комбинацій; повторенія въ ней бываютъ только приблизительныя“ и т. д. (См. „Знаніе“, 1873. IV, 211).

вещамъ, самимъ въ себѣ; что одинаково неизбѣжна: для человѣка необходимость прилагать ко всему свой человѣческій (антропологическій) способъ воззрѣнія и для вещей въ ихъ совокупности необходимость слѣдовать процессамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ человѣческимъ воззрѣніемъ (не слишкомъ-ли сильно сказано «ничего общаго»?) *Для человѣка* важны общіе законы, а не индивидуальные факты (опять-таки слишкомъ безусловно), потому что онъ понимаетъ предметы, лишь обобщая ихъ; но наука съ ея общими законами присуща лишь одному человѣку, а внѣ человѣка существуютъ *только* одновременныя и послѣдовательныя сцѣпленія фактовъ, столь мелкихъ и дробныхъ, что человѣкъ едва-ли можетъ и уловить ихъ во всей мелкости и дробности. *Для человѣка* изъ непрерывной нити пошлостей жизни выдѣляются въ біографіяхъ и исторіи нѣкоторыя мысли, чувства и дѣла человѣка (или группы людей), какъ важнѣйшія, имѣющія идеальное значеніе, историческую важность, но это выдѣленіе совершается только *имъ*, человѣкомъ; безсознательные процессы природы вырабатываютъ мысль о всеобщемъ тяготѣніи, о солидарности людей совершенно также, какъ ворсинку на ногѣ жука или стремленіе лавочника сорвать лишнюю копѣйку съ покупщика; Гарибальди и ему подобные для природы совершенно такіе же экземпляры породы человѣка XIX в., какъ любой сенаторъ Наполеона III, любой бюргеръ маленькаго города Германіи, любой изъ тѣхъ пошляковъ, которые гранятъ троттуары Невскаго проспекта. Наука не представляетъ никакихъ данныхъ, по которымъ безпристрастный изслѣдователь имѣлъ бы право перенести свой нравственный судъ о значительности общаго закона, геніальной или героической личности изъ области человѣческаго пониманія и желанія въ область безстрастной и безсознательной природы».

Противъ этой аргументаціи, которой авторъ очевидно придаетъ большое значеніе, потому что возвращается къ ней нѣсколько разъ и связываетъ ее съ основнымъ принципомъ своего философскаго міровоззрѣнія, можно возра-

зить такъ много, что, право, не знаешь, съ чего начать. Прежде всего укажу на нѣсколько такъ называемыхъ словесныхъ заблужденій, основанныхъ просто на пониманіи одного и того же выраженія въ различныхъ мѣстахъ различно. Заявивъ, что, по его мнѣнію, «прогрессъ» зависитъ отъ личнаго взгляда изслѣдователя и что тутъ не можетъ быть никакой общей, обязательной для всѣхъ изслѣдователей мѣрки (а какъ иначе понимать зависимость отъ *личнаго* взгляда изслѣдователя?), онъ приписываетъ объективистамъ желаніе «себя увѣрить, что не только *для нихъ* но и *само по себѣ*» истиннѣе, важнѣе ихъ опредѣленіе прогресса. Здѣсь, очевидно, недоразумѣніе въ пониманіи выраженія «для нихъ»; для кого «для нихъ?» для изслѣдователей вообще, или для каждаго изслѣдователя въ отдѣльности? Нашъ авторъ понимаетъ въ послѣднемъ смыслѣ, но въ такомъ случаѣ по законамъ логики противуположеніе «важности только для нихъ» будетъ не «важность сама по себѣ», «an sich», но «важность для всѣхъ, такихъ же, какъ они, существъ, для всѣхъ изслѣдователей, для всего человѣчества». Объективисты убѣждены не въ томъ, что ихъ соціологическія воззрѣнія важны «сами по себѣ», но въ томъ, что они, будучи научно истинны, логически обязательны для всякаго мыслящаго о соціологическихъ предметахъ человѣка. Это, допущенное въ началѣ разсужденія, словесное недоразумѣніе ведетъ къ цѣлому ряду подобныхъ же ошибокъ. Цитированное разсужденіе начинаетъ опровергать воззрѣніе, придающее философскую реальность нашимъ знаніямъ, доказываетъ, что мы познаемъ только наши обобщенія, а не дѣйствительные, реальные предметы. Все это такъ и вполнѣ справедливо, но возраженія эти совершенно не нужны, разъ объективистамъ неправильно приписана неизбѣжность признавать философскую реальность своихъ воззрѣній. Дилеммы между «личнымъ взглядомъ», ни для кого логически не обязательнымъ, и признаніемъ за мнѣніями «важности an sich», такой дилеммы для мыслителя вовсе не существуетъ, потому что есть еще и третій взглядъ, равно отвергающій

оба воззрѣнія, не признающій философской реальности своихъ воззрѣній, но считающій ихъ логически обязательными для всѣхъ людей. Справедливо и несомнѣнно, что человѣкъ всегда остается человѣкомъ, что онъ не можетъ понимать иначе, какъ *по человѣчески*, что онъ всегда, всюду и все оцѣниваетъ съ *своей*, *человѣческой* точки зрѣнія. Но какой смыслъ скрывается подъ этими положеніями? Конечно, не иной, какъ тотъ, что пониманіе наше совершается по психологическимъ и логическимъ законамъ нашей природы, что наука сложилась и развивалась сообразно этимъ же логическимъ законамъ и что потому нѣтъ ни малѣйшаго основанія переносить эти законы изъ области сцѣпленія человѣческихъ мыслей и соотносительныхъ этимъ мыслямъ человѣческихъ впечатлѣній (феноменовъ) въ область какихъ бы то ни было объективныхъ реальностей, въ область сцѣпленія вещей самихъ въ себѣ. Если мы говоримъ, что наука съ ея *общими* законами есть продуктъ логическаго развитія *нашего* мышленія, расширенія *нашего* опыта, то слову «нашего» придается значеніе, связанное съ выраженіемъ «человѣческаго вообще», а равно, когда мы говоримъ, что наука или оцѣнка важности, или вообще что бы то ни было существуетъ только *для человѣка*, то этимъ мы хотимъ выразить не то, что это существуетъ въ такомъ видѣ лишь для того или другого человѣка, но для каждаго человѣка, для человѣка вообще. Дѣйствительно, логическіе пріемы мышленія и психологическія явленія воспріятія однородны у всего человѣчества, такъ что вѣрное для однихъ будетъ вѣрно и для другихъ или, по крайней мѣрѣ, допускаетъ повѣрку другими. Этою-то логическою обязательностью и отличаются научные законы, и нашъ авторъ, конечно, признаетъ ее за обобщеніями и дедукціями естествознанія. Почему же онъ отказываетъ въ ней обществознанію? Если выше указанная диллемма существуетъ, то она одинаково распространяется на все знаніе, а не на одну его отрасль. Однако, пагубной для науки дилеммы нѣтъ, ибо возможно третье воззрѣніе, и самъ авторъ писемъ въ «Недѣлѣ», по-

видимому, принимаетъ это третье воззрѣніе для одной половины знанія, но совершенно игнорируетъ его существованіе, когда трактуетъ обществознаніе, и предлагаетъ на выборъ только два воззрѣнія: или объективная реальность, погоня за безусловнымъ и абсолютнымъ, или произвольность научнаго построенія, зависимость отъ личнаго взгляда, не связаннаго никакими общеобязательными логическими формами! Не знаю, быть можетъ, разбираемый мыслитель не имѣлъ въ виду высказывать воззрѣнія въ той категорической формѣ, въ которой они явились въ послѣднихъ строкахъ, не хотѣлъ дѣлать изъ своей пропаганды субъективнаго метода проповѣдь полнаго логическаго произвола въ области соціологіи, произвола, возведеннаго въ принципъ и оправдываемаго его неизбѣжностью; не знаю, быть можетъ, я ему приписалъ то, чего онъ и не думалъ и не хотѣлъ доказывать, но для меня ясно, что это логически необходимый выводъ его аргументанціи: она не имѣетъ никакого значенія, или имѣетъ только это, она ничего не доказываетъ, или доказываетъ только это. Сама аргументація, мы видѣли, неправильна, основана на недоразумѣніи, на пониманіи выраженія «для насъ», «для человѣка», различномъ въ различныхъ мѣстахъ разсужденія; то эти выраженія противополагаются объективной реальности, абсолютному и означаютъ «*для человѣка вообще*», то противополагаются этому самому значенію «*для человѣка вообще*», и означаютъ «*для каждаго человѣка въ отдѣльности*», то наконецъ въ одно и тоже время употребляются въ обоихъ смыслахъ, противуполагаются, какъ «общечеловѣческое пониманіе»—всему абсолютному, и какъ «личное, частное» — всему «общечеловѣческому». Такая сбивчивость еще усиливается тѣмъ, что аргументація (истинна она или ложна), относящаяся ко всей области знанія и ведомая сначала именно въ этомъ направленіи (отъ слова «Пора бы людямъ мыслящимъ...» и т. д.), прилагается затѣмъ только къ одной части знанія, которая именно этимъ выводомъ противуполагается всему остальному знанію. Я разобралъ только начало разсужденія;

дальше точно также въ каждой фразѣ можно указать слѣды основного недоразумѣнія, смѣшенія объективно-реальнаго съ объективно-феноменальнымъ. Вслѣдствіе этого выходитъ, что будто бы съ объективной точки зрѣнія мысль о всемірномъ тяготѣніи вырабатывается также, какъ ворсинка на ногѣ жука, Гарибальди такой же продуктъ исторіи XIX в., какъ пошлякъ, гранящій тротуары Невскаго проспекта; конечно, то и другое вырабатывается также *естественно*, тотъ и другой такіе же *естественные* продукты исторіи, но процессы, создавшіе эти явленія, не одинаковы, кромѣ того, что они одинаково естественны; задача наша подмѣтить эти различія въ процессахъ, не выходя только изъ предѣловъ естественности, законосообразности. Очевидно, тутъ тоже двусмысленность и на ней построенъ выводъ. Далѣе такимъ же образомъ (см. выше выписку) подставляется вмѣсто выраженія «логическій судъ»—выраженіе «нравственный судъ», и доводъ получаетъ значеніе очевидности, видъ аксіомы.

Такимъ образомъ, мы разобрали доводы автора писемъ противъ объективнаго метода въ соціологическомъ изслѣдованіи и нашли ихъ неудовлетворительными, выводы — ошибочными; имѣя передъ собою подобные аргументы, мы не имѣемъ права, на основаніи ихъ, отвергнуть приложимость обще-научныхъ пріемовъ къ изслѣдованію общества. Отрицательная сторона доктрины субъективной школы, какъ она развивается разобраннымъ разсужденіемъ, не выдерживаетъ критики; обратимся теперь къ положительной, постараемся точнѣе опредѣлить такъ-называемый субъективный методъ и посмотримъ, что̀ новаго или вообще истиннаго вноситъ ученіе о немъ въ соціальную методологію? Вдумываясь въ филіацію мыслей приверженцевъ субъективной школы, можно дать слѣдующее опредѣленіе защищаемому или методу: *Оцѣнка относительной важности явленій на основаніи нравственнаго міросозерцанія (идеала) изслѣдователя и построеніе научной теоріи при помощи того же критерія*,—вотъ отличительная черта, существенный признакъ субъективнаго метода.

Намъ предстоитъ рѣшить, необходимо ли это условіе? Если да, то представляемое требованіе дѣйствительно противорѣчитъ ли и исключаетъ общенаучные объективные пріемы изслѣдованія? или, быть можетъ, является только дополненіемъ къ нимъ, необходимымъ усложненіемъ пріемовъ изслѣдованія при усложненіи самаго матеріала, подлежащаго изслѣдованію?

ГЛАВА II.

Цѣлесообразность и предвзятое мнѣніе. Резюме.

Сознательное введеніе въ соціологическое изслѣдованіе нравственнаго элемента—вотъ что̀ требуется субъективною школою отъ соціолога. Но что́ такое этотъ нравственный элементъ? что новаго вносится съ нимъ въ изслѣдованіе? Въ главѣ XI этой книги (стр. 140—155), трактуя естественный подборъ въ общественной жизни, мнѣ пришлось остановиться на выясненіи понятія нравственности; выводы, къ которымъ я пришелъ тогда, теперь намъ пригодятся. Вотъ краткія извлеченія: «Мы нашли ту неизмѣнную формулу нравственности, которую искали: *нравственно то, что соотвѣтствуетъ реальнымъ или идеальнымъ началамъ общественности; безнравственно все, что имъ противорѣчитъ*. Вообще мы можемъ сказать, что нравственное міросозерцаніе личности есть та часть ея общаго міросозерцанія, *которая объемлетъ вопросы объ основаніяхъ общественности, о началахъ*, которыми должна *руководиться личность въ ея отношеніяхъ къ обществу*; что нравственный идеалъ есть идеалъ общественности и что нравственное чувство заключается въ наклонности личности поступать сообразно началамъ общественности. Прогрессъ нравственности состоитъ въ прогрессѣ соотвѣтствія между личными наклонностями и чувствами членовъ общества и требованіями общественности, *а съ другой стороны, въ про-*

грессъ самихъ требованій, въ уясненіи наилучшихъ для прочности общества и его процвѣтанія отношеній сочленовъ другъ къ другу и къ цѣлому. Обобщая эти положенія, мы можемъ сказать, что развитіе нравственности есть процессъ приспособленія жизни къ условіямъ общественнаго существованія». Если это воззрѣніе правильно, то, прилагая его къ вопросу о субъективномъ методѣ, т. е. о введеніи нравственнаго элемента въ изслѣдованіе, мы сразу упрощаемъ задачу. Въ самомъ дѣлѣ, подставивъ въ вышеприведенное опредѣленіе субъективнаго метода вмѣсто выраженія «нравственное міросозерцаніе» ему эквивалентное «начало общественности», мы получимъ: *особенность субъективнаго метода заключается въ оцѣнкѣ относительной важности общественныхъ явленій, на основаніи взглядовъ изслѣдователя на нормальныя отношенія членовъ общества другъ къ другу и къ цѣлому и въ построеніи научной теоріи при помощи того же критерія.* Таково будетъ исправленное опредѣленіе субъективнаго метода. Но въ такомъ видѣ требованіе, имъ заявляемое (съ нѣкоторыми оговорками), весьма легко можетъ быть принято самымъ ярымъ и нетерпимымъ приверженцемъ единства научнаго метода во всѣхъ сферахъ человѣческаго мышленія; дѣло въ томъ, что тутъ никакого особеннаго метода даже и нѣтъ вовсе, а есть просто провозглашеніе одной весьма важной теоремы соціологіи, именно, что общество основано на личностяхъ и что развитіе общества совершается не иначе, какъ личностями, чрезъ личности и въ личностяхъ. Если соціологъ признаетъ эту теорему, то онъ, изслѣдуя извѣстное общественное явленіе, всегда будетъ останавливать свое вниманіе не только на послѣдствіяхъ его для общественной среды, культуры, но и на вліяніи его на созидателей этой среды, на тѣ общественные атомы, чрезъ которые единственно и могли возникнуть наблюдаемыя имъ измѣненія общественной среды; онъ будетъ хорошо знать, что для общественной жизни не столько важно возникновеніе и процвѣтаніе того или другого элемента общественной среды, сколько способъ созиданія его личностями, такъ

какъ отъ этого способа зависитъ его прочность, степень и даже характеръ его вліянія на другіе элементы общественной среды. Становясь на эту точку зрѣнія, соціологъ будетъ несомнѣнно ближе къ истинѣ, чѣмъ игнорируя значеніе личностей въ обществѣ, но я не вижу причины приписывать ему какой-либо особенный методъ. Неужели каждое разногласіе между изслѣдователями есть непремѣнно разногласіе методологическое? неужели признаніе однимъ изслѣдователемъ данной теоремы и игнорированіе ея другимъ есть признакъ принадлежности ихъ къ различнымъ *методологическимъ* школамъ? Игнорированіе теоремы, на которой настаиваетъ субъективная школа, есть грубая и непростительная ошибка со стороны соціологовъ; приступать къ построенію какой-либо части соціологіи, не уяснивъ себѣ предварительно значенія личностей для общественной среды и среды для личностей, или даже прямо отвергая это значеніе, все равно, что дѣлать какія-либо изысканія по небесной механикѣ, отвергая теорему объ обратной пропорціональности силы тяготѣнія къ квадратамъ разстоянія. Признаніе этихъ теоремъ необходимо для обѣихъ наукъ и нельзя достаточно благодарить нашихъ авторовъ за рѣзкое и постоянное настаиванье на первостепенной важности личности въ обществѣ, но все-таки, гдѣ же тутъ особый методъ? Или, быть можетъ, самое воззрѣніе изслѣдователя на отношенія личностей между собою и къ обществу должны естественно возникать какимъ-либо особымъ, не обще-научнымъ путемъ? быть можетъ, самое доказательство теоремы, на которой настаиваетъ субъективная школа, должно вестись не обыкновеннымъ, обще-научнымъ путемъ? Но гдѣ доказательства? Если ихъ надо имѣть въ разобранныхъ выше доводахъ, въ неповторяемости общественныхъ явленій и недоступности абсолютнаго знанія, то мы видѣли уже, что они вовсе не доказываютъ того, для чего приведены авторомъ; обратимся же теперь къ аргументамъ Н. К. Михайловскаго, посмотримъ, не убѣдитъ ли онъ насъ въ томъ, что нрав-

ственная доктрина создается при помощи какихъ-либо особыхъ методологическихъ пріемовъ.

Прежде всего надо замѣтить, что г. Михайловскій, не идетъ такъ далеко въ своихъ выводахъ. Такъ напр, онъ заявляетъ, что изъ его разсужденій должно слѣдовать «не то, что объективный методъ долженъ быть совершенно удаленъ изъ этой области изслѣдованій (соціологической), а то, что высшій контроль долженъ принадлежать тутъ субъективному методу» [1]). Правда, не совсѣмъ понятно, какъ это одинъ методъ контролируетъ другой; не значитъ ли это, что, продумавъ извѣстное положеніе однимъ способомъ, вслѣдъ затѣмъ нужно сызнова передумывать его другимъ? Если же не это означаетъ высшій контроль одного метода надъ другимъ, то я недоумѣваю рѣшить, что же другое можетъ имѣть въ виду г. Михайловскій!

Свою аргументацію въ пользу субъективнаго метода и противъ приложимости въ соціологіи метода объективнаго г. Михайловскій тоже основываетъ на особыхъ свойствахъ изслѣдуемаго явленія (общественныхъ событій) и на свойствахъ изслѣдующаго духа. «Коренная и ничѣмъ неизгладимая разница, пишетъ г. Михайловскій [2]), между отношеніями человѣка къ человѣку и къ остальной природѣ состоитъ прежде всего въ томъ, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не просто съ явленіями, а съ явленіями, тяготѣющими въ извѣстной цѣли, тогда какъ во второмъ цѣль эта для человѣка не существуетъ. Различіе это до того важно и существенно, что само по себѣ намекаетъ на необходимость примѣненія различныхъ методовъ къ двумъ великимъ областямъ человѣческаго вѣдѣнія». Но что такое цѣль? это — желаемое, пріятное, должное. Поэтому и въ оцѣнкѣ общественныхъ явленій категоріи желательнаго и нежелательнаго, полезнаго и вреднаго, должнаго и безнравственнаго также необходимы и разумны, какъ и ка-

---

[1]) „Отеч Зап.“ 1869 г. № 11 отд. II, 37 (въ статьѣ „Что такое прогрессъ“).

[2]) *Ib., 19.*

тегоріи истиннаго и ложнаго. «Природа, какъ она намъ освѣщается теоріей Дарвина [1]), не знаетъ избранниковъ. Здѣсь она раздавитъ великаго Патрокла и сохранитъ презрительнаго Терсита, тамъ выдавитъ изъ строя жизни цѣлый видъ, здѣсь разбиваетъ видъ на два, на три; тамъ низведетъ Патрокла до состоянія Терсита, здѣсь выставитъ Патрокла во всемъ его величіи; тамъ разовьетъ жизнь, сюда пошлетъ смерть, тамъ посѣетъ слезы и страданія, здѣсь разольетъ море наслажденій... Не спрашивайте, для чего? зачѣмъ? Съ такимъ вопросомъ нельзя обращаться къ природѣ. Она не дастъ отвѣта. Она вамъ скажетъ, *почему* произошло то-то и то-то, но вы не вырвите у нея отвѣта на вопросъ *зачѣмъ*? Если вы пожелаете отвѣтить за нее, т. е. навязать ей отвѣтъ, то вы можете навязать ей любой. Цѣли и дѣйствія одухотворенной природы окажутся разумными и глупыми, великими и малыми, добродѣтельными и безсовѣстными, высоко нравственными и и до послѣдней степени преступными, смотря по тому, какъ вы сами посмотрите на дѣло. Всякую цѣль, всякій планъ можно отыскать въ природѣ, именно потому, что въ природѣ нѣтъ никакой цѣли, никакого плана. Но это значитъ, что природою управляетъ слѣпой случай. Въ этомъ упрекали и Дарвина, между тѣмъ какъ тутъ собственно упрекать не за что и не въ чемъ. — — — Цѣли и планы сказались въ природѣ въ достаточно широкой степени только тогда, когда рядомъ съ естественнымъ подборомъ сталъ искусственный, а рядомъ съ борьбою за существованіе—первые проблески ея отрицанія въ сферѣ человѣческихъ отношеній, когда человѣкъ вступилъ въ борьбу съ природою и пожелалъ измѣнить ее сообразно своимъ нуждамъ и потребностямъ». Не правда ли, прекрасная страница? но доказываетъ ли она то, что̀ хотѣлъ ею доказать уважаемый авторъ? Въ самомъ дѣлѣ, если подъ «цѣлью» не разумѣть ничего мистическаго и без-

[1]) „Отеч. Зап.“ 1870 г. № 3. 35—36 („Теорія Дарвина и общественная наука“, III).

причиннаго, если не пріурочивать ее къ ученію о свободной волѣ (libre arbitre), какъ объ особомъ элементѣ, привходящемъ въ человѣческой природѣ сравнительно съ природою другихъ живыхъ формъ, если, однимъ словомъ, понимать цѣль позитивно, какъ г. Михайловскій несомнѣнно и понимаетъ её, то, прежде всего, бросается въ глаза то обстоятельство, что обладаніе ею вовсе не составляетъ привиллегіи человѣка. Цѣль, въ смыслѣ предварительнаго приспособленія въ виду предусматриваемыхъ и часто имѣющихъ быть вызванными этимъ приспособленіемъ событій, словомъ, *цѣль, какъ активное приспособленіе*, сказалась въ природѣ одновременно съ дифференцованіемъ животной ткани на нервную и мышечную. Время выдѣленія, начало *опредѣленнаго* обособленнаго существованія нервной ткани было временемъ появленія въ природѣ цѣлей, какъ новаго элемента развитія, новаго фактора въ постоянномъ процессѣ перераспредѣленія вещества и силы. Всего этого не будетъ отрицать и г. Михайловскій. Очевидно, что понятіе *цѣли*, на которомъ онъ строитъ свою аргументацію, у него недостаточно выяснено. Мнѣ кажется, что когда онъ говоритъ о цѣляхъ, какъ отличительномъ признакѣ общественнаго процесса, онъ разумѣетъ не множество отдѣльныхъ, другъ другу противурѣчащихъ и не объединенныхъ единымъ стремленіемъ или единымъ смысломъ цѣлей, какія мы замѣчаемъ въ долгій періодъ до-культурнаго прогресса жизни, цѣлей, которыя своимъ взаимнодѣйствіемъ если и приводятъ къ опредѣленному ходу прогресса, то вовсе не потому, что достигаются, а чаще всего именно потому, что значительная часть изъ нихъ не достигается, и что всѣ онѣ, достигаются или нѣтъ, извѣстнымъ образомъ отражаются на организаціи существъ, ихъ преслѣдующихъ; мнѣ кажется, что г. Михайловскій имѣлъ въ виду цѣли другого рода, тотъ случай, когда всѣми вообще преслѣдуется, хотя бы и безконечно разнообразными путями, одна и таже цѣль, когда стремленіе это передается изъ поколѣнія въ поколѣніе и каждое новое поколѣніе продолжаетъ только дѣло предшествующаго,

а не начинаетъ сызнова, когда, поэтому, передача результатовъ работы одного поколѣнія другому выражается не только въ унаслѣдованіи нѣсколько измѣненной организаціи, но и въ традиціонномъ усвоеніи формъ работы, въ юридически-наслѣдственной передачѣ матеріальныхъ продуктовъ ея. Но такія проникнутыя общимъ смысломъ цѣли могли сказаться только съ возникновеніемъ искусственной общественной среды, хранительницы традицій, преданій, свѣдѣній и накопленныхъ богатствъ; цѣль, выражающаяся въ созиданіи культуры для приспособленія физической среды къ потребностямъ жизни, эта проникающая всякое общественное развитіе цѣль, сознательно или безсознательно преслѣдуемая всѣмъ человѣчествомъ и представляющая основную нить его исторіи—вотъ какая цѣль дѣйствительно отличаетъ всякій процессъ, подлежащій изслѣдованію соціолога и встрѣчаемый другими изслѣдователями жизни развѣ въ зачаточныхъ формахъ. Повидимому г. Михайловскій былъ очень близокъ къ только что развитой постановкѣ вопроса, когда излагалъ свое ученіе о цѣляхъ. Истолковавъ, такимъ образомъ, положеніе г. Михайловскаго, въ основѣ вполнѣ истинное, только нѣсколько неопредѣленно выраженное, мы можемъ обратиться къ выводу нашего автора. Задавъ себѣ вопросъ: что такое цѣль? онъ отвѣчаетъ, что это желательное, пріятное, должное. Исключивъ категорію должнаго, дѣйствительно характеризующую общественныя цѣли, мы можемъ, прежде всего, возразить автору, что данный имъ отвѣтъ одинаково относится какъ къ цѣлямъ, преслѣдуемымъ животными на всѣхъ ступеняхъ жизни, такъ и къ цѣлямъ человѣческимъ. Не желательность или пріятность отличаетъ нѣкоторыя человѣческія цѣли (цѣли общественныя), а общежелательность и общепріятность, если будетъ позволено такъ выразиться, т. е. желательность и пріятность достиженія не только для преслѣдующаго субъекта, но и для массы, непосредственно не принимающей въ ней участія. «Но это поправка въ мою пользу», быть можетъ, скажетъ г. Михайловскій. Конечно, но тѣмъ лучше для

меня. Мы видѣли выше, что изъ присутствія въ анализируемыхъ соціологомъ явленіяхъ элемента, для изслѣдователя желательнаго или нежелательнаго, пріятнаго или непріятнаго, полезнаго или вреднаго, разбираемый авторъ заключаетъ къ необходимости оцѣнки имъ изслѣдуемыхъ явленій, какъ принадлежащихъ къ той или другой изъ этихъ категорій, объявляетъ и недостаточною квалификацію даннаго вывода, какъ истиннаго или ложнаго, и требуетъ вдобавокъ квалификаціи, какъ желательнаго или нежелательнаго. Изъ этого, прежде всего, слѣдуетъ, что нравственно, желательно, обязательно, пріятно можетъ быть то что́ не истинно ложно и, наоборотъ, что истина можетъ быть нежелательна и безнравственна [1]). Но такъ-ли думаетъ г. Михайловскій. Что́ нравственно, то истинно; наоборотъ что́ истинно, то должно быть желательно.

Вообще говоря, становясь на ту точку зрѣнія, которую я выше указалъ, существованіе въ изслѣдуемомъ явленіи цѣлей не должно вводить какого-либо особаго элемента въ процессъ изслѣдованія, измѣняющаго существенно методъ. Желательно только истинное; нравственное есть не болѣе, какъ истинныя начала общественности, т. е. наиболѣе полно приспособляющія жизнь къ условіямъ соціальнаго существованія. Это приспособленіе къ условіямъ общественнаго существованія точно также зависитъ отъ ряда содѣйствующихъ и противудѣйствующихъ факторовъ и точно также само благопріятно и неблагопріятно другимъ рядамъ явленій, какъ и всякій другой процессъ природы, какъ напр., хотя бы приспособленіе къ условіямъ физической среды. А причинная связь, гдѣ бы мы ее ни встрѣчали, устанавли-

---

[1]) Спѣшу, однако, оговориться, чтобы не подать повода къ безплоднымъ возраженіямъ. Не все то дѣйствительно, что́ истинно, и одна дѣйствительтость можетъ противорѣчить другой: я вовсе не смѣшиваю категорій *дѣйствительнаго и истиннаго*. Говоря, *истина* я разумѣю *научную доктрину*, правильно установленную, а не существующую дѣйствительность.

вается на основаніи одного и того же критерія повторяемости въ неизмѣнной связи, и я не знаю, что̀ можетъ помѣшать добросовѣстному мыслителю замѣтить эту повторяемость, даже если она ему нежелательна. Меня, быть можетъ, захотятъ поймать на словѣ «добросовѣстный», но, право, добросовѣстность нужна нетолько въ обществознаніи; вспомнимъ Галилея, Бруно и др., вспомнимъ, сколько мужества нужно подчасъ и теперь, чтобы объявить себя матеріа́листомъ, напр., вспомнимъ, какъ часто искажалась наука съ кафедры съ своекорыстными цѣлями, наконецъ, не забудемъ и того, что нужно не мало добросовѣстности маститому старцу-ученому, чтобы объявить ложною свою доктрину, когда убѣдился въ этомъ, доктрину, составившую, быть можетъ, его славу. Добросовѣстность мысли нужна вездѣ, въ естествознаніи также, какъ и въ обществознаніи, какъ и въ общей философіи; труднѣе въ обществознаніи быть добросовѣстнымъ мыслителемъ потому, что больше соблазна, это правда, но это еще не причина для установленія новаго метода. Вѣдь во всякомъ случаѣ субъективный методъ его защитники рекомендуютъ для добросовѣстныхъ мыслителей

Такимъ образомъ, само по себѣ существованіе цѣлей (какъ я выше истолковалъ этотъ терминъ) не можетъ служить причиною неприложимости объективнаго метода къ построенію общественной науки, къ установленію законовъ общественнаго развитія, квалифицированныхъ лишь какъ истинные или ложные, безъ вліянія элемента желательности, и пр. Но тутъ мы встрѣчаемся съ новымъ аргументомъ г-на Михайловскаго; мы не можемъ, говоритъ онъ, общественныя явленія оцѣнивать иначе, какъ субъективно. «Сочувственный опытъ [1]), вмѣстѣ съ опытомъ личнымъ, комбинируясь извѣстнымъ образомъ, входитъ въ наше психическое содержаніе и, наряду съ категоріями истиннаго и ложнаго, устанавливаетъ категорію пріятнаго и непріятнаго, желательнаго и нежелательнаго, нравственнаго и

[1]) „Отеч. Зап.“ 1869 г. № 11, 24.

безнравственнаго, справедливаго и несправедливаго. Отрѣшиться отъ этой стороны эмпирическаго содержанія нашего *я* столь же трудно, какъ произвольно вычеркнуть изъ своей памяти какія-нибудь знанія. Поэтому комбинація ощущеній и впечатлѣній, составляющая предвзятое мнѣніе, съ которымъ человѣкъ приступаетъ къ какому бы то ни было изслѣдованію, въ области общественныхъ явленій осложняется новымъ элементомъ, элементомъ нравственнымъ». Но почему «осложняется»? Въ другихъ областяхъ вѣдѣнія это предвзятое мнѣніе можетъ состоять изъ суевѣрій и вообще эмпирически усвоенныхъ и непрокритикованныхъ мнѣній о связи, существующей между явленіями, но, благодаря обработанности и общепризнанности теорій этихъ областей, чаще оно заключается въ приверженности къ той или другой научно-развитой гипотезѣ. Обществознанія, какъ единой науки о законахъ общества, покуда не существуетъ, а потому и послѣдняго рода предвзятое мнѣніе у соціологовъ встрѣчается рѣже, а чаще непрокритикованное эмпирическое содержаніе и, конечно, именно традиціонная нравственность, т. е. представленіе о началахъ общественности. Нравственный элементъ *не осложняетъ* предвзятое мнѣніе, а просто *составляетъ* его, но предвзятое мнѣніе необходимо бываетъ при всякомъ изслѣдованіи, какъ прекрасно доказываетъ самъ г. Михайловскій; стало быть, и тутъ нѣтъ никакого *плюса* въ общественно-научномъ мышленіи. То обстоятельство, что обществознаніе распадается на нѣсколько самостоятельныхъ наукъ, сдѣлало то, что этика, существующая совершенно обособленно, то игнорируется мыслителями при построеніи ими общественно-научныхъ теорій и выходитъ тотъ quasi объективный методъ, противъ котораго справедливо ратуетъ субъективная школа; то, напротивъ, ея принципы получаютъ въ глазахъ соціолога значеніе верховнаго и единственнаго научнаго критерія; но теоремы науки, какъ-бы онѣ истинны и важны ни были, не могутъ служить *методологическимъ* критеріемъ, не извративъ самаго характера научной работы. Принципы этики, какъ теоремы относительно чрезвычайно

важной стороны общественнаго процесса, не могутъ быть игнорируемы соціологомъ, но онъ долженъ помнить, что все же это только одна изъ сторонъ процесса, а главное, что это теоремы *соціологическія*, а отнюдь не *логическія*, что поэтому онѣ должны вліять *на содержаніе заключеній*, а отнюдь не на пріёмы изслѣдованія, отнюдь *не на методъ*. Г. Михайловскій настаиваетъ, чтобы предвзятое мнѣніе было выяснено, прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію; конечно, это необходимо, но неужели сколько предвзятыхъ мнѣній, сколько и методовъ, или гдѣ есть предвзятое мнѣніе, тамъ есть и субъективный методъ? Но г. Михайловскій возразитъ, что только предвзятое мнѣніе, состоящее въ нравственномъ міросозерцаніи, предполагаетъ субъективный методъ; однако, за что̀ такая привиллегія? Развѣ *это* предвзятое мнѣніе не можетъ быть покинуто, подобно всякимъ другимъ предвзятымъ мнѣніямъ, когда они оказываются ложными? Или развѣ самый процессъ критики предвзятаго нравственнаго воззрѣнія происходитъ не на основаніи его истинности или ложности, а на основаніи его желательности? Я думаю, что нравственность, какъ продуктъ приспособленія жизни къ условіямъ общественнаго существованія, подлежитъ въ ея отношеніяхъ къ различнымъ элементамъ общественнаго цѣлаго объективной критикѣ; далѣе, я думаю, что основные процессы, отличающіе историческій прогрессъ отъ органическаго, и соотносительные имъ признаки общественной организаціи точно такъ же подлежатъ объективной оцѣнкѣ; наконецъ, я думаю, что, имѣя въ рукахъ эти два ряда научныхъ фактовъ и законовъ, соціологъ можетъ вывести изъ нихъ характеристику чисто-соціальнаго элемента въ общественномъ прогрессѣ и условія полнаго приспособленія жизни къ этому элементу, т. е. условія высшей нравственности, словомъ, можетъ построить этику объективно.

Если, такимъ образомъ, разборъ доводовъ г. Михайловскаго всё-таки приводитъ въ выводу, что наши представленія о началахъ общественности (наши нравственные идеалы) не требуютъ необходимо какого-либо особаго про-

цесса мышленія, какой-либо другой оцѣнки, кромѣ оцѣнки, какъ истинныхъ или ложныхъ, то, очевидно, введеніе нравственнаго элемента въ изслѣдованіе нисколько не измѣняетъ его существеннаго характера. Соціологическое изслѣдованіе можетъ и должно держаться общенаучнаго метода и притомъ тѣмъ строже и неотступнѣе, чѣмъ сложнѣе матеріалъ, надъ которымъ приходится работать пытливости соціолога. Если объективность заключается въ томъ, чтобы игнорировать значеніе общественныхъ событій для личностей и значеніе личностей для общественныхъ событій, чтобы отмахиваться отъ соціологическихъ выводовъ, вытекающихъ изъ этическихъ теоремъ, то это вовсе не объективность и безпристрастіе, а просто опасное для науки заблужденіе, непониманіе того, что различные элементы общественнаго цѣлаго находятся въ тѣсной зависимости между собою. Богъ съ ней съ такою объективностью; я готовъ выдать ее головою нашимъ субъективистамъ. Но если, съ другой стороны, субъективность заключается въ томъ, чтобы вмѣсто признанія желательнымъ и должнымъ истиннаго объявлять истиннымъ желательное, въ томъ, чтобы снимать съ изслѣдователя-соціолога узду всякихъ общеобязательныхъ логическихъ формъ мышленія, въ томъ, чтобы теоремы одной изъ областей науки, какъ бы эта область ни была важна сама по себѣ, возводить въ методологическій критерій всякаго общественно-научнаго мышленія, если *это* значитъ субъективный методъ, то да будетъ всякій соціологъ подальше отъ такого орудія, и чѣмъ талантливѣе мыслитель, тѣмъ опаснѣе для науки подобное направленіе.

Объективисты обыкновенно игнорируютъ чрезвычайно важную теорему соціологіи, именно о личностяхъ, какъ главныхъ факторахъ общественнаго процесса; субъективисты не только требуютъ признанія этой теоремы, но навязываютъ ее и всѣ ея непосредственныя послѣдствія наукѣ въ верховный критерій истинности всѣхъ ея положеній. Я старался показать, что тѣ и другіе ошибаются, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы теорема не имѣла ника-

кого значенія для соціальной методологіи. Развивая ее въ моемъ этюдѣ «Соціальное строеніе и соціальные дѣятели» («Знаніе» 1872 г., декабрь. См. выше гл. III) я, между прочимъ, пришелъ къ тому заключенію, что общественный процессъ, будучи взаимодѣйствіемъ дѣятельности личностей и общественной среды (при колеблющемъ вліяніи среды физической) осуществляется слѣдующимъ образомъ: «вся совокупность общественныхъ условій вырабатываетъ личность, единственный *активный элементъ* общества; извѣстная, частная совокупность общественныхъ условій въ данный моментъ производитъ въ личности, этомъ продуктѣ всего предшествующаго состоянія среды, рядъ настроенностей и потребностей; эти настроенности и потребности, переходя къ дѣйствію, производятъ тотъ или другой рядъ общественныхъ явленій; дѣйствія всѣхъ личностей даннаго общества порождаютъ всю совокупность общественныхъ явленій слѣдующаго момента. Чрезъ посредство личностей, такимъ образомъ, одно общественное состояніе въ его цѣломъ производитъ другое, а вовсе не одно общественное явленіе производитъ другое, независимо, изолированно отъ дѣйствія всѣхъ другихъ. *Всякое общественное явленіе производится всѣми предшествующими, произведшими дѣятельность личностей, и, чрезъ личностей же, взаимно оказываетъ свое вліяніе на произведеніе всѣхъ послѣдующихъ*». Такимъ образомъ, теорема о значеніи личностей въ обществѣ, разъясняя намъ самый процессъ общественнаго развитія, указываетъ этимъ самымъ, какого рода фактовъ мы не въ правѣ требовать отъ общественнонаучныхъ изысканій; мы не можемъ искать фактовъ послѣдовательности и сосуществованія отдѣльныхъ родовъ и видовъ соціальной среды, напр., явленій экономическихъ, ибо такихъ фактовъ вовсе не существуетъ и существовать не можетъ. Каждое экономическое явленіе есть продуктъ не того или другого экономическаго явленія, ему предшествующаго, и даже не всѣхъ экономическихъ явленій предшествующаго момента, но всей совокупности общественныхъ явленій этого момента, экономическихъ, такъ же

какъ политическихъ, этическихъ, интеллектуальныхъ. Конечно, каждое экономическое явленіе извѣстнымъ *опредѣленнымъ* образомъ отражается на каждомъ послѣдующемъ экономическомъ явленіи, но такъ какъ отражается на немъ не только оно, но вся сложная совокупность общественнаго состоянія предыдущаго и многихъ предыдущихъ моментовъ, то фактовъ этого вліянія мы искать не въ правѣ. Ясно поэтому, что индуктивное изслѣдованіе отдѣльныхъ элементовъ соціальной среды невозможно, что ни политическая экономія, ни философія умственнаго прогресса, ни правовѣдѣніе не могутъ быть построены иначе, какъ чисто дедуктивно [1]). Первостепенная важность этого вывода для методологіи несомнѣнна, а потому несомнѣнно и первостепенное значеніе теоремы о роли личностей въ общественномъ процессѣ, но значеніе это совершенно не то, на которомъ настаиваетъ субъективная школа. Повторяю, нельзя достаточно благодарить эту школу за провозглашеніе и постоянное, рѣзкое настаиваніе на непреложности и важности указанной теоремы, за гоненіе и разоблаченіе всякаго изслѣдованія, игнорирующаго ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не удивляться, какъ могла субъективная школа впасть въ рядъ выше разобранныхъ заблужденій, исходя изъ воззрѣнія, вполнѣ истиннаго. Укажу еще на одинъ замѣчательный примѣръ, какъ можно близко подойти къ истинѣ и не замѣтить ее, или, лучше сказать, обойти ее, все благодаря тому же субъективизму.

Во второй статьѣ о прогрессѣ г. Михайловскій приводитъ выдержку изъ курса философіи Ог. Конта, именно: «Надо тщательно стараться, чтобы научное убѣжденіе въ подчиненности соціальныхъ явленій неизмѣннымъ естественнымъ законамъ не выродилось въ систематическую наклонность къ фатализму или оптимизму, одинаково безнравственнымъ (dégradants, не лучше-ли растлѣвающимъ,

---

[1]) Эта мысль развита Миллемъ въ его VI кн. „Системы Логики“. Здѣсь же я хотѣлъ указать только на новый свѣтъ, проливаемый на этотъ вопросъ теоремою о значеніи личностей.

потому что, по общему смыслу мѣста, можно точно такъ же предполагать, что Контъ разумѣетъ паденіе, деградацію только умственную) и опаснымъ и потому тѣ только съ успѣхомъ могутъ заниматься соціологіей, чей нравственный уровень достаточно высокъ» [1]). «Но почему, восклицаетъ г. Михайловскій, съ точки зрѣнія позитивизма, фатализмъ и оптимизмъ безнравственны и опасны? Какъ связать чисто объективное отношеніе къ политическимъ фактамъ съ неодобрительными отзывами объ оптимизмѣ и фатализмѣ?» На послѣдній вопросъ Ог. Контъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы, что не одобрять оптимизмъ и фатализмъ онъ могъ такъ же и по той же единственной причинѣ, по какой не одобрилъ гипотезы свѣтового эѳира, т.-е. потому, что считалъ подобныя воззрѣнія логическими промахами, теоретическими заблужденіями. По той же причинѣ они и опасны; какъ бы объяснилъ Контъ ихъ безнравственность —я не знаю, но, я берусь доказать этотъ тезисъ съ чисто позитивной точки зрѣнія. Прежде приведу небольшое разсужденіе г-на Михайловскаго, слѣдующее за приведенными вопросами и которымъ, повидимому, г. Михайловскій думалъ побить позитивистовъ ихъ же оружіемъ. Задавъ себѣ вопросъ, почему достойны неодобренія съ позитивной точки зрѣнія воззрѣнія фаталистическія или оптимистическія, онъ продолжаетъ: «Это просто политическіе факты (конечно, но въ тоже время и научные), не подлежащіе осужденію съ точки зрѣнія позитивизма; они необходимо гармонируютъ съ фактами сосуществующими и находятся въ связи съ фактами послѣдующими и предыдущими. Если скажутъ, что выраженіями «безнравственны и опасны» именно и опредѣляется эта связь фатализма и оптимизма съ послѣдующими фактами, то это значитъ только, что программа объективнаго отношенія къ политическимъ фактамъ неисполнима; что въ области явленій общественной жизни наблюденіе неизбѣжно до такой степени связано

[1]) Cours de Phil. Pos. t. IV, p. 190. „Отеч. Зап.“ 1869 г. № 9, 10, какъ и послѣдующія цитаты.

съ нравственной оцѣнкой, что «не восхищаться политическими фактами и не осуждать ихъ», можно только не понимая ихъ значенія. Но нравственная оцѣнка есть результатъ субъективнаго процесса мысли, а между тѣмъ, позитивизмъ поставляетъ себѣ въ заслугу употребленіе въ соціологіи метода обективнаго. Далѣе, если объективный методъ вполнѣ соотвѣтствуетъ соціологическимъ изслѣдованіямъ, то зачѣмъ же при этомъ понадобился высокій нравственный уровень? Значитъ, одного убѣжденія въ законосообразности явленій мало. Прекрасно, но чѣмъ выразится участіе высокаго нравственнаго уровня въ соціологическомъ изслѣдованіи? Очевидно, съ высоты этого уровня человѣкъ можетъ разглядѣть нѣчто, не поддающееся объективному изслѣдованію, которое, однако, признается одно законнымъ въ позитивизмѣ. Такимъ образомъ, оказывается, что въ системѣ Конта чего-то недостаетъ и чего-то весьма важнаго». Г. Михайловскій думаетъ, что недостаетъ субъективнаго метода. Но посмотримъ, нельзя-ли объяснить требованіе высокаго нравственнаго уровня отъ соціолога, не прибѣгая къ толкованію нашего автора.

Что же, въ самомъ дѣлѣ, можно разглядѣть съ высоты нравственнаго уровня, чего-бы нельзя было увидѣть и безъ нея? Спросите у себя прежде, чего нельзя разглядѣть, не взбираясь на высоту философскаго мышленія? Я думаю философскаго единства нашихъ міровоззрѣній. Также и тутъ безъ нравственнаго развитія нельзя увидѣть нравственнаго элемента, какъ безъ усвоенія впечатлѣній, связанныхъ съ знаніемъ физики. нельзя понять физическихъ процессовъ, какъ безъ знанія математики нельзя прочесть и уразумѣть алгебраической строки. Нравственный элементъ какъ процессъ приспособленія жизни къ условіямъ общественнаго существованія, слишкомъ важенъ и нравственная доктрина поэтому слишкомъ обширная по своему значенію область соціологіи, чтобы человѣкъ, не способный разглядѣть перваго и чуждый второй, могъ съ успѣхомъ заниматься соціологіей. Но, могутъ возразить, собственно для построенія соціологіи необходима только такъ или иначе выработанная

нравственная доктрина, а не нравственное чувство, не наклонность личности дѣйствовать сообразно этой доктринѣ, т. е. не высокій нравственный уровень. На это можно отвѣтить: *во-первыхъ*, что важно не только обладаніе данной доктриной, но и введеніе ея въ изслѣдованіе; если ученый убѣжденъ въ истинности геліоцентрической теоріи, но благодаря своекорыстнымъ побужденіямъ, проповѣдуетъ геоцентризмъ, отъ такого молчаливаго признанія истиннаго воззрѣнія его астрономическіе труды не будутъ цѣннѣе для науки. Иначе: необходимо не только раздѣлять или усвоить нравственную доктрину, но и исповѣдывать ее, дѣйствовать сообразно съ нею; а *во-вторыхъ*, самая выработка нравственной доктрины въ значительной степени зависитъ отъ нравственнаго чувства мыслителя, который не замѣтитъ и въ другихъ того, чего не находитъ въ себѣ, или, если и замѣтитъ, то постарается подыскать иное объясненіе; не находя его, объявитъ явленіе исключеніемъ, чуть-ли не душевною болѣзнью, помѣшательствомъ. Такимъ образомъ, совершенно справедливо, что извѣстная высота нравственнаго уровня необходима для соціолога, какъ зрѣніе необходимо для микроскописта, какъ слухъ составляетъ неизбѣжное условіе для музыканта, а развитое эстетическое чувство—для каждаго художника, поэта и литературнаго критика.

Контъ сказалъ, что безъ достаточно высокаго нравственнаго уровня, соціологъ легко можетъ впасть въ фатализмъ или оптимизмъ; послѣ сказаннаго это не трудно доказать. Только что мы видѣли, что безъ этого *достаточно* высокаго нравственнаго уровня, изслѣдователь не можетъ разглядѣть нравственнаго элемента, т. е. основъ, на которыхъ держится общество, *отношенія личностей къ обществу*. А этого довольно, чтобы впасть въ одно изъ указанныхъ Контомъ заблужденій. Что такое фатализмъ, какъ научная или философская доктрина? Конечно, ученіе о томъ, что все въ обществѣ совершается по неизмѣннымъ законамъ *само собою*, что никакая сила не въ состояніи измѣнить этихъ законовъ, а слѣдовательно (заключаетъ

фаталистъ), и порядка событій, а потому намъ ничего не остается, какъ бездѣйствовать уже потому, что мы ничего не въ силахъ измѣнить своимъ дѣйствіемъ; тѣ, которые поступаютъ иначе, жалкіе слѣпцы, достойные своей участи, гибели, ожидающей ихъ за возмущеніе противъ неизмѣннаго хода вещей. Не очевидно ли это слѣдствіе забвенія или, лучше сказать, неспособности понять роли нравственнаго элемента въ общественномъ процессѣ, забвенія того, что основы каждаго общества составляютъ тѣ или другія отношенія личностей къ обществу, что слѣдовательно изъ взаимодѣйствія личностей слагается развитіе общества и что наконецъ поэтому не невозможно направлять это развитіе. Законы общественнаго развитія неизмѣнны, но что такое сами эти законы? Не просто ли это формулы взаимодѣйствія личностей, равнодѣйствующая личныхъ силъ? Если вы это будете помнить, т. е. если вы не будете чужды пониманія роли нравственнаго элемента въ обществѣ, вы никогда не впадете въ фатализмъ. Тоже и объ оптимизмѣ. Основная ошибка оптимистовъ—та-же Оптимистъ тоже убѣжденъ въ неизмѣнности общественныхъ законовъ, тоже упускаетъ изъ виду, что весь прошлый прогрессъ осуществился только какъ результатъ, равнодѣйствующая личныхъ усилій, онъ забываетъ или невидитъ всего этого, но за то видитъ, что общество прогрессируетъ. Затѣмъ онъ строитъ слѣдующее умозаключеніе: общество развивается по неизмѣннымъ законамъ, общество прогрессируетъ *ergo*, общество прогрессируетъ въ силу этихъ неизмѣнныхъ законовъ, прогрессъ—есть законъ общественной жизни и онъ будетъ совершаться независимо отъ нашихъ желаній и усилій. Такъ зачѣмъ же эти усилія, будемъ лучше сидѣть сложа руки и благоговѣйно преклоняться передъ величественной картиной шествія человѣчества по пути прогресса; пусть вокругъ насъ кипитъ борьба, тянется и колеблется тяжба между сторонниками прогресса и реакціи, пусть даже торжествуетъ реакція, намъ что за дѣло? Мы знаемъ, что прогрессъ—законъ природы. Да, вполнѣ правъ былъ Контъ, когда замѣтилъ, что необходимъ до-

статочно высокій нравственный уровень, чтобы, исходя изъ положенія о законосообразности общественныхъ явленій, не впасть въ фатализмъ или оптимизмъ, и для того, чтобы согласиться съ нимъ, вовсе не нужно прибѣгать къ необходимости субъективнаго метода въ соціологіи, потому что введеніе въ изслѣдованіе нравственнаго элемента и субъективный методъ т. е. объявленіе этого элемента методологическимъ критеріемъ далеко не одно и тоже. Право, высказывая то или другое возраженіе противъ субъективной школы, мнѣ иной разъ кажется, что я воюю съ мельницами, что наши мыслители никогда и въ мысляхъ не имѣли положеній, мною оспариваемыхъ; такъ часто самый характеръ ихъ работъ говоритъ, что это невозможно. Но въ такомъ случаѣ, какой смыслъ могутъ имѣть всѣ ихъ аргументы? вѣдь характеръ доводовъ долженъ быть въ соотвѣтствіи со смысломъ защищаемаго положенія?

Что касается того положенія, что, мысля общественныя явленія мы необходимо мыслимъ пользу, вредъ, благо, и прочія категоріи, окрашенныя для насъ въ цвѣтъ желательности или нежелательности — въ этомъ я такъ же мало сомнѣваюсь, какъ и въ томъ, чтобы эта неизбѣжность налагала на насъ обязанность строить общественную науку, исходя изъ положеній одного изъ отдѣловъ ея, изъ нравственныхъ теорій. Общество не только основано на личностяхъ, но по самому нашему положенію, какъ личностей, его составляющихъ, мы и наблюдать-то ничего не можемъ, кромѣ отношеній между личностями, личностей къ обществу и общественной средѣ, если, не считать, конечно самихъ явленій этой среды, которая въ нашихъ глазахъ получаетъ смыслъ все же только тогда, когда опредѣлимъ ея значеніе для личностей. Натурально, что вся наша терминологія имѣетъ такую же утилитарную окраску. Поэтому, борьба съ этою окраскою для всякаго мыслителя и невозможна и безполезна: всѣ слова, относящіяся къ обществу, запечатлѣны ею; всѣ отвлеченныя и почти всѣ общія конкрентныя названія въ соціологической термино-

логіи непремѣнно или прямо означаютъ, или соозначаютъ пользу, вредъ, благо или что-либо подобное и употребляя эти названія, вы необходимо называете и указанные признаки. Такимъ образомъ, если бы вы даже и не разумѣли ничего подобнаго, взша фраза противорѣчила бы вашей мысли и читатели прочли и поняли бы ее иначе: поэтому-то, сказалъ, я борьба безполезна, но она и невозможна, потому что вы ничего другаго и разумѣть не можете, если вы лишите слова всего ихъ содержанія, существенныхъ признаковъ, ими соозначаемыхъ. Но какже вы тогда будете мыслить? Мышленіе требуетъ различенія и сходства, но вы уничтожили въ вашихъ словахъ всё, чѣмъ ихъ соозначеніе различалось, именно—игнорируете свойства означаемыхъ явленій, насколько эти свойства отражаются на личностяхъ, точнѣе и проще, игнорируете всѣ ихъ свойства какъ общественныхъ явленій. Такимъ образомъ, пишучи и мысля при помощи нашихъ языковъ, нельзя избыть утилитарнаго элемента. Повидимому, есть одно весьма смѣлое средство, —именно отказаться отъ уже создавшейся терминологіи и перенести въ соціологію терминологію какой-либо другой смежной науки, но—увы!—это средство чисто фиктивное! Вамъ необходимо опредѣлить ваши термины, т. е. въ данномъ случаѣ, названіямъ, имѣющимъ опредѣленное значеніе и соозначеніе, придать новое значеніе и соозначеніе. Перемѣнить значеніе, не выяснивъ новаго соозначенія, невозможно, потому, во-первыхъ, что если существуетъ *два* рода явленій, то уже по этой причинѣ названіе, вѣрно соединяющее въ своемъ соозначеніи всѣ существенные признаки одного изъ нихъ, не будетъ соотвѣтствовать другому, а, во-вторыхъ, потому, что никто васъ не пойметъ. Если же заимствованному термину постараетесь вложить новое соозначеніе, то этимъ самымъ вы ему вложите и утилитарный смыслъ. Читатель изъ этого разсужденія видитъ, что я не менѣе уважаемыхъ мыслителей, мною разбираемыхъ, убѣжденъ въ неизбѣжности утилитарной окраски всѣхъ выводовъ соціологіи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ихъ истинность была оцѣниваема, или лучше ска-

зать, не моглабы иначе оцѣниваться, какъ на основаніи ихъ полезности, желательности. Выше я объ этомъ говорилъ достаточно и потому теперь ничего не прибавлю.

Прорезюмируемъ теперъ сжато все изложенное. Субъективная школа объявляетъ, прежде всего, что объективный методъ, общеупотребительный во всѣхъ наукахъ, не можетъ быть съ успѣхомъ приложенъ къ изслѣдованію соціологическому. Этотъ общенаучный методъ состоитъ въ оцѣнкѣ подлежащаго изслѣдованію предмета на основаніи категорій истиннаго и ложнаго, а единственнымъ критеріемъ этой истинности служитъ повторяемость явленій въ неизмѣнной связи. Но почему же онъ непримѣнимъ къ соціологическимъ работамъ? *Во-первыхъ*, потому, что событія въ исторіи не повторяются, а гдѣ нѣтъ повторяемости явленій, тамъ не можетъ быть и объективнаго метода. Въ этой аргументаціи очевидное недоразумѣніе, ибо историческія явленія не повторяются только въ томъ самомъ смыслѣ, какъ и всѣ другіе процессы природы, именно, какъ *данные конкретные факты*, «въ данной совокупности», но какъ явленія *даннаго рода* повторяются. *Во-вторыхъ*, потому, что нельзя приписывать нашимъ нравственнымъ воззрѣніемъ и оцѣнкѣ важности на основаніи ихъ значенія абсолютнаго, безотносительнаго къ *нашему* пониманію. Это возраженіе противъ объективнаго метода основано на двусмысленности термина «наше пониманіе», «для человѣка» и пр. *Въ-третьихъ*, наблюдая общественныя явленія, мы, между прочимъ, наблюдаемъ *цѣли*, существованіе цѣлей отличаетъ процессъ, подлежащій изслѣдованію соціолога, а это дѣлаетъ оцѣнку этихъ изслѣдованій на основаніи однихъ категорій истиннаго и ложнаго недостаточною. Тутъ двѣ ошибки: невѣрна основная посылка въ томъ видѣ, въ какомъ выставляется, потому что «цѣли въ природѣ сказались» совершенно независимо отъ возникновенія общественнаго процесса; съ другой стороны, исправленная, или нѣтъ, эта посылка не ведетъ къ выводу о недостаточности категорій истиннаго и ложнаго при построеніи соціологіи уже потому, что желательно только

возможное, не истинное же и невозможно. *Въ-четвертыхъ*, никакое изслѣдованіе невозможно безъ предвзятаго мнѣнія; такое предвзятое мнѣніе въ соціологіи есть нравственное міросозерцаніе. Совершенно справедливо, точно также, какъ въ физикѣ предвзятымъ мнѣніемъ будетъ послѣдняя физическая теорія, такъ что самъ по себѣ этотъ аргументъ ничего не доказываетъ; онъ бы имѣлъ цѣну лишь тогда, когда бы вышеприведенные доводы были вѣрны. Такимъ образомъ, разобравъ шагъ за шагомъ всю аргументацію субъективной школы, которою она старается доказать непримѣнимость къ соціологіи объективнаго метода, мы можемъ, наконецъ, сказать, что отрицательная сторона ея доктрины не выдерживаетъ критики. Что касается положительной стороны, то въ основаніи ея лежитъ глубоко истинная идея о значеніи нравственной доктрины въ соціологіи, но нравственная доктрина есть ученіе объ отношеніи личности къ обществу, о приспособленіи жизни къ условіямъ общественнаго существованія, такъ что ея значеніе въ соціологіи понятно и безъ какихъ-либо субъективныхъ подставокъ. Ошибка субъективистовъ заключалась въ томъ, что они теоремы соціологіи приняли за теоремы логики и доктрину, долженствующую вліять на *содержаніе* науки, объявили *методологическимъ* критеріемъ. Собственно говоря, такая постановка вопроса есть сама по себѣ уже отрицаніе соціологіи, какъ особой науки, и отождествленіе ее съ политикой. Вредъ такого смѣшенія абстрактнаго отдѣла обществознанія съ прикладнымъ—очевиденъ, особенно если присоединить къ этому столь общераспространенное смѣшеніе конкретной и абстрактной соціологіи.

У насъ въ литературѣ такъ принято злоупотреблять полемикой и дѣлать изъ нея орудія самолюбій, что я чувствую, кончая эту статью, необходимость просить разбираемыхъ мною авторовъ вѣрить, что статья эта внушена не желаніемъ блеснуть полемическою ловкостью, но единственно глубокимъ убѣжденіемъ въ ошибочности ихъ воззрѣній и увѣренностью, что это заблужденіе, исходя изъ положеній, вполнѣ истинныхъ, и обращаясь къ лучшимъ

инстинктамъ человѣческой природы, легко можетъ популяризоваться и принести вредъ весьма многимъ начинающимъ думать о соціальныхъ явленіяхъ. На себѣ самомъ я испыталъ всю тяжесть этой предварительной методологической работы; субъэктивизмъ связываетъ свое дѣло съ такими принципами, которые не могутъ не быть дороги каждому порядочному человѣку, а извѣстность его защитниковъ только скрѣпляетъ эту связь; распутать эту связь не легко для неопытнаго мыслителя и это-то внушило мнѣ мысль опубликовать мое возраженіе. Все, что я желаю, это— чтобы и мои оппоненты не иначе истолковали эту статью.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

(Index).

---

1. Указатель содержанія.

А.

стр.

Аггрегатность. . . . . 7—8, 33, 36

Активность, активная жизнь, активное приспособленіе . 14—15, 27—28, 34—36, 181, 195—200, 209, 215, 218—224

Аристократія. . . . . 75—76, 79, 80

Атмосферное давленіе . . . . . 221—222, 224

Б.

Бактеріологія. 214

Богатство 28, 29, 75, 76, 79, 80, 86, 108, 114, 175, 201

Болѣзненность . . . . . 19, 37, 126, 201, 213—214

Борьба за спариванье . . . . . 20, 38—39, 70, 75, 80, 87, 131

Борьба за существованіе . 20, 38, 62—64, 78, 98, 103—108, 110 140—201

Бракъ . . . . . 64—82, 90, 131, 132, 207, 212

В.

Варварское состояніе. . . . . 125, 231—232

Вертикальное развитіе страны . . . . . 228—230

Влажность климата . . . . . 219—220, 224

Власть 29, 74, 76, 90, 108, 115, 116, 117, 122, 125

СТР.

Г.

Горизонтальное развитіе страны . . . . . 227—228

Д.

Дикое состояніе. . . . . 103, 105—110, 112—122, 231—232
Дисинтеграція . . . . . 7—9, 33
Дифференцованіе . . . . . 13—15, 17, 21, 42, 46—64, 91—94
Дифференцованіе половъ . . . . . 42, 46—64, 91—93
Дѣтоубійство 68, 81, 101

Ж.

Жизнь (опредѣленіе, особенности). . . . . 9—15, 33—36

З.

Задачи соціологіи . . . . . 1—6, 8, 9
Законодательство 28, 29, 76
Зачатки (по Дарвину) . . . . . 10, 46—47
Знаніе 23, 28, 29, 108, 122

И.

Измѣнчивость . . . 18, 19, 30, 41—46, 53—56, 104, 201, 210—212
Индивидуальность . . . . . 12—15, 35
Инстинктъ. . . . . 208—209
Интеграція. . . . . 7—9, 17, 33

К.

Капиталъ 28, 114, 115, 122, 124
Касты 76, 80, 81, 90
Климатъ. . . . . 31, 99, 218—226
Колдовство. . . . . 117—119, 122
Коммунальный бракъ. . . . . 66, 68—69, 81, 90, 115
Конкубинатъ . . . . . 66, 82—89
Культура . . . . . 22, 25, 36, 110, 120, 121, 205, 218, 226—236
Кухонное искусство. . . . . 161, 175—178

Л.

Любовь (половая) . . . . . 86—88, 196—199

М.

Мертворожденные 188
Микробы (болѣзнетворные) 214
Моногамія . . . . . 77—80, 82, 88, 90—91

СТР

Н.

Наслѣдственность . 18, 19, 30, 41—44, 56—60, 87, 93—94, 102—104, 108—140, 201—210
Неравночисленность половъ 20, 39, 65, 68, 77, 81, 84—86, 90, 189
Неповторяемость историческихъ явленій. . . . . 237—242
Незаконнорожденные 67, 83, 84
Нравственность . . . . 103, 106, 110, 121, 140—155, 200, 248—250

О.

Обмѣнъ вещества и энергіи. . . . . 10, 12, 22—23, 34, 182, 219
Общество (опредѣленіе, особенности) . . . . 12—15, 22, 32, 35—36
Общинный бытъ 125
Общій видъ природы 31, 247
Организація труда . . . . . 159—160, 165, 170—171, 179, 201
Относительность знанія . . . . . 242—247
Отправленія общества. . . . . 6—18, 32—36

П.

Пассивная жизнь, пассивное приспособленіе 14, 17, 35, 36
Плодовитость . . . . . 116, 161, 180—182, 187—189, 195—200
Плодущіе роды 188
Подборъ естественный . 19, 20, 21, 38, 62—64, 78, 96—201, 203, 216
Подборъ искусственный 129, 132
Подборъ историческій . . . . . 97—110, 116, 122, 205—207
Подборъ половой. . . . . 20, 21, 23, 37—96, 99, 202, 216
Подражательность 103, 104, 118, 149
Полигамія . . . . . 20, 39, 65, 68—76, 81, 86, 90, 115, 213
Поліандрія 66, 68, 69, 70, 77, 81, 90, 115
Полярность живой матеріи . . . . . 10—11, 47
Почва 31, 218, 230
Преданіе 104, 109, 150, 205, 206, 209
Предвзятое мнѣніе . . . . . 256—261
Прелюбодѣяніе. 66, 82
Производительность труда . . . . . 167—175, 179, 200
Производство пищи . . . . . 106—108, 112, 113, 123, 155—179, 200
Проституція. . . . . 66, 89—90, 127, 131

Р.

Рабство . . . . . 125, 159—160
Раздѣленіе труда. 113, 115, 122, 124
Размноженіе . . . . . 18, 19, 37, 101, 106—108, 180—201, 215
Распредѣленіе богатства . . . . . 159—160, 174, 175, 201

стр.

Реверсія 42, 57, 94, 212
Родовой бытъ . . . . . 117, 123—124, 125
Рождаемость . . . . . 188, 192—194

С.

Скрещиваніе . . 18, 19, 57, 45, 57, 70, 79, 201, 207, 208, 212—213
Смертность . . . . . 163—165, 182—183, 189—194
Сословность. 76, 79, 80, 81, 90, 125
Справедливость . . . . . 152—154
Среда физическая . 21—23, 30—32, 35, 36, 38, 99, 100, 201, 216—232
Строеніе общества . . . . . 6—18, 32—36
Субъективный методъ . . . . . 233—270

Т.

Телеологія . . . . . 3—4, 251—256
Температура климата. . . . . 222—224
Трудъ . . . . . 28, 159—160, 167—175, 183, 195

У.

Умычка . . . . . 66, 68, 69, 70, 71—74, 81, 90, 115

Ф.

Физіологическія единицы. 10, 47

Ц.

Цивилизація и цивилизованное состояніе. 126—140, 231—232
Цѣлесообразность . . . . . 3—4, 35, 251—252

Э.

Экзогамія. 69, 70, 207, 212
Электричество (атмосферное) 222
Эмиграція. 127, 131
Эндогамія. 69, 70, 79, 207, 213
Энтропія 163
Эпидеміологія 214

2. Указатель именъ собственныхъ личныхъ.

Бентамъ I., 142, 234
Бибиковъ В., 174, 183.
Бокль, 31, 218, 219, 222, 223, 229, 230, 231.

Гальтонъ, 126, 127.
Гаспарешъ, 174.
Гельмгольцъ, 163.
Григоровичъ В. И., 73.
Гэккель, 11.

Дарвинъ, 6, 8, 11, 39, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 54, 57, 58, 61, 62, 78, 93, 94, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 126, 133, 145, 146, 156, 216, 252.
Джорджъ Генр., 167.

Жуковскій Ю. Г., 162, 163, 164, 165, 166.

Клаузіусъ, 163, 165.
Клеммъ, 176, 178.
Кольбъ, 174.
Кондорсе, 234.
Контъ Ог, 1, 3, 4, 6, 235, 236, 261, 262
Кулишеръ М. И., 121.
Кювье, 3.

Ламаркъ, 156.
Леббокъ Дж., 68, 69, 72, 73, 121.
Лекки, 146.
Либихъ, 223, 234.
Люка Пр., 43, 44, 94, 129, 130.

Мак-Леннанъ, 68, 69
Мальтусъ, 155—201.
Марксъ К., 124.
Милль Дж. Ст., 124, 142, 153, 167, 183, 187, 233, 261.
Михайловскій Н К., 15, 139, 237, 250—270.
Монтескье, 234.

Несторъ (лѣтописецъ), 71, 74.
Ньютонъ, 176.

Пети В, 185, 234.
Прудонъ. 167, 170, 172, 187, 198, 200.

Риттеръ К., 219, 226, 227, 228.
Рошеръ, 176, 178.
Румфордъ, 176.
Руссо, 234.

Сен.-Симонъ, 3, 234.
Смитъ Адамъ, 234.
Спенсеръ Гербертъ, 6, 7, 8, 10, 11, 14, 16, 45, 47, 100, 116, 126, 133, 139, 146, 149, 157, 167, 180, 181, 183, 187, 198, 199, 200, 216, 219, 220, 221, 242.
Спиноза, 176.

Тайлоръ Эд., 68, 113.

Уоллесъ Алфр, 62, 100, 102, 116.

Фарръ, 127, 132.
Флурансъ, 178.
Фроудъ, 272.

Фурье Ш., 3, 4, 142, 162, 165, 167, 170, 187, 198, 200, 234.

Чедуикъ, 183, 189.

Щаповъ А., 167, 176, 178.

Эйлеръ, 185
Эстерленъ, 178.

Янсонъ Э. Ю., 67, 83, 188.
Ярковскій И., 165.

3. Указатель именъ собственныхъ географическихъ.

Австралія, 72, 121.
Австрія, 67, 83, 116, 188.
Америка, 184, 185, 186.
Англія, 67, 83, 174, 179, 189, 190, 225.
Арабы, 225.
Аравія, 220.
Арійцы, 71, 220, 222.
Ассирія, 228, 239.
Африка центральная, 221.
Ацтеки, 270.

Бали (о—въ), 73.
Бельгія, 67, 83, 190.
Борнео (о—въ), 116.
Бразилія, 221.
Вавилонъ, 228, 239.
Венгрія, 67, 83, 188.
Венеція, 240.
Вятичи, 71, 73.

Гангъ р., 228.
Ганза, 240.
Генуя, 240.
Германія, 67, 83, 188.
Гоанго р., 228, 229.
Голландія, 67, 83, 188.
Готентоты, 93, 94, 116.
Греція, 67, 83, 220, 222.

Дагомея, 75.
Дайяки, 116.
Данія, 67, 83, 188.
Древляне, 71, 73.

Европа, 67, 83, 91, 185.
Евфратъ р., 228, 229.
Египетъ, 220, 222, 227.

Индія, 227.
Инки, 240.
Иранъ, 200, 222, 227, 239.
Ирландія, 83.
Испанія, 67, 127, 188.
Италія, 67, 83, 188.

Іорданъ р., 228.

Канада, 116.
Каффры, 116.
Китай, 220, 222, 227, 229.

Малайскій архипелагъ, 100, 116.
Месопотамія, 220, 227, 229.
Мехика, 220, 222, 229.
Монголы, 220, 222, 225.

Негры, 71, 121.
Нилъ р., 228.
Норвегія, 67, 83, 188.

Оксъ р., 228.

Палестина, 220.
Перу, 220, 229.
Польша, 85.

Поляне, 71.
Португалія, 67.

Радимичи, 71.
Римъ, 238, 239, 240.
Россія 67, 83, 84, 85, 91, 188, 189, 190, 193, 194.
Румынія, 83.

Семиты, 220, 222.
Сербія, 83.
Сибирь, 85.
Сидней, 72.
Сирія 220.
Славяне, 71, 74, 83.
Сѣверяне, 71, 73.

Тигръ, р., 228, 229.
Тунгузы, 176.
Туранцы, 222.

Финикія, 220.
Финляндія, 85.
Франція 67, 83, 116, 174, 188, 189, 190, 194.

Швейцарія, 67, 83.
Швеція, 67, 83, 188, 190.
Шотландія, 83.

Яксартъ р., 228.
Якуты, 176.
Янце-Кіангъ р., 228, 229.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
8	1 сн.	общественнаго истинны и относительно аггрегата,	истинны и относительно общественнаго аггрегата,
74	15 сн.	сласть	власть
108	19 св.	Это развитіе	Что развитіе
114	4 „	отсутствіе пищи отсутствіе	отсутствіе пищи и отсутствіе
127	12 св.	[6])	[1])
136	17 „	и отвѣтить: указавъ	и отвѣтитъ указаніемъ
173	1 сн.	$P' = \frac{(A+N)^2}{(+N)^2 - N^2}$	$P' = \frac{(A+N)^2}{(A+N)^2 - N^2}$